

ISSN 2413-2004

ВАЗОРАТИ МАОРИФ ВА ИЛМИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН
Донишгоҳи давлатии ҳуқуқ, бизнес ва сиёсати Тоҷикистон

МАҶАЛЛАИ ИЛМӢ-НАЗАРИЯВИИ
«АХБОРИ ДДҲБСТ»

Силсилаи илмҳои гуманитарӣ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
Таджикский государственный университет права, бизнеса и политики

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ВЕСТНИК ТГУПБП»

Серия гуманитарных наук

EDUCATION AND SCIENCE MINISTRY OF TAJIKISTAN REPUBLIC
Tajik State University of Law, Business and Politics

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL
“BULLETIN OF TSULBP”

Series of Humanitarian Sciences

№1 (70), 2017

Хучанд – Khujand

Маҷаллаи «Ахбори ДДХБСТ» аз соли 2000 на кам аз 4 маротиба бо забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ нашр мешавад.

*Маҷалла дар Вазорати фарҳанги Ҷумҳурии Тоҷикистон ба қайд гирифта шудааст
(Шаҳодатномаи № 0233/МЧ аз 18.08.2015).*

Маҷалла аз июни соли 2011 ба Рӯйхати маҷаллаҳо ва нашрияҳои илмӣ пешбар, ки ҷони муҳимтарин дастовардҳои илмӣ рисолаҳо барои дарёфти унвонҳои номзад ва докторони илм дар онҳо ҳатмӣ мебошад, дохил шудааст. Аз моҳи июни соли 2016 маҷалла дар Рӯйхати нашрияҳои КОА-и ВМ ва И ФР бознавис шудааст.

Маҷалла ба Индекси иқтибоси илмӣ Русия (РИНЦ) ворид аст.

ҲАЙЪАТИ ТАҲРИР

Сармуҳаррир: Ҷўразода Ҷ.Ҷ., доктори илмҳои таърих, профессор

Ҷонишини сармуҳаррир: Ғиёсов Н.И., номзади илмҳои филология, дотсент

Азимова М.Н., доктори илмҳои филология, профессор; Зоҳидов О.Х. доктори илмҳои фалсафа, профессор; Исомитдинов Ж.Б., номзади илмҳои таърих, дотсент; Раҳимов И. доктори илмҳои филология, профессор; Раҳимов Н.Т., доктори илмҳои таърих, профессор; Самадова Р.О., доктори илмҳои филология, профессор; Сулаймонов О.Ш, номзади илмҳои филология, котиби масъул; Султонов Ш.М., доктори илмҳои таърих, профессор; Турсунов Н.О., доктори илмҳои таърих, профессор; Усмонов Р.А., доктори илмҳои филология, профессор; Ҳасанов А.А., доктори илмҳои филология, профессор; Шокиров Т.С., доктори илмҳои филология, профессор.

ШҶҶРОИ ТАҲРИР

Раиси шӯрои таҳрир: Сайфуллоев А.С., доктори илмҳои филология, профессори ДДХБСТ (Хуҷанд); Ҷонишини раис: Мирбобоев А.К., доктори илмҳои таърих, профессори ДДХ ба номи акад. Б. Ғафуров (Хуҷанд); Ҷонишини раис оид ба робитаҳои байналмилалӣ: Ҷўраев А.Х., номзади илмҳои фалсафа, дотсенти ДДХБСТ (Хуҷанд); Зоҳидов Н.Ш., доктори илмҳои филология, профессор (Душанбе); Иброҳим Худоёр, доктори илмҳои филология (Ҷумҳурии Ислонии Эрон), Олимов К.О., академики АУ ҶТ, доктори илмҳои фалсафа, профессор (Душанбе); Орехов А.М., доктори илмҳои фалсафа, дотсент (Москва); Пирумишов Х.П., доктори илмҳои таърих, профессор (Душанбе); Салимов Н.Ю., академики АУ ҶТ, доктори илмҳои филология, профессор (Душанбе).

Журнал «Вестник ТГУПБП» основан в 2000 году, выходит не менее четырёх раз в год на таджикском, русском и английском языках

*Журнал зарегистрирован в Министерстве культуры Республики Таджикистан
(Свидетельство №0233/МЧ от 18.08.2015)*

С июня 2011 г. журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. С июня 2016 года журнал перерегистрирован в Перечне изданий ВАК МОН РФ.

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

*Главный редактор: Джуразода Д.Х., доктор исторических наук, профессор
Зам. главного редактора: Гиясов Н.И., кандидат филологических наук, доцент
Азимова М.Н., доктор филологических наук, профессор; Захидов О.Х., доктор философских наук, профессор; Исамитдинов Ж.Б., кандидат исторических наук, доцент; Рахимов И., доктор филологических наук, профессор; Рахимов Н.Т., доктор исторических наук, профессор; Самадова Р.О., доктор филологических наук, профессор; Сулейманов О.Ш., кандидат филологических наук, ответственный секретарь; Султанов Ш.М., доктор исторических наук, профессор; Турсунов Н.О., доктор исторических наук, профессор; Усманов Р.А., доктор филологических наук, профессор; Хасанов А.А., доктор филологических наук, профессор; Шокиров Т.С., доктор филологических наук, профессор.*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: Сайфуллаев А.С., доктор филологических наук, профессор ТГУПБП (Худжанд); зам. председателя: Мирбобоев А.К., доктор исторических наук, профессор ХГУ им. акад. Б.Гафурова (Худжанд); зам. председателя по международным связям: Джураев А.Х., кандидат философских наук, доцент ТГУПБП (Худжанд); Захидов Н.Ш., доктор филологических наук, профессор (Душанбе); Ибрагим Худоёр, доктор филологических наук (Исламская Республика Иран); Олимов К.О., академик АН РТ, доктор философских наук, профессор (Душанбе); Орехов А.М., доктор философских наук, доцент (Москва); Пирумишоев Х.П., доктор исторических наук, профессор (Душанбе); Салимов Н.Ю., академик АН РТ, доктор филологических наук, профессор (Душанбе);

© ТГУПБП, 2017

The journal "Bulletin of TSULBP" based in 2000 is issued no less than 4 times a year in Tajik, Russian and English

*The journal is registered in the Ministry of Culture of Tajikistan Republic
(Licence №0233/ MJ from 18.08.2015)*

Since June 2011 the journal is included into the Inventory of leading scientific journals and editions under review; major scientific results presented in dissertations aspiring for Doctor`s or Candidate`s degree being bound to be published in the present periodical. In June 2016 the journal has been reregistered in the Inventory of the editions under the auspices of RF Ministry of Education and Science Higher Attestation Commission (RFMES HAC)

The journal is included into the Russian index of scientific citing (RISC)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief: Jurazoda J.Kh., Dr. of History, Professor

Vice-editor-in-chief: Ghiyasov N.I., Candidate of Philology, Associate Professor

Azimova M.N., Dr. of Philology, Professor; Zahidov O.H., Dr. of Philosophy, Professor; Isomitdinov J.B., Candidate of History; Rakhimov I., Dr. of Philology, Professor; Rahimov N.T., Dr. of History, Professor; Samadova R.A., Dr. of Philology, Professor; Suleimanov O.Sh., Candidate of Philology, Responsible Secretary; Sultonov Sh.M., Dr. of History, Professor; Tursunov N.O., Dr. of History, Professor; Usmonov R.A., Dr. of Philology, Professor; Hasanov A.A., Dr. of Philology, Professor; Shokirov T.S., Dr. of Philology, Professor.

EDITORIAL COUNCIL

Chairman: Sayfulloyev A.S., Dr. of Philology, Professor of TSULBP (Khujand); Vice-chairman: Mirboboyev A.K., Dr. of History, Professor of KSU named after acad. B. Gafurov (Khujand); Vice-chairman in reference to the international relations: Jurayev A.Kh., candidate of philosophical sciences, Associate Professor of TSULBP (Khujand);

Zahidov N.Sh., Dr. of Philology, Professor (Dushanbe); Ibrohim Khudoyor, Doctor of Philology (Islamic Iran Republic); Olimov K.O., academician of RT, Dr. of Philosophy, Professor (Dushanbe); Orekhov A.M., Dr. of Philosophy, Associate Professor (Moscow); Pirumshoyev Kh. P., Dr. of History, Professor (Dushanbe); Salimov N.U., academician of RT, Dr. of Philology, Professor (Dushanbe).

© TSULBP, 2017

07 00 00 ИЛМҲОИ ТАЪРИХ ва АРХЕОЛОГИЯ
07 00 00 ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ и АРХЕОЛОГИЯ
07 00 00 HISTORICAL SCIENCES and ARCHEOLOGY

07 00 02 ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ
07 00 02 HOME HISTORY

УДК 93/94
ББК63.3 (2)535

**О ПРИРОДЕ
СОЦИАЛИЗМА В
РОССИИ** *Разаков Руслан Чупан-Магомедович,
к.и. н., доцент Филиала Дагестанского государственного
университета в г. Хасавюрте (Российская Федерация)*

**РОҶЕЪ БА
ТАБИАТИ
СОТСИАЛИЗМ ДАР
РУСИЯ** *Раззаков Руслан Чупан-Магомедович,
н.и.т., дотсенти баҳши Догистонии Доғистгоҳи давлатӣ
дар шаҳри Хасавюрти (Федератсияи Русия)*

**SOME ISSUES
CONCERNED WITH
SOCIALISM NATURE
IN RUSSIA** *Razakov Ruslan Chupan-Magomedovich,
candidate of historical sciences, Associate Professor of the
branch of the Dagestan State University in Khasavyurt, Russian
Federation, Khasavyurt, Dagestan Autonomous Republic
E-MAIL: ruslan1968_68@mail.ru*

Ключевые слова: социализм, основоположники социализма-коммунизма, принципы коммунизма, Россия, революции 1917 года, II съезд Советов

Рассматриваются вопросы, связанные с теоретическим осмыслением социализма в принципе, и в России в частности. Приведены основные идеи основоположников социализма-коммунизма и их оппонентов. На основе теоретических размышлений и уже известных исторических фактов поднимается вопрос о практической состоятельности социализма и целесообразности построения социалистического государства в России. Отмечается, что по сравнению с Лениным Сталин оказался последовательным марксистом, который старался неукоснительно следовать установлениям основоположников марксизма. Отмечается, что уже в основу построения социалистического государства («идеальное общество» Т. Мора) были заложены несправедливые по своей сути принципы. В частности: экспроприация земли, принадлежащей собственникам и фабрикантам, конфискация имущества всех эмигрантов и бунтовщиков.

Калидвожаҳо: *сотсиализм, бунёдгузори сотсиализм-коммунизм, принципҳои коммунизм, Русия, инқилоби соли 1917, анҷумани 11-уми шӯроҳо*

Дар мақола масоили марбут ба идроки назарии сотсиализм умуман ва дар Русия хусусан мавриди баррасӣ қарор гирифтааст. Таҳлилу нақди гояҳои асосии ҳам асосгузори сотсиализм-коммунизм ва ҳам мухолифони онҳо ба субут расидааст. Дар асоси мулоҳизаҳои назарӣ ва далелҳои маълуми таърихӣ масъала дар бораи коршоями амалии сотсиализм ва ба мақсад мувофиқии сохтмони давлати сотсиалистӣ дар Русия ба миён гузошта шудааст. Қайд гардидааст, ки асоси сохтмони давлати сотсиалистиро («чамъияти идеалӣ»-и Томас Мор) принципҳои моҳиятан ноодилона таъкил мекарданд. Мусодираи мулки заминдорон, соҳибони фабрика, амволи ҳамаи муҳочирон ва ошӯбгарон ва ғайра аз он ҷумлаанд.

Key words: *socialism, founders of socialism-communism, principles of communism, Russia, the revolutions of 1917, the second Congress of Soviets*

The article touches upon the issues associated with the theoretical comprehension of socialism in general and in Russia, in particular. The author of the article adduces the main ideas belonging to the founders of socialism-communism and their opponents as well. Proceeding from the assumption of the analysis dealing with theoretical reflections and already well-known historic facts the author dwells on the issue concerned with practical solvency of socialism and feasibility of the building of a socialist state in Russia. The author underscores that Lenin in comparison with Slain appeared to have been a more consecutive Marxist who strictly attempted to follow strictly the directives of the founders of Marxism. It is asserted that already unjust principles were laid into the foundation of a socialist state («ideal society» by Thomas More). In particular: expropriation of the land belonging to proprietors and manufacturers, confiscation of property of all emigrants and rebels.

В последние годы сложившиеся в современной России проблемы (низкий уровень жизни, коррупция, стабильный уровень преступности, наркомания), наряду с мировым экономическим кризисом, стали поводом для определенной части политической элиты сделать вывод о том, что капиталистическая модель развития общества не имеет перспектив, и в качестве альтернативы предложить вернуться к социализму, приводя в пример успехи развития социализма в Китае. Хотя совершенно очевидно, что между сегодняшним социализмом в Китае и тем социализмом, который представлял себе К. Маркс, лежит глубокая пропасть противоречий. Иными словами, это уже не социализм. Глубоко не вдаваясь в суть экономических реформ, проводимых в КНР, следует сказать, что в основе развития экономики Китая лежат не только социалистические принципы, но и капиталистические (частная собственность и рыночная экономика).

Между тем «Китайский путь» в большей степени повторяет новую экономическую политику (НЭП) Советской России (со своей спецификой), которая, как нам представляется, могла бы иметь в свое время хорошие перспективы, но, к сожалению, ввиду того, что она противоречила принципам коммунизма, советское руководство свернуло ее реализацию.

Поэтому при анализе советского прошлого возникает необходимость заново понять и переосмыслить исторический путь советской модели социализма и сопоставить её с идеями марксизма.

Благодаря К. Марксу «утопический социализм» (учение об идеальном обществе, основанном на общности имущества, обязательном труде, справедливом распределении), воспетый его предшественником [9] как мечта о прекрасном будущем, приобрел более осмысленный и прагматичный характер.

По словам Маркса, некогда был золотой век. Потом стало скверно, но терпимо. Наконец пришел капитализм, а с ним и все мыслимое зло. Так что капитализм, оказывается, проклят навеки. Единственное, что можно поставить ему в заслугу, так это то, что из-за его отвратительности мир созревает для социалистического спасения [6, с. 64]. Иными словами, основоположнику марксизма казалось, что развитие общественных отношений неизбежно ведет к социализму-коммунизму, т.е. к раю на земле.

Основная мысль К. Маркса сводилась к тому, что социализм предпочтительней капитализма ввиду того, что в капиталистическом обществе присутствует эксплуатация человека человеком, что абсолютно недопустимо.

Основная претензия, которую К. Маркс предъявил капиталисту, состояла в том, что последний присваивал себе прибавочную стоимость, которая создавалась исключительно благодаря труду рабочего класса. Исходя из этого, К. Маркс вывел тезис, что получаемая капиталистом прибыль основана преимущественно на эксплуатации человеческого труда, все того же рабочего класса [3, с. 6].

В процессе производства, по мнению К. Маркса, рабочие вступают в производственные отношения с капиталистом, которые, так или иначе, приводят их к непримиримым противоречиям, иначе говоря, к борьбе между классами, неуклонно ведущей рабочих к мировой революции, после которой наступит социализм.

По мнению теоретиков марксизма, социализм предпочтительней капитализма хотя бы потому, что в нем складываются совсем иные производственные отношения, не основанные на эксплуатации человека человеком. Именно благодаря этим выводам Маркс в своем «Манифесте коммунистической партии» призвал «пролетариев всех стран объединиться» против своих эксплуататоров, которые необоснованно присваивают себе благо, созданное руками рабочих.

Не вдаваясь глубоко в теорию марксизма, мы сделаем попытку разобрать некоторые основные положения социализма. Раскрывая понятие «коммунизм», Ф. Энгельс излагает основные принципы коммунизма, для чего сам ставит и отвечает на ряд ключевых вопросов.

Итак, 1-й вопрос: Что такое коммунизм?

Ответ: Коммунизм есть учение об условиях освобождения пролетариата.

2-й вопрос: Что такое пролетариат?

Ответ: Пролетариатом называется тот общественный класс, который добывает средства к жизни исключительно путем продажи своего труда, а не живет за счет прибыли с какого-нибудь капитала [11, с. 122].

В тринадцатом ответе на свой вопрос Ф. Энгельс приходит к выводу о том, что уже имеются средства для окончательного устранения бедствий, порожденных капитализмом, путем создания нового общественного строя.

В «Манифесте коммунистической партии» также объявлялось, что коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической революцией. Пролетариям нечего терять, кроме своих цепей.

Приобретут же они весь мир [8, с.171]. В связи с чем одной из ключевых задач при реализации социалистических идей является установление равенства среди людей.

Но возможно ли установить всеобщее равенство, когда люди по рождению оказываются в неравных условиях, имея разные физиологические способности: один рождается больным, второй - здоровым, третий - сильным, другой - слабым и т.п., что, в конечном итоге, отражается на успехах и неудачах каждого человека в отдельности.

По Марксу, сложившееся в обществе неравенство предполагалось устранить за счет перераспределения имущества богатых в пользу бедных. Очевидно, что Маркс пренебрег тем обстоятельством, что объемы производства и национального дохода - величины не постоянные, а существенно зависящие от распределения собственности, при перераспределении которых возникает опасность, что собственность может попасть в руки тех, кто не столь уж умеет ее поддерживать, кто менее способен к предвидению, кто хозяйствует менее рачительно, что неминуемо может привести к сокращению производства [6, с. 201].

Великая по своему замыслу и трагичная по своему воплощению идея К. Маркса оказалась реализованной не где-нибудь в благополучной Европе, как ожидалось, а у нас в России, которая никак не была готова принять социализм.

В работах Маркса и Энгельса, которые уже нельзя изъять из обращения, можно прочесть, что основатели марксизма считали Великобританию, Францию и даже Германию странами наиболее развитой цивилизации и капитализма. Студенты марксистских университетов могли быть туповаты, чтобы разобраться в философских и экономических основах Марксова завета. Но они были вполне сообразительны, чтобы понять, что Маркс считал Россию страной менее развитой, чем страны Запада [6, с. 355].

Согласно Марксу, социализм мог быть построен лишь в результате мировой революции и, причем, первоначально в самых развитых капиталистических странах. Но, как известно, социалистическая революция в октябре 1917 года произошла в России, так как к этому времени Ленин пришел к выводу, что революция может победить в отдельно взятой стране, если для этого созрели необходимые предпосылки.

Чем же руководствовались большевики во главе с Лениным, осуществляя свой замысел? Можно дружно воскликнуть - идеей установления справедливости. Но и справедливость не может иметь универсальное применение, так как в каждом отдельно взятом социуме могут сложиться собственные нормы справедливости.

Например, в исламском мире, согласно шариату (мусульманское право), за воровство принято отрубать руку и, согласно мусульманской традиции, это справедливо, тогда как для остального мира это правило неприемлемо.

Если при осуществлении социалистических преобразований в СССР справедливым считалось изъятие помещичьих земель и частной собственности у их владельцев, то в капиталистических странах подобные процессы оценивались как нечто варварское.

Как известно, в СССР был определен социалистический принцип распределения: «от каждого по способности, каждому по труду». Наиболее характерным его применением было в колхозах, где, исходя из своих способностей, колхозник выполнял свой труд, исчисляемый в трудоднях, в которых производительность труда не определялась. В итоге при распределении конечного продукта, лодыри наравне с другими колхозниками получали одинаковый доход, что стало одной из причин выхода крестьян из колхозов. Таких примеров в истории можно найти очень много. Тем самым, сама справедливость может быть вполне относительной.

Вспоминая первые и последующие шаги большевиков, трудно согласиться с тем, что справедливым является устраивать счастье одних за счет несчастья других.

Сами итоги Октябрьской революции говорят о том, что к ним смело можно применить латинскую фразу: *Fiat justitia, pereat mundus* (Да свершится правосудие, и да погибнет мир). В связи с чем приходится задуматься о том, какую цель преследовал Ленин, поднимая народ на революцию в октябре 1917 года? Ведь не секрет, что революционный радикализм Ленина поддерживали не все члены РСДРП. Всем известно заявление Каменева и Зиновьева о преждевременности Октябрьского восстания.

Преждевременной социалистическую революцию в России считал и первый марксист России Г.В. Плеханов. «Наш рабочий класс еще далеко не может с пользой для себя и для страны, – утверждал Плеханов, – взять в свои руки всю полноту политической власти. Навязать ему такую власть значит толкать его на путь величайшего исторического несчастья, которое было бы, в то же время, величайшим несчастьем и для всей России» [4, с. 39].

Некоторые оппоненты В.И. Ленина, в том числе известный немецкий социал-демократ Э. Бернштейн, в свои трудах [2, с. 1922] высказали мысль о том, что к социализму следует идти реформаторским путем, так как при новых социально-экономических реалиях, когда наблюдается стабилизация капиталистического хозяйства, нет необходимости в революционных преобразованиях.

Но, как известно, история не знает сослагательного наклонения. Революция свершилась! А каковы были истинные намерения первооткрывателей социализма, остается одной из тайн ушедшего столетия.

Вместе с тем, осуждая радикальные взгляды российских революционеров, необходимо учесть, что на протяжении длительного времени среди прогрессивной части российского общества зрело желание улучшить жизнь своих соотечественников, тем самым подталкивая не одно поколение россиян к протесту против существующих порядков.

Страна хотела перемен, и она их получила. В конечном итоге вся энергия, накапливавшаяся в России в предшествующий период, вылилась наружу в феврале и в октябре 1917 года.

Если Февральскую революцию, с оговорками и без, можно считать объективной реальностью, избежать которой вряд ли представлялось возможным, то Октябрьский переворот сегодня представляется порождением человеческой фантазии и вероломства. Не случайно ведь В.И. Ленин настаивал на немедленном восстании, утверждая, что «промедление смерти подобно», объясняя свою торопливость тем, что ждать Учредительного собрания, которое явно будет не с нами, бессмысленно [1, с. 131].

Напрашивается вопрос: следует ли оценивать Октябрьский переворот как насильственный захват власти, основанный на обмане? Возможны возражения! Приведем факты. Рассмотрим решения II съезда Советов.

Принимая эсеровскую программу при решении земельного вопроса, Ленин, видимо, понимал, что крестьянство готово поддержать социалистические идеи, лишь получив в свое распоряжение землю, ради которой оно было готово на все. Но, несмотря на то, что крестьяне получили землю, они очень скоро, в период политики «военного коммунизма» и «сплошной коллективизации», оказались в еще худшем положении, чем до революции.

Далее Советское государство объявило: «право наций на самоопределение». Кто получил это право?

Одним из ключевых вопросов в ходе октябрьских событий являлся вопрос о власти, который должен был решиться на Учредительном Собрании, но, как известно, большевики недолго церемонились с избранниками народа и распустили Учредительное собрание, так как в нем большинство депутатов представляли интересы других партий.

В итоге одно из самых свободных государств в Европе в период правления Временного правительства, по словам самого Ленина, - Россия - после Октябрьского переворота превратилась в государство, основанное на насилии, подтверждением чему служит «красный террор», объявленный большевиками в период Гражданской войны по отношению не только к своим противникам, но и к рядовым гражданам.

Попытка большевиков ввести в стране социалистические идеи в период «военного коммунизма» указала Ленину на несостоятельность тех представлений о социализме, вооружившись которыми, большевики осуществили захват власти, и возвращение к капиталистическим отношениям в новой экономической политике - яркое тому подтверждение. Более того, в ходе дискуссий Ленин не обращал внимания на вопросы соратников: «Куда идем?», заявляя: «НЭП - это всерьез и надолго».

Однако судьбе было угодно, чтобы на смену романтику Ленину к власти пришел более последовательный сторонник марксизма Сталин, с именем которого фактически связана вся история становления социализма в СССР. Если Ленин допускал для себя и других дискуссии о подходах при реализации социализма, Сталин такого либерализма позволить не мог. Одно ясно однозначно, что Сталин оказался последовательным марксистом, который старался неукоснительно следовать установлениям основоположников марксизма.

Чтобы оценить устои социализма в СССР и роль Сталина в этом процессе, достаточно обратиться к основополагающим принципам марксизма.

В своих трудах К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что главнейшие мероприятия при создании нового общества будут следующие:

1. Ограничение частной собственности...
2. Постепенная экспроприация земельных собственников, фабрикантов...
3. Одинаковая обязательность труда для всех членов общества до полного уничтожения частной собственности. Образование промышленных армий, в особенности для сельского хозяйства.
4. Воспитание всех детей с того момента, как они могут обходиться без материнского ухода, в государственных учреждениях и на государственный счет. Соединение воспитания с фабричным трудом... [7, с. 333-334].

Трудно выделить тот или иной пункт из приведенных выше положений, который бы не был реализован в сталинской, или, правильнее будет все же сказать, Марксовой модели социализма в СССР. Так как совершенно очевидно, что рядовому гражданину СССР были знакомы такие термины, как экспроприация земельных собственников, конфискация имущества всех эмигрантов и бунтовщиков, обязательность труда для всех членов общества, воспитание детей в государственных учреждениях, образование промышленных армий, принудительные займы и другие.

Будучи реалистами, основоположники марксизма понимали, что эти мероприятия нельзя провести в один прием, но в то же время были уверены в том, что одно из них повлечет за собой другое [7, с. 335].

Но беда России состояла в том, что, в отличие от Маркса и Энгельса, Сталин и его соратники считали, что коммунизм должен наступить очень скоро и желательно еще при их жизни.

Список использованной литературы:

1. Аникеев В.В. *Документы Великого Октября*. – М., 1977. — 244 с.
2. Бернштейн Эдуард. *Возможен ли научный социализм? (1922) и др.* [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.polisportal.ru/Bernstein_Vozmozhen_li_nauchniy_socializm.pdf
3. *Декреты Советской власти. Т.1*. – М., 1957. — 624 с.
4. Курбатова И.Н., Уланова В.А. //Плеханов Г.В. *Русский рабочий в революционном движении*. – Л., 1989. — 253 с.
5. Ленин В.И. *О социалистической революции. Том 1. 1899-1917*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://leninism.su/works/115-conspect/4270>
6. Мизес, Людвиг фон. *Социализм*. – М., 1994. — 416 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения. Изд. 2. Т. 4*. – М., 1955-1981. — 615 с.
8. Маркс, К., Энгельс Ф. *Манифест коммунистической партии. Избранные сочинения. Т.3*. – М., 1985. — 628 с.
9. Мор, Томас. *Утопия. (1516, рус. пер. 1789)*. – М., 1935. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://royallib.com/book/tomas_mor/utopiya.html
10. Бен-Баверек, Ойген. *Критика теории Маркса*. – М., 2002. — 284 с.
11. Энгельс Ф. *Принципы коммунизма. К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные сочинения. Т.3*. – М., 1985. — 628 с.

Reference Literature:

1. Anikeev V.V. *Documents of Great October*. – M., 1977. – 244 pp.
2. Bernstein Eduard et alia. *Is Scientific Socialism Possible? (1922) [electronic resource]*. Regime of availability: http://www.polisportal.ru/Bernstein_Vozmozhen_li_nauchniy_socializm.pdf
3. *Decrees of the Soviet Power*. – V.1. – M., 1957. – 624 pp.
4. Kurbatova I.N., Ulanova V.A. *Plekhanov G.V. Russian Workers in Revolutionary Movement*. – L., 1989. – 253 pp.
5. Lenin V.I. *On Socialist Revolution*. – V.1. 1899 - 1917. [electronic resource]. Regime of availability: <http://leninism.su/works/115-conspect/4270>
6. Mises, Ludwig von. *Socialism*. – M., 1994. – 416 pp.
7. Marx K., Engels F. *Compositions. The second edition*. – V.4. – M., 1955 - 1981. – 615 pp.
8. Marx K., Engels F. *The Manifest of the Communist Party. Selected Compositions*. – V.3. – M., 1985. – 628 pp.
9. More, Thomas. *Utopia (1516, Russian translation. 1789)*. – M., 1935. [electronic resource]. Regime of availability: http://royallib.com/book/tomas_mor/utopiya.html
10. Ben-Baverek, Oygen. *Criticism of Marx's Theory*. – M., 2002. – 284 pp.
11. Engels F. *Principles of Communism. K. Marx, F. Engels. Selected Compositions*. – V.3. – M., 1985. – 628 pp.

УДК 908
ББК 26.891

**К ВОПРОСУ О ПРИСОЕДИНЕНИИ
КЫРГЫЗОВ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ТЯНЬ-
ШАНЯ К РОССИИ**

Бокоев Каныбек Сейтакунович,
соискатель Института истории
и культурного наследия
Академии наук Кыргызской
Республики (Бишкек)

**РОҶЕЪ БА ҲАМРОҶШАВИИ
ҚИРҒИЗҶОИ ТИЁНШОНИ МАРКАЗӢ БА
РУСИЯ**

Бокоев Каныбек Сейтакунович,
унвонҷӯи Доншикадаи таърих ва
мероси фарҳангии Академияи илмҳои
Ҷумҳурии Қирғизистон (Бишкек)

**ON THE ISSUE OF CENTRAL TYAN-SHAN
KYRGYZES JOINING TO RUSSIA**

Bokoyev Kanibek Seytakunovich,
claimant for candidate degree of the
Institute of history and cultural heritage
under the Academy of Sciences of
Kyrgyzstan Republic (Bishkek)

Ключевые слова: племена Центрального Тянь-Шаня; Чугучакский международный протокол; присоединение к Российской империи; Черикская волость; Карымишак-хан, Турдуке-батыр

Впервые сделана попытка проанализировать исторические материалы, касающиеся присоединения кыргызов Центрального Тянь-Шаня (современная территория Нарынской области КР) к Российской империи. Обосновываются приемлемые пути разделения границы Торугарт-Ашуу на две части на основе российско-китайского Чугучакского международного протокола. Раскрыта последовательность событий, связанных с присоединением кыргызов к Российской империи и созданием Черикской волости. Даны сведения о деятельности Карымишак-хана и Турдуке-батыра. На основе новых фактов излагаются сведения о времени проникновения России в кыргызские земли, поэтапном прекращении междоусобных столкновений, создании благоприятных условий для объединения народа и начале долгого пути к независимому государству. На основании конкретных фактов излагаются отличительные особенности присоединения кыргызов Центрального Тянь-Шаня к Российской империи.

Калидвожаҳо: қабилаларҳои Тиён Шони марказӣ, суратчаласаи (протоколи) байналхалқии Чугучак, империяи Русия, ҳамроҳиавӣ ба Русия, волости Черик, Карымишак-хон, Турдике-ботур

Дар мақола бори аввал ҳуҷҷатҳои таърихии вобаста ба ҳамроҳиавии қирғизҳои Тиён Шони марказӣ (сарзамини имрӯзаи вилояти Нарын Ҷумҳурии Қирғизистон) ба империяи Рус таҳлилу баррасӣ шудааст. Муаллиф дар асоси суратчаласаи байналхалқии русу-хитойии Чугучак масъалаи ба ду қисм ҷудо намудани сарҳади Торугарт-Ашууро асоснок мекунад. Мақола пайдарҳами ба вуқӯъ омадани ҳодисаҳои вобаста ба ҳамроҳиавии қирғизҳо ба империяи Рус ва ташиклёбии волости Черикро

бозгӯ мекунад. Ҳамчунин дар бораи ғаъолият ва корномаҳои Каримшахон ва Турдуке батур маълумот оварда шудааст. Дар мақола дар асоси факту рақамҳо замони дохилишавии Русия ба заминҳои қирғиз, зинаҳои барҳам додани ҷангҳои дохилию байниҳамдигарӣ, эҷоди шароити мусоид барои ваҳдати халқҳо ва огози роҳи дарози расидан ба истиқлолияти давлатӣ нишон дода шудааст.

Keywords: *tribes of Central Tyan-Shan, Chuguchak international protocol, joining to the Russian empire, Cheric volost, Karymshak-khan, Turduke-batyr*

The author makes an endeavour to analyze the historic materials referring to the joining of the Kyrgyzes of Central Tyan-Shan (modern territory of Naryn province of Kyrgyzstan Republic) to the Russian empire; the issue being researched for the first time. Proceeding from the Russian-Chinese Chuguchak international protocol the author substantiates acceptable ways of the division of the Torugart-Ashuu frontier into two parts. He discloses consecutiveness of the events associated with Kyrgyzes joining to the Russian empire and creation of Cheric's volost. The author gives information concerned with the activities of Karymshak-khan and Turduke-batyr. Designing on the premise of new factors the author expounds the information referring to the period of Russian penetration in the Kyrgyz land, stage by stage cessation of internecine collisions, creation of favourable conditions for people's unison and the beginning of a long way to state independence. On the basis of concrete factors the author expounds distinctive features of Central Tyan-Shan Kyrgyzes' joining to the Russian empire.

В 1843 году кыргызскими манапами был устроен курултай в местечке Кутмалды на Иссык-Куле для того, чтобы «поднять на белом войлоке» хана. Влиятельные бии выразили желание избрать ханом личность, которая бы сумела остановить внутренние распри. Состоялись многодневные обсуждения кандидатур Ормона и Боромбая, и благодаря прозорливости Ажыбек-баатыра, на Ормона Ниязбека-уулу надели «красный тебетей» - символ избранного хана.

Боромбай не желал быть в подчинении у Ормона и считал, что лучше присоединиться к Российской империи. Поэтому он с августа 1844 года начал контактировать с русской администрацией в городе Омске. Узнав об этом, Ормон в 1854 году при поддержке Адыл-баатыра совершил нападение на селение племени бугу и сам оказался в плену [1]. Эта война продолжалась до 1863 года и привела к новым жертвам. Племя бугу было изгнано с побережья Иссык-Куля до пределов рек Текес и Кыяс в Китае.

Во избежание столкновений племен Центрального Тянь-Шаня, чтобы сохранить их единство, Турдуке-баатыр и Карымшак-хан весной 1863 года отправили письмо российскому императору с предложением включить их племена в состав мощного государства, простирающегося до границ с Китаем.

Император Александр II 21 мая того же года согласился взять в свое подданство земли, возглавляемые Турдуке и Карымшаком. Телеграмму с такой «радостной вестью» князь П.Д. Горчаков отправил генерал-губернатору Западной Сибири А.О. Дюгамелю.

13 октября 1863 года А.О. Дюгамель прибыл в город Омск и провел масштабное государственное мероприятие по случаю добровольного вхождения племён Карымшак-хана и Турдуке-баатыра в состав Российской империи. В празднествах приняли участие правительственные сановники и высокопоставленные чиновники Генерального штаба генерал-губернатора Западной Сибири, ряд казахских султанов. По случаю перехода к

России территорий, граничащих с Кашгаром, в частности районов Какшаал, Акчий, Улуучат, Катуубагыш, Тоюн, Торугарт, Аксай, Арпа, Атбаши, Дорболжун, Нарын, Долон, царское правительство наградило Турдуке-баатыра Большой золотой медалью 1-й степени и бархатным чапаном, хана Карымшака - Большой серебряной медалью 1-й степени и чепкеном из дорогого сукна и четверых главных черикских манапов - суконными чепкенами [2, с. 263-269].

После вхождения нарынских кыргызов в состав России в жизни северных кыргызов начались исторически важные изменения. Во-первых, 23 сентября 1864 года российский генерал В. Мединский и китайский комиссар Ша подписали Чугучакский протокол (“О закреплении Северо-Восточных границ”), по которому разграничивалась территория от Кашгара до Нарына [3, с. 79-81].

Если, согласно одним сведениям, российско-китайская граница, проходившая по линии перевала Торугарт, была взята под вооруженную охрану с 1886 года, то, по некоторым архивным материалам, это произошло намного раньше – осенью 1864 года.

Из этих материалов следует, что “сразу после подписания Чугучакского протокола”, 23 сентября 1864 года, в летние месяцы (почему-то написано “в летние месяцы”, хотя протокол должен был вступить в силу в сентябре-октябре.- прим. К.Б.) к генерал-майору А. Колпаковскому, находившемуся в это время на Иссык-Куле, обратились представители племени чериков, кочевавших на близлежащих территориях Кашгара и до этого принявших подданство Российской империи, с жалобой о том, что с них силой собирают дань и о насильном уводе в Кашгар главного манапа рода Турдуке.

Российские власти, согласно соответствующей статье только что подписанного договора, в целях защиты своих новоиспеченных “граждан”, поставили на границу казачьи отряды и приказали “новым” россиянам из племени черик (кочевавших между Торугартом и Долоном-прим.-К.Б.) не переходить границы в обе стороны для сохранения международного порядка [4, с. 60-61].

Во-вторых, генерал-губернатор округа Ала-Тоо А. Колпаковский, штаб которого находился в Верном, приехал на джайлоо Кок-Жон к хану Карымшаку и обсудил с ним вопрос о размещении рядом с российско-китайской границей военной крепости на том месте, где в Ат-Баши располагался в советское время колхоз “Пограничник”. Группа под руководством генерала А. Колпаковского и хана Карымшака совершила поездку по реке Нарын в поисках удобного места для строительства крепости. Оценив важное стратегическое значение берегов Нарына, генерал Колпаковский изъявил желание поставить здесь Нарынскую военную крепость, большой госпиталь и навесной мост через реку.

В-третьих, российское правительство со времени образования в 1867 г. области Жети-Суу в составе Туркестанского генерал-губернаторства, приняло во внимание положение нарынских чериков под управлением Карымшак-хана и начало формировать местную власть вокруг столицы кыргызов Токмака, назвав указанную территорию «Черикская волость».

В сведениях о биографии генерал-губернатора А. Колпаковского хранится письмо Ч. Валиханова К. Гудковскому, где он пишет: «В наших краях ходят слухи, что Колпаковский будет губернатором кыргызов,... я этим слухам не удивляюсь – если даже Колпаковский станет нашим ханом, я буду только рад».

Значит, Кеминский бий Шабдан Жантай-уулу, начавший войну с русскими войсками в 1861 году, и противник вхождения в русское подданство, сын Сары-бия Тилекмат, впоследствии установивший хорошие отношения с русскими, а также Тилекмат-уулу

Чыныбай и Сарыпбек подчинились «Черикской волости», организованной генерал-губернатором А. Колпаковским и Карымшак-ханом. Если тщательно исследовать исторические материалы, то выясняется, что между 1864-1867 гг. Россия закончила установление границ с Китаем и полностью завершила укрепление политической власти и организацию органов административно-регионального управления.

В 1868 году были основаны города Нарын и Каракол. Построенная в Нарыне крепость находилась в месте, где в настоящее время располагается военная часть №2025. Госпиталь был построен на территории, где сейчас стоит областная больница, подвесной мост был построен в месте расположения 64-го района города, и в торжественном открытии этих «великих строек» участвовала делегация во главе с Карымшак-ханом, в которую в качестве почетных гостей праздника входили бии Эшкулу, Орус, Баястан, Татыбек, Матай [5, с. 72-75].

Встает также вопрос: где были знатные люди из племени бугу, когда в 1868 году закончилось строительство крепости Каракол? В 1858 году скончался бугинский бек Боромбай, в 1867 году в Алмаатинской тюрьме умер Балбай-баатыр, а сами бугинцы, напуганные нашествием Торогелди и Уметаалы, все еще находились в Текесе и Кыясе.

Позже Тилекмат-уулу Чыныбай сумел прийти к власти через «Черикскую волость» Токмакского уезда и стал полностью управлять Иссык-Кулем, добившись признания племен сарыбагыш, бугу, саяк и сарткалмак.

Обнаружены новые сведения о героической борьбе кыргызов, живших в XIX веке между Нарыном и Кашгаром, против нашествия войск Цинского Китая, Коканда, Кашгара Кенесары-хана в 1846-47 гг. Так, в 1847 году кыргызские бии объединились под предводительством Ажыбек-баатыра против 20-тысячного войска Кенесары и подняли священное знамя. Эта информация очень похожа на эпизод из эпоса «Манас», где описывается, что перед Великим походом Алмамбет был избран главнокомандующим кыргызских войск и поднят кыргызский священный флаг.

Если в той крупной для Средней Азии войне Торогелди-баатыр несколько раз попадал в окружение казахов и его выручали черики во главе с Ажыбек-баатыром, то плененного Шербото-баатыра выручили также Ажыбек, Зор-Калча, Атамбек, Турдуке, Карымшак, Бошубек, Татыбек [6, с. 166-288].

Как отмечают исследователи, черики – это местное население Восточного Туркестана, местностей Какшаал, Улуучат, Акчий, Тоюн, Катуу-багыш, Торугарт, Аксай, Арпа, Атбашы, Нарын. Они в течение столетия противостояли калмакскому нашествию, не оставляли свою родину Ала-Тоо согласно принципу «пришел враг – берись за оружие» и стояли насмерть за родную землю. Руководили чериками Онтогор-хан и Карагул-баатыр, Токтобай и Максут-бий, Тоймат-шер и Сазан-баатыр. В тяжелой и упорной борьбе от рук калмаков погиб борец за свободу своего народа Онтогор-хан, и о нем нарынские каракыргызы говорили: «Онтогор-баатыр был ханом и мир становился тесным», «Онтогор хандын Чон Ортогу» («Ущелье Онтогор-хана») [7], и эти слова известны до сих пор. По сведениям А.Н. Бернштама, черики, стоявшие у кыргызско-китайской границы, в 1759 году отправили посла к китайскому императору Кут-Алы (Хун-ли), находившемуся во дворце Цзыцинъэн в Пекине. Посол имел очную встречу с императором и решил две проблемы. Во-первых, была определена кыргызско-китайская граница по линии Кашгара, и, во-вторых, организовано возвращение в 1760 году на родину в Атбашы (Нарын) 1000 семей, бежавших в Восточный Туркестан от калмакского нашествия [8, с. 452].

Отмечается, что племена Онтогор-хана и Карагул-баатыра в 1748-1760 и 1916-20 гг. помогли спастись от голода возвращавшимся из Китая кыргызам. Впервые выявлены некоторые факты, которые необходимо добавить к этим сведениям. Нарынские каракыргызы с помощью «черик жармы» - похлебки из пшеницы - и «черикских валенок» спасли от голода и холода дунган Нарына и Атбаши, бежавших в декабре 1877 года из Китая, а также кыргызов, бежавших в 1870 году от междоусобной бойни на Иссык-Куле, которые в 1855-1870 гг. оставили свою землю и перекочевали в Нарын, Атбаши, Дорболжун. В 1918-1920 и в 1930 гг. кыргызы помогли казахам, бежавшим от голода из своих степей на Тенир-Тоо [9, с. 82].

В источниках приведены сведения о том, какие награды и какого достоинства получали нарынские кыргызы от различных властей в XIX веке. Например, Ажыбек-баатыр получил от кашгарского бека 30 скакунов, 3 стальных меча, 3 стальных щита. Зор-Калча-батыр получил почетную награду от китайского правительства, в частности шелковый чепкен, отделанный серебром, перстень-печатку с именем кашгарского бека и др. Турдуке удостоился почетной награды китайского правительства «Красная пуговица» и других почестей, а также почетной награды русского правительства «Большая Золотая медаль» 1-й степени и бархатного чапана. Карымшак-хан получил почетную награду русского правительства «Большая серебряная медаль» и дорогой суконный чепкен. Айдарбек (об Айдарбеке-датка подробно написал в романе «Каныбек» знаменитого писателя К. Жантошева - прим. К.Б.) был удостоен титула «датка» правителем Кокандского ханства. Атамбек и три крупных манапа получили почетные награды русского правительства - суконные чепкены, а также титул «датка» от кашкарского хана Абласана. Волостной старшина Базаркул получил от русского правительства чин капитана. Когда умер волостной старшина Базаркул, участковый Нарына, воздавая должное заслугам Базаркула перед народом, пришел на похороны, плача по кыргызскому обычаю, и принял участие в мусульманской панихиде и в похоронах, бросив землю в его могилу [10, с. 142].

В настоящее время общественность по-разному интерпретирует время добровольного вхождения кыргызов Прииссыккуля и Чуйской долины в состав России, называя то 1855 г., то 1860 г., а некоторые утверждают, что это произошло в 1863 году. В 1963 году ученые СССР и Киргизской ССР, классифицировав документы о вхождении восточнотуркестанских кыргызов в подданство Александра II как документы международного уровня, на государственном уровне провели мероприятия, посвященные 100-летию добровольного вхождения Кыргызстана в состав России.

Таким образом, российский император Александр II с удовлетворением принял просьбы, содержащиеся в послании 1863 года о присоединении к российскому государству чериков, занимавших территорию от Нарына до Кашгара, и одобрил их 21 мая того же года. Далее князь П.Д. Горчаков послал телеграмму с радостной вестью о решении императора Александра II генерал-губернатору Западной Сибири А.О. Дюгамелю. Затем 13 октября 1863 года Дюгамель приехал в Омск и провел на правительственном уровне торжественное мероприятие, посвященное добровольному вхождению чериков в состав России. Помимо Карымшак-хана и Турдуке-баатыра, в этом мероприятии приняли участие казахские султаны. В связи с этим национальные герои кыргызов, государственные политические деятели Карымшак и Турдуке получили от российского правительства высокие награды. Также в 1867 году в центральном городе кыргызского народа Токмаке была образована Черикская волость и все кыргызские

волостные старшины подчинились этой администрации. В 1963 году данная история была подробно исследована людьми, стоявшими у власти в СССР и Кыргызской ССР, и на площади между домом Правительства и Историческим музеем в честь 100-летия добровольного вхождения Кыргызстана в состав России был воздвигнут монумент Дружбы, а Кыргызская ССР была удостоена ордена Ленина.

Верховный Совет Кыргызской ССР наградил 1200 человек грамотами и Почетными грамотами. Юбилейными медалями «В память столетия добровольного вхождения Киргизии в состав России» были награждены 770 человек, среди них Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев, Ю.В. Андропов, К.У. Черненко, Т.У. Усубалиев, Б.М. Мамбетов, А.С. Савитахунов и другие. Эти и другие сведения не отражены в истории независимого Кыргызстана в разделе «Кыргызстан в составе Российской империи и СССР». В итоге добровольное вхождение чериков, населявших территорию между Нарыном и Кашгаром, стало примером для других племен. Кыргызская история не должна отрицать, что все населенные пункты Баткена, Джалал-Абада, Оша, Таласа, Чуя, Иссык-Куля и Нарына, все фабрики, заводы, дороги, образование и наука и многие другие наши достижения стали возможны благодаря поддержке России.

Надо отметить, что Карымшак-хан и Турдуке-батыр, в 1863 году предпринявшие неудачную попытку сохранить единство Кыргызстана, пережившие в своей судьбе взлеты и падения, были великими личностями. Вызывает огромное сожаление то, что земли и племена этих двух выдающихся личностей, стремившихся сохранить единство кыргызского народа, были разделены в 1864 году. В 1963 году, во время празднования 100-летия вхождения Кыргызстана в состав России, руководство республики во главе с первым секретарем ЦК компартии Киргизии Т.У. Усубалиевым не отметило огромные заслуги этих личностей и племени черик. Документы всех государственных мероприятий, состоявшихся в рамках празднования 100-летия вхождения Кыргызстана в состав России, были сданы в архив под грифом «совершенно секретно» до обретения независимости в 1991 году.

Очевидно, что если изучать историю попыток кыргызских племен войти в состав России, предпринятых в 1844-1855, 1860 и 1863 гг., не смешивая различные документы и сопоставляя их, то истинная история нашла бы свое место в науке [10].

Ученый С.М. Абрамзон в труде «Избранные произведения по истории кыргызов и Кыргызстана» писал: «Исследования по этнографическому изучению истории кыргызов начали развиваться в XIX веке, а особенно – в его второй половине». Поэтому можно смело отметить, что нет сомнения в международном уровне документальных материалов по истории присоединения к России кыргызских племен Центрального Тянь-Шаня - от Нарына до Кашгара - в 1863 году, представленных учеными СССР и Кыргызской ССР.

После этого вхождения междоусобные столкновения, начавшиеся в 1855 году на Иссык-Куле, были прекращены при посреднических действиях российской армии. К 1870 г. среди племен воцарился мир и у кыргызских племён, объединившихся в единый народ, начался долгий путь к независимой Кыргызской Республике.

Список использованной литературы:

1. Джамгерчинов Б. *Киргизы в эпоху Ормон-хана*. – Бишкек, 1998. - 62 с.
Токтоналиев Ж. *Хан Ормон*. - Бишкек: Кыргызстан, 2000.-С.186; Бокоев К.С. *Ажыбек - национальный герой*. //Кыргыз Туусу, Бишкек. -11-13 декабря 2001 г. С. 6. // Вестник

-
- Президента Кыргызской Республики, Бишкек.-№20.(40).- октябрь 2003.- С. 55-57;
Омурбеков Т.Н. Боромбай. Инновационный центр «АРХИ», Бишкек. -2003.- С. 24.
2. Джамгерчинов Б. Присоединение Киргизии к России.- М.,1959.- 444 с.;
Омурбектегин Токторбек, Чоротегин Тынчтыкбек. Завоевание Северного Кыргызстана Россией. – Бишкек, 1992. - С.20; Бокоев К.С. Место великих личностей от Нарына до Кашгара в истории кыргызов и их государственная деятельность (конец XIX – начало XX вв.). – Бишкек, 2010. - С.194-237.
3. Осмонов О. История Кыргызстана (справочник).- Бишкек, 2003.-364 с.
4. Министерство иностранных дел Кыргызской Республики. Материалы и документы по кыргызско-китайской государственной границе. – Бишкек, 2003.- С. 60-61.;
Нарынская область (энциклопедия).- Бишкек, 1999.-С.321.
5. Бокоев К.С. Встреча с Жусуп Мамаем на Артыше. – Бишкек, 2015.- С.72-75.
6. Акаев А.А. Кыргызская государственность и народный эпос “Манас”. - Бишкек, 2003.- С.166-288.; Усенбаев К.У. Ормон-хан. – Бишкек, 1999.- С. 68-69.
7. Сайф ад-дин ибн дамудло Шах Аббас Аксыкенти и его сын Нурмухаммед/ в кн. “Мажму-атут-товарих”. – Бишкек: Акыл, 1996.
8. Бернштам А.Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. - Бишкек, 2004. - 452 с.
9. Аттокуров С. Кыргызская санжыра. - Бишкек.1995.- 215 с.
10. Осмоналы Сыдык. Мухтасар тарих кыргызия. Тарых кыргыз Шадмания.- Бишкек, 2014. - 57 с.

Reference Literature:

1. Djamgerchinov B. Kyrgyzes in the Epoch of Ormon-Khan. – Bishkek, 1998. – 62 pp.; Toktonalieyv Zh. Khan Ormon. - Bishkek: Kyrgyzstan, 2000. – p. 186; Bokoyev K.S. Azhibek – National Hero. // Kyrgyz Tuusu, - Bishkek, December 11 – 13, 2001. – p.6. // Bulletin of Kyrgyzstan Republic President, - Bishkek. - # 20 (40). October, - pp. 55 – 57; Omurbekov T.N. Borombay. Innovational Centre «ARKHI», - Bishkek, 2003. – p. 24.
2. Djamgerchinov B. Joining of Kyrgyzes to Russia. – M., 1959. – 444 pp.; Omurbektegin Toktorbek, Chorotegin Tynchtykbek. The Conquest of Northern Kyrgyzstan by Russia. – Bishkek, 1992. – p.20; Bokoyev K.S. The Place of Great Personalities from Naryn up to Kashgar in the History of Kyrgyzes and their Statal Activity (Referring to the End of the XIX-th – the Beginning of the XX-th Centuries). – Bishkek, 2010. – pp. 194 – 237.
3. Osmonov O. the History of Kyrgyzstan (reference book). – Bishkek, 2003. – 364 pp.
4. The Ministry of Foreign Affairs of Kyrgyzstan Republic. Materials and Documents Concerned with the Kyrgyz-Chinese State Border. – Bishkek, 2003. – pp. 60 – 61.; Naryn Province (Encyclopedia). – Bishkek, 1999. – 321 pp.
5. Bokoev K.S. Meeting with Zhusup Mamay on Artysh. – Bishkek, 2015. – pp. 72 – 75.
6. Akaeyv A.A. Kyrgyz Statehood and «Manas» Folk Epos. – Bishkek, 2003. – pp. 166 – 288.; Usenbayeyv K.U. Ormon-Khan. – Bishkek, 1999. – pp. 68 – 69.
7. Sayf ad-ddin ibn Damullo Shakh Abbas Aksykenti and his Son Nurmuhammad/ in the book «Mazhmu-atut-Tovarikh», - Bishkek: Cognition, 1996.
8. Bernshtam A.N. Selected Compositions on Archeology and History of Kyrgyzes and Kyrgyzstan. – Bishkek, 2004. – 452 pp.
9. Attokurov S. Kyrgyz Sanzhya. – Bishkek, 1995. – 215 pp.
10. Osmonali Sydyk. Brief History of Kyrgyzstan. History of Kyrgyz Shadmaniya. – Bishkek, 2014. – 57 pp.

УДК 94 (100) «05/...»
ББК 63.3 (54)

**АЗ ТАЪРИХИ ТАЪСИСИ ДАВЛАТИ
ТОЧΙΚОНИ ҒУР ДАР
ХУРОСОН (1152-1206)** *Шарипов Муҳаммад Маъруфович,*
унвонҷӯи кафедраи таърихи халқи тоҷики ДДХБСТ
Тоатов Ҳабибулло Саидович,
н.и.т., дотсенти кафедраи таърихи халқи тоҷики
ДДХБСТ (Тоҷикистон, Хучанд)

**ИЗ ИСТОРИИ
ОБРАЗОВАНИЯ
ГОСУДАРСТВА
ГУРИДОВ В
ХОРАСАНЕ
(1152-1206)** *Шарипов Мухаммад Маруфович,*
соискатель кафедры истории таджикского
народа ТГУПБП
Тоатов Хабибулло Саидович,
к.и.н., дотсент кафедры история таджикского народа
ТГУПБП (Таджикистан, Худжанд)

**FROM THE HISTORY OF
GURIDS` STATE
CONFORMATION IN
KHORASAN
(1152-1206)** *Sharipov Muhamad Marufovich,*
claimant for candidate degree of the department of the history of
the Tajik nation under the TSULBP
Toatov Habibullo Saidovich, candidate of historical sciences,
Associate Professor of the department of the history of the Tajik
nation under the TSULBP (Tajikistan, Khujand)
E-MAIL: *istoriya_tj@mail.ru*

Калидвожаҳо: Ғуриён, Салҷуқиён, Алоуддин Ғурӣ, Султон Санҷар, сарчашмаҳои таърихии тоҷикӣ, рақобати ҷарбӣ-сиёсӣ, таърихи халқи тоҷик, Хуросон, Сомониён

Дар мақола бори нахуст ба таври муфассал бо истифода аз сарчашмаҳои асримиёнагии хаттӣ ва адабиёти илмӣ замони шӯравӣ муосир, рақобати ҷарбӣ-сиёсӣ сулолаҳои Ғуриён ва Салҷуқиён дар миёнаи асри XII ва омилҳои таъсиси давлати Ғуриён мавриди баррасӣ қарор гирифтаанд.

Муаллиф қайд мекунад, ки миёнаҳои асри XII давлати Ғуриён бо роҳбарии Алоуддин Ҳусайни Ғурӣ империяи Ғазнавиёнро барҳам дода, аз рақибӣ пурқуввати худ озод шуд. Аз соли 1152 мелодӣ бошад Алоуддини Ғурӣ муборизаи худро бо Султон Санҷари Салҷуқӣ оғоз мекунад. Дар натиҷаи ин мубориза давлат аз хирочгузории давлати Салҷуқиён озод карда мешавад. Муаллиф дар мақола таҳлил мекунад, ки дар натиҷаи озод шудан аз хирочгузорӣ ба дигар давлатҳо соҳаи иқтисодӣ-иҷтимоӣ ва сиёсӣ ҷарбӣ давлати Ғуриён инкишоф меёбад. Дар охири мақола муаллиф хулоса мекунад, ки дар саҳифаҳои таърихии давлатдорӣ Ғуриён дурахшонтарин замони салтанати ин хонадон ба миёнаҳои асри XII то ибтидои асри XIII рост меояд.

Ключевые слова: Гуриды, Сельджукиды, Ала-ад-Дин Гурид, султан Санджар, таджикские исторические источники, военно-политическое соперничество, история таджикского народа, Хорасан, Саманиды

В статье впервые в отечественной истории сделана попытка, опираясь на письменные источники и научную литературу советского и постсоветского периода,

осветить военно-политическое соперничество таджикского государства Гуридов с Сельджукидами в середине XII века и обстоятельства возникновения государства Гуридов. В середине XII века знаменитый падишах Гуридского государства Ала-ад-Дин Хусайн ликвидировал империю Газневидов и избавил своё государство от протектората Газневидов. Кроме этого, Ала-ад-Дину удалось добиться независимости от Сельджукидского государства. Эти факторы стали причиной развития социально-экономической, политической и военной сферы государства Гуридов. Середина XII и начало XIII веков являются периодом расцвета государства Гуридов.

Key words: *Gurids, Seljukids, Ala-ad-Din Gurid, sultan Sanjar, historic originals, military-political rivalry, history of the middle of the XII-th century, history of Central Asia*

Proceeding from written sources, scientific literature appertaining to the Soviet and post-Soviet period the author makes an endeavor to elucidate military-political rivalry between Gurids` Tajik state and Seljukids in the middle of the XII-th century and the sphere concerned with the rise of Gurids` state in the article for the first time in the home history.

In the middle of the XII-th century the famous padishakh of the Gurids state Ala-ad-Din Khusayn Liquidated Gaznevids` empire and thus delivered his country of their protectorate. Into the bargain, Ala-ad-Din managed to achieve independence on Seljukids` state. These factors became reason of soecial-economic development, political-military sphere of Gurids` state. The middle of the XII-th and the beginning of the XIII-th centuries are considered as the efflorescence of period of Gurids` state.

Дар замони истиклолияти давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон эътибори муаррихону ҷомеашиносон ба масъалаҳои мубрами давраи асримиёнагии таърихи ватан зиёд шуд. Аз он ҷумла, дар таърихи давлатдорӣ тоҷикон дар қуруни вусто давлати Ғуриён дар бунёди ҷумҳурии дунявӣ ва демократии Тоҷикистон аҳамияти мубрами сиёсӣ, назариявӣ ва маърифатӣ дорад.

Ҷараёни таҳаввулоти давлатдорӣ халқи тоҷик дар асрҳои миёна аз масоили камомӯхта ва камтадқиқшудаи таърих маҳсуб меёбад. Беш аз ин дар байни муаррихон, сиёсатшиносон, ҳуқуқшиносон ақидаи баҳснок вучуд дорад, ки мувофиқи он гӯё баъди инқирози давлати Сомониён тӯли ҳазор сол то айёми ташаккули Ҷумҳурии худмухтор ва Ҷумҳурии Шӯравии Сотсиалистии Тоҷикистон (солҳои 1924-1929) тоҷикон соҳиби ҳокимияти сиёсӣ набуданд. Дар асл бошад, дар ҳудуди Тоҷикистони таърихӣ аз Бағдод то Кобул, аз даштҳои Авросиё то халиҷи Форс дар масоҳати 6 миллиону 290 ҳазор километри мураббаъ дар асрҳои XI-XVI тоҷикон ҳамчун миллати саноатгар, бофарҳанг, ва соҳибдавлат маскун буданд. Онҳо дар арзҳои зикршуда иттиҳодияҳо ва мулкҳои мустақили хурду бузургро таҳти унвони давлатҳои Ғуриён, Музаффарӣён, Куртҳои Ҳирот, Сарбадорони Хуросон барпо карданд.

Арзёбии таърихи ташкил, тараққӣ ва таназзули давлати Ғуриён дар минтақаи кӯхистони вилояти Ҳирот, густариши он дар ҳудудҳои Хуросон, Синд, Ҳиндустон ва сабабҳои завол ёфтани он аҳамияти илмӣ ва амалӣ дорад. Он барои комил намудани саҳифаҳои нонавиштаи таърихи давлатдорӣ ниёгон, равшан кардани ҷараёни ҳаводиси ҳарбӣ сиёсии асрҳои миёна, такмили концепсияҳои назариявӣ, талқини ғояҳои ватандӯстӣ, меҳанпарварӣ, худшиносии миллӣ, эҳёи суннатҳои пешқадами ҳокимияти иҷроия, баргараф кардани фишори омилҳои ҷаҳонишавӣ (глобализатсия) мусоидат мекунад.

Таърихи давлати Ғуриён аз ибтидо то интиҳо саршори мубориза барои озодӣ ва истиқлолият бар зидди давлатҳои пуриқтидори вақт империяҳои Ғазнавиён, Салчуқийён, Хоразмшоҳийён аст.

Сулолаи Шинасбонийён давоми салтанати худ дар Хуросон империяи пурқувватро таъсис доданд. Дар Мовароуннаҳру Хуросон се давлати пурқувват – Ғазнавиён (963-1186 м.), Салчуқийён (1038-1156 м.) ва Хоразмшоҳийён (995-1231 м.) рақиби ашади пайкорҳои истиқлолиятҳои Ғуриён махсуб меёфтанд. Қайд кардан ҷоиз аст, ки равшанӣ андохтан ба рақобати ҳарбӣ-сиёсии давлати Ғуриён бо давлати Салчуқийён яке аз масъалаҳои муҳим ва камтадқиқшуда ба шумор меравад.

Бархе аз муаррихони муосир роҷеъ ба муборизаи ҳарбӣ-сиёсии Ғуриён бо Ғазнавиён, Хоразмшоҳийён ва лашкаркашии Ғуриён ба Ҳинд равшанӣ андохтаанд. Вале ба мавзӯи муносибати ҳарбӣ-сиёсии Ғуриён ва Салчуқийён таваҷҷӯҳ накарданд. Аз ҷумла муаррихон В.М. Массон ва Р.А. Ромодин муқовимати байни Ғуриён ва Салчуқийёнро баррасӣ накарданд (6, с.255-276). Бинобар ин таърихи муқобилати ҳарбӣ-сиёсии Ғуриён ва Салчуқийён ҳадафи мақолаи мазкур гардид.

Лашкаркашиҳои Ғазнавиён бо сарвари Султон Маҳмуд (997/8-1030 м.) соли 411 х.қ./1020 м. ба сарзамини Ғур, ки боиси талафоти калони ҷонӣ ва моддӣ аҳолии вилоят гардид, оғоз ёфта буд. Мулки Ғур хирочгузори Маҳмуди Ғазнавӣ гардид. Дар ин вазъияти душвор мулки Ғур таҳти сарвари сулолаи Шинасбонийён ба ҳамлаи туркҳои салчуқӣ дучор гардид. Дар ибтидои асри XII Ғуриён ба хотири ҳифзи амнияти раияти хеш, барқарории иқтисодиёт, ташкили қувваи ҳарбии худ ба ном андозсупори давлати Салчуқийён гардиданд, зеро, дар як вақт муборизаи ҳарбӣ бурдан бо ду давлати пурқувват барои давлати Ғуриён ғайриимкон буд.

Соли 501 х.қ./1107-1108 сарзамини Ғур аз тарафи Салчуқийён ғасб шуд. Ҳокими Ғур Изуддин Ҳусайн ба давлати Салчуқийён ҳар сол намудҳои яроку аслиҳа: ҷавшан, зирех ва сағони дарранда, ки ғуриён парвариш мекарданд, ҳамчун бочу хироч пешкаш менамуд (15, с.382).

Дар миёнаи асри XII Султон Алоуддин Ҳусайни Ғурӣ (1149-1161 м.) ошкоро аз адои боч ба Салчуқийён даст кашид. Соли 544 х.қ./1150 м. Алоуддин Ғурӣ дар рафти ҷанги якҷандсола, пойтахти давлати Ғазнавиён шаҳри Ғазноро забт намуда, онро саросар хароб намуда ҳафт шабонарӯз оташ зад. Баъди ин ҳодиса ҳамзамонон ба номи Алоуддин лақаби «Ҷаҳонсӯзро»-ро замима карданд (14, с.211). Ба ин минвол шоҳи ғурӣ таҳдиди рақиби тавоноро баргараф намуд. Пас аз шикасти давлати Ғазнавиён Алоуддин бо мақсади таъмини истиқлолияти давлатии хеш дар фазои Хуросон ҷиддитар кӯшиш кард. Мувофиқи маълумоти Нурмуҳаммади Амиршоҳӣ ва муаррихи муосири афғон Қозӣ Ғавсуддини Ғурӣ - Алоуддин шахси босаводу бомаърифат буда, бо забони форсӣ шеърҳои хуб менавиштааст. Дар айни ҳол ӯ сиёсатмандори пуртаҷриба будааст. Ӯ нисбати душманони худ хеле бераҳм будааст ва аз ҳамин сабаб Баҳромшоҳи Ғазнавӣ аз ӯ бим дошт (5, с.46). Бино ба маълумоти муаррихон Қозӣ Минҳоч Сирочи Ҷузҷонӣ (1193-1281м.) ва Муҳаммад ибни Ховандшоҳи Балхӣ, мутахаллис ба Мирхонд (1433-1498м.) Алоудини Ғурӣ пас аз торумор намудани давлати Ғазнавиён ва бозгашт ба Ғур бародарзодагони худ - Ғиёсуддин Муҳаммади Сом ва Муиззуддин Муҳаммади Сомро, ки ба Шайхобуддин маъруф буд, дар қалъаи Вазиристони мулки Ғур ҳабс кард (7, с.786; 1, с.466). Ба фикри мо чунин иқдомро Алоуддин Ҳусайн бо мақсади амалӣ намудани нақшаи мустақил кардани давлати худ ва пурра торумор намудани давлати Ғазнавиён ва Салчуқийён ба шумор

меравад. Ба таври дигар гӯем, Алоуддин Хусайн метарсид, ки бародарзодагонаш барои иҷро намудани ин мақсад ба ӯ халал расонида, мекӯшанд, то ки дар солҳои минбаъда низ бо ин давлатҳо муносибати пештараи хирочгузорино нигоҳ доранд.

Дар ин бобат Минҳоч Сирочи Ҷузҷонӣ чунин қайд мекунад: «Ва бо султон Санҷар тариқи истибод оғоз ниҳод ва муковаҳат пеш гирифт, он чи маъҳуди мулуки Ғур буд, аз чинси силоҳу тухаф, ки ҳар сол ба хидмати даргоҳи Санҷарӣ омадӣ, бозгирифт, то кор бад-он ҷо расид, ки султон Санҷар лашкари Хуросонро ҷамъ кард ва азимати билоди Ғур мусаммам гардонид» (19, с.346). Дар давом Ҷузҷонӣ хеле муфассал ишора менамояд, ки султон Алоуддин лашкари Ғурро ҷамъ кард ва пеши Санҷар бозрафт, то ба ҳудуди қасабаи Ноб, миёни Фирӯзкӯҳ ва Ҷирот, водии Ҷарирӯд расид. Он худӯдхоро муаррих хеле васеъ шарҳ дода, ишора мекунад, ки он ҷо обест, сахроест латиф ва васеъ, ки онро Сегӯшаи Ноб гӯянд, дар он мавзеъ миёни ҳар ду лашкар масоф ба вуқӯъ омад (19, с.346).

Муаррих З.М. Буниятов аз асари ан-Насавӣ, ҷой ва вақти вуқӯи ҳодисаи мазкурро 17 рабиулаввали соли 547 ҳ.к./24 июни соли 1152 м. дар ҳудуди Моробод (шарқи Ҷирот) нишон додааст (2, 19).

Олими машҳури салтанати Ғуриён - Низомӣ Арӯзии Самарқандӣ, ки 45-соли умрашро дар дарбори Ғуриён гузаронидааст, дар «Ҷаҳор мақола» чунин мегӯяд: «Дар шуҳури санаи сабъа ва арбаина хамсумиа (547 ҳ.к-1152 м.) миёни султони олам Санҷар ибни Маликшоҳ ва худованд – султон Ало-уд-дунё ва-д-дин масоф афтод ба дари Ўбаҳ шуд ва масофи Ғур шикаста шуд (13, с.136-37).

Доир ба ҷой ва маҳалли ҳарби ду давлат, Ҷузҷонӣ, ан-Насавӣ ва Низомии Арӯзии Самарқандӣ маълумоти мухталиф баён кардаанд. Лекин агар ба харитаи ҳудуди давлати Ғуриён дар миёнаи асри XII назар кунем, ҳар се ҳудуди мазкур байни шаҳрҳои Ҷирот ва Фирӯзакӯҳ ҷойгир аст. Ба фикри мо маълумоти Низомии Арӯзии Самарқандӣ дақиқтар аст, чунки ӯ ҳудаф дар набарди мазкур ширкат дошт.

Ғуриён дар рафти таъсиси давлати худ (1147-1148 м.), ба мустақкам кардани соҳаи ҳарбӣ, ташкили мудофияи давлат, такмили аслиҳаҳои ҷангӣ, татбиқи стратегия ва тактика машғул гаштанд. Дар ин бобат Шариф Муҳаммад Мансури Муборакшоҳ, бо номи Фаҳриддин Муборакшоҳ ал-Марвазӣ маъруфият дорад, дар асари худ «Одоб-ул-ҳарб-ва-шучоа» қариб ба ҳамаи масъалаҳои илми лашкардорӣ ва санъати ҳарбии замони Ғуриён маълумот додааст.

Дар бораи масъалаи тарзи сафқашӣ дар давлати Ғуриён Фаҳриддин Муборакшоҳ дар асараш чунин қайд мекунад: Дар аввали саф пиёдагон, бо силоҳ ва шамшерҳои фароҳ ва тирандозон чун ҳисоре бошанд. Сафи дувуми пиёдагон бо ҷавшан ва зирех, дар даст шамшер ва сипар. Дар катори сеюми саф пиёдагардон низ бо шамшер, тирдон, ҷӯб бо ғилофи оҳанин ва корди калон. Сафи чорум, ки онро Муборакшоҳ «орифон» (сардори даҳнафара) номидааст, лашкарони пиёда, иборат бояд бошанд ва онҳо дар худ, тирдон, сипар, шамшер ва ғ. дошта бошанд. Барои ҳуб дида тавонистани роҳ, байни сафҳо бояд ҷои васеъ мавҷуд бошад (8, с.330). Ин низомии сафорой дар тартиби ҳарбии давлати Ғуриён ҷорӣ шуда буд.

Ин ҷо тафсилоти амалиёти ҷангии байни Ғуриён ва Салҷуқиён баён мегардад.

Алоуддини Ғурӣ дар арафаи муҳориба пушти лашкари майдони ҷангро бо об лабрез кард, то ки ҳангоми муҳориба толоби сунъӣ садди ақибнишинӣ ва фирори лашкар гардад. Кадом лашкаре, ки ба қафо фирор кунад, дар гил меғӯтид. Дар ин

бобат Минҳоч Сирочи Ҷузҷонӣ чунин қайд мекунад: «...ва султон Алоуддин пеш аз рӯзи масоф ба як рӯз фармуда буд, то заmine, ки паси пушти лашкари Ғур буд, тамом об дода буданд ва мунодӣ карда буд, ки паси пушти заминҳо пуроб шудааст, ҳар кӣ бозпас хоҳад гурехт, дар гил хоҳад монд (19, с.346).

Вақте, ки ду қувва рӯбарӯ шуданд, қаноти ростии лашкари Ғур (маймана-М.Ш.; Ҳ.Т.), ки аз ӯғузу туркҳо иборат буда, тақрибан 6 ҳазор саворагонро ташкил меоданд, хоинӣ намуда, ба Султон Санҷари Салҷуқӣ пайвастанд. Муҳаққиқи афгон Атикуллоҳ Пажвок дар асари худ «Ғуриён» теъдоди лашкарони хиёнатнамударо 2 ҳазор нафар қайд намудааст (12, с.159). Муаррихи дигар Муҳаммад Обид Ҳайдарӣ низ дар рисолаи худ истинодан ба асари Пажвок ба иштибоҳ роҳ додааст ва шумораи лашкарони хоинро 2 ҳазор қайд намудааст (10, с.64). Пажвок дар рисолааш ҳангоми тасвири ин ҳодиса бештар ба «Табақоти Носирӣ»-и Ҷузҷонӣ таъя намудааст. Ин ғалат мумкин аст, аз сабаби техникӣ ба амал омадааст.

Дар давраи қуруни вусто лашкари савора дар таркиби қўшун ба мақоми баланд сохиб буд. Вақте, ки туркҳо ба чунин хиёнат роҳ доданд, лашкари пиёдагарди боқимондаи ғурӣ ба таҳлука афтада фирор намуданд ва, ба гуфти Ҷузҷонӣ, дар заминҳои халобу пурнай баъзе шаҳодат ёфтанд ва баъзе асир гаштанд ва султон Алоуддин гирифтдор шуд (19, с.346).

Пас аз он, ки лашкари Ғуриён торумор шуд, як қисми чанговарони зиндамонда якҷоя бо султон Алоуддини Ҳусайн асири салҷуқӣён гардиданд. Алоуддин Ҳусайн, ки нисбати худ ва қўшунаш боварии калон дошт, дар ин муҳориба, ҳамроҳи худ занҷири махсусе ҳамроҳи худ гирифта буд, то ки баъди торумори лашкари Сулҷуқӣ – султон Санҷарро бо он занҷир баста ба Ғур шармандавор барад. Аммо баръакс баъди торумор шудани лашкари ғуриён, худи Алоуддин Ҳусайнро Султон Санҷар бо занҷираш кашида бурд (19, с.118).

Муаррихи муосири Эрон Асғар Фурӯғӣ дар китобаш қайд мекунад, ки Алоуддини Ғурӣ тақрибан **як сол** дар дарбори Султон Санҷар иқомат доштааст (16, с.41). Пас аз мушоҳидаҳои дарбориён аз кирдору рафтори Алоуддини Ғурӣ – Султон Санҷар нисбат ба ӯ эҳтироми хоса пайдо намуд. Доир ба ин ҳолат Минҳоч Сирочи Ҷузҷонӣ муфассал чунин мегӯяд: **«Ва чун зикри латофати табъ ва шахомати ақли Алоуддин дар он аср мазкуру машхур буд ва он маънӣ ба самъи мубораки султон Санҷар бисёр расида буд, Алоуддинро дигар рӯз ё баъд аз чанд рӯз талаб кард ва эъзоз карду мухлас гардонид ва як табақ гавҳари самин пешии маснад ниҳода буд, ба Алоуддин бахшид. Алоуддин хидмат кард ва ин рубой бар бадеҳа бигуфт (18, с.346-47). Аз чониби Санҷар, баъди ба Алоуддин Ҳусайн тақдим шудани ин инъоми арзишманд, ӯ низ нисбати Санҷар ва дарбориёни ӯ эҳтиром пайдо кард ва ваъда дод, ки хидмати Санҷарро адо хоҳад кард. Алоуддин Ҳусайн, ки аз табъи шоирӣ бархурдор буд, эҳтироми худро ба Санҷар чор мисраъ шеър изҳор кард:**

Бигрифту накуит шаҳ маро дар сафи кин,

Ҳарчанд будам қуитанӣ аз рӯи яқин.

Бахшид маро як табақ [аз] дурри самин,

Бахшоишу бахшиши чунон буду чунин (1, с.467).

Мувофиқи маълумоти сарчашмаҳо минбаъд муносибати ҳар ду подшоҳ хуб шуд. Дар ҳама ҳолат ба Алоуддин эътибори хоса меод. Мувофиқи маълумот султон Санҷар ягон маҷлисҳои сиёсӣ ва ишратиро бе ҳузурӣ Алоуддини Ғурӣ намегузаронид (18, с.347). Яке аз чунин базмҳои Ҷузҷонӣ ба тариқи зайл тавсиф мекунад: «То рӯзе

дар базм назари Алоуддин бар кафи пой мубораки Санчар афтод, ўро бар кафи пой холе бузург буд ва ў бар тахт нишаста буд, пой фурӯ гузошта, Алоуддин бархост ва ин байт бигуфт:

*Эй хоки дари сарои ту афсари ман,
В-эй ҳалқаи бандағи ту зевари ман.
Чун холи кафи пой туро бўса занам,
Иқбол ҳаме бўса занад бар сари ман* (18, с.347).

Дар давом Ҷуззонӣ мегӯяд: «Чун Алоуддин он рубоӣ бигуфт, султон Санчар илтимоси ўро иҷобат кард. Алоуддин чун бўса бар он хол зад, султон Санчар рӯи мӯи Алоуддинро бо ангушти пой бар замин бигрифт, Алоуддин хост, то сар аз замин бардорад, мӯяш канда шуд, ҳозирон бихандиданд. Алоуддин тира шуд, гунааш мутағайир гашт» (18, с.347).

Ба гуфти Ҷуззонӣ минбаъд ин ҳодиса ранги дигар гирифт: «Султон Санчар чун он хичолати ў мушоҳада фармуд, аз карами подшоҳона гуфт: Алоуддин! Аз ин мазох бишкастӣ!? Каффорати ин мазох мулки Ғурат муборак бод! Ба тарафи тахти худ мурочиат кун. Ту бародари манӣ!...» (18, с.347).

Мутаассифона, воқеан шарманда шудани Алоуддини Ғурӣ аз чониби султон Санчар ба ғайр аз асари бо номи «Табакоти Носирӣ»-и Минҳоҷ Сирочи Ҷуззонӣ, дигар дар ягон сарчашмаи дигари асримиёнагӣ инъикос наёфтааст. Дар баробари ин ҳангоми инъикоси таърихи сиёсии Ғуриён, ҳолати мазкурро ягон муаррих ва муҳаққиқи замони шӯравӣ ва истиқлолият дар асари худ инъикос накарданд. Ба ақидаи мо Алоуддин бо мақсади аз нав ба хирочгузори давлати Салҷуқиён мубаддал нашудан ва тахти худро аз даст надодан чунин рафтор намудааст.

Дар чунин ҳолат қабилаҳои бо номи ўғузҳо марказгурезӣ намуда, зидди султон Санчар шӯриш бардоштанд. Санчар тамоми рамаҳои ғуспандон ва галаи аспону шутуронро ба Алоуддин супурд ва хост то ки онҳоро ба Ғур барад ва баъди торумори шӯришгарони ўғуз онҳоро баргардонад (18, с.347). Ба фикри мо сабаби чунин рафтори Санчар дар он аст, ки ў мехост дар ҳолати бо қабилаи ўғузон ба вазъияти дучор рӯбарӯ шудан аз Алоуддин дар мақоми ноиби хеш ёрии ҳарбӣ хошиш кунад.

Дар қанге, ки соли 548 ҳ.к/1153 м. дар сарзамини Балх байни ўғузҳо ва Салҷуқиён ба амал омад, Салҷуқиён шикаст хӯрданд ва Санчар ба душман асир афтод (11, 169-170). Ўғузҳои шӯришгар пойтахти султони Хуросон шаҳри Марвро ду маротиба - август ва октябри соли 1153 м. ғорат карданд. Бисёр соқинони шаҳр, хусусан намояндагони табақаи рӯҳониёни олирутбаи ислом – шайхҳо, фақеҳон, хатибон, имомҳо қатл шуданд, зеро роҳбарони дин туркманҳои шӯришгарро «аҳли бидъат» эълон карда, оид ба рехтани хуни онҳо фатво дода буданд. Баъди Марв шӯришгарон ба истилои тамоми Хуросон шурӯъ намуданд. Соли 1156 м. Санчар аз асорати душман фирор карда, ба Тирмиз омад ва онро дорулмулк-пойтахти Хуросон эълон кард. Аммо ў дар Тирмиз, баъд дар Марв ҳокимиятро барқарор карда натавонист, аз изтироб саҳт бемор шуд ва 29 апрели соли 1157 м. вафот кард (15, с.380).

Ҳангоми асир будани Алоуддин дар дасти салҷуқиён, аён ва ашрофи Ғур Носируддин Ҳусейн ибни Муҳаммадро ҳукмрони Ғур таъин карданд (5, с.93). Мувофиқи маълумоти Ҷуззонӣ Носируддин ҳокими заиф буд. Заифии ў дар он зоҳир мешавад, ки ў баъди ба сари қудрат омадан қисми зиёди хазинаи давлатро ба амалдори олимақоми давлатӣ тақсим карда дод. Ҳамаи муаррихон қайд мекунанд, ки ў унвони «султон»-ро соҳиб набуд. Алоуддин ба давлаташ баргашт, сараввал тамоми

дарбориёнеро, ки ба ӯ хоинӣ карданд, ба қатл расонд. Муаррихи афғон Мир Ғулом Муҳаммад Ғубор маълумот медиҳад, ки Алоуддин баъд аз баргаштан ба Ғур як ҳазор қалъаҳои мардумонаш зидди ӯ бударо нобуд кард (4, с.131). Ба ақидаи Ғубор Алоуддин Ҳусайн асосгузори давлати Ғуриён ба шумор меравад. Лекин ба ин фикри муаррих розӣ шуда наметавонем. Барои он ки ханӯз чорум писари Изуддин - Сайфуддин ибни Изуддин дар соли 1147/1148 м. салтанати худро комилан мустақил эълон намуда буд. Аз ин рӯ, ӯро ҳамаи муаррихони ватаниву хориҷӣ ҳамчун асосгузори давлати Ғуриён эътироф кардаанд. Алоуддини Ғуриро машхуртарин подшоҳи давлати Ғуриён ҳисобидан мантиқан дуруст аст. Зеро маҳз дар давраи салтанати ӯ ҳудуди давлат васеътар шуда, вилоятҳои нав ба монанди – Бомиён, Тахористон, Гармсер, Ҳилманд, Заминдовар, Мурғоб, Нимрӯз Ғарҷистон, Ҳирот, Ғазнин ва ғ. забт карда шуданд. Ӯ идораи вилоятҳои Бомиён, Тахористон ва Бадахшонро ба бародари бузургаш Фаҳриддин Масъуд супорид. Маҳз аз ҳамин давра мулки алоҳидаи Ғуриён дар Бомиён ва Тахористон ба вучуд омад.

Хулоса, миёнаҳои асри XII давлати Ғуриён бо роҳбарии бонуфзтарин подшоҳи худ Алоуддин Ҳусайни Ғурӣ империяи Ғазнавиёнеро барҳам дода, аз рақиби пурқуввати худ озод шуд. Дар баробари ин ба Алоуддин муяссар шуд, ки давлати худашро аз хирочгузории давлати Салҷуқӣ озод намояд. Алоуддини Ғурӣ давоми ҳукмронии худ тавонист, ки давлати худро аз таъсири давлатҳои туркнаҷод озод намуда, барои инкишофи соҳаи иқтисодӣ-иҷтимоӣ, сиёсӣ ва ҳарбии давлати худ замина гузорад. Ин омилҳо сабаб шуданд, ки солҳои 1152-1206 дар саҳифаҳои таърихи давлати Ғуриён дурахшонтарин замони салтанати ин хонадон зикр шудааст.

Пайнавишт:

1. *Амиришоҳӣ Нурмуҳаммад. Давлатдории тоҷикон дар асрҳои IX-XIV. Порчаҳо аз «Равзату-с-сафо» ва дигар кутуб. – Душанбе: Амри илм, 1999.-1008 с.*
2. *Буниятов З.М. Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов (1097-1231). – Баку: Элм, 1999.-206 с.*
3. *Ғавсуддин Мустамади Ғурӣ. Таърихи мухтасари Ғуриён. – Ҳирот 1367 ш. (2008).- 266 с.*
4. *Ғубор Мир Ғулом Муҳаммад. Афғонистон дар масири таърих. – Кобул, 1387 ҳ. (1967).- 412 с.*
5. *История таджикского народа.-Т.3. –Душанбе, 2013 – 579 с.*
6. *Массон В.М., Ромодин Р.А. История Афганистана (в двух томах).Т.2. – М.: Наука, 1964. – 529 с.*
7. *Мирхонд. Равзат-ус-сафо. Таълиқот ва тасҳеҳи доктор Аббоси Зарёб. Ҷ.2.– Техрон, 1358 ш. (1979 м.). – 819 с.*
8. *Шариф Муҳаммад Мансури Муборақшоҳ. Одоб-ул-ҳарб ва-ш-шучоат. //Ба чоп ҳозиркунанда Аҳмад Суҳайли Хонсорӣ. – Техрон: Иқбол, 1346 ш. (1967). – 692 с.*
9. *Нишобурӣ Зоҳируддин. Салҷуқнома. – Техрон: Калолаи Ховар, 1332 ҳ.ш. (1953) – 81 с.*
10. *Ҳайдарӣ Муҳаммад Обид. Политическое устройство, социально-экономические отношения и культура государства Гуридов.: дис. ... канд.истор.наук. – Душанбе, 2013.-178 с.*
11. *Ҳусайн Қарачонлу, Исмаил Худойбахш Дучонӣ. Муносибати сиёсӣ ва низомии ғуриён бо ҳукуматҳои ҳамҷавор.//Улуми инсонии донишгоҳи аз-Зухро, пойизи 1384, №55.-С.167-192.*
12. *Пажвок Атиқуллоҳ. Ғуриён. – Кобул, 1345 ш. (1966). – 290 с.*
13. *Самарқандӣ Низомии Арӯзӣ. Чаҳор мақола. Таҳия ва тавзеҳи Фаҳриддин Насриддинов. – Хучанд: Ношир, 2015.-191 с.*

14. Стэнли Лэн-Пуль. *Мусальманские династии (Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями)*. //Перевод с английского с примечаниями и дополнениями В.В. Бартольда. – Москва: Муравей, 2004.- 310 с.
15. Турсунов Н.О. *Таърихи тоҷикон. – Хучанд: Наириёти давлатӣ, 2001 – 789 с.*
16. Фурӯғӣ Асгар. *Таърихи Ғуриён. – Техрон, 1387 ш. (2008).*-118 с.
17. Фарҳанги тафсири забони тоҷикӣ. *Иборат аз 2 ҷил. Ҷ.1-2. Зери назари Сайфиддин Назарзода. – Душанбе, 2008.-949 с.*
18. Ҷузҷонӣ Минҳоч Сироч. *Табақоти Носирӣ. Ҷ.1. Ба чоғ омодакунанда Абдулҳай Ҳабибӣ. – Кобул, 1363 ҳ. (1984) -501 с.*

Reference Literature:

1. Amirshohi Nurmuhammad. *Tajiks` Governance in the Period of the IX-th and XIV-th Centuries. Pieces from «Ravzatu-s-safo» and other books.* - Dushanbe: Amri ilm, 1999. – 1008 pp.
2. Buniyatov Z.M. *Kharezmskhids-Anushteginids`s Dynasty (1097-1231).* - Baku: Science, 1999. – 206 pp.
3. Ghavsuddin Mustamandi Guri. *Extensive History of Gur.* – Herat, 1387 hijra (2008). – 266 pp.
4. Ghubor Mir Ghulom Muhammad. *Afghanistan Being in the Route of History.* – Kabul, 1387 hijra (1967). – 412 pp.
5. *History of the Tajik People.* – V.3. – Dushanbe, 2013. – 579 pp.
6. Masson V.M., Romodin R.A. *History of Afghanistan (in two volumes).* – V.2. – M.: Science, 1964. – 529 pp.
7. Mirkhond. *Ravzat-ul-Safo. With Table of Contents, Corrections and Commentaries by Dr. Abbosi Zaryob.* – V.2. – Tehran, 1358shamsi/1979. – 819 pp.
8. Sharif Muhammad Mansuri Muborakshoh. *Education of War and Courage.*// under the editorship of Ahmad Suhaylii Khonsori. - Tehran: Fate, 1346shamsi/1967. – 692 pp.
9. Nushoburi Zohiruddin. *Saljuq-Name.* - Tehran: Orient, 1332h.sh/1953. – 81 pp.
10. Khaydari Muhammad Obid. *Political Arrangement, Social Economic Relations and Culture of Gurids` State. Synopsis of the dissertation for candidate`s degree in history.* – Dushanbe, 2013. – 195 pp.
11. Qarachonlu, Husayn, Khudoybakhsh Duchonii Ismat. *Political-Regulative Relations of Gurids with Boarders.* // Humanitarian Studies under Az-Zuhro University, 1384 hijra, #55. – pp. 167 – 192.
12. Pazhvok Atiqulloh. *Gurids.* – Kabul, 1345sh./1966. – 290 pp.
13. Samarqandi Nizomii Arghazi. *Four Articles. Preparation and Commentaries by Fakhriddin Nasriddinov.* - Khujnad: Publisher, 2015. – 191 pp.
14. Stanley, Len-Poul . *Moslemic Dynasty (Chronological and Genealogical Tables with Historic Introductions).* Translation from English, commentaries and addenda by V.V. Bartold. – M.: Muravyov, 2004.- 310 pp.
15. Tursunov N.O. *Tajiks` History.* - Khujnad: Statal publishing-house, 2001. – 789 pp.
16. Furughi Asghar. *History of Gurids.* – Tehran, 1387sh./2008. – 118 pp.
17. *Interpretation Dictionary of the Tajik Language.* In two volumes. – V. 1 – 2. Under the editorship of Sayfiddin Nazarzoda. - Dushanbe: Freedom of the Orient, 2008. -949 pp.
18. Juzjohni Minhoj Siroj. *Tabaqot-i Nosiri (Nosiri`s Category).* P.1. Preparation by Abdulhay Habibi. – Kabul, 1363 hijra (1984). – 501 pp.

07 00 07 ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ
07 00 07 ETHNOGRAPHY, ETHNOLOGY AND ANTHROPOLOGY

УДК 394.91
ББК 63.5(0)41

ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ
СОГДО-ТЮРКСКИХ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В РАННЕМ
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Аюбов Абдусалом Рауфович,
к. и.н., докторант Музея антропологии
и этнографии имени Петра Великого
(Кунсткамера) Российской академии
наук (Санкт-Петербург)

ВЕЖАГИҲОИ ТАҲАВВУЛИ
МУНОСИБАТҲОИ БАЙНИҲАМ-
ДИГАРИИ СУҒДИЁНУ ТУРКОН ДАР
ИБТИДОИ ҚУРУНИ ВУСТО

Аюбов Абдусалом Рауфович,
н.и.т., докторант Осорхонаи
антропология ва этнографияи ба номи
Пётри Бузург (Кунсткамера)
Академияи улуми Русия (Санкт-
Петербург)

PECULIARITIES OF EVOLUTION OF
SUGHDIAN-TURKIC
INTERRELATIONS IN
EARLY MIDDLE AGES

Ayubov Abdusalom Raufovich,
candidate of historical sciences, doctoral
student of the Museum of anthropology
and ethnography named after Peter the
Great (Cabinet of Curiosities) under the
Russian Academy of Sciences
(Saint-Petersburg)
E -MAIL: abdusalom-1@mail.ru

Ключевые слова: согдийцы, тюрки, эфталиты, Тюркский каганат, Согд, этнокультурный процесс, взаимодействие культур, материальная и духовная культура.

Вопросы этнокультурных отношений являются ключевыми в этнографическом исследовании. Этническое взаимодействие рассматривается как следствие переселений и как результат завоевательных войн в разные периоды истории народов. В статье исследованы вопросы взаимоотношений согдийцев и тюрков в эпоху раннего средневековья. Это эпоха возвышения Тюркского каганата. Отмечено, что приход тюрков и их совместное проживание с согдийцами привели к интенсификации этнических процессов и культурного взаимовлияния. Эти исторические процессы, т.е. этнокультурные отношения, происходили естественным путем и не наносили вреда ни одной из сторон. Исторические условия раннего средневековья способствовали развитию этнических процессов. Этнокультурные взаимоотношения согдийцев и тюрков имели важное значение для судеб народов Средней Азии, так как в их основе лежали общие интересы, которые как следствие политических, социально-экономических и этнокультурных процессов способствовали дальнейшему развитию народов Средней Азии, положили конец застойным эфталитским временам, усилили борьбу против арабских захватчиков, в материальной и духовной жизни появились элементы культурного прогресса.

Калидвожаҳо: сугдиён, туркҳо, ҳайтолиён, Ҳоқони турк, Сугд, раванди этникию фарҳангӣ, таъсири байниҳамдигарии фарҳангӣ, фарҳанги моддӣ ва маънавӣ

Масъалаҳои марбут ба муносибатҳои этникию фарҳангӣ дар тадқиқоти мардумшиносӣ аз мавзӯҳои дараҷаи аввал ба ҳисоб мераванд. Муносибати байни халқҳо, аз як тараф, ҳамчун натиҷаи муҳоҷират ва, аз тарафи дигар, чун пасомади ҷангҳои горагарона дар давраҳои мухталифи таърихи халқҳо баррасӣ мегардад. Дар мақола масъалаи муносибатҳои байни сугдиён ва туркҳо дар ибтидои қуруни вусто мавриди таҳқиқ қарор гирифтааст. Ин марҳала давраи болорагии Ҳоқонати турк буд. Муаллиф қайд намудааст, ки бо омадани туркҳо ҳамзистии онҳо бо сугдиён равандҳои этникӣ ва таъсири байниҳамдигарии фарҳангиро тезонид. Ин равандҳои таърихӣ, яъне муносибатҳои этникию фарҳангӣ бо роҳи табиӣ мегузашианд ва барои ягон тараф пайомадҳои манфӣ надиҳанд. Шароити таърихӣ ибтидои қарнҳои миёна барои рушди муносибатҳои этникӣ мусоид буд. Муносибатҳои этникию фарҳангии сугдиён ва туркҳо барои тақдирӣ халқҳои Осиёи Миёна аҳамияти муҳим дошанд, зеро дар ниҳоди онҳо манфиатҳои умумӣ қарор дошанд. Ин манфиатҳо ҳамчун натиҷаи равандҳои сиёсӣ, иҷтимоӣ-иқтисодӣ ва этникию фарҳангӣ ба рушди минбаъдаи халқҳои Осиёи Миёна мусоидат намуда, ба давраи бозмондагии Ҳайтолиён хотима гузошанд, муборизаи зидди истилогарони арабро нерӯ бахшиданд, дар ҳаёти моддӣ маънавӣ унсурҳои нави пешқадами фарҳангӣ пайдо шуданд.

Keywords: *Sugdians, Turks, Ephtalies, Turkic Kaganate, Sughd, ethnocultural process, interaction between cultures, material and spiritual culture*

The issues of ethnocultural relations are key ones in ethnographic exploration. Ethnical interaction is canvassed as a sequence of migrations being a result of conquestal wars in defferent periods of peoples` history. The author of the article researched the issues of interaction between Sughdians and Tiurcs in the epoch of Early Middle Ages. It was the epoch of Kaganate elevation of Tiurcs. The author underscores that advent of Tiurcs, their joint habitation with Sughdians entailed in intensification of ethnical processes and mutual cultural influence. Those historical processes, i.e. ethnocultural relations functioned naturally, without bringing harm to either sides. The historic atmosphere of Early Middle Ages promoted a development of ethnical processes. Ethnocultural mutural relations between Sughdians and Tiurcs were of great importance for the fates of the peoples of Central Asia as they were based on common interests; the latters being a sequence of political, social-economic and ethnocultural processes promoted further evolution of Central Asia peoples having put an end to stagnant Ephtalitian times, strengthened the struggle against Arabian conquerors; in material and spiritual life there appeared new elements of cultural progress.

Вопросы этнокультурных процессов, среди которых особо выделяются взаимоотношения этносов, являются актуальными в исследовательской работе по этнографии различных народов, так как именно эти процессы и определяют их дальнейшую судьбу, место в Ойкумене. Взаимоотношения этносов имеют глубокие корни и в зависимости от развития общества проходили в разных условиях. Как уже отмечалось, развитие общества, исторические условия обуславливают особенности взаимодействия культур этносов. Среди таких взаимодействий можно отметить отношения согдийцев и тюрков в раннем средневековье после образования Тюркского каганата.

Время господства Тюркского каганата в Средней Азии имело свои особенности. О роли Тюркского каганата в мировой истории писал В.В. Бартольд: «Тюрки, около середины VI в. сменившие в Монголии жужаньцев, основали самую могущественную из всех кочевых империй домонгольского периода» [4, с.181]. Он был прав, так как исследователи называют время эфталитов на политической карте Центральной Азии застойным [27, с.5].

Образование Тюркского каганата на территории Средней Азии имеет свои объективные и субъективные причины. Во-первых, согласно китайским источникам, народы, проживавшие на территории Средней Азии и Тюркского каганата – юэцжи, саки, согдийцы и тюрки, находились на едином этническом пространстве, когда во II тыс. до н.э. переселились с северных границ Каспийского и Аральского морей на восток и юг. Отношения между ними через торговые пути длились столетия. За это время в их языке происходили изменения, но в антропологическом облике, некоторых обычаях сохранились сходные черты. Во-вторых, политические и экономические интересы ускорили процесс преобладания Тюркского каганата в Средней Азии. Как отмечает Ю.А.Зуев, поход тюрков в Среднюю Азию стоит оценить как миграцию тюркских племен [8, с.325]. С другой стороны, Тюркский каганат активизировал политические, экономические и этнокультурные процессы у народов региона. В рамках согдо-тюркских отношений в раннем средневековье обеспечивались культурный обмен и единство между народами Востока и Запада.

В 552 г. тюрки под руководством Бумина – «Элхона» нанесли поражение аварам и основали новое государство – каганат [14, с.7]. Брату Бумина – Истеми с титулом «ябгу» была поручена западная часть каганата. Через два года под ударами тюрков пали уйгуры и за счет племен нушибу, дулу и тюркашей численность армии каганата достигла ста тысяч воинов. Это позволило перейти к более расширенным военным походам. Истеми - «ябгу» превратился в кагана племен «ун ук» [12, с.52; 25, с.159]. В его владения сначала входили территории от Семиречья до среднего течения Сырдарьи [14, с.9]. Истеми в дальнейшем с целью расширения границ своего государства предпринял поход в центр государства эфталитов. Этот поход потребовал сотрудничества согдийцев и тюрков. Первый тюркский каган Мухан, узнав об этих событиях, в 554 г. с целью не допустить союза иранцев и эфталитов, направил к Сасанидам своих представителей. Однако послы не смогли выполнить свою миссию, так как царь эфталитов Гатифар приказал их задержать и казнить. Несмотря на это, был создан союз тюрков и иранцев [6, с.282]. Об этом также сообщает армянский историк Себеос. Из его сведений также стало известно, что Анушервон женился на дочери Истеми - Кайин [17, с.151; 18, с.71].

До 555 г. Истеми завоевал территории от Сырдарьи до Хорезма, в результате чего Хорезм превратился в вассала каганата. За это время отношения Сасанидов и эфталитов ухудшились. Сасаниды не стали платить эфталитам определенную по соглашению дань [7, с.309].

Истеми - ябгу вытеснил эфталитов в долину Тарим. Эфталиты оказались между тюрками и Сасанидами. В 558 г. войска кагана Мухана, пройдя долину Текес, через Семиречье вошли в Среднюю Азию. Сасанидский царь Хосров I установил связь с тюрками [6, с.272]. Его встревожили действия тюрков. Мухан - каган поручил Истеми-ябгу покончить с эфталитами и в 562 г. вернулся в Утукан – столицу каганата. Истеми-ябгу продолжал военные действия.

Наряду с этими событиями Тюркский каганат установил двусторонние отношения со своими вассалами. В записях Култегина имеются такие строки: «Из юго-западного Согда,

Барчакар, народа Бухары прибыл Нанг Сангу (и) Угул тархон». Эта запись свидетельствует об установлении дипломатических отношений между Согдом и Тюркским каганатом. В 564 году армия Сасанидов захватила Тохаристан, который считался важной стратегической областью Средней Азии. После победы тюрков в Нахшабе в 565 г. Согд присоединился к каганату. А через два года эфталиты были разбиты тюрками под Бухарой.

Завоевание тюрками принадлежавших эфталитам территорий Восточного Туркестана и Средней Азии, а Сасанидами Хорасана и Балха привело к разногласиям по вопросу господства на Великом шелковом пути. В этом вопросе позиция согдийцев имела особое значение, так как они играли важную роль в торговых связях на Великом шелковом пути. Согдийцы служили интересам каганата. В свою очередь, каганат советовался с согдийцами по вопросам торговых отношений, просил их участия и помощи и, таким образом, с помощью согдийцев тюрки могли контролировать отношения на Великом шелковом пути.

В 574 г. скончался Мухан-каган, а в 576 г. – Истеми-ябгу. Один из правителей каганата Чурбуга – Карачурин, завоевав в 588 г. Тохаристан, дошел до Герата. В этой борьбе эфталиты и тюрки объединились против Ирана [24, с.140]. Однако сасанидский царь Бахрам Чубин разгромил Карачурина. Сын Карачурина Бармуд попал в плен и подписал мирное соглашение под Термезом [6, 278; 23, 57]. В 576-583 гг. Западно-тюркским каганатом самостоятельно правил Билга Гарду, но, несмотря на это, Восточно-тюркский каганат обладал политическим преимуществом.

Внутренний конфликт в каганате усиливал китайские династии Суй и Тан. Китайцам удалось в 630-682 гг. ослабить каганат [3, с.101]. В 640 г. китайский император Ли Ши Минь начал поход против Западно-тюркского каганата в долине Тарим. Более того, против западных тюрков выступил восточно-тюркский каган Ашина Тур со своим 100-тысячным войском. Ему удалось захватить западнотюркские владения Турфон, Бешбалик, Карашар, Кучар, Кашгар и Хутан. Именно в эти годы усиливается влияние Китая на Согд.

Согдийские правители Шишпир (650-655) и Авархуман (650-675) в отношениях с Китаем выбрали дипломатический путь. Вероятно, согдийские монеты по примеру китайских были выпущены под давлением Китая. Согд был вынужден периодически отправлять подарки китайским императорам. Несмотря на это, Китай не смог установить контроль над Западно-тюркским каганатом и его вассалами. Тюрки, установившие свою власть от Чача до Турфана, в течение полувека не давали возможности империи Тань совершить поход против Восточного Туркестана и Средней Азии.

Наряду с этим тюрки вместе с населением Согда на восточных границах участвовали в борьбе против новых захватчиков – арабов [21, с.213; 22, с.78]. На фоне этих событий можно заметить военно-дипломатические шаги согдийцев и тюрков в борьбе за сохранение независимости своих земель. В результате политических процессов – восстановления Восточнотюркского каганата Кутлуг Элтаришем в 682 г., и в особенности похода арабов в Мавераннахр в 654 г., образование Тибетского государства в 629 г. – было предотвращено передвижение Китая на запад, в том числе захват ими Средней Азии. При этом разгром китайских войск арабо-среднеазиатской армией под командованием Зияда ибн Салиха имел не только военное, но и политическое значение [11, с. 116].

Политические процессы: существование Западнотюркского каганата, Тургашского каганата и Согда - в 603-742 гг. показали солидарность населения этих государств. Отношения Согда и Западнотюркского каганата имели особое значение в истории Средней Азии. Эти события являются результатом двухвековых интеграционных и этнокультурных процессов под названием «согд-тюрк». Сближению с Западнотюркским каганатом

способствовало переселение групп населения Средней Азии, в том числе согдийцев, в Семиречье и Восточный Туркестан. Развивались ремесленное производство, земледелие и торговля. Согдийские купцы, приобретая товары у тюркских аристократов, способствовали росту их доходов.

В Средней Азии и Хорасане тюркский слой населения частично является древним. А тюрки каганата объединили их под общим названием, что позволило повысить удельный вес тюрков. В книге Табари имеются сведения о борьбе тюрков Дехистана, Кухистана и Бадгиса против арабских завоевателей [10, с.164]. Особое значение имеет объединение местных тюрков Согда, Чача, Ферганы и Тохаристана с восточноиранскими народами – согдийцами, ферганцам, тохарами. Тюрки, по мнению А.Ю. Якубовского, в Согде «чувствовали себя как дома» [27, с.7].

Согдийцы также служили в рядах тюркской армии для борьбы против общих врагов. В первые годы тюркские правители не вмешивались в управленческие дела местных правителей и ограничивались лишь сбором подати. Основной задачей они считали защиту своих вассалов. Но со временем ситуация изменилась. Теперь представители каганата открыто вмешивались во все дела среднеазиатских владений.

Тюркский каган Тун-ябгу проводил некоторые административные реформы. В административное управление были внесены тюркские титулы: ябгу – заместитель кагана, тегин – принц, преемник власти, шад – военный командир, элтабар – администратор третьей степени после кагана, хотун – супруга правителя, тудун – организатор сбора налогов, тархон – администратор после элтабара и др.

Представители Тюркского каганата начали устанавливать родственные отношения с местными чиновниками. Согласно сведениям китайских источников «Бей ши» и «Суй шу», правитель Согда выдал свою дочь Тарду замуж за кагана. По сведениям «Тан шу», ихшид (правитель) Согда Кюе-му-чжи женился на дочери Тун-ябгу-кагана. В дальнейшем Карачурин Тюрк выдал замуж свою дочь за правителя Самарканда [5, с.311; 27, с.7]. Брачные узы, укрепив центральную власть, превратились в составную часть согдо-тюркских отношений. Однако династические тюрко-согдийские браки были неравноправными. Согласно исследованиям В.А. Лившица, это ни в коей мере не распространялось на массовые узы подобного рода [22, с.17-45].

В хронике «Суйшу» сообщается, что правитель Самарканда, как и тюрки, заплетал косы; некоторые обряды согдийцев, в том числе брачные и похоронные, имели сходство с тюркскими. Наряду с этим будто бы согдийцы использовали тюркскую письменность. Следует отметить, что не всегда сведения источников соответствуют действительности. Согдийцы никогда не пользовались тюркским письмом, так как исследование мугских документов показало, что в Согде употреблялась собственная система письма. Согдийский язык был языком делопроизводства. Наоборот, наряду с мелкими согдийскими надписями, в Чуйской долине, в окрестностях каганата, была найдена стела с тюркским текстом, выполненная согдийскими письменами [13, с.134]. Это свидетельствует о влиянии согдийской письменности за пределами самого Согда. Судя по этому, современные исследования позволяют полагать, что не согдийцы обращались к тюркской письменности, а, скорее всего, согдийские курсивообразные буквы использовались для начертания большей части древнетюркских рунических знаков. На первых порах согдийские и тюркские графемы были похожи, поэтому китайские хроники имеют некоторые недостоверные сведения в пользу тюркской письменности.

Для развития событий характерно не только переселение согдийцев в Семиречье, Восточный Туркестан, на Алтай, но и автохтонность тюрков в Средней Азии. Тюркское автохтонство в Средней Азии наметилось не только в V-VIII вв. Согласно сведениям археологических материалов, тюрки проживали здесь ещё до образования Тюркского каганата [14, с.6-8].

В результате завоеваний каганата повысилась также роль местных тюрков, и они наряду с другими этносами начали участвовать в политической жизни региона. При правлении Тун-ябгу (618-630) согдо-тюркские связи вышли на новый уровень. Участие тюрков в политической, экономической, культурной жизни, военной сфере дало свои результаты, в том числе усовершенствовались военные силы. Согдийские и тюркские солдаты имели одинаковое оружие [26, с.264].

Тюрки каганата внесли новые черты в ремесленное дело, обработку металла, изготовление украшений, предметов быта, оружия. В духовной жизни происходил синтез обрядов, религиозных убеждений, традиций и культуры [6, с.281]. В одежде и головных уборах жителей от Алтая до Согда можно было заметить тождественность. Свидетельством тюркского элемента в одежде персонажей росписей является наборный пояс [19, 79]. В Пенджикенте была найдена коллекция серег, аналоги которых позже нашли в Фергане и Семиречье. Данные археологии позволяют сделать вывод, что в Согде и Восточном Туркестане в эпоху раннего средневековья наблюдается частичное или полное сходство в одежде кочевых тюрков Центральной Азии.

Китайские письменные источники сообщают о наличии тюркской прически, прежде всего косы, у мужчин Восточного Туркестана и Согда. Это сообщение частично подтверждают настенные росписи в этих регионах. По мнению Л.И. Альбаума, фигуры с косами, изображенные на фресках, имели от четырех до семи кос, что являлось отличительной особенностью и семиреченских кочевников [2, с.88]. В изображениях правителей на монетах Согда VII-VIII вв. и у персонажей на стенных росписях городища Афрасиаб также выделены косы. Следуя этому, можно считать вполне обоснованным предположение Л.И.Альбаума, что фигуры с косами являются как тюрками, так и согдийцами с тюркскими обычаями [20, с.136]. Нужно отметить, что до VI в. в Средней Азии не было мужских причесок с тюркскими аналогами [1, с.77; 16, с.59].

В изобразительном искусстве Согда появились тюркские элементы [15, с.423]. Об этом свидетельствуют настенные изображения Афрасиаба и Пенджикента. Если тюрки каганата переняли зороастризм у согдийцев, то, согласно тюркским традициям, погибших солдат в Согде хоронили вместе с их лошадьми. Оказавшись в зоне мощного воздействия согдийской цивилизации, тюрки Семиречья стали исповедовать манихейство и христианство, а некоторые со временем даже имели возможность возглавлять согдийско-тюркские религиозные общины [9, с.97].

Таким образом, совместное проживание тюрков и согдийцев привело к усилению межэтнических процессов и культурного взаимовлияния. Эти исторические процессы происходили естественным путем и не наносили вреда ни одной из сторон. Ситуация того времени обеспечивала вышеназванные процессы. Этнокультурное взаимоотношение согдийцев и тюрков имело важное значение для судеб народов Средней Азии, так как в их основе лежали общие интересы, которые как следствие политических, социально-экономических и этнокультурных процессов способствовали дальнейшему развитию народов Средней Азии, положили конец застойным эфталитским временам, расширили фронт борьбы с арабами, изменили материальную и духовную культуру.

Список использованной литературы:

1. Альбаум, Л.И. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Правобережного Тохаристана / Л.И. Альбаум. - Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1960. - 228 с.
2. Альбаум, Л.И. Новые росписи Афрасиаба / Л.И. Альбаум // Страны и народы Востока. Ежегодник. - 1971. - Вып. X. - С.83-89
3. Алмас Т. Уйгуры / Т. Алмас. Часть 1. - Алма-Ата: Гл.ред. Каз. Советской энциклопедии, 1989. - 146 с.
4. Бартольд, В. В. История культурной жизни Туркестана / В. В. Бартольд. - Л.: Изд-во АН СССР, 1927. - 256 с.
5. Бичурин, Н.Я. Собрание сведений / Н.Я. Бичурин. Т. III. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1953. - 328 с.
6. Гафуров, Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Кн.1. / Б.Г. Гафуров. - Душанбе: Ирфон, 1989. - 384 с.
7. Дьяконов, М.М. Очерки истории древнего Ирана / М.М. Дьяконов. - М., Наука, 1961. - 444 с.
8. Зуев, Ю.А. Западнотюркский каганат / Ю.А. Зуев // История Казахской ССР. Том 1. - Алма-Ата: АН КазССР, 1977. - С.321-325.
9. Зуев, Ю.А. Тамги лошадей из вассальных княжеств / Ю.А. Зуев // Тр. ИИАЭ АН Каз. ССР. Том 8, 1960. - С. 97-101.
10. История ат-Табари. - Ташкент: Фан, 1987. - 440 с.
11. Камалов А. О тюрко-согдийском взаимодействии в Танском Китае / А. Камалов // Иран-наме. -2007. -№4. - С.115-118.
12. Кляшторный, С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии / С.Г. Кляшторный. - СПб.: Наука, 2006. - 591 с.
13. Кляшторный С.Г., Ливищ В.А. Согдийская надпись из Бугута / С.Г. Кляшторный, В.А. Ливищ // Страны и народы Востока. Ежегодник. - 1971. - Вып. X. - С.121-146.
14. Маликов, А. Тюрки в Среднеазиатском Междуречье в VI-VIII вв. (по археологическим и письменным источникам): автореф. дисс. канд. ист. наук: 07.00.01 / Азим Маликов. - Самарканд, 2000. - 26 с.
15. Маршак, Б.И., Распопова В.И. Кочевники и Согд / Б.И. Маршак, В.И. Распопова // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. - Алма-Ата: Наука, 1989. - С.416-425.
16. Мешкерис, В.А. Терракоты Самаркандского музея / В.А. Мешкерис. - Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1962. - 107 с.
17. Мокрынин, В.П. К вопросу о тюрко-согдийской интеграции VI-VIII вв. / В.П. Мокрынин // Из истории дореволюционного Киргизстана. - Фрунзе: Илим, 1985. - С.152-164.
18. Мокрынин, В.П. Сирийские и армянские источники / В.П. Мокрынин // Источниковедение Кыргызстана (с древности до конца XIX в.) - Бишкек: Илим, 2004. - С.64-73.
19. Распопова В.И. Поясной набор Согда в VII-VIII вв. / В.И. Распопова // СА. -1965. - №4. - С.78-91
20. Смирнова О.И. Каталог монет с городища Пенджикент / О.И. Смирнова. - М.: Изд-во Восточной литературы, 1963. - 201 с.
21. Смирнова, О.И. Очерки из истории Согда / О.И. Смирнова. - М.: Наука, 1970. - 145 с.
22. Согдийские документы с горы Муг. Вып. II: Юридические документы и письма / Чтен., пер. и коммен. В.А. Ливища. - М.: ИВЛ, 1962. - 224 с.
23. Тер-Мкртчян, Л.Х. Армянские источники о Средней Азии. V-VII вв. / Л.Х. Тер-Мкртчян. - М.: Наука, 1979. - 186 с.
24. Тревер, К.В. Эфталиты. Хиониты / К.В. Тревер // Советская археология. - 1954. - №21. - С. 133-135

-
25. Феофилакт Симикатта. История / Пер. С.П. Кондратьева. – М.: Арктос, 1996. – 272 с.
 26. Худяков, Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии / Ю.С. Худяков. – Новосибирск: Наука, 1986. – 268 с.
 27. Якубовский, А.Ю. К вопросу об этногенезе узбекского народа / А.Ю. Якубовский. – Ташкент: Изд-во УзФан, 1941. – 20 с.

Reference Literature:

1. Albaum, L.I. Balalyk-Tepe. To the History of Material Culture and Art of the Right Bank of Tokharistan / L.I. Albaum. - Tashkent: Publishing-House of the Academy of Sciences of the Uzbek SSR, 1960. - 228 pp.
2. Albaum, L.I. New Paintings of Aphrasias / L.I. Albaum // Countries and Peoples of the East. Annual. – 1971. Issue X. – pp. 83 - 89.
3. Almas T. Uighurs / T. Almas. Part 1. - Alma-Ata: Central editorial board of Kazakh Soviet Encyclopedia, 1989. - 146 pp.
4. Bartold, V.V. The History of the Cultural Life of Turkestan / V.V. Bartold. - L.: Publishing-House of the USSR Academy of Sciences, 1927. - 256 pp.
5. Bichurin, N.Ya. Collection of Data / N.Ya. Bichurin. – V. III. M. - L.: Publishing-House of the USSR Academy of Sciences, 1953. - 328 pp.
6. Gafurov B.G. Tajiks. The Ancientest, Ancient and Medieval History. Book 1. / B.G. Gafurov. - Dushanbe: Cognition, 1989. - 384 pp.
7. Dyakonov, M.M. Essays on the History of Ancient Iran / M.M. Dyakonov. - Moscow: Science, 1961. - 444 pp.
8. Zuev, Yu.A. The West-Turkic Khanate / Y.A. Zuev // The History of the Kazakh SSR. Volume 1 – Alma-Ata: the Kazakh SSR Academy of Sciences, 1977. – pp. 321 - 325.
9. Zuev, Y.A. Tamgas` Horses from Vassal Princedoms / Y.A. Zuev // Tidings of the Institute of History, Archeology and Ethnography under the Kazakh SSR Academy of Sciences. - V.8, 1960. - pp. 97 - 101.
10. The History of at-Tabari. - Tashkent: Science, 1987. - 440 pp.
11. Kamalov A. On Turkic-Sughdian Interaction in Tang China / A. Kamalov // Iran-Name, 2007, №4. – pp. 115 - 118.
12. Klyashtorny, S.G. Monuments of Ancient Literature and Ethno-Cultural History of Central Asia / S.G. Klyashtorny. - SPb.: Science, 2006. - 591 pp.
13. Klyashtorny S.G., Livshits V.A. Sughdian Inscription from Bugut / S.G. Klyashtorny, V.A. Livshits // Countries and Peoples of the East. Annual. – 1971. – Issue 10. - M., 1971. - pp. 121 - 146.
14. Malikov, A. Tiurks in the Middle Asian Land between the two Rivers (Varorud) in the Period of the VI-th – the VIII-th Centuries (based on archaeological and written sources): synopsis of candidate dissertation in history: 07.00.01 / Azim Malikov. - Samarkand, 2000. – 26 pp.
15. Marshak, B.I., Raspopova V.I. Nomads and Sughd / B.I. Marshak, V.I. Raspopova // Interaction between Nomadic Cultures and Ancient Civilizations. - Alma-Ata: Science, 1989. – pp. 416 - 425.
16. Meshkeris, V.A. Terracotta of Samarkand Museum / V.A. Meshkeris. - L.: State Hermitage Publishing-House, 1962. - 107 pp.
17. Mokrynin, V.P. On the Issue of Turkic-Sughdian Integration Referring to the Period of the VI-th – the VIII-th Centuries. / V.P. Mokrynin // From the History of pre-Revolutionary Kyrgyzstan. - Frunze: Science, 1985. – pp. 152 - 164.
18. Mokrynin, V.P. Syrian and Armenian Sources / V.P. Mokrynin // Chronological Originals of Kyrgyzstan (from antiquity to the end of the XIX-th century.) - Bishkek: Science, 2004. – pp. 64 - 73.

-
19. Raspopova V.I. *Belt Set of Sughd Referring to the Period of the VII-th – the VIII-th Centuries* / V.I. Raspopova // SA. -1965. - №4. - pp. 78 - 91.
 20. Smirnova O.I. *Coin Catalogue from the Settlement of Penjikent* / O.I. Smirnova. - M.: Publishing-House of Oriental Literature, 1963. - 201 pp.
 21. Smirnova, O.I. *Sketches from the History of Sughd* / O.I. Smirnova. - M.: Science, 1970. - 145 pp.
 22. *Sughdian Documents from the Mount of Mug. Issue II: Juridical Documents and Writings / reading, translation and commentaries by V.A. Livshits.* - M.: PHOL, 1962. - 224 pp.
 23. Ter-Mkrtychyan, L.H. *Armenian Sources Referring to Central Asia. V-VII Centuries.* / L.H. Ter-Mkrtychyan. - M.: Science, 1979 - 186 pp.
 24. Trever, K.V. *Epthalites. Khionites* / K.V. Trever // Soviet Archeology. - 1954. - №21. - pp. 133 - 135.
 25. Feofilakt Simikatta. *History* / Translated by S.P/ Kondratiev. - M.: Arktos, 1996. - 272 pp.
 26. Khudyakov Y.S. *Armament of Medieval Nomads of Southern Siberia and Central Asia* / Y.S. Khudyakov. - Novosibirsk: Science, 1986. - 268 pp.
 27. Jakubovsky, A.Yu. *On the Issue of Ethno-Genesis of the Uzbek People* / A.Yu. Jakubovsky. - Tashkent: Publishing-house of Uzbek Science, 1941. - 20 pp.

УДК 389.1 (091) (574/575)
ББК 30.10+63.2 (5 тадж)

**ТАДЖИКСКИЕ
ЛИНЕЙНЫЕ МЕРЫ
ДЛИНЫ КОНЦА XVIII –
НАЧАЛА XX ВЕКОВ**

Холов Махмуджон Шарипович,
к.ф.-м.н., ведущий научный сотрудник Института языка,
литературы, востоковедения и письменного наследия им.
Рудаки АН РТ (Таджикистан, Душанбе)

**ВОҲИДҶОИ ЧЕНАКИ
ДАРОЗИИ ТОҶИКӢ ДАР
ОХИРИ АСРИ XVIII -
АВВАЛИ АСРИ XX**

Холов Махмудҷон Шарипович,
н.и.ф.-м., ходими пешбари илмии Донишқадаи забон,
адабиёт, шарқшиносӣ ва мероси хаттии ба номи
Рудакии АИ ҶТ (Тоҷикистон, Душанбе)

**TAJIK LINEAR MEASURES
OF LENGTH REFERRING
TO THE END OF THE
XVIII-TH - THE
BEGINNING OF THE XX-
TH CENTURIES**

Kholov Mahmudjon Sharipovich, candidate of physic-
mathematical sciences, leading scientific officer of the
Institute of language, literature, Oriental studies and written
heritage named after Rudaki under the Academy of Sciences
of the Republic of Tajikistan (Tajikistan, Dushanbe).
E-MAIL: kholov-mahmud@rambler.ru.

Ключевые слова: Средняя Азия, Бухарский эмират, Восточная Бухара, Западный Памир, меры длины

В статье приведены таджикские меры длины конца XVIII – начала XX веков, система их образования, кратные и дольные единицы. Отмечено, что метрология народов Средней Азии, в том числе таджиков, мало изучена, и почти нет работ, исследующих рассматриваемый период. Приведены сведения по метрологии таджиков, извлечённые из трудов русских и восточных исследователей. Показано разнообразие и различие линейных мер таджиков рассматриваемого периода. Указано, что таджикская система мер длины состояла из понятий *ангушт* (палец), *ваджаб* (пядь), *газ* (локоть), *кадам* (шаг) и *фарсанг*, названия и размеры которых связаны с названиями частей человеческого тела.

Калидвожаҳо: Осиёи Миёна, аморати Бухоро, Бухорои шарқӣ, Помири ғарбӣ, воҳидҳои ченак, ангушт, ваҷаб, газ, қадам, фарсанг

Дар мақола сухан дар бораи ифодаи тоҷикии воҳидҳои ченаки дарозӣ дар охири асри XVIII ва аввали асри XX меравад. Муаллиф дар мақола оид ба доираи пайдоиши инкишофи онҳо ва ифодаи воҳидҳои ченак бо карату бақияю ҳисса сухан меронад. Муҳаққиқ шиора мекунад, ки дар Осиёи Миёна, аз ҷумла дар тоҷикон илм оид ба ченаку вазн кам омӯхта шуда, тадқиқотҳои илмӣ доир ба ин марҳалаи таърихии омӯхташаванда мавҷуд нест. Муаллиф барои қиёсу муқобала аз тадқиқотҳои баанҷомрасидаи олимони русу шарқшиносон маълумот овардааст. Муаллиф қўиши намудааст, ки гуногунрангӣ ва фарқи ифодаи воҳидҳои ченаки дарозӣ, истифодаи

онхоро дар забони ин давраи таърихӣ нишон диҳад. Таъкид мешавад, ки воҳидҳои ченаки дарозии тоҷикӣ аз истифодаю истеъмоли мафҳумҳои ангушт, ваҷаб, газ, қадам, фарсанг иборат аст, ки ин номгӯ ва ин шакли ҷӯдаи андоза ба тани инсон ва узвҳои ӯ вобастагӣ дорад.

Key words: Middle Asia, Bukhara Emirate, Eastern Bukhara, the Western Pamirs, measures of length

In his article the author considers the Tajik measures of length referring to the period of the XVIII-th – the beginning of the XX-th centuries, the system of their formation, multiple and submultiple units. It is asserted that metrology of Central Asian people, Tajiks inclusive, is scantily studied, and there are almost no works exploring the period under consideration. The author of the article adduces information concerned with Tajiks' metrology extracted out of both Russian and Eastern explorers' works. Diversity and distinctions of Tajiks measures of length referring to the period researched are demonstrated. It is indicated that the system of Tajik measures of length consisted of the following notions: angousht (finger), vajab (span), pai (foot), gaz (elbow), qadam (step) and farsang (mile); names and sizes of the above-mentioned elements are connected with the names of the parts of a human body.

Метрология Средней Азии, в том числе таджиков, мало изучена, и почти нет работ, исследующих рассматриваемый период. Небольшой материал по этой теме собран Е. А. Давидович. Но она отмечает, что «... предлагаемые здесь материалы по метрологии Средней Азии далеки от полноты, да и не могут быть иными в силу специфики среднеазиатских источников по метрологии и незначительности ранее проделанной в этом направлении исследовательской работы» [12, с. 77]. После этой работы более сорока лет не было научного исследования о таджикской метрологии. Только в 2009 году появилось научное исследование Х. А. Каюмовой [22], которое посвящено метрологии таджиков горных регионов Восточной Бухары (Каратегин, Дарваз, Западный Памир). С другой стороны, линейные меры таджиков северо-западной части Средней Азии (Центральная или Западная Бухара, Кокандское ханство) отличаются по названию и размеру от мер таджиков её юго-восточной части (Восточная Бухара, Западный Памир). Исследователем показано разнообразие и различие линейных мер таджиков рассматриваемого периода. Для удобства линейные меры выделены курсивом и приведены в алфавитном порядке.

Ангушт (от таджикского буквально «палец») – мелкая мера длины, равная ширине среднего сустава согнутого пальца. В разных местностях Средней Азии эта мера иногда называлась на местном диалекте (*илик* в Касане, *лили* в Маргелане, *лела* в Риштане, *лелак* в Сохе (Фергана), *элик* в Ташкенте), но ее размер оставался приблизительно одинаковым. Она являлась одной из древних мер мусульманского Востока, называлась *асба'* и равнялась 6 *ша'ирам* (ячменным зернам) или 1/24 локтя (*зира'*), и поэтому колебалась в зависимости от размеров последнего. Однако в мусульманской метрологии все же преобладали две меры: *асба'* канонического локтя (*гази шар'и*, *аз-зира' аш-шар'ийа*), т.е. 2,078 см, и *асба'* так называемого «черного» локтя (*аз-зира' ас-сауда'*), введенная при Аббасидах [38, с. 62,70].

Согласно бухарскому трактату конца XVIII века «Маджма' ал-аркам», канонический размер *ангушта* был равен общей ширине 6 ячменных зерен (*джав*), положенных рядом друг с другом, причем ширина каждого ячменного зерна равна общей толщине 6 волосков

из гривы рабочей лошади [26, с. 93]. Таджикский ученый и просветитель Ахмад Дониш (1827-1897) в своем астрономическом труде «Маназир ал-кавакиб» определяет размер *ангушта* также в 6 ячменных зерен (*джав*). Причем зерна должны быть одинаковыми по длине и ширине и расположены друг за другом [3, л. 172].

Ангушт в Бухаре и других областях и городах Средней Азии употреблялся как самостоятельная, а также как составляющая величина. Число *ангуштов* определяло размер одной из основных среднеазиатских мер длины - *газа*. Однако средний размер *ангушта* (как величины, составляющей *газ*) мог варьироваться, так как практически *газ* часто отмерялся кулаками, что соответствовало 4 *ангуштам*, и поднятым большим пальцем (*асба' ка'има*), что соответствовало 3 *ангуштам*. Отмеривание осуществляли обычно несколько человек или один человек, кулак которого был признан «средним», а полученный результат законоведы закрепляли в эталонах, с которыми каждый мог сверяться. Поэтому некоторые колебания размера *ангушта* практически были неизбежны. Обратный пересчет среднего размера *ангушта* из размера *газов* (когда последние выражены в русских или английских единицах) убеждает в следующем: *ангушт*, который был составляющей величиной *газов*, во всех случаях (кроме канонического *газа* в 24 *ангушта*) оказался несколько больше канонического размера *ангушта* (2,078 см), но, безусловно, и намного меньше английского *дюйма* (2,54 см). Отмечены колебания *ангушта* в пределах 2,18-2,28 см.

В Восточной Бухаре *ангушт* (палец) назывался терминами *лик* или *чилик* [34, с.176]. *Лик* в зависимости от положения пальцев на плоскости при ее измерении также назывался *ду лик* («два пальца»), *се лик* («три пальца»), *чор лик* («четыре пальца»). Таджики Западного Памира называли *ангишт ангихт* (в Хуфе – *ингахт*, в Язгулеме – *ангишт*) [1, с. 176, 340].

Ваджаб (буквально - «большая пядь», «четверть») - мера длины, равная расстоянию между большим пальцем и мизинцем руки в раздвинутом до предела положении. В Средней Азии XV-XVI вв. эта мера известна еще и как *карыш* [4, с. 212]. *Ваджаб* в Бухаре и других городах Средней Азии употреблялся в быту и в строительном деле и примерно равнялся 20-22 см [12, с.110]. *Ваджаб* в Сохе (Фергана) тоже равнялся 20-22 см, и 3,5-4 *ваджаба* составляли 1 *газ* [13, с.151].

В быту употреблялись и меньшие доли этой меры, в разных местах носившие разные названия: расстояние между указательным пальцем и мизинцем, между средним и мизинцем, между безымянным и мизинцем, между большим и указательными пальцами.

В Дарвазе и Каратегине *ваджаб* имел три вида: *ваджаб* («большая пядь», длиной 20-23 см) [34, с.175], *ду пешлик* («малая пядь», 18-19 см), *ду паслик* («малая пядь», 16-17 см). В Каратегине и Дарвазе эти три вида пядей употреблялись в качестве мелких мер длины. Эти меры длины использовались земледельцами при изготовлении сельскохозяйственных орудий, с их помощью в частности уточнялись и определялись расстояния между выдолбленными отверстиями некоторых частей чигина – саней - волокуш, мола - бороны.

В памирских языках эта мера длины означала пядь, а таджики Западного Памира эту меру называли *визед* (хуф.- *визид*; рушан., шугнан. - *визед*; язгулем. - *вудад*) [21, с. 337]. Длина этой меры составляла 21-22 см [1, с. 340]. Эта мера длины широко употреблялась при постройке зданий. Раньше строителями применялась мера, равная ступням ног, плотно приставляемых друг к другу – *пай*, и была заменена *визедом*. По этнографическим сведениям, в памирских селениях обычный размер среднего по величине дома был равен 30×32 *визеда* (примерно 6,3×6,7 м).

Существовали также другие разновидности *визеда*, называемые «*каран*» («сдвинутые пальцы») и «*фирох*» («раздвинутые пальцы»), которые основывались на счете пальцев руки, отличающихся по размеру и с использованием дополнительной приставки.

Мера длины «*каран*» («сдвинутые пальцы») имела несколько разновидностей:

а) *каран цавор ангихт* (хуф. - *ингахт*, язгулем. - *чорангишт*, «четыре пальца в сложенном виде») - расстояние между наружными краями указательного пальца и мизинца (без большого пальца), примерно равное 8-9 см [16, с. 126]; измерение осуществлялось с наружной стороны пальцев в их среднем сгибе; б) *каран арай ангихт* («три пальца в сложенном виде, без мизинца»), равный примерно 6-7 см;

в) *каран зав ангихт* («два пальца в сложенном виде, без мизинца и безымянного пальца»), равный примерно 4-5 см;

г) *ангихт* («палец») - самая малая мера длины, равная примерно 2,18-2,28 см, где использовалась ширина одного указательного пальца. Как было упомянуто выше, эта мера длины в Дарвазе и Каратегине называлась *чилик* или *лик* [34, с.175].

Мера длины «*фирох*» («раздвинутые пальцы») состояла из следующих разновидностей:

а) *фирох цавор (чор) ангихт* (язгулем. - *чор вахт*, «четыре раздвинутых пальца с подогнутым большим пальцем»), примерно равный 15-16 см - расстояние между указательным пальцем и мизинцем. Данная мера в Дарвазе называлась *чор лик* – «четыре пальца» [34, с. 175];

б) *фирох арай (се) ангихт* («три раздвинутых пальца с подогнутым мизинцем»), примерно равный 11 см - расстояние от указательного пальца до безымянного пальца, который в Дарвазе назывался *се лик* (букв. «три пальца»);

в) *фирох зав (ду) ангихт* («два раздвинутых пальца»), примерно равный 10 см - расстояние от указательного до среднего пальца с подогнутыми безымянным пальцем и мизинцем, употребляемый в Дарвазе под названием *ду лик* («два пальца»).

При промерах материи на платье женщины, отложив пядь, прижимали отмеренную материю большим пальцем, отмерив последнюю пядь, а свободный конец материи загибали и прижимали к большому пальцу и отмеряли кусочек, равный одному суставу пальца. При этом они говорили: *йи визедат мум банд те* («одна пядь и тот сустав»).

Газ - основная таджикская мера длины, обозначающая локоть, и в Средней Азии XVIII - начала XX веков их было несколько видов. В бухарском трактате «Маджма' ал-аркам» прямо сказано, что «...один *газ* называют *зар'*ом, равен [ширине] двадцати четырех *ангушт* (пальцев) или больше, вопреки [прочим] утверждениям. А *ангушт* равен шести *джав*, как утверждают некоторые; а ширина *джава* сбоку равна шести волоскам лошадиной гривы» [26, с. 93]. Ахмад Дониш тоже считал *газ* равным двадцати четырем *ангушт* (пальцам), а *ангушт* равен 6 средним *джав* (ячмень), и каждый *джав* равен 7 волоскам [3, л.172].

По этнографическим данным, население Бухары чаще всего употребляло термин *газ*. В исторических источниках и юридических документах употребляются оба термина (*газ*, *зар'*), но *газ* все же чаще. В Бухарском эмирате существовали три системы определения размеров *газа*.

1. Расстояние от кончиков пальцев вытянутой руки до плеча, до середины груди (или до кончика носа), до второго плеча. Такой *газ* употреблялся не только в горных районах, но и в равнинных областях и городах, знавших более точные меры.

Этнограф А.К. Писарчик выяснила, что в Фергане такие *газы* широко употреблялись народными мастерами при строительстве, причем точными считались *газы*

пропорционально сложенных людей среднего роста (эталоны), и мастера умели учитывать отклонения своих личных мер от нормативных [32, с. 231]. У бухарского эмира живыми эталонами были его шотиры (скороходы), которые подбирались из людей одного роста, одних пропорций и с одинаковой длиной шага (*кадам*) и локтя (*газ*). Такой *газ* в Бухаре был равен 101,60 см [36, с. 21].

2. Система, опирающаяся на размер *ангушт* (палец). Ширина *ангушта* считалась равной общей ширине 6 *джавов* (ячменное зерно), положенных рядом друг с другом, причем ширина каждого *джава* была равна общей толщине 6 волосков из гривы рабочей лошади. В Бухарском эмирате употреблялся канонический *газ*, равный 24 *ангуштам* [26, с. 93]. Такой *газ* в Бухаре назывался *гази шар'и* (т.е. канонический) и был равен 49,875 см. В этой системе постоянной величиной выступал именно *ангушт*, а размер *газа* зависел от числа таких *ангуштов*.

3. Система, основанная на размере *кабза* (кулак), когда рука обхватывает палку или веревку, и на размер вытянутого вдоль палки или веревки большого пальца (*асба' ка'има*, *бошбармок*). Номинально считалось, что *кабза* равен 4 *ангуштам*, поднятый большой палец соответствует 3 *ангуштам*, а кулак с поднятым большим пальцем – 7 *ангуштам*. Исчисляемые таким образом *газы* в Бухарском эмирате были различными, их размеры зависели от числа *кабза*, от отсутствия или наличия (и числа) *асба' ка'има* [12, с. 111]. Такой *газ* в Бухаре был равен 106,68 см.

Русский востоковед Н. В. Ханьков (1822-1878), побывавший в 1842 г. в Бухаре, так описывает эту меру: «...*Газ* есть мера, имеющая длину расстояние от оконечности носа до оконечности указательного пальца в вытянутой руке. Эту неопределяемую меру употребляют везде и даже при хозяйственных измерениях; чтоб сколько-нибудь определить ее, мы заметим, что длина ее равняется близко длине большого шага, т. е. $1\frac{1}{2}$ *аршинам*» [37, с. 42].

Член посольства А. Ф. Негри в Бухару Е. К. Мейендорф, посетивший Бухару в декабре 1820 года, тоже определяет размер бухарского *газа* равным 1,5 русским *аршинам* [25, с. 78]: «...Бухарский локоть называется *хазе* (т.е. *газ*), его длина 1,5 *аршина*» (т.е. 106,68 см).

Русский метролог Ф. И. Петрушевский (1785-1848) в известном труде «Общая метрология» пишет, что в Бухаре XIX века существовал *гази шохи* («шахский газ»), равный $1\frac{1}{2}$ русского *аршина* (т.е. 106,68 см), который делился на 2 *нимгази* («полугаза») и на 4 четверти, или *чоряки газ* («четверть газа») [31, с. 59].

Канонический *газ* (*гази шар'и*), равный 24 *ангуштам* (49,875 см) или их большему числу, использовался для измерения длины и ширины каналов или площадей [40, с. 69, 88]. В юридических документах XVI-XVIII вв. постоянно фигурирует бухарский *газ*, иногда с эпитетами «употребительный» и «обычный». Он, к слову, использовался и для измерения земельных площадей в самой Бухаре и ее окрестностях: в Гиждуване, Каракуле и др. [18].

Согласно источникам середины XVIII века (1740 г.), *газ* в Бухаре был равен 31 английскому дюйму, т.е. 78,74 см (31×2,54 см). В книге Дж. Ханвея приводится еще одно свидетельство: ткани в Бухаре обычно мерят персидской меркой в 40 английских дюймов, т.е. 101,6 см [43, с. 354].

В Самарканде XVI века, согласно юридическим документам, широко употреблялся *гази мукассар* («укороченный газ»). Им мерили ткани и прочие товары, а иногда и землю. Название этой единицы намекает на существование другого *газа*, по отношению к которому этот являлся «укороченным». Вот что приводится об этом в документе № 54:

«...в тридцати двух парбандах ситца, семицветного, длиною (по) двенадцати *гязов* и шириною в один *гяз*, больших», а также в документе № 58: «...что является стоимостью сорока штук материи ситца, пестрого парбанда, каждый кусок длиною в двенадцать *гязов* и шириною без одного *куруха* один *гяз*, большою мерою» [20].

В вакфнаме от 7 раджаба 1239 г. (8 марта 1824 г.) упомянут *газ* для измерения тканей, размер которого определен двойко: он равен 40 *ангуштам* или 7 *кабза* с семью *асба' ка'има* [8; 6, с. 240]. Второе определение соответствует 49 *ангуштам*, т.е. 106,68 см. Представляется, что в первом определении содержится ошибка и должно быть написано не 40, а 49 *ангуштов* (пропущено слово, обозначающее число единиц).

В более поздних источниках XIX века в Самаркандской области зафиксирован *газ* длиной в 1,25 русского аршина, т.е. 88,9 см [10, с.168]. Любопытно, что П. И. Пашино, посетивший уже в 1866 г. завоеванную тогда часть Туркестана (Самарканд еще не был присоединен), осведомил о таком же *газе* под названием «*базарный газ*», которым меряют материю. Он записал, что базарный *газ* равен половине базарного *кары*, последний же равен 2,5 русского аршина [29, с.154]. Следовательно, базарный *газ* был равен 1,25 русского *аршина*, т.е. 88,9 см. Основную информацию П. И. Пашино собрал в Ташкенте. Можно поэтому предположить, что *газ* длиной 88,9 см широко употреблялся в XIX веке в ряде областей и городов Средней Азии, включая Самарканд и Ташкент. П. И. Пашино упоминает еще один *газ* - «*ханский газ*», равный половине ханского *кары*, последний же был равен 3 русским *аршинам*. Следовательно, ханский *газ* был равен 1,5 русского *аршина*, т.е. 106,68 см. Эта единица длины была общей с Бухарой.

Н. П. Петровский (1897 г.), сведения которого относятся к территории Русского Туркестана, отмечает существование двух видов *газов*: один длиной в 7 *кабза* (кулаков) с поднятым большим пальцем, другой - в 9 *кабза* с поднятым большим пальцем [30, с. 203-204]. Это соответствует 31 *ангушту* и 39 *ангуштам*. По минимальным расчетам (канонический *ангушт* был равен 2,078 см), первый *газ* равнялся 64,418 см, а второй - 81,042 см. В связи с этим можно предположить, что прочно зафиксированный в Самарканде и Ташкенте и очень употребительный здесь *газ* длиной 88,9 см соответствовал одному из двух видов *газа* Н.П. Петровского. Но он мог равняться меньшему, длиной 31 *ангушт*, так как в этом случае *ангушт* равнялся бы 2,87 см, а *кабза* - 11,48 см, что во много больше длины возможного кулака человека среднего роста, *кабза* же для таких расчетов *газа* была реальным размером. Зато вполне правдоподобно равенство $88,9 \text{ см} = 39 \text{ ангуштам}$ (*ангушт* в этом случае равен 2,28 см, а *кабза* - 9,12 см). Это позволяет допустить, что на территории Русского Туркестана в XIX веке были весьма распространены *газ* в 39 *ангуштов* (88,9 см), *газ* в 31 *ангушт* ($31 \times 2,28 = 70,68 \text{ см}$), а также общий с Бухарой *газ* в 106,68 см.

О Фергане середины XIX века, когда Средняя Азия еще не была присоединена к России, имеется известие, что *газ* Кокандского ханства был равен примерно 14 русским *вершкам* [28, с. 211], т.е. около 62,195 см. В 1877 г. ферганский *газ* был приравнен к 7 *кабза* с большим пальцем последнего, седьмого *кабза*, что дает 31 *ангушт* [19]. При наименьшем, каноническом размере *ангушта* в 2,078 см такой *газ* равнялся бы 64,418 см. Но его реальный размер был больше, что уточнялось следующим образом. В записи за 1876 г. упомянут среднеазиатский *газ* (точно не локализован) такого же типа (т.е. в 7 *кабза* с поднятым большим пальцем), размер которого был около 27 английских дюймов, а это 68,58 см [44, с. 202-203].

М. С. Андреев и А. К. Писарчик собрали этнографические материалы о *газах* Ферганы [2, с.123,125; 32, с. 237-238]. М. С. Андреев (1928 г.) нашел в Касане *газ* длиной в 12 *кабза* и 1 *асба' ка'има*, что соответствует 51 *ангушту*. Во избежание споров в одной касанской мечети напротив базара на столбе была установлена железная мерка. Этот *газ* по минимальному расчету был равен 106 см (51×2,078 см), но практически был, вероятно, несколько больше. Потому что, если хорезмский *газ* в 49 *ангуштов* был равен 106-107 см [7], то касанский *газ* в 51 *ангушт* должен был быть не менее 110-111 см. Такой *газ* употреблялся для измерения земельных площадей. *Газ* же для других нужд в Касане был равен половине *кулоча*, т.е. половине русской маховой сажени.

А. К. Писарчик (1938 г.) выявила, что в Андижане и Маргелане строительный *газ* местных мастеров равнялся расстоянию от середины груди до кончика указательного пальца вытянутой руки (т.е. тоже половине русской маховой сажени) и определила этот *газ* в 83-85 см. Относительно так называемого «*шариатского газа*» длиной 7 *кабза* с одним *бошбармоком* (*асба' ка'има*) А. К. Писарчик сообщили, что он считался на один вершок короче русского аршина и равнялся приблизительно 68 см.

В Фергане названы еще и следующие размеры *газа*:

- 6 *урта бугума* с одним *бошбармоком* (или 3,5 *суям*), равный примерно 63 см;

- 6 *шонани учи* с одним *бошбармоком* (или 3,0 *суям*), равный примерно 54 см;

- после присоединения к России широкое распространение получил еще один вид *газа*, который назывался «*Николай газ*» или «*олчин*», равный 71,12 см.

У. Джахонов определяет размер *газа* у таджиков долины реки Сох (Фергана) равным 9 поставленным один на другой *кабза* (кулакам) с поднятым большим пальцем последнего, верхнего кулака, т.е. примерно 75 см [13, с.151].

В Ходженте этнограф Н. Н. Ершов зафиксировал *газ* в 68 см [14, с. 32]. Это все тот же *газ* в 7 *кабза* с одним *асба' ка'има*, т.е. длиной 31 *ангушт* (68,58÷70,68 см).

На Западном Памире использовались два вида *газа*: 1) основная мера длины *чиб-газ* (букв. «деревянный газ», «палка-газ») и дополнительная - *гилим-газ* (букв. «газ для сукна», вернее для халата, называемого *гилим*) [21, с. 348; 16, с. 127]. В Хуфе существовали три его вида:

1) *чиб-газ* размером 83 см, длина которого была равна расстоянию от середины груди под подбородком до конца вытянутой в сторону руки;

2) *чиб-газ*, равный 100-102 см, длина которого была равна расстоянию от кончиков пальцев и шла через всю грудь до второго плеча. Эта мера длины вошла в обиход в конце XIX века, вместе с проникновением в верховья Пянджа русских мер [34, с.177];

3) *чиб-газ* длиной в 71 см был равен расстоянию от кончиков пальцев вытянутой руки до плеча, [24,с.170], т.е. русскому *аршину* (71,12 см). Эта мера появилась также в конце XIX века после прихода русских, поэтому она называлась *николаевским аршином* [1, с. 341].

Вторая, дополнительная мера длины на Западном Памире называлась *гилим-газ* и первоначально употреблялась главным образом для измерения шерстяной домотканой материи на халаты. Потом ее стали использовать в качестве меры длины.

В Рушане также бытовали описанные выше три вида *чуб-газа*:

1) *шувде газак* («маленький газ»), или *ним-чуб-газ* («половина *чуб газа*»), равный примерно 50-56 см, который считался самым маленьким *газом*;

2) *хайде газак* («большой газ») или просто *чуб-газ*, равный примерно половине маховой сажени (*килоч*), или 83 см;

3) *култаде-газак* («самый большой газ»), или также *чуб-газ*, равный примерно 1 м.

В Язгулеме для измерения материи использовали разновидность *газа* – *гуз* (83 см), равный половине *килоча*, т.е. расстоянию от кончиков пальцев до середины груди. В Шугнанах этот вид *газа* назывался *чуг-газ*. В Каратегине и Дарвазе было четыре вида *газа* [34, с. 176-177]:

1) расстояние от левого плеча и до конца среднего пальца левой руки, вытянутой на уровне плеча (69-71,5 см), почти в точности совпадавшее с русским аршином (71 см);

2) расстояние от середины груди до кончика среднего пальца левой руки

(84-88 см); в начале XX века этот *газ* приравнивали к 1 м; 3) расстояние от края правого плеча до кончика указательного пальца левой руки (105-110 см), называемое *чугаз* (искаженное от таджикского «чуб-газ», букв. «газ-палка», «палочный газ»), который употреблялся для измерения местных хлопчатобумажных и шерстяных материй; 4) удвоенное расстояние между кончиками пальцев рук, разведенных на уровне плеч в разные стороны, т.е. две маховые сажени (166 см), называемое *гази бофандаги* («ткацкий газ»). Каждый ткач имел палку, равную этому газу, и этой палкой измерял сотканную им материю при сдаче её заказчику.

Гирех – мера длины, зафиксированная в Хорезме и Бухаре [12, с.116]. В Хорезме XIX века *кары* равнялся 2 русским аршинам с 1 *гирехом* [15]. В Иране *Гирех* как мера длины был равен 1/16 *зар'* в 104 см, т.е. 6,5 см [38, с.64]. *Гирех* в Кабуле XIX века был равен 2,531 английского дюйма (т.е. 6,43 см), являясь тоже 1/16 шахского *газа* в 40,5 английского дюйма (т.е. 102,87 см) [42, с.894]. Поэтому с большой долей вероятности можно предположить, что в Хорезме и Бухаре *гирех* был 1/16 крупного *газа* в 106-107 см, т.е. равнялся 6,625 - 6,69 см.

В Средней Азии термин *донг* употреблялся для обозначения 1/6 части мер веса, длины и площади [12, с.116; 38, с. 81]. Как мера длины *донг* обозначал 1/6 *газа* (*зар'*). В этом смысле данное слово часто встречается в средневековых юридических документах. Употреблялись также выражения: *нимдонг* (половина *донга*), т.е. 1/12 *газа*; *донгу ним* (*донг* и его половина), т.е. 3/12 *газа* (1/6 + 1/12).

Джав (буквально - «ячменное зерно») – мера веса и длины. Как мера длины *джав* считался канонической мерой в 1/6 *ангушта* [26, с. 93], и его толщина была равна ширине 6 волосков из гривы рабочей лошади. Так как канонический размер *ангушта* был равен 2,078 см, соответственно размер *джавы* будет равен 0,3463 см (2,078:6).

Кабза – мера длины, равная ширине четырех *ангуштов* ($2,2 \times 4 = 8,8$ см), когда рука сжата в кулак (*мушт*) и охватывает палку или веревку [12, с.117]. *Кабза* является единицей, которая практически использовалась для отмеривания *газа*. При этом рекомендовалось одновременно использовать *кабза* нескольких людей, чтобы общий размер *газа* меньше зависел от индивидуальных размеров руки человека. *Кабза* для определения размеров *газа* использовалась как самостоятельно, так и с *асба'* *ка'има* (поднятым большим пальцем). *Кабза* вместе с *асба'* *ка'има* соответствовали общей ширине 7 *ангуштов* ($2,2 \times 7 = 15,4$ см).

Кадам (буквально - «шаг») – мера длины, используемая в строительстве, при измерении размера земли и каналов. Он встречается и в юридических документах [40, с.182-183]. Средний шаг человека составлял 70-80 см. С древних времен *кадам* был составляющей единицей путевой меры – *фарсанга*. Этнограф А.К. Писарчик записала со слов самаркандского мастера, что бухарский эмир подбирал себе шотиров (скороходов) из людей одного роста, которые одновременно служили эталонами для определения размера

кадама [32, с. 237-238]. *Кадам* в Сохе (Фергана) XIX – начала XX века был равен 1 газу или 75-80 см [13, с.150].

В Каратегине и Дарвазе *кадам* использовали при строительстве различных зданий, при измерении земельных площадей во время раздела отцовской земли между наследниками [34, с. 176-177]. Также в некоторых случаях шагами мерили расстояние между временными каналами (*това*) в центре поля, проводимыми для поливной воды. Расстояние от одного временного канала до следующего должно было составлять от 8 до 12 *кадамов*. Этот вид измерения применялся и во время изготовления бороны-волокуши (*мола*) для молотбы зерновых культур (обычно её длина равнялась 6-7 *кадамам*).

Кары – мера длины, употреблялась и как синоним *газа*, и для обозначения более крупной меры длины. Бабур (XVI в.) упоминает, что *кары* был равен 6 *тутам* по 4 *илика* – а это канонический *газ* в 24 ангушта (около 50 см или немного больше), и *кары* в 1,5 этих размера (около 75 см или немного больше), причем последний служил для определения путевой меры [4, с. 212].

Позднее, в Хорезме XIX века, *кары* равнялся 2 русским аршинам с 1 *гурехом* [15]. С большой долей вероятности можно предположить, что в Хорезме *гурех* был равен 1/16 хорезмийского *газа* длиной в 106-107 см, т.е. равнялся почти 6,7 см. Отсюда хорезмийский *кары* равен 148,94 см, т.е. был около 150 см.

В Бухаре *кары* для измерения некоторых сортов ткани был равен 4,5 русского аршина (т.е. 320,04 см). О таком *кары* Бухары пишет Ф. И. Петрушевский [31, с. 59] и считает его равным 3 *гази шоху* $(106,68 \times 3 = 320,04 \text{ см})$. П. И. Пашино, получивший основную информацию в Ташкенте ещё в 1866 году, упоминает два вида *кары*:

- *базарный кары* (2 базарных *газа*), равный русской маховой сажени (2,5 аршина), т.е. 177,8 см;

- *ханский кары* (2 ханских *газа*), равный 3 русским аршинам, т.е. 213,36 см [29, с. 154].

В Фергане (данные 1877 г.) использовались два вида *кары* [19]:

- *кулоч-кары*, или *узун-кары* (буквально - «длинный кары»), который использовался для измерения разных сортов хлопчатобумажной и шелковой материи. Эта единица равнялась 2¼ аршина плюс 1 вершок, т.е. 164,65 см;

- *калта-кары* (буквально - «короткий кары»), который использовался для измерения бязи и был на 3 вершка меньше аршина, т.е. равнялся 57,79 см (этот размер близок к хорезмийскому *газу*). *Калта-кары* по происхождению, очевидно, *газ*, получивший узбекское наименование *кары*.

По сведениям А. К. Писарчик [32, с. 239], в Андижане до присоединения к России и позже *кары* равнялся маховой сажени (маховая сажень в большинстве районов Средней Азии называлась *кулоч*). Самый большой среднеазиатский *кары* назван в данных за 1876 год: 2 маховые сажени или около 12 футов [44, с.203]. 2 маховые сажени – это примерно 355,6 см, а 12 футов – это 365,76 см.

Кулоч - мера длины, равная расстоянию между кончиками пальцев рук, вытянутых в стороны на уровне плеча (маховая сажень). Русская маховая сажень считалась равной приблизительно 2,5 аршина, т.е. примерно 177-178 см [41, с. 27]. Эту величину условно можно принять и для Средней Азии как некую среднюю, вокруг которой колебался действительный размер *кулоча*. Конкретные сведения, однако, показывают, что на самом деле *кулоч* мог сильно отклоняться от размера русской маховой сажени. Например, о Бухаре за 1838 г. имеется известие, что *кулоч* (для измерения тканей) был равен 2 *олчинам*, или 56 английским дюймам [42, с. 898], т.е. 142,24 см.

В Фергане, по данным А.К. Писарчик [33, с. 246, 269; 32, с.239], *кулоч* равнялся 2,5 шариятского газа Ферганы (т.е. около 167,5 см) или 2 строительным газам Ферганы (т.е. около 166-170 см), или 8 *карыш* (т.е. *ваджаб*). Типичный размер комнат в ферганских жилых домах было около 5×3,32 м, причем это считалось 3×2 *кулоча*, следовательно, *кулоч* равнялся 166 см. У. Джахонов приводит размер *кулоча* в Сохе (Фергана) в 160-170 см. *Кулоч* в сельском хозяйстве применялся при измерении длины веревки. Каждая веревка была равна 3-9 *кулочам* [13,с.150].

В горных районах Восточной Бухары *кулоч* (в Шугнанах -*килоч*, в Язгулямах -*калоч*, в Дарвазе -*кулоч*) широко использовался и для обмера полей, для измерения тканей, в строительном деле и пр. *Килоч* - маховая сажень, расстояние между кончиками пальцев рук, вытянутых в стороны на уровне плеча [1, с. 342; 34, с.176].

Крестьяне Каратегина и Дарваза меру *кулоч* употребляли в сельском хозяйстве и в других случаях жизни. *Кулоч* в сельском хозяйстве употребляли при изготовлении веревки для перевозки на санях-волокушах снопов, сжатых хлебов и трав. Каждая веревка для этих целей была равна 3-4 *кулочам* («банди се-чор *кулоча*»). *Кулоч* чаще всего использовали для измерения кустарных хлопчатобумажных и шерстяных тканей.

Фарсанг - древняя персидско-таджикская путевая мера длины, именуемая также *фарсах* (араб.), *санг* (тадж.), *тош* и *йогоч* (тюрк.). В древние времена эта мера называлась *порасанг*, а древние греки называли ее *парасаггес* (*παρασαγγης*, персиденсия, миля), она была равна 300 000 пальцам, или 30 стадиям, т.е. 5549 м [7, с.148].

По поводу появления названий путевых мер: *фарсанг*, *санг*, *тош*, *йогоч*, *мил* в истории метрологии существует следующее мнение. Раньше восточные правители всегда имели при себе скороходов – шотиров, которые сопровождали их в походах. Эти скороходы через определенные пройденные промежутки расстояния, например, каждые 12 000 шагов, для отметки ставили камень (отсюда - *фарсанг*, *санг*, *тош*), металлический стержень (*мил*, *мила*) или деревянный кол (*йогоч*, *агач*), т.е. километровые столбы.

Канонически, т.е. по шариату, размер *фарсанга* составлял 12 000 *кадамов* (шагов), реже *газ* [12, с. 120]. Однако хивинец, составивший для русского востоковеда А. Л. Куна одну из трех записок о хорезмских мерах, с сожалением отметил, что одни *фарсах* больше, другие меньше этой канонической нормы в 12 000 шагов, потому что установили их примерно, не проверяя шагами [23].

Источники по истории Бухары и Самарканда XIX века обычно считают *фарсанг* в 8 русских верст или почти в 8 верст, т.е. около 8,5 км. О таком размере *фарсанга* пишет Ф. И. Петрушевский [31,с. 59]. Однако практически *фарсанг*, исчисляемый в 8 верст, мог быть и больше. Например, Н. В. Ханыков отмечает, что «...*Сянг* или *фарсанг*, есть мера, которою считают расстояние между отдаленными предметами. Бухарцы обыкновенно принимают её в 12 000 шагов, что составит, считая шаг в 1 аршин, длиною 8 верст; но по одометрическим измерениям, произведенным нами между городами Бухарою и Самаркандом, на пространстве 240 верст 78 сажень, которые Бухарцы считают равными 27 *сянгам*, оказывается, что один *сянг* имеет 8 верст 447 сажень» [37, с.113], т.е. около 9,5 км. В Бухаре и Самарканде XVI века размер *йогоча* был ещё больше [12, с.120]. Согласно Бабуру, «...Бухара от Самарканда в двадцати пяти *йигачах* пути на запад» [4, с. 47], отсюда видно, что размер *йогоча* больше, чем *санга* XIX века.

Имеются известия и противоположного характера, т.е. о меньших размерах *фарсанга*. Например, один из русских пленных, оказавшихся в Средней Азии и освобожденных в 1858-1859 гг., показал, что все дороги, по которым ходил эмир, измерены шагами его

скороходов: скороход ведет под уздцы лошадь эмира и через 9000 шагов, составляющих *тош*, кладет камень [11, с. 234]. Это – *фарсах*, составляющий $\frac{3}{4}$ *фарсаха* в 12 000 шагов. Возможно, что перед нами два вида *фарсаха*: длиной в 12 000 шагов (около 8,5 км или больше) и 9 000 шагов (около 5,6 км и больше). *Фарсах* длиной в 6 км упоминается и другими источниками [17, с. 135]. В книге «Худуд ул-олам» эта мера названа «*огоч*» (т.е. *йогоч*) и приблизительно равна 6 км.

В Каратегине и Дарвазе он назывался *фарсанг* или *санг*, который равнялся 10 000 полных *кадамов*, что составляет приблизительно 6-7 км [34, с. 178].

Существовали также следующие меры длины: *муит* (кулак, малая пядь, равная 12-15 см), *овозрас* или *файродрас* (букв. «расстояние, на котором слышен человеческий голос», равная приблизительно 6-7 км), используемые в Дарвазе и Каратегине (эта мера под названием *чакрим*, *азон* или *чени овоз* употреблялась у таджиков долины реки Сох в Ферганской долине [34, с. 175; 13, с. 150]. *Олчин* или *алчин* был равен расстоянию от локтя до кончика указательного пальца, т.е. 45-50 см, и использовался в Бухаре и других городах Средней Азии задолго до русского завоевания [12, с.109; 34, с.177-178]. *Пай* (букв. «ступня») – мера длины, известная на Западном Памире, которая была равна примерно 25-26 см [1, с. 34] и др.

Список использованной литературы:

1. Андреев, М.С. *Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи)* / М.С. Андреев. – Сталинабад, 1958. – 526 с.
2. Андреев, М.С. *Поездка летом 1928 г. в Касанский район (север Ферганы)* / М.С. Андреев. // *Известия Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами. – Ташкент, 1928. – Т. 1. – С. 122-125.*
3. Ахмади Дониш. *Маназир ал-кавакиб. Рукопись Института языка, литературы, востоковедения и письменного наследия АН РТ, № 760.*
4. Бабур, З. *Бабур-наме.* / З. Бабур. – Ташкент: Изд. ЦК КП Узбекистана, 1982. – Кн. II. – 256 с.
5. Беляев, Н. Т. *О древних и нынешних русских мерах протяжения и веса* / Н. Т. Беляев – «*Seminarium Kondakovianum*», Прага, 1927. – Т.1. – 350 с.
6. Бродовский, М.И. *Заметки о земледелии в Самаркандском районе* / М.И. Бродовский – М., 1872. – Вып. 2. – С. 233-261.
7. Быструшкин, К.К. *Феномен Аркаима.* / К.К. Быструшкин – М.: Белые альвы, 2003. – 272 с.
8. *Вакф-нама 7 раджаба 1239/1824 г. кази-калана Абу-л-Бараката, потомка Мир Абу-Тахира ал-Мусави, на землю в самаркандском тумане Шаудар.* – ГИА УзССР, ф. И-18, оп. I, д. 9989.
9. *Вакф-нама в пользу медресе и мечети Пайанда-бий-аталыка в Бухаре.* – ГИА УзССР, ф. 323, №7.
10. Гейер, И.И. *Путеводитель по Туркестану* / И.И. Гейер. – Ташкент, 1901. – 255 с.
11. Галкин, М.Н. *Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю* / М.Н. Галкин – СПб., 1869. – 336 с.
12. Давидович, Е.А. *Материалы по метрологии средневековой Средней Азии* / Е.А. Давидович. – М.: Наука, 1970. – 147 с.
13. Джархонов, У. *Земледелие таджиков долины Соха в конце XIX - начале XX в.* / У. Джархонов. – Душанбе: Дониш, 1989. – 216 с.
14. Ершов, Н.Н. *Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией* / Н.Н. Ершов. – Сталинабад, 1960. – 174 с.

15. *Записки о хорезмских мерах / Архив ЛО ИВАН СССР, ф. 33, оп. 1, №99.*
16. *Зарубин, И.И. Шугнанские тексты и словарь / И.И. Зарубин – М.-Л., 1960. – 387 с.*
17. *Ибрагимов, И. Некоторые заметки о хивинских туркменах и киргизах / И. Ибрагимов // Военный сборник, т. 98. – СПб., 1874, №9.*
18. *Иванов, П.П. Хозяйство джуйбарских шейхов/ П.П. Иванов – М.-Л.: АН СССР, 1954. – 380 с.*
19. *Из архива шейхов Джуйбары. Материалы по земельным и торговым отношениям Средней Азии XVI века – М.-Л., 1938. – Документы № 26, 27, 41, 71, 76, 86, 99, 242, 280, 308.*
20. *Казбеков, Ю. Туземные меры и весы в Ферганской области/ Ю. Казбеков // Туркестанские ведомости. 1877. №6.*
21. *Казийские документы XVI века. – Ташкент, 1937 – 81 с. Док. № 54, 57, 58.*
22. *Карамшиев, Д. Шугнанско-русский словарь: в 3 т. / Д. Карамшиев. – М.: Наука, 1988. – Т.1 – 576 с.*
23. *Каюмова, Х.А. Народная метрология и хронология таджиков Каратегина, Дарваза и Западного Памира XIX – начала XX вв.: автореф. дисс. канд. истор. наук.: 07.00.02 / Х.А. Каюмова; Худжанд. гос. ун-т. – Худжанд, 2009. – 25 с.*
24. *Кун, А.Л. Очерки Шагрисязского бекства / А.Л. Кун // Записки Императорского географического общества по отделению этнографии – т. VI, – СПб., 1880, отд. 1. – С. 203-237.*
25. *Курбон Мухаммад-зада. История Бадахшана. / Курбон Мухаммад-зада, Мухаббат Шохзода. – М.: Наука, 1973. – 250 с.*
26. *Мейендорф, Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару / Е.К. Мейендорф. – М. 1975. –182с.*
27. *Мирзо Бадеи Девон. Мачмаъ-ул-арком /Девон Мирзо Баде. – Душанбе: Донии, 2015. –416с.*
28. *Носир Хисрав. Сафарнома. / Хисрав Н. – Душанбе: Ирфон, 1970. – 118 с.*
29. *Обозрение Коканского ханства. В нынешнем его состоянии // Записки Русского географического общества, кн. III, – СПб., 1849. – С. 176-216.*
30. *Пашино, П.И. Туркестанский край в 1866 году/ П.И. Пашино – СПб., 1868.*
31. *Петровский, Н.П. Ирригация. Туземная единица объема воды и способы деления ее/ Н.П. Петровский // Справочная книжка Самаркандской области, вып. V. – Самарканд, 1897. – С. 198-205.*
32. *Петрушевский, Ф.И. Общая метрология / Ф.И. Петрушевский – СПб., 1849. – 632 с.*
33. *Писарчик, А.К. Меры длины, употреблявшиеся ферганскими мастерами-строителями /А.К. Писарчик // Материальная культура Таджикистана. Вып. 1. – Душанбе, 1968. – С. 236-242.*
34. *Писарчик, А.К. Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX - начале XX в. / А.К. Писарчик // Среднеазиатский этнографический сборник – Т. XXI – М., 1954. – С. 216-298.*
35. *Рахимов, М.Р. Земледелие таджиков бассейна реки Хингоу в дореволюционный период / М.Р. Рахимов. – Сталинабад, 1957. – 221 с.*
36. *Рыбаков, Б.А. Русские системы мер длины / Б.А. Рыбаков // Советская этнография. – 1949. – № 1. – С. 69-71.*
37. *Семенов, А.А. Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени / А.А. Семенов // Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. II. – Сталинабад, 1954. – 75 с.*
38. *Ханыков, Н. Описание Бухарского ханства/ Н. Ханыков – СПб, 1843. – 280 с.*

39. Хинц, В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему/ В. Хинц – М.: Наука, 1970. – 147 с.
40. Холов, М. Ш. Носири Хусрав - ученый-метролог/ М. Ш. Холов // Известия Академии наук Республики Таджикистан. – Душанбе.- № 4.- 2003. – С. 3-8.
41. Чехович, О. Д. Бухарские документы XIV века/ О. Д. Чехович. – Ташкент, 1965 – 330 с.
42. Шостьин, Н. А. Очерки истории русской метрологии. XI - начало XX века / Н. А. Шостьин – М.: Издательство стандартов, 1990. – 280 с.
43. Furdoonjee, N. Report on weights, measures and coins of Cabul and Bucharah/ N. Furdoonjee // Journal of the Asiatic Society of Bengal – Vol. VII, 1838 – p. 892-900.
44. Hanway, J. An historical account of the British trade over the Caspian Sea/ J. Hanway// – London, 1753, vol. I.
45. Schuyler, E. Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara, and Kuldja// E. Schuyler – Vol. I, London, 1876.

Reference Literature:

1. Andreev, M.S. *Tajiks of Khoof Valley (Upper Reaches of the Amu-Darya)* / M.S. Andreev. - Stalinabad, 1958. - 526 pp.
2. Andreev, M.S. *The Trip in the Summer of 1928 to Kasan Rayon (north of Ferghana)* / M.S. Andreev. // *Proceedings of the Society for the Study of Tajikistan and Iranian Nationalities outside it.* - Tashkent, 1928. - V. 1. - pp. 122-125.
3. Ahmad Donish. *Manazir al-Kawakib. Manuscript of the Institute of language, literature, Oriental studies and written heritage under the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, # 760.*
4. Babur Z. *Babur-Name.* / Z. Babur - Tashkent. Publishing-house of the Central Committee of the Communist Party of Uzbekistan, 1982 - Book. II. – 256 pp.
5. Belyaev, N.T. *About Ancient and Current Russian Measures of Length and Weight* / A.N. Belyaev - «Seminarium Kondakovianum», Prague, 1927. - V.1. – 350 pp.
6. Brodovsky, M.I. *Notes on Agriculture in Samarkand Region* / M.I. Brodovsky - M., 1872. - Issue. 2. - pp. 233-261.
7. Bystrushkin, K.K. *The Phenomenon of Arkaim.* / K.K. Bystrushkin - M.: White Alvas, 2003. - 272 pp.
8. *Waqf-Name of Rajab 7, 1239/1824, of the Grand Qadi Abu'l-Barakat, Descendant of Mir Abu Tahir al-Musawi to the Land of Samarkand Tuman of Shaudar.* – Historical State Archive (HAS) of UzSSR. f. I-18, inv. I, case. 9989.
9. *Waqf-Name in Favor of Madrasas and Payanda-Bij-Atalyk Mosque in Bukhara.* - HSA UzSSR f. 323, №7.
10. Gheyer, I.I. *The Guide along Turkestan* / I.I. Gheyer - Tashkent, 1901 - 255 pp.
11. Galkin, M.N. *Ethnographic and Historic Materials on Central Asia and Orenburg Region* / M.N. Galkin - SPb, 1869. - 336 pp.
12. Davidovich, Ye.A. *Materials on the Metrology of Medieval Central Asia* / Ye.A. Davidovich. - M.: Science, 1970. - 147 pp.
13. Jahonov, U. *The Agriculture of the Sokh Valley Tajiks in the Late XIX-th – the Early XX-th centuries.* / U., Jahonov. - Dushanbe: Knowledge, 1989. - 216 pp.
14. Yershov, N.N. *The Agriculture of the Tajiks of the Tajik SSR Leninabad Rayon before the October Revolution* / N.N. Yershov. - Stalinabad, 1960. - 174 pp.
15. *Notes on Khorezmian Measures* / Archive LO IVAN USSR, f. 33, inv. 1, №99.
16. Zarubin, I.I. *Shughnarian Texts and Dictionary* / I.I. Zarubin – M-L., 1960. - 387 pp.

17. Ibraghimov, I. *Some Notes about Khiva Turkmenians and Kirghizes* / I. Ibraghimov - *Military Collection*, V. 98 - St. Petersburg, 1874, №9.
18. Ivanov, P.P. *The Household-Farms of Dzhuylbar Sheikhs* / P.P. Ivanov. – M-L, USSR Academy of Sciences. 1954. - 380 pp.
19. *From the Archive of Juybar Sheikhs. Materials on Land and Trade Relations in Central Asia of the XVI-th Century* – M-L, 1938 - Documents # 26, 27, 41, 71, 76, 86, 99, 242, 280, 308.
20. Kazbekov, Yu. *Native Weights and Measures in Ferghana Region* / Yu. Kazbekov - *Turkestan Tidings*, 1877, №6.
21. *Kaziys` Documents of the XVI-th Century*. - Tashkent, 1937 - 81 pp. Doc. # 54, 57, 58.
22. Karamshoev, D. *Shugnan-Russian Dictionary: in 3 volumes* / D. Karamshoev. - M.: Science, 1988 - Volume 1 - 576 p.
23. Kayumova, Kh.A. *Folk Metrology and Chronology of the Tajiks of Karategin, Darvaz and Western Pamirs in the XIX-th – the Early XX-th Centuries: synopsis of candidate dissertation in history: 07.00.02* / Kh.A. Kayumova; Khujand State University. - Khujand, 2009. – 25 pp.
24. Kuhn, A.L. *Essays of Shagrisyabz Region Governed by Bek* / A.L. Kuhn // *Notes of the Imperial Geographical Society in the Department of Ethnography* – V. VI. - St. Petersburg, 1880, Dep. 1 - pp. 203 - 237.
25. Qurban Muhammad-zadah. *History of Badakhshan*. / Qurban Muhammad-zadah, Muhabbat Shoh-zadah. - M.: Science, 1973. - 250 pp.
26. Meyendorff, Ye.K. *Travel from Orenburg to Bukhara* / Ye.K. Meyendorff - M., 1975. - 182 pp.
27. Mirza Badeh Devan. *Majma-al-arkam* / Devon Mirzo Badeh. - Dushanbe: Knowledge, 2015. - 416 pp.
28. Nassir Khosrou. *Safar-nameh*. / Khosrou N. - Dushanbe: Cognition, 1970. - 118 pp.
29. *Review on Kokand Khanate. In its Present Condition* // *Notes of Russian Geographical Society*, Vol. III. - SPb, 1849. - pp. 176 - 216.
30. Pashino, P.I. *Turkestan Region in 1866* / P.I. Pashino - St. Petersburg, 1868.
31. Petrovsky, N.P. *Irrigation. Aboriginal Unit of Water Volume and Ways of its Dispensation* / N.P. Petrovsky // *Reference book of Samarkand region, Issue. V.* - Samarkand, 1897. - pp. 198-205.
32. Petrushevsky, F.I. *General Metrology* / F.I. Petrushevsky - SPb, 1849. - 632 pp.
33. Pisarchik, A.K. *The Length of Measures Used by Ferghana Masters-Builders* / A.K. Pisarchik // *Material Culture of Tajikistan. Issue. 1.* - Dushanbe, 1968. - pp. 236 - 242.
34. Pisarchik, A.K. *Construction materials and Constructive Techniques of Folk Artists of the Ferghana Valley in the XIX-th – the Early XX-th Century*. / A.K. Pisarchik // *Central Asian Ethnographic Collection - V. XXI - M.*, 1954. - pp. 216 - 298.
35. Rakhimov, M.R. *Tajik Agriculture of Khignou River Basin in pre-Revolutionary Period* / M.R. Rakhimov. - Stalinabad, 1957. - 221 pp.
36. Rybakov, B.A. *Russian System of Length Measures* / B.A. Rybakov // *Soviet Ethnography*. - 1949. - № 1. - pp. 69 - 71.
37. Semyonov, A.A. *Outline of the Central Administrative Apparatus of the Bukhara Khanate Appertaining to the Latest Time* / A.A. Semyonov // *Materials on the History of Tajiks and Uzbeks in Central Asia. Vol. II.* - Stalinabad, 1954. - 75 pp.
38. Khanykov, N. *Description of the Bukhara Khanate* / A.N. Khanykov - SPb, 1843. - 280 pp.
39. Hinz, V. *Moslemic Measures and Weights Transmitted into Metric System* / V. Hinz - M.: Science, 1970. - 147 pp.
40. Kholov, M. Sh. *Nassir Khosrou as Scientific-Metrologist* / M. Sh. Kholov // *Proceedings of the Academy of Sciences of Tajikistan Republic*. # 4. Dushanbe, 2003, - pp. 3 - 8.
41. Chekhovich, O.D. *Bukhara Documents of the XIV-th Century* / O.D. Chekhovich - Tashkent, 1965 - 330 pp.

42. Shostin, N.A. *Essays on the History of Russian Metrology of the XIX-th – the Beginning of the XX-th Century* / N.A. Shostin - M.: Publishing-House of Standards, 1990. - 280 pp.
43. Furdoonjee, N. *Report on weights, measures and coins of Cabul and Buchara* / N. Furdoonjee // *Journal of the Asiatic Society of Bengal – Vol. VII, 1838. – pp. 892 - 900.*
44. Hanway, J. *A Historical account of the British trade over the Caspian Sea* / J. Hanway// – London, 1753, vol. I.
45. Schuyler, E. *Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara, and Kuldja* // E. Schuyler – Vol. I, London, 1876.

УДК 392
ББК 63.5 – 426 (5Т)

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИКО-
КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ
НАРОДНОЙ ОДЕЖДЫ ТАДЖИКОВ
(традиции и инновации)**

**БАЪЗЕ ҶАНБАҶОИ ИНКИШОФИ
ТАЪРИХИВУ ФАРҶАНГИИ ЛИБОСИ
СУННАТИИ ТОҶИКОН
(анъана ва навоарӣ)**

**SOME ASPECTS BESET WITH THE
DEVELOPMENT OF MODERN
CLOTHES OF TAJIKS
(traditions and innovations)**

Бободжанова Назира Инномджоновна,
заведующий кафедрой дизайна и
архитектуры Политехнического
института Таджикского технического
университета имени акад. М.Осими
(Таджикистан, Худжанд)

Бобоҷонова Назира Инъомҷонова,
мудири кафедраи дизайн ва меъморӣ
Донишкадаи политехникии Донигоҳи
техникии Тоҷикистон ба номи акад.
М.Осимӣ (Тоҷикистон, Хучанд)

Bobojanova Nazira In`omjonovna,
chief of the department of design and
architecture under Khujand Polytechnical
Institute attached to the Tajik Engineering
University named after academician M.Osimi
E-MAIL: naziron74@mail.ru

Ключевые слова: традиционная одежда, туникообразный покрой, кимонообразный покрой, региональные особенности, орнаментальная уникальность, современный национальный костюм

Раскрывается степень изученности традиционной одежды таджиков в фундаментальных трудах историков и этнографов и существенное воздействие исследованных данных на формирование новых видов современного национального костюма. Указывается, что процесс формирования исторической одежды таджиков и предков этого народа прослеживается с VI тыс. до н.э. до первой половины XX в. Указывается, что в XIX в. основные виды традиционной одежды (платья, рубахи, халаты, кафтаны, жилеты и т.д.) изготавливались туникообразного и кимонообразного покроя. Показано, что во второй половине XIX в. происходит процесс интенсивного синтеза в крое, отделке и пошиве одежды. Отмечено, что до настоящего времени национальная одежда таджиков сохранила основные отличительные черты, свою самобытность. Обосновано, что в новых условиях развития суверенного Таджикистана уделяется большое внимание возрождению традиций национальной одежды как неотъемлемого достояния культуры народа, накопленной веками.

Калидвожаҳо: либоси анъанавӣ, буриши туникашакл, буриши кимоношакл, вижагиҳои минтақавӣ, беназири ороишӣ, либоси муосири миллӣ

Дар мақола сатҳи омӯзиши либоси анъанавии тоҷикон дар осори бунёдии муаррихон ва этнографҳо ва таъсири назарраси додаҳои мавриди таҳқиқ қарор гирифта ба ташиаккули намудҳои нави либоси муосири миллӣ таҳлил шудааст. Қайд шудааст, ки

олимон ба раванди ташаккули либоси таърихии тоҷикон ва ниёкони ин халқ аз ҳазораи VI-уми то милоди Масеҳ то нимаи аввали қарни XX диққати ҷиддӣ додаанд. Собит карда шудааст, ки дар асри XIX намудҳои асосии буриши либоси анъанавӣ (пироҳан, хилъат, чома ва ғайра) туникашакл ва кимоношакл буд. Дар нимаи дуюми қарни XIX сурат гурифтани раванди синтези босуръат дар буриши, ороиши ва дӯхти либос исбот карда шудааст. Ба ақидаи муаллиф то ҳол либоси миллии тоҷикон вижагиҳои асосӣ ва махсусияташро ҳифз кардааст. Собит карда шудааст, ки дар шароити нави инкишофи Тоҷикистони соҳибистиқлол эҳёи либоси анъанавии миллии чун дастоварди таркиби фарҳанги халқ, ки дар тӯли қарнҳо андӯхта шудааст, дар маркази диққат қарор дорад.

Key words: *traditional costume, cut, form of clothes, regional peculiarities, ornamental uniqueness, decoration, design*

In her article the author discloses the degree of the traditional costume of Tajiks having been studied in the fundamental works of historians and ethnographers and the essential influence of the data explored upon a formation of new types of modern traditional clothes. It is indicated that important information concerned with the historic costume of Tajiks is collected as a result of the study of archeological findings, mural painting of the monuments of architecture, materials of literary sources. The subtlest details of various kinds and types of clothes, their cuts and innovations in concrete patterns are depicted in the plots of miniature paintings. Great value for studying the traditional costume of Tajiks is presented with genuine subjects of old clothes being kept in fund-repositories of Russian, Uzbek and Tajik museums. It is shown that the traditional costume of Tajiks has preserved principal distinguished features at the new stage of development in sovereign Tajikistan. Today particular attention is paid to a revival of the national costume as an integral part of people's culture which inherited all the wealth of the century passed.

Традиционный костюм является одним из богатейших источников для дизайна современной одежды. Начиная со второй половины XX века традиционный костюм, его покрой, орнамент, цветовые сочетания широко использовались модельерами при проектировании современной одежды. Народный костюм стал объектом пристального изучения. Эстетичность, функциональность, целесообразность, рациональность кроя и исполнения - все это характеризует традиционный костюм таджиков.

Народный костюм - это бесценное достояние культуры народа, накопленное веками. Одежда, прошедшая в своём развитии долгий путь, тесно связана с историей и эстетическими взглядами её создателей. Искусство современного костюма не может развиваться в отрыве от народных, национальных традиций. Без глубокого изучения традиций невозможно прогрессивное развитие любого вида и жанра современного искусства.

Народный костюм - не только яркий, самобытный элемент культуры, но и синтез различных видов декоративного творчества, который вплоть до середины XX века сохранил традиционные элементы кроя, орнамента, использования материалов и украшений, свойственные таджикской одежде в прошлом.

Покрой одежды наиболее полно освещает разнообразную по формам и богатую номенклатуру традиционной таджикской одежды. Процесс ее сложения связан с различными периодами истории народа, сложившимися культурными и социально-экономическими условиями жизни общества.

Возникновение в пределах Центральной Азии древнейших цивилизаций определило зарождение в этом регионе искусства кроя одежды уже в эпоху неолита. С той поры берут свои истоки и многие сложившиеся традиции жителей региона в данной области деятельности и творчества. С этого времени прослеживается эволюция туникообразного покроя, о чем свидетельствует коропластика Кара-депа, Алтын-депа, Дашлыджи-депа, найденная одежда из погребений Синь-цзяна и другие археологические материалы той эпохи [1, с. 158-215]. Выделение в комплексе одежды разных элементов исходя из их назначения (халатов, накидок, шаровар, рубаш, платьев и др.), наблюдается уже в эпоху древности. В последующем происходит последовательное развитие формы этих самостоятельных деталей одежного комплекса и сложение устойчивых традиций покроя каждого предмета одежды.

Формирование и эволюция покроя таджикской одежды происходили в течение нескольких веков. На заре эпохи развитого средневековья (IX-X века) наблюдается сохранение доисламских традиций в одежде. Связь с этими художественными традициями прослеживается вплоть до монгольского нашествия в регион в первой четверти XIII века. Согласно Г. Майтдиновой, одежда эпохи развитого средневековья представляет собой элемент культуры, созданной творчеством разных народов [2, с. 10-23].

Как показывает анализ письменных источников и историческая живопись, одежда в течение шести веков исламского правления была удивительно консервативной. Несмотря на это, были введены новые стили, инновационные фасоны и ювелирные украшения. Появившиеся в этот период плотные кафтаны, застегивающиеся справа налево, типологически напоминают иранские одежды, появившиеся в последние десятилетия правления династии Сасанидов (период раннего ислама). Тюрко-монгольские типы этих кафтанов застегивались слева направо [2]. Подлинные названия одежды IX-X веков - кафтан (*хафтон*), халат (*хильат*), мантия (*қабо*), плащ (*ридо*), рубаша (*курта*) - приводятся в «Шахнаме» Абулкосима Фирдоуси.

В период с первой четверти XIII века по вторую четверть XIV века в одежде таджиков, в частности в ее покрое, получили распространение монголо-китайские традиции, что было связано, с одной стороны, с монгольским завоеванием, с другой – с процессом усиленного насаждения этих традиций. Именно в этот исторический период стали характерными распашные халаты с диагональным запахом, халаты с длинными боковыми разрезами до пояса, с вышивкой на груди и т.д. Отметим, что этот тип одежды был принят во всей Центральной Азии [2].

Формирование синкретического стиля одежды происходит в конце XIV- начале XV веков. Этот стиль синтезировал, с одной стороны, исконные традиции таджикской народной одежды, с другой - элементы одежды кочевников. Более точное представление о покрое мужской одежды этого периода дают археологические изыскания.

Как показывает комплексный анализ одежды, основные виды традиционной одежды изготавливались в трех основных типах покроя: туникообразном, кимонообразном и втачном (или выкройном). Одним из древних видов покроя традиционной одежды таджиков является туникообразный покрой. При таком покрое элементарные изменения позволяли создавать огромное разнообразие форм традиционной одежды. Туникообразный покрой использовался у таджиков для пошива традиционной плечевой распашной и нераспашной одежды. Этот вид покроя имеет условное название и не имеет ничего общего с греческой туникой.

Рассматривая проблему «западной» и «восточной» традиций в туникообразной одежде, Л. П. Сычев предложил одежду такого покроя разделить на два типа: восточно-

азиатский и западноазиатский. Восточноазиатский тип одежды характеризуется тем, что кроится из двух полотнищ ткани, перекинутых через плечи, которые сшиваются по бокам и по центру спинки, образуя распашную одежду (халат или кофту). Если сшить полотнища еще и впереди, то получится нераспашная одежда (рубаша, платье).

Западноазиатский тип характеризуется тем, что основу кроя составляет целое центральное полотнище, в котором продельвают отверстие для головы (глухая рубаша). Если центральное полотнище разрезать спереди от ворота до подола, то получится распашной халат или кофта. При этом термины «земледельческий» и «скотоводческий», хотя и правильно отражают генезис исходных форм, неудобны при описании одежды тех народов, которые приняли тип покроя, не соответствующий их хозяйственной деятельности» [3].

Особенностью туникообразного кроя является то, что стан одежды кроили в форме четырехугольника из целого полотнища ткани. Ткань складывали вдоль кромки пополам, образуя переднюю часть и спину, сгиб ткани использовали как плечевую линию без шва. К стану пришивали рукава различной формы. Так как в большинстве случаев одежду кроили из узкой ткани, для расширения стана к его боковым срезам пришивали боковые части в виде вытянутого усеченного треугольника. Для обеспечения свободного движения рук между рукавами и боковыми срезами пришивали ластовицы различных форм.

Для пошива традиционной одежды таджиков использовали и кимонообразный покрой. Его особенностью является то, что в одежде этого покроя отсутствуют боковые швы, боковины и передние клинья. Стан одежды кимонообразного покроя кроился из широкой ткани без боковых швов. Ткань, перегнутая в плечах, образовывала спинку и перед. Под рукавами ткань вырезали наподобие покроя кимоно, получали верхнюю часть рукава. К верхней части рукавов пришивали поперечный кусок ткани для достижения необходимой длины, рукава сужались у запястья. В одежде этого покроя соединительный шов рукавов и стана располагался на предплечье [4, с. 40].

Анализ исторических источников показывает, что традиционную одежду таджиков можно условно подразделить на несколько типов исходя из длины одежды:

а) длинная одежда, доходящая до линии щиколотки или немного короче платья (платья-халаты: *курта, пероҳан*; халаты: *қабо, чапон (чома); фараҷӣ, қубба, пешво, камзӯл, румча, чакман, нӯстин, хирқа, ҷанда* и др.);

б) средней длины, т.е. до колена (*калтача, нимча, кулича, котибӣ, курдӣ*);

в) по линии талии или подъягодичной складки (*курта, нимтана, камзӯлча, васкатча* и др.).

Мастера при крое традиционной одежды на практике выработали целую систему измерения при помощи пальцев, локтя, вытянутой руки и т.д. На практике использовалась следующая система мер:

1) при помощи двух пальцев *ангушт* (*лик, чилик, паслик*), т.е. мера в 16-19 см; расстояние от указательного пальца до мизинца *чор ангушт*;

2) при помощи пяди *ваҷаб* (*визед*), т.е. мера в 20-23 см. *Ваҷаб* – расстояние от большого пальца до мизинца при растопыренных пальцах. Этот способ измерения имеет варианты:

а) большой *ваҷаб* – с растопыренными пальцами;

б) меньший *ваҷаб* – со сжатыми пальцами и т.д. [5].

При другом способе измерения использовали расстояние между большим пальцем и различными пальцами руки - *як пушти пайванд*.

Другой линейной мерой при шитье одежды и измерении тканей был локоть - *оринч*, т.е. мера в 50 см. В XIX - начале XX веков в различных регионах Таджикистана основной

мерой длины был «газ»: *чубгаз* (букв. «деревянный газ»), *гилемгаз* («газ для сукна»). Последнюю меру использовали для измерения домотканых материй, используемых для пошива одежды.

Чубгаз имел три разновидности измерения:

а) расстояние от середины груди под подбородком до конца вытянутой в сторону руки, равное 83 см.;

б) расстояние от кончиков пальцев через всю грудь до второго плеча (100-102 см);

в) расстояние от кончиков пальцев вытянутой руки до плеча, равное 71,12 см. Введение этой меры было связано с присоединением Средней Азии к России в последней трети XIX века, поэтому она называлась «николаевским аршином» - *олчин*;

г) *гази бофандагӣ* («ткацкий газ») - удвоенное расстояние между кончиками пальцев рук, разведенных на уровне плеч в разные стороны, равное 166 см.

Другой мерой длины была *қулоч* - расстояние между кончиками пальцев рук, вытянутых в стороны на уровне плеча, равное 165-175 см. В Бадахшане основной мерой для измерения длины тканей служил *килоч*, который равнялся 168 см. Дополнением к нему служила мера в половину - расстояние от кончиков пальцев до середины груди, которая называлась «чубгаз» (83 см) [6]. Благодаря практичности использования применение этих мер приобрело устойчивый характер, что выражается в их сохранении в практике работы народных мастериц - *закройщиц (чевар)*.

Исследование историков и этнографов показывают, что во второй половине XIX в. происходит процесс интенсивного синтеза в крое, отделке и пошиве одежды. Присоединение части Средней Азии к Российской империи во второй половине XIX века, превращение Бухарского эмирата и Хивинского ханства в вассалов России, а также вхождение региона в состав СССР в 20-х годах XX века способствовало быстрому распространению принципов европейского кроя одежды, что в целом изменило технологию пошива традиционной одежды. В этот период распространился инновационный втачной покроей в традиционной одежде. З.А. Широкова указывает на втачной покроей как на выкроенный [6]. Появление этого покроя в традиционной одежде связано с процессом взаимодействия с индийскими традициями в XVII-XVIII веках и распространением европейских традиций, в частности русской, в конце XIX - начале XX века. Одежда выкройного покроя имеет шов на плече, вырезную пройму, выкроенные рукава (по форме руки), окат по верхнему срезу рукавов. В начале XX века при крое женских платьев, верхней одежды (*мунисак*, *камзӯл* и др.) стали использовать большое количество деталей:

- основные детали (передние и задние (*қад*), кокетки (*камзӯлчаҳо*));
- декоративные детали (клапаны (*сарпӯши киса*), воротники типа стойки (*гарданӣ*, *қазоқӣ*), отложные воротники новых форм (*гиребони лабгардон*, *қайтарма*) и т.д.);
- вспомогательные детали (подборта (*зербар*)).

Использование многочисленных деталей привело к изменению технологии пошива женской и мужской одежды, а это значительно усложнило работу мастериц.

В этот исторический период в традиционной таджикской одежде сформировались различные региональные традиции, связанные с тем или иным одежным комплексом. Формирование этих традиций связано со сложившимися региональными традициями в центральных (Гиссар, долина Варзоба) и южных районах Таджикистана (Рашт, Куляб, Вахшская долина), в Припамирье и Бадахшане, Северном Таджикистане (Зерафшанская долина, Истаравшан, Худжанд, Канибадам, Исфара, Ашт), а также в районах компактного проживания таджиков за пределами современного Таджикистана.

В одежном комплексе южных районов Таджикистана наблюдается влияние бухарских традиций одежды, в северных районах, в частности в

Зерафшанской долине, - единых в своих истоках традиций Бухары и Самарканда, а в Худжанде, Канибадаме, Исфаре, Аште - общего по стилю худжандско - ферганского типа одежды. Указанные традиции нашли отражение не только в типах одежды, но и в крое, оформлении и манере ношения того или иного комплекса одежды. Это отразилось, например, в ношении паранджи бухарско - каратагского вида, получившего распространение в южных районах Таджикистана, самаркандско - пенджикентского вида - в Зерафшанской долине, худжандско - ферганского вида - в Северном Таджикистане. На формирование региональных традиций указывает также характер пошива мужских и женских халатов, где закройщики использовали три разновидности покроя: худжандский, бухарский, самаркандский. Сходный процесс наблюдался и в верхней распашной плечевой мужской и женской, а также нераспашной одежде. Более разнообразными стали головные накладки. В эту эпоху разнообразились виды воротов на платьях. Изменения коснулись и оформления стоячих воротников на платьях, стали использоваться новые типы пришитых воротников:

- 1) воротник шалькой с фестонами;
- 2) воротник шалькой с оборками;
- 3) стоячий воротник с оборкой *пар-пар*.

Воротники с оборками стали использовать и на нательных платьях. Этот тип воротника получил широкое распространение в южных районах Таджикистана. В Центральном Таджикистане платья со стоячим воротником в 70-е годы XX века носили женщины старшего возраста, а молодые предпочитали короткие кофточки *васкатча* (*калтача, тагпӯшӣ*) с таким же воротником. Рукава таких кофточек были короткими и длинными. В кишлаке Зидди (Варзобская долина) кофточку с рукавами называли *чафсак* (букв. "прилегающая к телу").

Стоячий воротник имел различные названия, что было связано с регионами его бытования. Например, в южных районах Таджикистана - *гарданӣ* ("для шеи"), *қазоқӣ* ("казахский"); в северных районах - *бузак, гирди гулӯ* ("обхват горла"), *тиқо, ёқа, елқӣ, нугай ёқа*.

Стоячие воротники оформляли двумя способами. При первом способе на месте воротника делали горизонтальный разрез, затем от середины вниз по переднему полотнищу делали вертикальный разрез. К горизонтальному разрезу пришивали стоячий воротник, к вертикальному разрезу - иногда планочку. Эти платья были очень широкими. Такой способ широко использовался в южных и северных районах Таджикистана.

При втором способе на месте ворота делали горизонтальный разрез, посередине передней части полотнища (от горизонтального разреза вниз) закладывали по бантовой складке шириной 2-3 см и пришивали их на швейной машине. На переднем полотнище вдоль этой складки (сбоку) делали вертикальный разрез. Край разреза подшивали другой тканью, а складки образовывали планочку. К горизонтальному разрезу пришивали стоячий воротник. Благодаря заложенным складкам платье получалось умеренно широким в плечах по сравнению с предыдущим. Эти платья именовали *куртаи дудомана, миенчин, камарак*. На обоих видах стоячего воротника обшивали прорезные петли и пришивали пуговицы.

Ластовицы платьев были треугольной и четырехугольной формы. Однако в начале XX века технология обработки ластовиц поменялась. В широких платьях сначала пришивали рукава к боковинам и оставляли неподшитый наружный шов, в который вшивали ластовицы.

Боковые части платья были раскошенными. Рукава платья были прямоугольной или трапециевидной формы. Ластовицы обычно были треугольной формы. Ворот такого платья не отличался от ворота платьев с узким станом. На платьях с широким станом тоже встречались все виды воротников, описанных выше [8].

В рассматриваемый период инновационным изменениям подверглись и легкие мужские халаты. В процессе изменения покроя халат *чапон* был оформлен дополнительными деталями: воротником, пришивающимся к полам, длинными клиньями, увеличивающими запах халата. Передние становые клинья доходили до груди и смыкались с воротником, а воротник кроили из двух клиньев. Воротниковые клинья сшивались сзади широкой стороной, а узкие стороны спускались на грудь. Внизу на боках халата делали небольшие разрезы - *чобук*. Во второй половине XIX – первой половине XX века, с появлением фабричных тканей, традиции использования кимонообразного покроя сохранились в пошиве традиционной одежды - *чапон, чома, румча, румй-чакман, нўстин*.

Разновидностью верхней одежды с выкроенным покроем был халат *румча* («византийский»), который шили на подкладке и без нее. Такой предмет одежды без подкладки, который шили из сурового полотна, имел название *яктаги румча-буриши* («халат без подкладки византийского покроя»). Он был широким и просторным, не имел прорезных карманов и застежек. Его воротник был халатного типа или же отложным, шалеобразным. При покрое воротника халата использовали контрастные по цвету ткани. Халат не имел клиньев, пришиваемых к полам подполки.

Другим видом халата *румча* был легкий халат выкройного покроя с подкладкой. Он имел трапециевидную форму, т.е. был узким в плечах и широким в подоле. Халат *румча* не имел боковин *тирез* и передних клиньев *шоха*, необходимая ширина подола достигалась за счет ширины ткани. Халат имел маленький по своим размерам воротник халатного типа. Позднее, в 30-е годы XX века, появились халаты с отложным воротником типа шальки *қайтарма (қажурма, қайрилма)*, поэтому их стали именовать *чапони қайтарма* [9].

Втачной покроем первоначально получил распространение в одежде знати. На основе втачного покроя были сконструированы различные типы женских платьев-*курта: нугай-буриши, кукрак-бурма, урусча, миёнбурма, тошканд-буриши, фаргонағи* и др. Многотипной стала также верхняя одежда. Например, при изготовлении выкроенной верхней женской одежды с длинным и коротким станом *камзўл* использовали несколько видов покроя, который определял его название:

- *чомаи (чапони) дучока* - камзолы с двумя швами по бокам (с прямой спинкой);
- *чомаи сечока* - камзол с тремя швами на заднем стане и по бокам (с умеренно узкой спинкой);
- *чомаи панчока* - камзол с тремя швами на заднем стане и по бокам (с узкой спинкой);
- *камзўли румча*, покроем которого идентичен халату *румча*.

Первоначально кроем камзолов занимались только мужчины [10, с. 22], позднее кроить камзолы стали и женщины, которые пользовались выкройками *андоза*. Длина камзолов составляла от 100 до 140 см, т.е. от 5 до 7 *ваҷаб*.

Старинный вид камзола не имел застежек, позднее стали использовать потайные петли и пуговицы *тагтуғма*. Камзол имел четыре прорезных кармана (два по бокам, маленький на груди и на поясе для часов). Воротник камзола молодых женщин был стоячим (*кесма, бугма, қазоқӣ*), а у пожилых женщин - халатного типа. В 20-30-е годы XX

века в моду вошли камзолы с шалевым воротником, а позднее появился камзол с отложным воротником и с лацканами *қайчӣ - ёқа* (в виде ножниц).

Процесс развития камзола можно проследить в его покрое, т.е. постепенно камзолы стали шить широкими в плечах, пройму стали кроить более широкой и глубокой, а талию стали меньше подчеркивать. В камзолах пожилых женщин спинку стали кроить прямой, ширина низа подола достигалась за счет раскоса материи.

Камзолы первой половины XX века с подкладкой были без застежек. Затем к ним стали пришивать крючки, пуговицы, воздушные и прорезные петли. Некоторые камзолы со стоячим воротником имели асимметричные полы и большой запах на правую сторону. К груди камзола пришивали крючки, пуговицы или воздушные петли (образец из коллекции Исторического музея Согдийской области, КП 340, ИВ 301).

В 40 - 50-х годах XX века появились стеганные камзолы *камзӯлчама, камзӯли пахтадор*. Повседневные камзолы простегивались насквозь, в нарядных камзолах простегивали подкладку и вату, обернутую в марлю.

Еще раньше, в начале XX века, появились короткие камзолы (полукамзолы) с подкладкой до середины бедер и короткими рукавами (образец из коллекции Исторического музея Согдийской области, КП 1988, ИВ 102). Длина этой одежды составляет 88 см, т.е. он выше колен примерно на одну четверть (*вачаб*). Полукамзол прилегающий, он сильно облегает талию, его подол имеет расклешенную форму. Скошенное плечо полукамзола имеет длину 12 см. Рукава короткие, выкроенные в соответствии с проймой овальной формы. Полукамзол имеет стоячий воротник и запах слева направо. На правой стороне стана полукамзола пришиты воздушные петли, на левой стороне – крючки. Он шит из темно-синего шелка с набивным узором. Полы, подол, рукава, воротник обшиты полосой черного сатина шириной 5 см. Полоса из черного сатина прострочена на швейной машине белыми, красными и желтыми нитками, прострочена также основная ткань вдоль планочки.

Жилеты-безрукавки *камзӯлча (нимтана, маскарча)* появились в гардеробе женщин в конце XIX - начале XX веков. В Худжанде короткие до талии жилеты называли *камзӯлча*, а длинные до середины бедер - *нимча, нимтана*.

В конце XIX - начале XX веков в быт вошли новые выкроенные мужские штаны *эзори шим, шалвор*. Выкройные верхние штаны с закруглением на месте мотни *мембар* здесь появились также в этот период времени. Эти штаны носили поверх нательных штанов. Их шили без мотни, с небольшими вставными клиньями.

Выкроенные верхние штаны *эзори рагза (шорагза, шалворрагза)*, имевшие закругление на месте мотни, по крою не отличались от обычных штанов. Такие штаны шили из шерстяной ткани *рагза*, откуда произошли приведенные варианты их названия. Цвет шерстяных тканей совпадал с естественным цветом масти животных. Кожаные и замшевые штаны данного кроя украшали различным образом: тиснением, тамбурной вышивкой, строчкой *бахия*, аппликацией из цветной кожи и накладками из металла, ярким бархатом (*бахмал*), проволокой *сим*, бисером, кисточками *туф*, колокольчиками *зангула* и т.д. Кожа окрашивалась в разные цвета, иногда расписывалась [11, с. 9]. Штаны надевали поверх нательных штанов *эзори шим* из хлопчатобумажной ткани во время сельскохозяйственных работ, охоты, при езде верхом и т.д. В настоящее время такие штаны носят пастухи.

Примечательно, что национальная одежда таджиков сохранила основные отличительные черты, свою самобытность до настоящего времени. Соответственно, сохранились и продолжают развиваться сложившиеся основные виды кроя таджикской одежды.

В новых условиях развития суверенного Таджикистана уделяется большое внимание возрождению традиций национальной одежды. Таджикское общество осознаёт, что в народной одежде отражаются специфические черты его материальной культуры. После обретения Таджикистаном государственной независимости в республике для повышения статуса национальной одежды возрождается золотошвейное производство, национальная вышивка, абровое ткачество и другие традиционные сферы прикладного искусства. Министерство культуры Таджикистана предложило на рассмотрение ЮНЕСКО вышивку «Чакан» для внесения в список нематериального культурного наследия человечества. Эта самобытная техника издревле используется таджиками для украшения женских платьев и разнообразных предметов быта (настенных ковров, покрывал и т.п.) и, несомненно, заслуживает включения в число выдающихся культурных достижений мировой цивилизации.

Для решения проблемы занятости женщин и создания артелей и цехов, предприятий швейной промышленности по производству национальной одежды с использованием современных методов, повышения значимости национальных ценностей, возрождения традиционных национальных ремесел и пропаганды национальной одежды в республике проводятся фестивали национальной одежды «Улыбка красоты», конкурс «Возродим домашние ремесла женщин и девушек».

Вопросы эволюции фасонов и приемов кроя одежды таджиков составляют тематику вузовских международных и республиканских научных конференций, семинаров и симпозиумов. Например, в рамках Республиканской научно-практической конференции «Развитие национальной одежды в период независимости Таджикистана» (Худжандский политехнический институт, 2015) был проведен обмен мнениями по широкому кругу проблем в области национальной одежды. В докладах и выступлениях было указано на многообразии сформировавшихся комплексов одежды, традиций кроя, техники их изготовления и использования различных тканей. В резолюции конференции в контексте направлений развития национальной одежды было отмечено, что сформировавшиеся в прошлом исторические нормы в одежде не всегда соответствуют требованиям современного общества. Демонстрация новых моделей национальной одежды современного покроя показала, что молодые дизайнеры в своем творчестве синтезируют достижения европейской моды с национальными традициями в одежде.

Таджикские специалисты по дизайну, студенты-модельеры проходят подготовку по курсу «Креативное конструирование и дизайн одежды». Показы моды, в частности Dushanbe Fashion Week (2015 г.), становятся своеобразным трамплином для молодых дизайнеров, которые стараются привлечь внимание к новым направлениям в таджикской культуре одежды. Современные таджикские дизайнеры Мавлюда Хамраева, Равшана Шералиева, Хуршеда Кучкалиева, Мукаррама Каюмова, Хуршеда Сатторова, Нафиса Имранова, Салимабону Каримова, Мукарамма Акбарова, Макнуна Ниязова и др. активно вносят в костюм традиционные и современные элементы оформления.

При проектировании современной одежды используется всё богатство и разнообразие элементов конструкции и композиции народного костюма с учётом требований потребителей и производства. Надо отметить, что, при сохранении древних основ, традиционный костюм таджиков всегда был открыт к восприятию нового.

Список использованной литературы:

- 1. Майтдинова Г.М. История таджикского костюма. Т. 1. Генезис костюма таджиков: древность и раннее средневековье. - Душанбе, 2004 – 280 с.*

2. Майддинова Г.М. *История таджикского костюма. Т. 2. Средневековый и традиционный костюм.* – Душанбе, 2004 – 254 с.
3. Сычев В.Л. *Из истории плечевой одежды народов Центральной и Восточной Азии (к проблеме классификации) // Советская этнография.* – М.: 1977. - №3. - С. 31-46.
4. Бободжанова Н.И. *История развития портновского дела таджиков в XV первой половине XX вв.* – Худжанд: Меъроҷ, 2017. – 224 с.
5. Андреев М.С. *Поездка летом 1928 г. в Касанский р-н (Север Ферганы) // Известия общества для изучения Таджикистана и иранских народов за пределами.* - Ташкент, 1928. - С. 122-125.
6. Каюмова Х.А. *Народная метрология и хронология таджиков Каратегина, Дарваза и Западного Памира XIX - начала XX вв. // Автореф... дис. ... канд. ист. наук. Специальность: 07.00.02 - Отечественная история 07.00.10 - История науки и техники / Каюмова Хуришеда Абдуллоевна.* - Худжанд, 2009. – 25 с.
7. Широкова З.А. *Таджикский костюм конца XIX – XX вв.* - Душанбе, 1993. – 148 с.
8. Хакимов Н.Г., Хакимова Н.А. *Традиционный костюм и украшения Худжанда (XIX-XX века)* - Худжанд, 2004. – 84 с.
9. Бободжанова Н.И. *История развития портновского дела таджиков в XV первой половине XX вв.* – Худжанд: Меъроҷ, 2017 – 224 с.
10. Сухарева О.А. *История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-ая половина XIX – начало XX в.).* – М.: Наука, 1982. – 142 с.
11. Бободжанова Н.И., Хакимова Н. *Традиционный костюм и покррой одежды Худжанда XIX-XX веков.* – Худжанд, 2012.- 106 с.

Reference Literature:

1. Maitdinova G.M. *The History of Tajik Costume. V.1. Genesis of Tajiks` Costume: Antiquity and Early Middle Ages.* – Dushanbe, 2004. – 280 pp.
2. Maitdinova G.M. *The History of Tajik Costume. V.2. Mediaeval and Traditional Costume.* – Dushanbe, 2004. – 254 pp.
3. Sychov V.L. *From the History of Shoulder Clothes Worn by the Peoples of Central and Eastern Asia (to the problem of classification) // Soviet Ethnography.* – M., 1977, - #3. – p. 36.
4. Bobojanova H.I. *The History of Tailor`s Handicraft of Tajiks Referring to the XV-th – the first Half of the XX-th Centuries.* - Khujand: Me`roj, 2017. – 224 pp.
5. Andreyev M.S. *Summer Travelling in 1928 to Kasansky-District (Northern Ferghana) // Tidings of the Society for Studying of Tajikistan and Iranian Peoples beyond the Boundaries.* – Tashkent, 1928. – pp. 122 – 125.
6. Kayumov Kh.A. *National Metrology and Chronology of the Tajiks of Karategin, Daravz and Western Pamir Referring to the XIX-th – the Beginning of the XX-th Centuries. // Synopsis of candidate dissertation in history:07.00.02 – Home History; 07.00.10 – History of Science and Technique.* – Khujand, 2009. – 25 pp.
7. Shirokova Z.A. *The Tajik Costume Referring to the Period of the End of the XIX-th – the XX-th Centuries.* – Dushanbe, 1993. – 148 pp.
8. Hakimov N.Gh., Hakimova N.A. *Traditional Costume and Decoration of Khujand (referring to the XIX-th – the XX-th centuries).* – Khujand, 2004. – 84 pp.
9. Bobojanova H.I. *The History of Tailor`s Hadicraft of Tajiks Referring to the XV-th – the first Half of the XX-th Centuries.* - Khujand: Me`roj, 2017. – 224 pp.
10. Sukhareva O.A. *The History of Middle Asia Costume. Samarkand (the second Half of the XIX-th – the Beginning of the XX-th Centuries).* – M.: Science, 1982. – 142 pp.
11. Bobojanova N.I., Hakimov N.Gh. *Traditional Costume and Cut of Clothes of Khujand Referring to the XIX-th – the XX-th Centuries.* – Khujand, 2012. – 106 pp.

УДК 9 (М) 03
ББК 63.3 (0) 31

**ШАРҲУ ТАФСИРИ ТОПОНИМИ
«ИСТАРАВШАН» ДАР
САРЧАШМАҲОИ АСРИМИЁНАГӢ ВА
ОСОРИ ОЛИМОН**

Маҳкамов Саидкул Суяркулович,
омӯзгори кафедраи таърихи Ватани
ДДХ ба номи акад. Б. Гафуров
(Тоҷикистон, Хуҷанд)

**ТОЛКОВАНИЕ ТОПОНИМА
«ИСТАРАВШАН» В СРЕДНЕВЕКОВЫХ
ИСТОЧНИКАХ И ТРУДАХ
ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЁНЫХ**

Махкамов Саидкул Суяркулович,
преподаватель кафедры истории
отечества ХГУ им. акад. Б.Гафурова
(Таджикистан, Худжанд)

**INTERPRETATION OF THE TOPONYM
«ISTARAVSHAN» IN MEDIAEVAL
SOURCES AND HOME SCIENTISTS'
WORKS**

Makhkamov Saidkul Suyarkulovich,
lecturer of the department of home history
under Khujand State University named after
academician B. Gafurov (Tajikistan,
Khujand)
E-MAIL: saidjon.machkamov@mail.ru

Калидвожаҳо: ҷуғрофияи таърихӣ, топонимика, Истаравшан, Ӯротепна, Киропол, сарчашмаҳои ҷуғрофии қуруни вусто

Мақола ба таҳлили маъно ва вачҳи тасмим, сохтор, инкишоф ва тағйирёбии таърихии топоними шаҳри Тоҷикистони Шимолӣ – Истаравшан бахшида шудааст. Таъкид гардидааст, ки дар давоми таърихи беи аз 2500-сола шаҳр се бор номаиширо иваз кардааст. Дар даврони атиқа ва қуруни вусто шаҳри мазкур бо номҳои Киропол (вариантҳои Курушкада, Кирэсхата), Истаравшан (вариантҳои фонетикаиаш Сурушан, Сурушана, Сайдушана, Уструшаник, Уструшан, Уструшана), аз асри XVI бошад чун Ӯротепна маъруфият дошт. Дар асоси маълумоти сарчашмаҳои мӯътабарӣ мӯътамади бостонию қуруни вусто ва осори ҷуғрофӣ, аз қабилӣ китоби муқаддаси зардуштия «Авасто», рисолаҳои «Ашкол-ул-олам»-и Ҷайхонӣ (асри X), «Масолик ва мамолик»-и Истахрӣ (а.Х), «Футӯҳ-ул-булдон»-и Балозурӣ (а. IX), тадқиқоти олимони хориҷию ватанӣ, аз ҷумла шарқииноси маъруфи рус В.А. Ливицци, олимони тоҷик академик А.М. Мухторов, С. Абдуллоев, Ю. Яъқубов барои таъйини вачҳи тасмияи номҳои таърихии шаҳри Истаравшан кӯшиши ба харҷ дода шудааст.

Ключевые слова: историческая география, топонимика, Истаравшан, Ӯротепна, Кирополь, средневековые географические источники

Статья посвящена анализу значения, происхождения, структуры, развития и изменения во времени топонимов современного города, расположенного в Северном Таджикистане, – Истаравшана. Подчеркивается, что в течение более чем двух с половиной тысячелетий своей истории город трижды менял название. В древности и в средние века город был известен под названиями Кирополь (варианты Кирэсхата, Курушкада), Истаравшан (фонетические варианты: Сурушан, Сурушана, Сайдушана,

Уструшаник, Уструшан, Уструшана), а с XVI века - как Уротеппа. На основе данных достоверных и авторитетных античных и средневековых источников, таких как священная книга зороастрийцев «Авеста», книг «Ашкол-ул-олам» Джебейхани (X в.), «Масолик ва мамолик» Истахри (X в.), «Футух-ул-булдон» Банозури (IX в.), мемуарной литературы китайских путешественников (III-X вв.), исследований отечественных и зарубежных учёных, в том числе известного русского востоковеда В.А. Лившица, таджикских историков: академика А. Мухтарова, С. Абдуллоева, Ю. Якубова – предпринята попытка уточнения этимологии названий города Истаравшана.

Key words: *historic geography, toponymy, Istaravshan, Uro-Teppa, Kiropol, mediaeval historic sources*

The article dwells on significance, origin, structure, development and time changes of the toponyms of the contemporary town located in Northern Tajikistan, that of Istaravshan. It is underscored that during two and half millennia of its history the town changed its name thrice. In antique times and Middle Ages the town was known under the names of Kiropol (variants: Kireskhata, Kurushada), Istaravshan (phonetic variants: Surushan, Surushana, Saydushana, Ustrushanik, Ustrushan, Ustrushana), and since the XVI-th century it was called as Uro-Teppa. An endeavor is undertaken to specify the etymology of the names mentioned, it is designed on the premise of authentic and authoritative antique and mediaeval originals: the sacred book of Zoroastrians called «Avesta», «Ashkol-ul-Olam» by Djeykhani (Xc.) «Masolik va Mamolik» by Istakhri (Xc.), «Futuh-ul-Buldon» by Banozuri (IXc.), memoir literature of Chinese travellers (III – X cc.). exploration of home and foreign travellers; famous Russian Orientalist V.A. Livshitz, Tajik historians – academicians A.Mukhtarov, S.Abdulloyev, Yu.Yakubov being included into this number.

Истаравшан яке аз вилоятҳои қадими таърихӣ обод ва дорои табиату иқлимаш мусоиди минтақаи Мовароуннаҳр маҳсуб ёфта, дар таъриху тамаддун ва фарҳанги халқҳои Осиёи Марказӣ нақши бузург гузоштааст.

Таҳқику омӯзиши таърихи ин вилоят яке аз самтҳои муҳими илми таърих ва муаррихон, аз ҷумла бостоншиносӣ, таърихнигорӣ, этнография, таърихи санъати меъморӣ шаҳрсозӣ, сиккашиносӣ ва дигар равияҳои илм гардидааст. Дар радифи онҳо илми топонимшиносӣ низ дар таҳқику омӯзиши таъриху фарҳанг ва тамаддун он саҳми намоён дорад.

Дар таърих кам шаҳру вилоятҳоеро дучор меоянд, ки борҳо хароб шудаву аз нав бунёд гардидаанд ва номи худро чанд маротиба дигар кардаанд. Яке аз чунин вилоятҳои таърихӣ, ки бо тамаддун ва фарҳанги ғании худ дар ганҷинаи арзишҳои фарҳангии мардуми Осиёи Марказӣ ва ҷаҳон саҳми арзанда гузоштааст, Истаравшан ба ҳисоб меравад. Истаравшан дар фосилаи таърихи беш аз 2500 – солаи мавҷудияти худ се маротиба, номи хешро иваз кардааст ва бо номҳои «Киропол» («Кирэхата», «Курушкада»), «Истаравшан», «Ўротеппа» машҳур будааст [25, с.24].

Тибқи ахбори сарчашмаҳои таърихӣ, замони дигар шудани номи ин минтақа ба асри XV рост меояд ва он минбаъд бо номи «Ўротеппа» машҳур гардид. Ин ном то ибтидои асри XXI давом карда, дар байни сокинони он ва минтақаҳои атроф то ҳол ба чунин ном шинохта мешавад.

Бо қарори Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 10-уми ноябри соли 2000-ум, таҳти № 149-ум шаҳри Уротеппа ба «Истаравшан» табдили ном кард.

Шарҳу тафсири илмӣ вожаҳои чуғрофӣ, мазмун ва моҳияти номи ин ё он маҳал, мавзеъ яке аз мавзӯҳои душвор ва баҳсангез буда, тадқиқоти яқояи муаррихон, этнологҳо, забоншиносон, ховаршиносон, маъхазшиносон ва дигар равияҳои илмҳои ҷомеашиносиро тақозо менамояд.

Номвожаи «Истаравшан» аз ин истисно нест ва дар атрофи он низ баҳсу мунозира ва ақидаҳои мухталиф дар сарчашмаҳои таърихӣ, чуғрофӣ, адабӣ ва осори муҳаққиқони давраҳои гуногун вомехӯранд.

Дар гузориши мазкур кӯшиш карда мешавад, ки маълумоти маъхазҳои таърихӣ, чуғрофӣ, адабӣ ва осори муҳаққиқони гуногун доир ба вожаи «Истаравшан» мавриди таҳлилу баррасӣ қарор дода шавад.

Вожаи «Истаравшан»-ро дар шаклу усули гуногун ва талаффузи он, аз ҷумла «Сурушан», «Сурушана», «Суйдушана», «Уструшаник», «Уструшан», «Уструшана» ва «Истаравшан» ва ғайра дар қадимтарин осори хаттии ниёғони мо, ахбори муаррихони давраи антиқа, сарчашмаҳои таърихӣ, чуғрофӣ, адабии асримиёнагӣ ва осори муҳаққиқони ватанӣ, хоричӣ дучор шудан мумкин аст.

Пеш аз ҳама, ба шумули яке аз маъхазҳои муҳим, ёдгории динию фарҳангӣ, сарчашмаи нодири таърихӣ, нахустқомуси мардуми ориёӣ, китоби муқаддаси оини зардуштӣ «Авесто»-ро бояд номбар намуд. Дар қисмати аз абёти «Яштҳо»-и он сурудҳо дар васфу ситоиши фариштагон оварда мешавад, зикри номи Истаравшан, ки маънои «Ситораи равшан»-ро дорад, дар карда (боби)-и 9-ум чунин омадааст:

*Гарсонад зи пеши Меҳр-шон,
Гарсонад зи пас Рашан-шон.
Ашави Суруш зи ҳар ним,
Бодигар Яздони ҳофиз [27, с.106].*

ё худ дар кардаи 12-ум омадааст:

*Меҳр ронад тунд гардун,
Чун Суруши шарза, артӣ,
Нарсаҳи суст ҳунарманд,
Бо ҳамла ки роста бошад [28, с. 95].*

ё ин ки дар кардаи 25-ум гуфта мешавад:

*Меҳри паҳнои паҳно –
Зи паҳлуи ростии паҳну
Ба паҳлуи ростии ӯро
Нек Сурӯши Артӣ гардад [7, с. 94].*

Бино бар ақидаи мардумшинос, профессор Н.Турсунов, «калимаи «Суруш» шакли авастоии Уструшана – Истаравшан мебошад» [19, с. 9]. Ба андешаи бостоншинос Ю.Ёкубов, «Рашан», «Равшан» Эзид ё Ҳудои авастоист, ки пуштибону ҳомии вилоят буда, макони ҳудои Равшан аст ва дар Суғду Истаравшан ин язд хеле машҳур буд [30, с. 45].

Доир ба истилоҳҳои чуғрофии «Истаравшан» дар асотир (мифология), нақлу ривоёт, афсона, эҷодиёти шифоҳии мардум низ маълумот ва ахбори ҷолиб оварда мешавад, ки баъзе аз онҳо дар байни мардум имрӯз ҳам маъмул аст.

Гӯё яке аз духтарони шоҳони Каёнӣ – Гуштосп, ки «Равшан» ном дошт, бемор мешавад. Бо тавсияи табибон бояд ӯ макони зисти худро иваз намуда, барои табобат

ба минтакаи хушбоду ҳавое рафтаниш лозим буд. Ҷро ба Истаравшан меоранд ва насими хушу серун ва боду ҳавои мусоиди ин минтакаи Варазрӯд ба духтари шоҳи Каёнӣ хуш меояд ва ӯ табобат меёбад. Аз падар хоҳиш менамояд, ки дар ин макон шаҳре бино намояд ва ҳамин тавр Истаравшан бунёд гардид. Топоними Истаравшан гӯё аз номи шохдухтар Равшан бармеояд, ки аз ду чузъ «ист» - аз феъли «истод», «истодан» гирифта шуда, қисми дигар «Равшан истод», «Равшан таваккуф намуд» - ро дорад [9, 17; 16, 16]. Баъзе олимони чунин андеша доранд, ки гӯё Равшан духтари Дорои I (522-486) шоҳи Ҷаҳоманишиҳо бошад. Ҷаминро бояд ба назар гирифт, ки дар замони ҳукмронии Доро дар ин минтақа шаҳр аллакай бино гардида, бо номи «Курушкада» («Киропол» ва ё «Кирэсхата») маълум буд. Курушкада аз тарафи Куруши Кабир (558-530 т.м.) бунёд гардида буд ё не, дар ин бора низ маълумотҳои гуногун мавҷуд аст [13].

Дар сарчашмаҳои таърихию ҷуғрофии баъди аз ҷониби Искандари Мақдунӣ (с.329 т.м.) истило шудани Осиёи Миёна истилоҳи «Курушкада» («Киропол» ва «Кирэсхата») воমেҳӯрад. «Ин номгузорӣ - мегӯяд, академик А.Мухторов, - тақрибан 700 сол давом мекунад. Танҳо дар асри IV мелодӣ ва баъди он вилояти мазкур дар асарҳои воқеанависон ва сайёҳони ҷиноии сулолаи Вай (с. 386-581), Суй (с. 581-618), ва Тан (с. 618-907) бо номҳои гуногун, аз ҷумла «Суйдушана», «Саои Шарқӣ» ва гайра зикр ёфтааст» [16, с. 16].

Сюан-Тзян ин ноҳияро «Сутулисана» номидааст ва хабар медиҳад, ки масоҳати гирдогирди он 1400 – 1500 ли мебошад (нисбат ба ноҳияи Чоч 1,5 баробар бузургтар ва нисбат ба ноҳияи Самарқанд андаке хурдтар аст). Сарҳади шимолии он дарёи бузургест ва дар тарафи шимолу ғарбии ноҳия биёбони бекарони бе обу алаф ҳаст [12, с. 395]. Тадқиқоти академик Н.Неъматов низ онро тасдиқ мекунад [20, с. 15-25; 22, с. 3-5].

Дар хуччатҳои аз Қалъаи Муғи ноҳияи Айни ёфтшуда низ доир ба вожаи «Истаравшан» маълумот оварда шудааст. Забоншиноси маъруфи рус В.А.Лившице онро *ystrwnk* (Уструшаник) ва *ystwsuk* – Уструшана тарҷума кардааст [24, с. 77-91]. Ҷамин тавр, маълум мешавад, ки шакли асосии суғдии калима «Уструшанк» мебошад [30, с. 43-44]. Дар ин хуччатҳо комилан исбот шудааст, ки дар ибтидои асрҳои миёна вилояти мазкур «Уструшана» ном дошта, минбаъд ҳарфи «к» ё «т» соқит гардид [9, с. 14; 24, с. 24]. Вале минбаъд дар сарчашмаҳои таърихӣ, ҷуғрофӣ ва адабии асрҳои миёна ба ҷои «Уструшана» «Истаравшан» меояд.

Сарчашмаи дигари муҳиме, ки топонимияи Истаравшан дар онҳо ба шаклҳои гуногун оварда мешавад, маъхазҳои таърихӣ, ҷуғрофӣ ва адабии асримиёнагии арабию форсиабон ба ҳисоб мераванд. Ба хусус дар сарчашмаҳои таърихӣ замони Сомониён номи «Истаравшан» ба шаклҳои гуногун воমেҳӯранд. Ёдовар бояд шуд, ки ҳангоми зикри ин номвожа дар асари айни як муаллиф чанд намуди қорбурди он дучор меояд. Муаллифон онро яке ба сифати вилоят, дигар ба шумули ноҳия номбар кардаанд. Яке аз чунин сарчашмаҳои нодир ва муҳими ҷуғрофии асри X «Ашқол-улоам»-и Абулқосими Ҷайхонӣ мебошад. Дар ин асар муаллиф Истаравшанро вилоят шуморида, онро ба шаклҳои «Асрушана» ва «Уструшана» овардааст [4, с. 39-78; 15, с. 29].

Манбаи дигари ҷуғрофии замони Сомониён «Масолик ва мамолик»-и Абӯисҳоқи Истахрӣ мебошад. Истахрӣ дар асари худ онро «Уструшана» номида гуфтааст, ки он вилоятест монанди Суғд ва дигар шаҳри ҳамноми он вучуд надорад [5, с. 256-259]. Дар баробари ин муаллиф роҷеъ ба худуд, шаҳрҳои маъмурӣ ва роҳҳои байни онҳо маълумотҳои ҷолиби таърихӣ медиҳад.

Топоними Истаравшан дар замони ҳучуми арабҳо ба Мовароуннаҳру Хуросон дар асари Балозурӣ «Футух-ул-булдон» инъикоси худро ёфтааст. Дар ин сарчашма воқеаҳои гуногуни сиёсӣ-иҷтимоии замон, аз ҷумла доир ба Афшин Ҳайдар ибни Ковус, ки аз ҳокимони Уструшана буд, маълумот мавҷуд аст. Дар ин сарчашмаи нодири таърихӣ низ номи вилоят ба таври «Уструшана» омадааст, вале шарҳу эзоҳи маъноӣ он ба назар намерасад [8, с. 97].

Ибни Ҳавқал низ дар асари худ «Сурат-ул-арз» машҳур ба «Масолик ва мамолик» дар хусуси вилояти Истаравшан маълумот дода гуфтааст, ки Уструшана вилоятест монанди Суғд ва дигар шаҳре аз он чунин номро надорад [6].

Ин ҷо мо монандии ахбори Истаҳрӣ ва Ибни Ҳавқалро мушоҳида менамоем. Ин далели он аст, ки муаллифони асримиёнагӣ аз осори яқдигар истифода намудаанд.

Муаллифи гумноми сарчашмаи ҷуғрофӣ асри X «Худуд-ул-олам» топоними Истаравшанро «Сурушана» номидааст. Дар ин манбаи нодир гуфта мешавад, ки «Сурушана ноҳияест бузургу ободон ва бо неъматӣ бисёр ва ўро шаҳр ва рустоҳои бисёр» [26, с. 64]. Аз ахбори сарчашмаи мазкур маълум мегардад, ки муаллиф онро «ноҳия» ҳисобидааст ва номи онро «Сурушана» меҳисобад.

Бояд зикр намуд, ки дар осори муаллифони аҳди бостон ва асрҳои миёна истилоҳи «ноҳия», «вилоят», «кишвар», «қаламрав» истифода мешаванд ва онҳо маъмулан маъноӣ вилоятро доранд.

Дар баробари дигар манбаҳои ҷуғрофӣ асримиёнагӣ дар асари «Масолик ва мамолик»-и Ибни Хурдодбех роҷеъ ба вилояти таърихӣ Истаравшан маълумотҳои ҷолиб оварда мешавад. Дар ин асари муаллиф доир ба таърихи сиёсӣ, иқтисодӣ, иҷтимоӣ, этнографӣ ва фарҳангии шаҳрҳои Осиёи Миёна, аз ҷумла вилояти Истаравшан хабар медиҳад. Ибни Хурдодбех дар ҷараёни гузоришоти худ аз топоними Истаравшан сухан ронда, чанд шакли онро зикр кардааст. Аз ҷумла, ӯ «Усрушана», «Ушрусан», «Шарусана», «Осрушана»-ро ишора менамояд [14, с. 65,68,133,183,194-195].

Ҳамин тариқ, дар сарчашмаҳои таърихӣ, ҷуғрофӣ ва адабӣ топоними Истаравшан ба шаклҳои гуногун оварда мешавад. Дар ин бобат профессор С.Абдуллоев ба хулосае омаду чунин менигорад: «Топоними мазкур дар маохизи ҷуғрофӣ қуруни вусто ба гунаҳои мухталиф: Усрушана, Сурушана ва монанди инҳо дучор шуда, ҳатто дар таълифоти айни як муаллиф чанд мувозои он ба назар мерасад» [1, с. 105]. Маълум мешавад, ки муаллифони сарчашмаҳои гуногун топоними шунидашонро аз манбаҳои пешин ҷӣ гуна ки ҳаст, ҳамон тавр истифода бурдаанд ба шакли асли он таваҷҷӯҳ зоҳир накардаанд.

Дар сарчашмаҳои таърихӣ ҷуғрофӣ ва адабии асрҳои XV-XVI топоними Ўротеппа вомеҳӯрад. Ин ном бори аввал дар ёрлиғи (фармони) шоҳзодаи темурӣ Султон Маҳмудхон соли 1494 номбар шудааст.

Ў чунин менигорад: «Ҳангоми дар Ўротеппа таваққуф намудани мо хабар расид, ки Шайбониҳон Боқӣ тархонро дар назди Дабусия шикаст дода, ба ҷониби Бухоро раҳсипор гардид. Аз Ўротеппа тавассути Бурқасалоқ (Яйлоқ) мо ба Санғзар омадем. Доруғай Санғзар ҳилҷаро таслим сохт» [10, с.97].

Дар сарчашмаи нодири таърихӣ-ҷуғрофӣ ва адабӣ, асари ёддошти шоҳзодаи темурӣ Заҳириддин Муҳаммад Бобур - «Бобурнома» тасвири воқеаҳои фирори Бобур пас аз шикасти ӯ аз дасти Шайбониҳон ва муддате дар Ўротеппа таваққуф намуданаш инъикос ёфтааст.

Дар асари муаррихи машхур Абдурраззоки Самарқандӣ «Матлаъ-ул-саъдайн ва мачмаъ-ул-бахрайн», ки дар ҳудуди солҳои 1467-1470 таълиф шудааст, Хучанд ва Ӯротеппа чун мавзеи муҳими таваккуфгоҳи лашкари Мирзо Улуғбек дар мубориза бар зидди қувваҳои ҷудоҳо ва марказгурез борҳо зикр шудааст [3, с. 132].

Қобили қайд аст, ки дар ин асар хангоми тасвири воқеаҳои солҳои 1409-1410 бори нахуст шаҳре бо номи «Ӯротеппа» зикр гардидааст.

Доир ба маънои топоними Ӯротеппа фикру мулоҳизаҳои гуногуну баҳсангез мавҷуданд [11]. Андешае вучуд дорад, ки гӯё топоними Ӯротеппа аз лафзи туркии «ӯртеппага», «теппани ӯр» пайдо шуда, дар замони забтқорихи бодиянишинон пайдо шудааст. Албатта чунин шарҳ хеле содалавҳона буда, пояи илмӣ надорад.

Гурӯҳи дигаре бар он ақидаанд, ки «Ӯртеппа» аз калимаи туркии «ӯрта»-миёна гирифта шуда, маънои дар пастию чуқурӣ ҷойгир шудани шаҳро ифода менамояд.

Гурӯҳи сеюм калимаи «ӯр»-ро суғдии туркигашта меҳисобанд, ки маънои мавзеи калон, азим ва паҳноро ифода мекунад ва онро чунин маънидод кардаанд.

Доир ба топоними Истаравшан дар осори муҳаққиқони ватанӣ ақидаҳои гуногун мавҷуданд. Дар ин бора академик Б.Ғафуров роҷеъ ба топоними мазкур андешаи худро дар асараш «Тоҷикон» баён кардааст. Ба ақидаи аллома Б.Ғафуров, ҷуғрофидонҳои асримиёнагии арабу форс низ ҳар яке ба таври худ онро ном бурдаанд. Ин сабаби ба вучуд омадани даъвоҳои беасос шудааст. Аз ин лиҳоз, «Устурушан» навиштан дуруст мебошад. Олимоне, ки ин ақидаро пешниҳод кардаанд, ба назар нагирифтаанд, ки ҳам дар навишт ва ҳам дар талаффуз Истаравшан (Истаравшан) буда, ин номвожа дар таркиби худ ҳарфи «т» дорад [12, с.385-386].

Академик Н.Неъматов низ дар пажӯҳишҳои худ чанд шакли он, аз ҷумла «Усрушана» [20, с.15-30], «Уструшана» [21] ва «Истаравшан» [22]-ро истифода кардааст. Ҳатто дар як гузориши ин муаррих чанд шакли истифодаи ин вожа ро мушоҳида карда метавонем.

Академик А.Мухторов дар асари худ роҷеъ ба номгузорию вилоят ба масъалаи вожаҳои ривоятасос ва ҳамчунин ба таҳқиқоти О.И.Смирнова ва Ю.Ёқубов тавачҷӯх намудааст. Ӯ изҳор мекунад, ки дар сарчашмаҳои мухталифи асримиёнагӣ ва тадқиқотҳои олимони муосир он ба таври гуногун ишора гардидааст [16, с. 16-18]. Аз ҷумла, ӯ менависад, ки ду муаллифи сарчашмаҳои таърихӣ-ҷуғрофӣ асри XVI Бобур ва Ҳофиз Таниши Бухорӣ ин вилоятро бо ду ном – Ӯротеппа ва Истаравшан номбар кардаанд. Ҳамин тавр, академик А.Мухторов дар асару мақолаҳои худ топоними Истаравшанро аз забони муаллифони сарчашмаҳо, ки ҳар яке ба таври худ менигорад, ном мебарад.

Бояд ёдовар шуд, ки ба андешаи муҳаққиқ Ю.Ёқубов, пайдоиши ин вожа ба қарнҳои тӯлонии пеш аз солшумории мо рост меояд. Он аз ду қисмат «ист» ва «уст» ҳаммаъно буда, ифодакунандаи «боло», «олӣ» ва «олитар» аст ва «Равшан» исми фариштаи 18-уми тақвими авастӣ – Равшан мебошад. Чунонки маълум аст, дар гузашта вилоятҳо ва ноҳияҳо сарпарастони ҳимоятгари худ, фариштагон – худоёни авастӣ доштанд. Масалан, гӯё шаҳри Зомини Истаравшан аз Худои Замин бо Зомӣд ва Панҷу-Панҷакат (Бунҷикат) бошад, аз тарафи Худо бо номи Нана сарпарастӣ карда мешуд. Аз ин ҷост, Истаравшанро фариштаи росткор, ростгӯй, ростқавл, дорандаи тарозу, санҷандаи аъмоли фавтидагон дар пули Чанвод-Сирот Равшан парасторӣ мекард [29, с. 94-97; 30, с. 44].

Бостоншинос, профессор А.Мирбобоев бар он ақида аст, ки вожаи мазкур ба худ номи маъбади авастии Сурушро гирифтааст, ки он фариштаи рӯзи ҳабдахумро тақвими эронӣ чой дода шуда буд. Суруш ё Сурушрӯз фариштаи ҳомӣ ва мададгори одамон дар шаби тор маҳсуб меёфт. Бо гузашти вақт ин вожа ба «Сурушна» ва минбаъд «Усрушна» ё «Истаравшан» табдил меёбад ва номи вилояти таърихию ифода мекунад [17, с. 446].

Тавре қайд гардид, профессор Н.Турсунов, дар асари худ «Истаравшан» дар хусуси номи Истаравшан суҳан ронда, асли ин вожаро аз сарчашмаи қадимаи ориёӣ «Авасто» медонад. «Авасто», ки маҳсули эҷоди сарзаминҳои скифу туронии осиемиёнагӣ мебошад, Истаравшан низ шомили ин сарзамин буд. Шеърӯ сурудҳои алоҳидаи ин манбаъ роҷеъ ба таъриху фарҳанг ва шахрҳои Ориёзамин бахшида мешавад. Гумон меравад, ки суруд дар васфи фариштагон, ба хусус доир ба «Митра»-и қисмати яштҳои «Авасто» ба Истаравшан бахшида мешавад. Н.Турсунов бо ин далел менависад, ки асоси номи таърихии Уструшана – «Ситораи равшан» дар шеърӯ сурудҳои парокандаи «Авасто», ки то замони мо омада расидааст, зиёд оварда мешавад [19, с.9].

Дар тадқиқоти профессор Н.Раҳимов топоними Истаравшан ба шаклҳои гуногун: «Истаравшан», «Уструшана», «Ўротеппа» номбар карда мешавад. Таҳлили дақиқонаи топоними Истаравшан аз лиҳози забоншиносӣ дар тадқиқоти мавсуф мушоҳида намешавад ва бештар ба масъалаи чойгиршавӣ ва маскуншавии аҳолии миёнаоби дарёи Сир ва масъалаи ёдгориҳои археологӣ ин шахри бостонӣ аҳамият дода мешавад [23]. Аз ҷониби дигар профессор Н.Раҳимов ба давраҳои номгузории он таваҷҷӯҳ зоҳир намудааст.

Дар ҳамаи шаклҳои истифодашуда «Истаравшан» - мегӯяд топонимшинос, номзади илмҳои таърих А.Аюбов, - аз ду қисмат: «ист/р» - маънои ситора, фаришта ва «равшан» («рашн») – маънои равшан, рӯшноиро ифода мекунад, дучор шудан мумкин аст [9, с. 18].

Ба андешаи забоншинос А.Абдунабизода, сарнавишти номи Уструшан ба асоптири мардуми ориё мансуб буда, макон ва сарзамини Худои Рӯшноӣ мебошад, зеро он сарзамини паҳновареро дар бар гирифта соҳибхитиёр буд ва бар зидди ғосибонаш Курушу Искандар, арабу турку муғулони бадавӣ саҳифаҳои дурахшон дорад. Мардумонаш Худои рӯшноӣ, некӣ Ахурамаздо (Хурмузд)-ро парастид мекарданд ва дар оташкадаҳо намоз оварда, мардумро ба сулҳу сафо меҳонданд, то ки пиндору гуфтору кирдорашон нек бошад ақлу хирад, ростиву адолат, ҳақиқат ва нерӯҳои рӯшноӣ бар торикӣ, нерӯҳои бадӣ-Аҳриман пирӯз гарданд. Ҳамчунин муаллиф дар гузориши худ қайд мекунад, ки ёдгориҳои аз тарафи бостоншиносон бозёфтшуда аз Бунҷикат гувоҳи он аст, ки истаравшаниҳо рамзи муборизаи некии худро дар деворҳо мекашиданд, ки он дар «Шохнома»-и Фирдавсӣ омадааст [2, с.12].

Дар мақолаи нависанда М.Ҳотам ба оин ва адабиёти ведоӣ иртиботе доштани асли вожа асоснок карда мешавад. Аз ҷумла, гуфта мешавад, ки номи Сурушан – Усрушана ба номи эзид, ё худ эзидбону, яъне олиҳаи лаҳзаӣ қабл аз субҳдам дар оини ведоӣ марбут аст. Шаклҳои номи ин эзид дар миёни халқҳо ва адабиётҳои мухталиф «Ушас», «Ауша», «Утро», «Uasar», «Usar», «Usra», «Аусар»-(ӣ) дучор шудан мумкин аст [18, с.48-49].

Ҳамин тавр, метавон гуфт, ки топоними Истаравшан маънои рӯшноӣ, мавзеи равшаниро нишон дода, дорои табиату иқлим ва боду ҳавои хуш, чашмаву обҳои мусаффо ва

шифобахш, инчунин минтакаи чуғрофии офтобруёро мемонад. Тахлилҳо собит месозанд, ки Уструшана ва Истаравшан топонимест, ки тамоми қаламрави вилоятро ифода мекард.

Хулоса, Истаравшан дар тӯли мавҷудияти худ чун яке аз вилоятҳои таърихии дорои тамаддун, фарҳанги қадим ва ғанӣ дар осори қадими хаттӣ, ахбори муаррихони замони антика, сарчашмаҳои таърихӣ, чуғрофӣ ва адабии асримиёнагӣ, тадқиқотҳои муҳаққиқони замони гуногун инъикос ёфта, доир ба шарҳу тавсифи топоними Истаравшан ақидаву андешаҳои мухталиф вучуд доранд ва муҳаққиқонро зарур аст, ки тамоми ин андешаҳо ва ақидаҳоро дар асоси далел ва пояҳои илмӣ таҳлил ва пурра намуда, таърихи ивазшавӣ ва сабабу омилҳои онро аз нигоҳи илм шарҳу тафсир намоянд.

Пайнавишт:

1. Абдуллоев, С. Фарҳанги Сомониён/С. Абдуллоев. – М.: Шӯъбаи ҷаҳоруми нашириёти Ҷарбӣ, 2001. – 598 с.
2. Абдунабизода А. Истаравшан//Тоҷикистон. - №№ 1-2. – 1994. – С. 12-16.
3. Абдураззоқ Самарқандӣ. Матлаи Саъдийн ва маҷмаи баҳрайн. – Тошкент: Фан, 1969. – 532 с.
4. Абулқосими Ҷайҳонӣ. Ашқол-ул-олам// Сомониён дар оинаи таърих. – Ҷ. 2. – Хучанд: Нашириёти давлатии ба номи Раҳим Ҷалил. – С. 39-78.
5. Абу-Исҳак, ибн Муҳаммад ал-Истаҳри. Масалик ал-мамолик: пер. с персидского. З. Н. Ворожейкиной/А.Истаҳри// Материалы по истории киргизов и Киргизии. – М.: Наука, 1973. – 283 с.
6. Абулкасим, ибн Хаукал. Китаб ал-Масолик ва-л-мамолик: пер. С. Волина / Х. Абулкасим/ Материалы по истории туркмен и Туркмении. – Т. 1. – М.: Институт востоковедения, 1939. – 408 с.; Худуд-ул-олам. Ибни Хавқал Сураат-ул-арз. Муҳаммад Обиди Иршод. Ҷаҳорбоғи гулҳо. – Таҳияи Зариф Шариф. - Душанбе: Адиб, 2008. – 212 с.
7. Авасто. Яшти Меҳр / Садои Шарқ. – 1985. - № 3. – С. 94-105.
8. Ахмад ибн Йхйа ибн Джабир ал-Балозури. Футух ал-Булдон/Пер.с арабского предисловие, комментарий и указатели Г. Гоибова. – Душанбе: Дониш, 1987. – 111 с.
9. Аюбов А.Р. Топонимы Уструшаны как источник по истории и культуры. – Худжанд: Нури маърифат, 2013 – 192 с.
10. Бабур-наме. Записки Бабур. Перевод М. Салье. Изд. второе, дораб. – Ташкент: Главная ред. энцикл., 1993. - 464 с.
11. Бобоҷонов Ғ., Абдулозода Р. ва диг. Ўротеппа ё Истаравшан//Тоҷикистони советӣ. – 1989. – 7 апр; Сайфиддинов А., Файзуллоев С. Ўротеппа ё Истаравшан//Тоҷикистони советӣ. – 1989. – 17 май; Шуқури Иброҳим. Ўротеппа ё Истаравшан//Тоҷикистони советӣ. – 1989. – 19 авг.
12. Ғафуров Б. Тоҷикон. Таърихи қадимтарин, қадим ва асрҳои миёна. – Китоби 1. – Душанбе: Ирфон, 1983. – 700 с.
13. Дар ин бора ба асару мақолаҳои зерин тавачҷӯх шавад: Мухторов, А. Курушкада, Истаравшан, Уротеппа/А. Мухторов. – Душанбе: Амри илм, 2000. – 100 с.; Мухторов А. Гузары Ура-Тюбе. – Тошкент: Чулпон, 1995. – 143 с.; Ёқубов Ю. Тавсири номи шаҳрҳои Истаравшан// Фарҳанг. - № 7-8. -2002. – С.41-47; Ғафуров Б. Тоҷикон. Таърихи қадимтарин, қадим ва асрҳои миёна. – Китоби 1. – Душанбе: Ирфон, 1983. – 700 с.; Довуди Д. Кир Великий и проблема основания города Кирополя// Роль Истаравшана в истории цивилизации народов Центральной Азии. – Душанбе, 2002. – С. 113-114; Довудӣ Д. Сиккаҳои Истаравшан/ Фарҳанг. – № 7-8. – С.45;

-
- Мухтарам Ҳ. Тахмине дар маънои Истаравшан ва Курката//Фарҳанг. - № 7-8. - 2002. - С. 50-51; Ёқубов Ю. Уротеппа чӣ маъно дорад//Тоҷикистони советӣ. - 1990. - 12 янв.
14. Ибн, Хурдадбех. Книга путей и стран/А. Хурдадбех. //Перевод с арабского, комментарии, исследование, указатели и карты Н.Велихановой. - Баку: Элм, 1986. - 428 с.
15. Мухторов, А. Амирон ва вазирони Сомони/А.Мухторов. - Душанбе: Оли Сомон, 1997. - 76 с.
16. Мухторов, А. Курушкада, Истаравшан, Уротеппа/А.Мухторов. - Душанбе: Амри илм, 2000. - 100 с; Негматов Н.Н. Уструшана в древности и раннем средневековье. Отв. ред. Б.А.Литвинский. - Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1957. - 160 с; Негматов Н. Асрори Истаравшан. - Душанбе: Ирфон, 1972. - 51 с.
17. Мирбабаев, А.К. Дахмаки Курката: раскопки и исследования/А. Мирбабаев: материальная культура Уструшаны. - Вып. 6//Древняя Уструшана: города, их локализация и хронология. - Душанбе: Ому, 2003. - С. 267-562.
18. Мухтарам Ҳотам. Тахмине дар маънои Истаравшан ва Курката/Фарҳанг. - 2002. - № 7-8. - С. 48-53.
19. Назирҷон Турсуни Хуҷандӣ. Истаравшан/Турсуни Н// Шарҳи мухтасари таърихию этнографӣ. - Душанбе: Ирфон, 1992. - 208 с.
20. Негматов Н.Н. Уструшана в древности и раннем средневековье. Отв. ред. Б.А.Литвинский. - Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1957. - 160 с.
21. Негматов Н.Н. Древняя и раннесредневековая Уструшана// Археологи рассказывают. - Сталинабад, 1959. - С. 114-134; Воронина В.Л., Негматов Н.Н. Открытие Уструшаны//Наука и человечество/Международный ежегодник. - М., 1974. - С. 51-71; Негматов Н. Уструшана/ Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. - М.: Наука, 1999. - С. 114-130.
22. Негматов Н. Асрори Истаравшан. - Душанбе: Ирфон, 1972. - 51 с.; Негматов Н.Н. Государство Саманидов (Мавераннахр и Хорасан в IX-X вв.)/ Отв. ред. Б.И. Искандаров; АН ТаджССР. Ин-т истории им. А. Дониша. - Душанбе: Дониш, 1977. - 279 с.; Негматов Н.Н. Давлати Сомониён (тоҷикон дар асрҳои IX-X). - Душанбе: Ирфон, 1989. - 304 с.
23. Рахимов Н. Урбанизация средней части бассейна Сырдарьи/ I тыс. до н.э. - середина II тыс. н.э./ авт. д.и.н.: 07.00.06. - Хуҷанд: Нури маърифат, 2007. - 39 с.; Рахимов Н.Т. Археологическая стратиграфия Ура-тиобе/Материальная культура Уструшаны. - Вып. 6//Древняя Уструшана: города, их локализация и хронология/Материальная культура Уструшаны. - вып. 5-8./ под. общ. ред. Н.Негматова. - Душанбе: Ому, 2003. - С. 137-266.
24. Согдийские документы с горы Муг. Чтение перевод, комментарий. - Вып. II (Юридические документы и письма). Чтение, перевод, комментарии В.А.Лившица. - М.: Издательство восточной литературы, 1962. - 222 с.
25. Хусейни Нарзулло, Ҷонибек Расулӣ. Истаравшан дар партави Истиқлол. - Душанбе: Бухоро, 2011. - 258 с.
26. Худуд-ул-олам. Таҳиягари матн ва муаллифи пешгуфтор Абдуҷамол Ҳасанов. - Душанбе: Бухоро, 2014. - 588 с.
27. Яшти Меҳр/Порчае аз Авасто/ Садои Шарқ. - 1985. - № 1. - С. 106-111.
28. Яшти Меҳр/Порчае аз Авасто/ Садои Шарқ. - 1985. - № 2. - С. 95-105.
29. Яқубов Ю. К исторической топонимике городов Уструшаны// Роль Истаравшана в истории цивилизации народов Центральной Азии. - Душанбе, 2002. - С. 94-97.

30. Яъқубов Ю. Тавсифи номи шаҳрҳои Истаравшан // Фарҳанг. - № 7-8. -2002. - С.43-47.

Reference Literature:

1. Abdulloyev, S. *Samanids` Culture*/S. Abdulloyev. – Moscow: The forth Military publishing-house, 2001. – 598 pp.
2. Abdunabizade A. *Istaravshan*//Tajikistan. - ## 1-2. 1994. – pp. 12 – 16.
3. Abdurazzoq Samarqandi. *Rising of Sa`dayn and Confluence of two Seas.* – Tashkent, Science, 1969. – 532 pp.
4. Abulqosimi Jayhoni. *Ashkol-ul-olam (Global Problems)*// *Samanids in the Mirror of History.* – V.2. - Khujand: Rahim Jalil publishing-house, - pp. 39 – 78.
5. Abu-Ishaq, ibn Muhammad al-Istakhri. *Masalik al-Mamolik: translated from Persian by Z.N. Vorozhensky/A.Istakhri*//*Materials on the History of the Kyrgyzes and Kirgizia.* – M.: Science, 1973. – 283 pp.
6. Abulqasim, ibn Khaykal. *Book of Masalik al-Mamolik: translated by S.Volina / Kh. Abulqasim*// *Materials on the History of Turkmens.* – V.1. – M.: Institute of Oriental Studies, 1939. – 408 pp.; *Hudud-ul-olam by Ibni Havqal Surat-ul-Arz. Muhammad Obidi Irshod. Four-Garden`s Flowers. Preparation by Zarif Sharif.* - Dushanbe: Adib, 2008. – 212 pp.
7. Avasto. *Song of Love / The Voice of the Orient,* - 1985. - #3. – pp. 94 – 105.
8. Ahmad ibn Hayo ibn Jabir al-Balozuri. *Conquest of Settlements / Translation from Arabic, preface, commentaries and notes by G. Ghoibova.* - Dushanbe: Knowledge, 1987. – 111 pp.
9. Ayubov A.R. *Toponyms of Ustrushana as the Sources of the History of Culture.* - Khujnad: *Light of Enlightenment,* 2013. – 192 pp.
10. Babur-Name. *Notes of Babur. Translated by M.Sale. The second edition, revised.* - Tashkent: *Encyclopedia Central Editorial Board,* 1993. – 464 pp.
11. Bobojonov Gh., Abdulozade R, etc. *Uroteppa or Istaravshan*//*Soviet Tajikistan.* – 1989. April 7: Sayfiddinov A., Fayzulloev S. *Uroteppa or Istaravshan*//*Soviet Tajikistan.* – 1989. – May 17; Shukuri Ibrohim. *Uroteppa or Istaravshan*//*Soviet Tajikistan.* – 1989. – August 19.
12. Gafurov B. *Tajiks The Ancientest, Ancient and Mediaeval Culture / B.G.Gafurov.* – M.: *Cognition,* 1983. – 700 pp.
13. See in details: Mukhtorov, A. *Kurushkada, Istaravshan, Uroteppa*/A.Mukhtorov. - Dushanbe: *Amri Ilm,* 2000. – 100 pp.; Mukhtorov A. *Guzars of Ura-Tube.* – Tashkent: *Chulpon,* 1995. – 143 pp.; Yaqubov Yu. *Characteristics of the Names of the Cities of Istaravshan*// *Culture.* - #7-8. 2002. – pp. 43 – 47.; Gafurov B. *Tajiks The Ancientest, Ancient and Mediaeval Culture / B.G.Gafurov.* – M.: *Cognition,* 1983. – 700 pp.; Dovudi D. *Great Kir and Problems Concerned with the Grounds of Kiropoliya-Town*// *The Role of Istaravshan in the History of Civilization of the Peoples of Central Asia.* – Dushanbe, 2002. – pp. 113 – 114; Dovudi D. *Coins of Istaravshan*//*Culture.* - ## 7-8. – pp. 45; Muhtaram Hotam. *A Supposition Concerned with Istaravshan and Kurkata Meanings*//*Culture.* – 2002. - ## 7-8. – pp. 48 – 53.; Yaqubov Yu. *What Does «Uroteppa» Mean?*// *Soviet Tajikistan.* – 1990. January 12.
14. Ibn, Khurdadbekh. *The Book of Ways and Countries*/A. Khudadbekh. // Translation from Arabic, commentaries, exploration, indicators and maps by N.Velikhanov. - Baku: Science, 1986. – 428 pp.
15. Mukhtorov, A. *Amirs and Samanids Vazers*/A.Mukhtorov. - Dushanbe: *Oli Somon,* 1997. – 76 pp.
16. Mukhtorov, A. *Kurushkada, Istaravshan, Uroteppa*/A.Mukhtorov. - Dushanbe: *Amri Ilm,* 2000. – 100 pp.; Negmatov N.N. *Ustrushan in Ancient Times and Early Middle Ages. Editor-in-charge: B.A. Litvinsky.* - Stalinabad: *Academy of Sciences of the Tajik ASSR publishing-*

-
- house, 1957. – 160 pp.; Ne`matov N. *Mysteries of Istaravshan*. - Dushanbe: Cognition, 1972. – 51 pp.
17. Mirbabaev, A.K. *Dakhmak of Kurkat: Handwriting and Exploration*/A. Mirbabaev: *Material Culture of Ustrushan*. – Issue 6//*Ancient Ustrushan: Towns, their Localization and Chronology*. - Dushanbe: Omu, 2003. – pp. 267 – 562.
18. Muhtaram Hotam. *A Supposition Concerned with Istaravshan and Kurkata Meanings/Culture*. – 2002. - #7-8. – pp. 48 – 53.
19. Nazirjohn Tursuni Khujandi. *Istaravshab/Tursuni N// Brief Historic-Ethnographic Interpretation*. - Dushanbe: Cognition, 1992. – 208 pp.
20. Negmatov N.N. *Ustrushan in Ancient Times and Early Middle Ages*. Editor-in-charge: B.A. Litvinsky. - Stalinabad: *Academy of Sciences of the Tajik ASSR publishing-house*, 1957. – 160 pp.
21. Negmatov N.N. *Ancient and Early Middle Ages of Ustrushan// Archeologists Retell*. – Stalinabad, 1959. – pp. 114 – 134; Varonina V.L., Ne`matov N.N. *Discovery of Ustrushan // Science and Humanity/International Annual*. – Moscow, 1974. – pp. 51 – 71; Negmatov N. *Ustrushan/ Central Asia and the Far East in the Epoch of Middle Ages*. - Moscow: Science, 1999. – pp. 114 – 130.
22. Ne`matov N. *Mysteries of Istaravshan*. - Dushanbe: Cognition, 1972. – 51 pp.; Negmatov N.N. *Samanids` State (Maverannahr and Khuroson Referring to the IX-th – the X-th Centuries)/ Editor-in-charge B.I. Iskandarov: Academy of Sciences of the Tajik ASSR under the Institute of History named after A. Donish*. - Dushanbe: Knowledge, 1977. – 279 pp.; Negmatov N.N. *Samanids` State (Tajiks Referring to the IX-th – the X-th Centuries)*. - Dushanbe: Cognition, 1989. – 304 pp.
23. Rahimov N. *Urbanization of the Middle Part of the Syr-Darya Reservoir/ The I-st Century B.C. – the Middle of the II-nd Century A.D./Synopsis of doctoral dissertation in history: 07.00.06*. - Khujand: *Light of Enlightenment*, 2007. – 39 pp.; Rahimov N.T. *Archeological Stratigraphics of Ura-Tube/Material Cultural of Ustrushan*. – Issue 6// *Ancient Ustrushan: Town, their Localization and Chronology/ Material Cultural of Ustrushan*. – Issues 5-8. Under general editorship of N. Negmatov. - Dushanbe: Omu, 2003. – pp. 137 – 266.
24. *Sughdian Documents from Mugh Mountain. Reading, translation, commentaries*. – Issue II (*Juridical Acts and Letters*). Reading, translation, commentaries by V.A. Livshitsky. - Moscow: *Publishing house of Oriental Literature*, 1962. – 222 pp.
25. Husyeni Narzullo, Jonibeki Rasuli. *Istaravshan in the Route of Independence*. - Dushanbe: Bukhara, 2011. – 258 pp.
26. *Hudud-ul-Olam. Preparation of the text and introduction by Abdujamol Hasanov*. - Dushanbe: Bukhara, 2014. – 588 pp.
27. *Song of Love/A Fragment from «Avesto»/ The Voice of the Orient*, - 1985. - # 1. – pp. 106 – 111.
28. *Song of Love/A Fragment from «Avesto»/ The Voice of the Orient*, - 1985. - # 2. – pp. 95 – 105.
29. Yaqubov Yu. *On the Historic Toponymy of the Cities of Ustrushan// The Role of Istaravshan in the History of Civilization of the Peoples of Central Asia*. – pp. 94 – 97.
30. Yaqubov Yu. *Characteristics of the Names of the Cities of Istaravshan// Culture*. - #7-8. 2002. – pp. 43 – 47.

**07 00 09 ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**
**07 00 09 HISTORIOGRAPHY, HISTORIC SOURCES,
METHODS OF HISTORICAL RESEARCH**

УДК 930.85 (100) «05/...»
ББК 63.2 -1

МАНБАЪҶОИ **Чӯразода Чамшиед Ҳабибулло,**
ТАЪРИХӢ– ОИНАИ *д.и.т., профессор, сармуҳаррири маҷаллаи «Ахбори*
РӢЗГОРИ НИЁҶОН *ДДҲБСТ. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ»*
(Тоҷикистон, Хуҷанд)

ИСТОРИЧЕСКИЕ **Джура-заде Джамшиед Хабибулло,**
ИСТОЧНИКИ – ЗЕРКАЛО *д.и.н., профессор, главный редактор журнала*
ЖИЗНИ ПРЕДКОВ *«Вестник ТГУПБП. Серия гуманитарных наук»*
(Таджикистан, Худжанд)

HISTORIC SOURCES AS A **Djurazade Djamshed Khabibullo,**
MIRROR OF ANCESTORS` *Dr. of History, Professor, editor-in-charge of the journal*
LIFE *«Bulletin of TSULBP. Series of Humanitarian Sciences»*
(Tajikistan, Khujand)
E-MAIL: juraboev.jh@gmail.com

Калидвожаҳо: сарчашмаҳои хаттӣ, асарҳои таърихӣ, таърихи Аморати Бухоро, сайёҳон ва ховаришносонии рус, муҳаққиқони тоиқилобии русзабон.

Мақола ба таҳлили сарчашмаҳо ва адабиётҳои илмӣ ба таърихи Аморати Бухоро дар нимаи дуюми асри XVIII – аввали асри XIX бахшида шудааст. Таърихи аморати Бухоро тавачҷӯҳи олимони соҳаи таърих, шарқишносон, сайёҳон ва амалдорони руси гарбро ба худ ҷалб намудааст. Муаллиф зимни баррасии масъала асарҳои муаллифони мухталифро, аз қабали Флорио Беневенӣ, Филипп Ефремов, Т.С.Бурнашев, Э.А.Эверсман, Е.К.Мейендорф, А. Борнс, П.И.Демезон ва И.В.Виткевич, П. Савелиев, К. Бутенев, П.И. Неболсин, А.И.Глуховский, А. Вамберй, Н. Хаников ва дигаронро мавриди таҳлили илмӣ қарор додааст. Саҳми онҳоро дар омӯзиши шароитҳои табиӣ, вазъи иҷтимоӣ сиёсӣ ва иқтисодӣ, рушди маорифу фарҳанги аморати Бухоро инъикос намудааст.

Ключевые слова: письменные источники, исторические произведения, история Бухарского эмирата, русские путешественники и востоковеды, русские и западные дореволюционные исследователи

Статья посвящена анализу письменных источников и исторических трудов, посвященных истории Бухарского эмирата второй половины XVIII – первой половины XIX вв. История Бухарского эмирата привлекала внимание русских и западных исследователей-историков и востоковедов, а также путешественников и государственных деятелей разного уровня. Автор статьи исследовал труды Флорио Беневени, Филиппа Ефремова,

Т.С.Бурнашева, Э.А.Эверсмана, Е.К.Мейендорфа, А. Борнса, П.И.Демезона, ва И.В.Виткевича, П. Савельева, К. Бутенева, П.И. Небольсина, А.И.Глуховского, А. Вамбери, Н. Ханыкова и др., посвященные истории Бухары. Раскрыт вклад исследователей в изучение природы, общественно-политической обстановки, экономической и культурной жизни Бухарского эмирата.

Key words: *written sources, historical works, the history of Bukhara emirate, Russian travellers and Orientalists, Russian and Western pre-revolutionary explorers*

The article presents an analysis of written sources and historical works dwelling on the history of Bukhara emirate referring to the period of the XVIII-th – the first half of the XIX-th centuries. The history of Bukhara emirate attracted the attention of Russian and Western explorers – historians and Orientalists; travellers and state votaries of different levels appertaining to this category as well. The author of the article has analyzed scientifically the works of the scholars devoted to the history of Bukhara. Among them we find the names of Florio Benevini, Philippe Yefremov, T.S. Burnashev, E.A. Eversman, Ye.K. Meyendorf, A. Borns, P.I. Demezonov, I.V. Vitkevich, P. Savelyev, K. Butenev, P.I. Nebolsin, A.I. Gluhovsky, A. Vamberi, Khanykov et alia. The author of the article discloses a contribution of the researchers into the studies of nature, social-political atmosphere, economical and cultural life of Bukhara emirate.

Дар таърихшиносии русӣ ва аврупоӣ мавзӯоти асосии таҳқиқоти илмӣ доир ба таърихи хонигарии Бухоро ташаккул ёфтааст. Муаллифон дар аксари мавридҳо кӯшидаанд, ки рӯйдоду далоилро мустақилона, ба ҳайси шоҳиди ҳодисаҳои руҳдод таҳқиқу таҳлил карда бошанд. Асарҳои муаллифони русизабон дар ҷодаи пажухиши таърихи сиёсӣ, ҳаёти иҷтимоӣю иқтисодӣ ва фарҳангии хонигарии Бухоро дар давраи ҳукмронии хонадони Манғит муҳим маҳсуб мешаванд.

Дар байни сарчашмаҳо «Релятсия аз Бухоро»-и Флорио Беневинӣ мақоми хосае дорад. Сафорати Флорио Беневинӣ ҳамонро пас аз он созмон дода шуд, ки Петри I (1682-1725) дар моҳи октябри соли 1717-ум аз забони казак Аҳмадови тотор, ки то он замон дар дастаи А. Бекович-Черкеский (ин нафар соли 1717 кушта шудааст) хизмат менамуд ва аз марги муфочо ба амри тасодуф ҳалосӣ ёфта буд, ғоҷиҳои пурдаҳшати оқибати сафари дастаи экспедициониро ба Хева шунид.

Сафорати Флорио Беневинӣ дар Бухоро умуман сеюним сол (аз 6 ноябри соли 1721 то 8 апрели соли 1725) қарор гирифт ва дар хусуси кишвар, аз ҷумла оид ба вазъи сиёсии хонигарии Бухоро маводи бойи далелнок ҷамъ намуд, ки онҳоро чи дар сурати номаи саркушод ва чи тариқи рамз (маълумоти дорои табиати иқтисодӣ ва ҳарбӣ) ба Санкт-Петербург равона месохт.

Ба Беневинӣ супориш шуда буд, ки сохтори сиёсӣ ва рӯзгори иқтисодии хонигарии Бухороро ҳарчӣ муфассалтар инъикос карда бошад. Дар дастуроти Петри I аз 13-уми июли соли 1718 таъкид мегардид, ки «дар роҳ, бахусус дар мулки хони Бухоро тамоми маконҳо, бандарҳо, шаҳрҳо ва истехкомҳо, инчунин он ки ба баҳри Хазар кадом обҳо мерезанд, таҳти мушоҳида қарор бигиранд». Беневинӣ масъул буд, ки барои бо хони Бухоро шартномаи иттиҳоди дифоӣ бастан кӯшиш намояд. Ҷамчунин ба сафорат супурда шуда буд, муқаррар бисозад, ки муносибатҳои байниҳамдигарии Бухоро бо туркон, Эрон, Хева дар кадом сатҳ қарор доранд, вазъи сиёсӣ дар навоҳии наздисарҳадӣ ҷи гуна аст, имконоти ҳарбии давлатҳои номбурда

аниқ намуда ва танҳо пас аз анчоми амалҳои мазкур ба хон ёри ҳарбӣ пешниҳод гардад, яъне барояш гвардияи русӣ манзур карда шавад. Бар ўҳдаи сафорат инчунин муқаррар кардани вазъи тичорати берунӣ ва дохилӣ ва дурнамои муносиботи тичоратӣ бо Русия вогузор гардида буд.(1,с.57)

Сафорати Флорио Беневинӣ ба Бухоро барои ҳарчӣ васеътар гардидани доираи маълумот оид ба вазъи иҷтимоию иқтисодӣ ва сиёсии хонигарӣ дар асри ХУ111 мусоидат намуд(10, с.51).

Яке аз саёҳатҳои ғароибӣ русӣ ба Осиеи Марказӣ саёҳати маҷбурии Филип Сергеевич Ефремов ба шумор меравад, ки ў соли 1774 аз тарафи қазоқҳо асир гирифта шуда буд. Сипас ўро ба сифати ғулом ба Ғафурхоҷа фуруҳтанд, ки бо корвон ба Бухоро мерафт. Ў ғуломро ба домоди худ атолик Дониёл-бий (1758-1785) пешкаш намуд ва Ефремов назди ин амалдор хизмати ҳарбӣ ба ҷо оварда, сарбозони хониро асрори чанг омўхта, дар бисёр юришҳои ҳарбӣ ширкат карда, ба унвони ҳарбии юзбошӣ сазовор гардида буд.(10, с.51)

Тафсилоти саёҳати ў таҳти унвонҳои мухталиф се қарат (солҳои 1786, 1794 ва 1811) нашр шуда буданд. Чопи сеум, ки тариқи донишгоҳи Қазон бо пешгуфтори магистри илмҳои таърих П. Кондиоров ба сомон расонида шудааст, аз ҳама муқаммал мебошад. Қаламдоди саёҳати мазкур аз ду қисмат иборат аст. Дар қисмати аввал дар хусуси ҳуди саёҳат суҳан ронда мешавад, муаллиф дар қисмати дувум маълумотро дар хусуси кишварҳои дидааш манзур месозад(10, с.52).

Ефремов дар китоби худ Бухоро, рӯйдодҳои сиёсӣ ва ташкили кўшунро тасвир менамояд. Ў ҳамчунин баъзе маълумотро дар бораи хонҳо хабар дода, хатсайрҳо ва ҳатто рӯихати 625 адад «вожаҳои бухорӣ»-ро манзур месозад. Маълумоти Ф. Ефремов хангоми омӯзиши таърихи сиёсии Бухоро аҳамияти калон дорад. Ў нахустин сайёҳи русе буд, ки муддати тӯлонӣ дар Бухоро мезист ва дар бораи тоҷикон маълумоти арзишманде додааст(22; 23).

Аз саёҳатҳои анҷомдода дар нимаи аввали асри XIX ба Бухоро мусофирати афсари ширкати Ост-Инд Александр Борнсро қайд намудан арзанда мебошад, ки номбурда саёҳаташро батафсил қаламдод кардааст ва он дар Лондон дар се мусаввада ва баъдтар дар Русия ҳам ба забони русӣ интишор карда шудааст.(11)

Аз саёҳатҳои замони то тасарруфи Осиеи Марказӣ аз ҷониби миссияи муҳандисони кўҳӣ Бутенев ва Богославкий, ки соли 1840 бо раҳнамоии ховаршинос Н. Хаников ва табиатшинос А. Леман ба тамошои Бухоро муяссар шуда буданд; (9; 38) сафари ба Бухоро ва Хева анҷомдодаи Н.П.Игнатйев ба сифати роҳбари сафорат, ки ба ҳайати он ховаршинос Лерх шомил буд ва ниҳоят саёҳати олими венгер Арминий Вамберй, ки дар сурати дарवेशи турк ба Осиеи Марказӣ соли 1863 ташриф оварда буд, аз ҳама пурарзиш маҳсуб мешаванд.

Асари муаллифаш номаълуми нимаи дуюми асри XVIII «Маълумот дар бораи Бухоро» мароқи муайяне бармеангезад.(28)

Дар ибтидои солҳои 80-уми асри XVIII ба Бухоро амалдори рус М. Бекчурин ташриф фармуд, ки барояш тариқи бавосита ба даст овардани баъзе ахборот оид ба хонигарии Бухоро муяссар гардид(24).

Сайёҳи рус Т.С.Бурнашев, ки соли 1794 ба зиёрати Бухоро расида буд, дар бораи хонигарии Бухоро маълумоти гаронқадре мерос гузоштааст. Ў ба вазъи хоҷагии кишоварзӣ ва молиявӣ таваҷҷуҳи хосса зоҳир намудааст. Маълумоти Т. Бурнашев доир ба сикказании пул, сохтани тўпҳо ва ҳолати феълӣ тичорат бисе пурқиммат

маҳсуб мешаванд. Ҳамчунин диққати Бурнашев ро рӯзгори сиёсии Бухоро низ мекашад(13).

Ба рушду такомули ховаршиносии рус сафорати А.Ф.Негри, ки ба хонигарии Бухоро солҳои 1820-1821 расман ташриф оварда буд, таъсири назаррасе карда тавонист. Пешорӯи сафорати Негри бар замми ҳарчӣ бештар раванқ бахшидани тичорати миёни давлатҳо инчунин вазифаҳои омӯзишу баррасии захираҳои табиӣ, амирони хонагириҳои осиемиёнагӣ, муносибатҳои эшон байни ҳамдигар ва гузашта аз ин бо Афғонистон, Эрон ва империяи Усмонӣ, вазъияти феълӣ дар ин мамолик ва Ҳиндустони Шимоли, дар бобати имконоти киштигардӣ тавассути Сирдарё ва Аму гузошта шуда буданд. Ба ҳайати сафорат табиатшинос Э.А.Эверсман, капитани ситоди генералии гвардиягӣ Е.К.Мейендорф, поручики ситод В.Д.Волховский, поручик аз қисми квартирмейстерӣ Тимофеев, муҳандисони корпуси алоҳидаи Оренбург- подпоручикҳо Тафаев ва Артюхов фаро гирифта шуда буданд(29, с.5-6).

Соли 1826 дар Париж Е. Мейендорф китоби «Саёҳат аз Оренбург ба Бухоро»-ро ба забони фаронсавӣ интишор намуд. Ӯ дар китоби худ ба таҳлили вазъи иқтисодии хонигарии Бухоро эътибори хосае дода буд. Ба андешаи Е. Мейендорф, кишоварзӣ сарчашмаи муҳимтарини даромади аҳолии Бухоро маҳсуб мешавад. Маълумот ва хулосаҳои Мейендорф дар хусуси ҳолати савдои дохилӣ ва рушду такомули ҳунармандӣ арзиши баланд доранд. Е.Мейендорф инчунин савдои берунаи Бухороро бо мамолики дигар мавриди баррасӣ қарор медиҳад. Ӯ дар бобати ояндаи такомули муносибатҳои тичоратии Осиеи Марказӣ ва Русия махсус таваққуф менамояд. Ба андешаи мавсуф «Тичорати барои Бухоро аз ҳама муҳимтарин ин ҳамон хоҳад буд, ки бо Русия пеш гирифтааст...»(29,с.120). Е.Мейендорф таҳлили амиқи режими сиёсии аморати Бухороро манзур месозад. Китоби Е. Мейендорф дар таърихи омӯзиши Осиеи Марказӣ, аз ҷумла аморати Бухоро давраи набе боз месозад. Асари номбурда дар ховаршиносии русӣ тадқиқоти нахустини доманадори вазъияти иҷтимоию иқтисодӣ ва ва сиёсии хонигарии Бухоро ба шумор меравад.(2,с.30)

Узви дигари сафорат Э.А.Эверсман ба захираҳои табиӣ, олами рустанӣ ва ҳайвоноти Бухоро эътибори алоҳида зоҳир намуд. Ӯ инчунин масоили иқтисодӣ, фарҳанг ва урфу одати сокинони маҳалро мавриди баррасӣ қарор дод(2,с.30). Иншои рӯҳонӣ Будрин ҳам муҳимтарин маълумотро оид ба ҳаёти сиёсии аморати Бухоро фаро гирифтааст.(12, с.160-163)

Дар хусуси таърихи муборизаи англисӣ- русӣ дар бозорҳои Осиеи Марказӣ сарчашмаи арзишманд навиштаҳои сайёҳони англисӣ ва русӣ маҳсуб мешаванд, ки ин кишварро дар тӯли солҳои 1830 ва ибтидои 1840 зиёрат кардаанд. Аз ҷумлаи онҳо «Саёҳат ба Бухоро»-и А. Борнсро (1805-1841) ёдрас метавон кард (11). Дар ин китоб ба хонигарии Бухоро барои раванқ бахшидани савдои транзитии байни Аврупо ва Осиеи Мақоми бузург дода шудааст. Аз ҷониби Борнс масъалаи роҳҳои тичоратии Осиеи Марказӣ ба ҳайси омили асосии рақобати англисӣю русӣ дар бозорҳои ин минтақа арзёбӣ карда мешавад.

А. Борнс Осиеи Марказиро бо нияти иқтишофӣ (разведка) дар ибтидои солҳои 30-уми асри XIX саёҳат карда буд. Ӯ бо унвони лейтенант дар ширкати Ост- Индия машғули хизмат буд ва баъди ба ҷо овардани саёҳат дар саросари Ҳиндустон дар ибтидои солҳои 30-юм ба Бухоро роҳӣ гардид. А.Борнс сарнавишти ғамангези пешиниёро ба инобат гирифта, хештанро дар ҳама ҷо «сайёҳи танҳоғард» муаррифӣ менамуд: дар шиносномааш ба забонҳои франсавӣ, англисӣ ва форсӣ ӯ «капитани

армияи британӣ» қаламдод карда мешуд, ки «роҳи бозгаштро ба Аврупо пеш гирифтааст». (Дар асл бошад, сафари ӯ хислати разведкавӣ дар зимма дошт(11).

А.Борнс таассуроти ҳештанро дар китоби «Саёҳат ба Бухоро : хикоя дар бобати шино бо дарёи Ҳинд аз баҳр то Лаҳор бо ҳадяҳои шоҳи британӣ ва ҳисобот дар бораи саёҳат аз Ҳиндустон ба Кобул, Татаристон ва Эрон, ки бо амри Ҳукумати олии Ҳиндустон дар солҳои 1831, 1832 ва 1833 ба анҷом расонида шудааст» қаламдод кардааст. Таҳти вожаи «Татаристон» аморати Бухоро дар назар дошта шуда будааст. Ин асари сецилда бо забони русӣ соли 1848 ба таъби расонида шуда буд.(11) Дар китоб маълумоти зарурӣ оид ба ҷуғрофияи таърихии Осиёи Марказӣ, аз ҷумла дар хусуси водии Ҳисор ва Бадахшон оварда шудаанд. А. Борнс дар бобҳои IХ- XI китоб ташифи худро ба Бухоро муфассал иншо кардааст. Китоб дар бобати сохтори давлатии аморати Бухоро , қори дастгоҳи идоракунии, системаи маъмурияти маҳаллӣ, заминдорӣ ва усулҳои истифодабарии замин, мухтасоти Кувваҳои мусаллаҳ ва қобилияти мудофиавӣ, имконоти сафарбарии ҳарбӣ, идоракунии қўшун ва таъминоти ақибгоҳи он маълумоти зарурӣ медиҳад. Борнс ҳамчунин дар бораи соқинони Бухоро, симои меъморӣ шаҳр, сару либос, урфу одатҳои бухориён, дар бобати вазъи ҳуқуқии яҳудиён, хиндуҳо ва мардумони дигари маскунӣ ин маҳал, дар бобати вазъи тичорат (савдои ғуломон ҳарчӣ муфассалтар шарҳ дода мешавад), дар хусуси якҷанд мулоқоташ бо вазир- қўшбегӣ, дар бобати зиёрати мазори Баҳоваддини Нақшбанд ва ғайраҳо маълумоти пурқиммат манзур менамояд.

Дар солҳои 30-юми асри XIX афзудани шумораи сафорат ва миссияҳои дипломатии русӣ дар Бухоро баръло ба назар мерасад(2,с.34).

Дар сафарномаҳои П.И.Демезон ва И.В.Виткевич оид ба таърихи хонигарии Бухоро маълумотҳои гаронбаҳое оварда шудаанд. П.И.Демезон дар қайдҳои ҳештан дар хусуси вазъи сипоҳ ва тичорати хонигарии Бухоро нақл менамояд. Демезон қўшиш ба ҳарч медиҳад, ки нафақат манзараи муфассали ҳолати сиёсӣ, иҷтимоию иқтисодии Бухороро тасвир бисозад, балки гузашта аз ин сабабҳои баъзе мухтасоти пешрафти Бухороро муқаррар бикунад ва доир ба ин ҳама ба ҳукумати ҳештан тавсияҳои иртиботдошта бидиҳад. Замони саёҳати ӯ солҳои 1833-1837-ро фаро мегирад(35, с. 143).

Ҳамчунин «Сафарномае, ки тибқи нақли баталйони оренбургии №10 прапоршик Виткевич дар хусуси мусофирати ӯ ба Бухоро ва бозгашт таҳия шудааст» ба аҳамияти қалон молик мебошад. Замони саёҳат моҳи ноябри соли 1835 ва апрели соли 1836 аст. Сафарномаро дар асоси нақли Виткевич В.И. Дал сабт кардааст. Виткевич манзараи ҳақиқии вазъи сиёсӣ ва иҷтимоию иқтисодии Бухороро манзур месозад.(35,с.143)

Дар солҳои 30-юми асри XIX дар ҷодаи омӯзиши Бухоро ховаршиноси машҳури рус П. Савелйев саҳми сазовор гирифтааст(34, с.464-465). Дар солҳои 40-уми қарни маъмур бошад, асарҳои сайёҳ ва адиби рус Е.П. Ковалевский шўҳрати қалон касб намуданд(27, с.122-124).

Сафорати муҳандиси қўхӣ ва дипломати рус К.В.Бутенев ба Бухоро ба аҳамияти қалон молик мебошад. Дар соҳаҳои табиат ва ҷуғрофия як зумра тадқиқоти илмӣ ба сомон расонида шуда буданд. Дар ин ҷода қорҳои анҷомдодаи табиатшинос А. Леман ва ҳуди К. Бутенев хеле назаррас маҳсуб мешаванд(14). Аз ҷумла аз қониби К. Бутенев сафарнома «Дар бораи тичорат дар Бухоро бо тиллои исрофқоронаи русӣ» мурағтаб гардида буд, ки дар он маълумот дар бобати ба роҳ мондани савдо бо

бозаргонони бухорӣ бо тиллорезаҳо аз конҳои Урал ва тавассути гумруки Троицк ба ҳудуди Бухоро ворид кардани он дода шудааст (36, с.371-374).

Самараи бениҳоят муҳими сафорат кори анҷомдодаи ховаршинос Н.В. Хаников ба шумор мерафт (38). Аҳамияти асари зикршударо Д.Ю.Арапов ба тариқи зайл муқаррар кардааст: «Аз ҷониби ӯ (яъне Хаников Н.В.) бори нахуст асари хулосавӣ дар бобати хонигарии Бухоро ба забони русӣ ба вучуд оварда шуд, ки дар он маълумот дар бораи шароитҳои табиӣ, вазъи иҷтимоӣ сиёсӣ ва иқтисодӣ, рушди маорифу фарҳанг ҷой доштанд; дар он Хаников натиҷаҳои тадқиқоти пешиниёнашро баъди таҳлили ҷиддӣ ба қор бурд, инчунин маводи фаровони мушоҳидаҳои шахсӣ ва маълумоти сарчашмаҳои ҳаттиро истифода намуд» (2, с.37). Қисмати аввали асар тасвири ҳудуд, харитасозӣ ва шароити табиӣ хонигарии Бухоро дарбар мегирад. Дар асари худ Хаников масоили ҳайати этникии аҳолии Бухоро ҳамаҷониба таҳлил мекунад. Н.Хаников вазъи иҷтимоӣ- иқтисодӣ ва сиёсии хонигарии Бухоро, аз ҷумла масъалаҳои ҳолати заминдорӣ ва моликияти замин, ҳунармандӣ, савдои дохилию берунро амиқ баррасӣ менамояд. Маълумоти пешниҳодкардаи ӯ дар ҳусуси дастгоҳи ходимони давлатӣ хеле мароқангез ба ҳисоб меравад. Муаллиф усулҳои ба даст овардани амалу вазифаҳои олиро дар қаламрави хонигарӣ ошқор сохта, дар бобати роҳу равишҳои омӯзиш дар мактабу мадрасаҳо маълумотҳои аҷиб пешниҳод менамояд, лекин дар айни замон дар бобати табақабандии ҷамоаи Бухоро, оид ба он гурӯҳҳои иҷтимоӣ, ки унсурҳои сохтори иҷтимоӣ ҷамъият ба шумор мерафтанд, ҷизе намегӯяд.

Дар солҳои 50-уми асри XIX олимони рус ба масъалаҳои вазъият ва дурнамои инкишофи муносибатҳои тиҷоратӣ ва иқтисодии байни Русия ва Бухоро эътибори қалон медиҳанд.

Ба ин соҳа асарҳои иқтисодшиноси шинохтаи рус П.И. Неболсин (31) ва уламои рус А. Семенов (37) ва В.Долинский (21) бахшида шудаанд.

Дар солҳои 60-уми асри XIX аксарияти муҳаққиқони рус ба масъалаи барқарор соختани вассалии Русия бар болои Бухоро ва ғайбашавии сиёсати иқтисодии Русия дар ин кишвар тавачҷӯх зоҳир намуданд. Дар ин бобат асарҳои иштирокчиҳои сафорат полковник Н.П.Игнатйев ба Бухоро дар соли 1858, афсар Н. Г.Залесов (25), полковник ва соҳибқор А.И.Глуховский (17) ба аҳамияти қалоне молик ҳастанд. Барои тадқиқоти пешгирифтаи мо қайдҳои мураттабкардаи Н. Игнатйев бисе пураарзиш ба ҳисоб мераванд. Дар онҳо маълумоти васеъ оид ба ғайбашавии миссияи сафирони русиягӣ дар Хева ва Бухоро манзур намуда, тартиби қабули сафирон аз ҷониби амалдорони хонигарии Бухоро дақиқан тасвир карда шудааст. Маълумотҳои муаллиф дар бобати мафкураҳои маҳаллӣ ва урфу одатҳои мавҷуда, дар бораи муносибат бо сафирони хориҷӣ, инчунин оид ба бор додан- қабули расмии сафирон аз тарафи аз тарафи амир хеле мароқовар мебошанд (30).

Дар бобати омӯзиши аморати Бухоро ховаршиноси намоёни рус профессор В.В. Григорйев- намояндаи самти академӣ дар ховаршиносии рус ҳиссаи босазо дорад. Номбурда дар соли 1861 «Қайдҳои Мирзо Шамси Бухорӣ»-ро ба таъби расонид (18).

Ба Бухоро соли 1863 табиатшиносии номи мачорӣ А. Вамберй дар шамоили ҳочии мусалмон ташриф овард. Ӯ дар китобҳои худ дар бобати табиат, таърих, ҷуғрофия ва урфу одати сокинони Бухоро ва тамоми Осиёи Марказӣ маълумотҳои пурқиммате пешкаш менамояд (15; 16). Маводҳои ғункардаи ӯ асосан ба қавмҳо ва

сокинони шаҳр, ба ҳунар ва тичорат, ба соҳаи иқтисодиёт, хусусиятҳо ва шартҳои савдои ғуломон ва амсоли инҳо бахшида шуда буданд.

Аз ҷиҳати мавзӯ ва мундариҷа китобҳои А. Вамберӣ бо маълумотҳои таснифкардаи Н. Хаников шабеҳ мебошанд. Лекин дар тафриқа аз Н. Хаников сайёҳи маҷорӣ А. Вамберӣ бо роҳи таҳлили қисӣ ҳайатҳои иҷтимоӣ, гурӯҳҳои этникӣ, ҷой ва мақоми эшонро дар ду хонигарӣ- Бухоро ва Хева ба тасвир мекашад.

Дар солҳои 70-уми асри XIX, баъди барқарор гардидани вассалии Русия бар болои Бухоро муҳаққиқони рус ба омӯзиши боигариҳои табиӣ ва иқтисодӣ, ба ҳолати системаи идоракунии ва муносиботи байниҳамдигарии Бухоро ва Русия бештар эътибор меодагӣ шуданд. Дар ин ҷода корҳои анҷомдодаи олимони рус В.В. Радлов¹ ва А.П.Федченко², сайёҳ ва муҳаққиқ Н.Ф. Петровский³, табиатшиноси рус А.Л.Кун⁴, сайёҳ ва дипломати рус Н. Стремоухов⁵, муҳаққиқи намоёни Туркистон Л.Н.Соболев⁶, олим А.П. Хорошхин⁷, ҷуғрофидон ва мардумшиноси рус Н.А. Маев⁸ басо ҷолиби диққат ба шумор мераванд.

Таҳқиқоти олимони рус, сайёҳон ва амалдорони давлатӣ дар солҳои 80-90-уми асри XIX асосан хислати амалӣ доштанд ва дар онҳо дурнамои инкишофи муносибатҳои иқтисодии байни Русия ва Бухоро баррасӣ мешуд.

Дар байни корҳои илмӣ дар бораи Бухорои ибтидои асри XX навиштаҳои афсари шохӣ ва публитсисти минбаъда Д.Н.Логофет бештар аз ҳама диққатрабо маҳсуб мешавад. Дар қори Логофет ба инкишофи иҷтимоӣ иқтисодии минтақаҳои аморати Бухоро эътибори хосса дода шудааст. Муаллиф ба сохтори маъмури ва системаи андози кишвари омӯхташаванда басе батафсил даҳолат менамояд.

Ҳамин тариқа, дар асрҳои XVIII-XIX ба таҳқиқи таърихи хонигарии Бухоро ҳоваршиносони аврупоӣ, сайёҳон, миссионерҳои ҳарбӣ, кишваршиносон ва таърихдӯстон машғул гардидаанд. Корҳои муҳаққиқони русзабон асосан дар партаву қаринаи сиёсати колониалии Русияи подшоҳӣ дар Осиёи Марказӣ мураттаб карда мешуданд ва табиист, ки ба манфиати Русияи подшоҳӣ хизмат менамуданд. Лекин муаллифон дар аксари маврид кӯшиш ба ҳарч меоданд, ки рӯйдоду ҳодисаҳоро бо қамоли мухторият, ба ҳайси шохидони воқеот тасвир ва баррасӣ бикунанд. Бинобар

¹Радлов В.В. Очеркҳои водии Зарафшон: ЗИРГО доир ба шӯъбаи мардумшиносӣ.- СПб., 1880.- Ҷ. 6.

²Федченко А.П. Саёҳат дар Туркистон. М.-1950.

³Лунин Б.В., Петровский Н.Ф. Историографияи фанҳои ҷамъиятӣ дар Ўзбекистон.- Тошканд, 1974.- с. 277- 286.

⁴Кун А.Л. Оинҳои бухорӣ. Қайдҳо дар бобати тартиби ситонидани хирочи замин// Ведомостҳои туркистонӣ.-1873.-№32; Боз ҳуди ӯ: Очеркҳои бекигарии Шаҳрисабз: қайдҳои ИРГО оид ба шӯъбаи мардумшиносӣ,-СПб.,1880.-Ҷ.6.-с.233-237.

⁵СтремоуховН. Сафар ба Бухоро.// Паёми русӣ.-1875.-№6.

⁶Соболев Л.Н. Маълумоти ҷуғрофӣ ва оморӣ дар бораи округи Зарафшон:/ Қайдҳои ИРГО оид ба шӯъбаи омор.- СПб., 1874.- Боз ҳуди ӯ: Таърихи навтарини хонигариҳои Бухоро ва Кӯканд// Ведомостҳои туркистонӣ.-1876.-№26,27,28,30.

⁷Хорошхин А.П. Қайдҳо дар бобати зақот дар хонигарии Бухоро: Маҷмуи мақолаҳои оид ба кишвари Туркистони Хорошхин.- СПб.,1876.

⁸МаевН.А. Очеркҳои хонигарии Бухоро.- СПб., 1879, МСТК, барориши V.

ин, маълумоти манзуркардаи эшон барои таҳқиқи таърихи давраи феодалии пасини Бухоро хеле муҳим ба шумор мераванд.

Дар ҳисоботҳо, ёддоштҳо, маълумотномаҳои оморӣ, бозёфтҳои илмии муҳаққикони руси давраи колониалӣ (асосан сайёҳон, ҳарбиён, амалдорон ва олимони ба Осиёи Марказӣ роҳишуда) Ф.И. Лобисевич, Д.Н.Логофет, А.И.Глуховский, А.Д.Гребенкин, П.Л. Гроссул-Толстой, М.В. Грулев, Ф.Ф.Мартенс, В.Долинский, А.Ф.Костенко, А.Е. Снесарев, Л.Н.Соболев, Н. Стремоухов, М.А. Терентьев, В.Л.Вяткин, П.П.Шубинский, Энпе ва дигарон⁹ баъзе масъалаҳои ҷойгиршавии

⁹Логофет Д.Н. Кишвари беҳуқуқӣ: хонигарии Бухоро ва ҳолати кунунии он.- СПб., 1909; Боз ӯ: Хонигарии Бухоро таҳти васояти русӣ.- СПб., 1911.-Ҷ. 1-2.Логофет Д. Н. Хонигарии Бухоро таҳти васояти русӣ.- СПб., 1911, ҷ. 1.-с.340; Боз ҳуди ӯ: Кишвари беҳуқуқӣ: хонигарии Бухоро ва ҳолати кунунии он.- СПб.: Наш. Березовский В. –СПб., 1909.-с. 239; Лобисевич Ф.И. Ҳаракати рӯзафзун дар Осиёи Марказӣ дар ҷодаҳои тичорат ва дипломатию ҳарбӣ.- СПб., 1900.- с.206.; Глуховской А.И. Қайд дар бобати аҳамияти хонигарии Бухоро барои Русия ва дар бораи зарурати қабул намудани тадбирҳои қатъӣ бахотири ҷорӣ намудани таъсири мустаҳкамӣ мо дар Осиёи Марказӣ.- СПб., 1867; Боз ҳуди ӯ: Асорат дар Бухоро.//Маъюби русӣ.- 1868.- №97-100; Гребенкин А. Д. Шачараи сулолаи манғитӣ.// Мавод барои омори кишвари Туркистон.- СПб., 1874, Барориши 111; Гроссул- Толстой П.Л. Самарҳои силоҳ ва сиёсати русӣ дар Осиёи Марказӣ.- Одесса: Дар нашр. бародарон Гроссул- Толстойҳо, 1871.// http://militera.lib.ru/h/grossul_tolstoy_p1/03.html; Грулев М.В. Мурукабати Русия ва Англия дар Осиёи Марказӣ.- СПб., Нашр. Березовский, 1909.- с.380; Мартенс Ф.Ф. Русия ва Англия дар Осиёи Марказӣ.- СПб, 1880.- с.91; Добромислов А.И. Тошканд дар гузашта ва ҳозира: очерки таърихӣ. Барориши 1-4.-Тошканд, 1912, У1, 11, с. 520; Долинский В. . Дар бораи муносибатҳои Русия ва мулкҳои осиймиёнағӣ ва дар бобати сохтори дашти осиймиёнағӣ.- СПб., 1865, с. 577; Костенко А.Ф. Кишвари Туркистон. Таҷрибаи ташреҳи ҳарбӣ- омории округи ҳарбии Туркистон. Ҷ.111.- СПб., 1880; Боз ҳуди ӯ: Саёҳати миссияи русӣ ба Бухоро дар соли 1870 бо хатсайри аз Тошканд то Бухоро// Мачмуаи туркистонӣ.- СПб 1871.- /Ҷ.32. с. 239-248; Боз ҳуди ӯ: Осиёи Марказӣ ва ба он воридшавии шаҳрвандии русӣ.- СПб., 1870; Снесарев А.Е. Ҳиндустон ҳамчун омили асосӣ дар масъалаи осиймиёнағӣ.- СПб., 1906, с.183; Соболев Л.Н. Таърихи навтарини хонигарии Бухоро ва Қўқанд// Ведомостҳои туркистонӣ.-1876.- №26, 27,28-30; Стремоухов Н. Сафар ба Бухоро// Паёми русӣ.-1875.-№6; Терентьев М.А. Русия ва Англия дар мубориза барои бозор//Ведомостҳои туркистонӣ.-1897.- №61-64; Боз ӯ: Округи Қарши. Дар он сомон додани сипоҳ ва рӯйдодҳо дар давраи солҳои 1215-1217 (1800-1803)// Аҳбороти шўъбаи осиймиёнағии ҷамъ. ҷўғрофии русӣ.-Тошканд, 1928, Ҷ.18; Боз ҳуди ӯ: Вяткин В. Л. Мавод оид ба топографияи таърихии вилояти Самарқанд// СКСО.-Самарқанд, 1902.-Барориши У11.-с.1-83; Боз ӯ: Вяткин В.Л. Дар бораи вақфҳои вилояти Самарқанд// СКСО: нусхаи алоҳида.- Самарқанд, 1912.- Барориши X.- с.95-107; Боз ӯ: дар бобати ба таҳти бухорӣ нишастани амир Музаффар ва дар хусуси оини ба рӯи намад бардоштани ӯ// Ведомостҳои туркистонӣ.- 1907.-№159; Боз ҳуди ӯ: Самария: тасвири ёдгориҳои бостонӣ ва маконҳои муқаддаси мусалмонии Самарқанд аз ҷониби Абутоҳир Хоҷа.// Маълумотномаи вилояти Самарқанд дар соли 1898. Барориши 6.- с.153-259. Боз ӯ: Шайхони ҷўйборӣ.1.Хоҷа Ислон// Мачмуаи Ба В.В. Бартолд аз дўстон, шогирдон ва мухлисони туркистонӣ. Ҷамъият барои омӯзиши Тоҷикистон ва халқҳои эронинаҷод дар берун аз худуди он.-Тошканд, 1927.- с.3-19
Шубинский П.П. Очеркҳои Бухоро.// Паёми таърихӣ, 1892.-Китоби 7, с.118-142; Китоби 8.- с.363-389; Китоби 9.-с.628-648; Китоби 10.-с.99-123; Энпе. Очеркҳои Бухоро// Осиёи Марказӣ.- 1910.-Китоби 4.-с.174-179.

чуғрофӣ, моҳияти муборизаи сиёсӣ, вазъияти маъмурий, рӯзгори иҷтимоию иқтисодӣ, хайъати сокинони хонигарии Бухоро ошкор карда шудаанд.

Маводҳо доир ба этнографияи ҳудудҳои алоҳида- вилоятҳо ва шаҳрҳо, ки ба хайъати хонигарии Бухоро шомил буданд, бо инъикоси вазъи сиёсӣ, иҷтимоӣ ва ҳарбии онҳо дар интишороти муаллифони тоинқилобии рус а қабилӣ А. Галкин, М.Н.Галкин, Н. Каразин, А.Шеманский, В.В.Радлов, Лициентал, А. Л.Кун, Г. Арандаренко, В. И. Липский, Н.А.Маев, П. Гаевский, Б. Литвинов ҷой доранд¹⁰.

Баъзе маълумот дар бобати равандҳои ҳаёти иҷтимоию иқтисодӣ, қори бозорҳо, ҳолати касбу ҳунарҳо, зироаткорӣ, вазъияти обёрӣ, муносибатҳои хоҷагӣ, шабакаҳои коммуникатсионӣ ва аҳамияти онҳо дар нигоришоти М.Ф.Гаврилов, Н.Каразин, Н.И.Костомаров, В.В.Крестовский, А.Л.Кун, В.И.Липский, Матвеев, В.Ошанин, Н.Ф. Петровский, Н. Петухов, А.П. Хорошкин инъикос гардидаанд¹¹.

¹⁰Галкин М.Н. Маводи этнографӣ ва таърихӣ доир ба Осиёи Марказӣ ва кишвари Оренбург.- СПб.: Наш. Я.А.Исаков, 1868.-с.336; Каразин Н. Силоҳ ва асбобу афзоли ҷангии душманони мо дар Осиёи Марказӣ// Нива.- 1874.-№15.-с.233-235; Боз ӯ: Зиндонҳо дар хонигарии Бухоро//Намоишгоҳи умумичаҳонӣ.- 1872.- №167; Шеманский А. Сипоҳи Бухоро// Разведчик.- 1898.-№397; Радлов В.В. Очеркҳои водии Зарафшон// ЗИРГО оид ба шӯъбаи мардумшиносӣ, ҷ. У1.-СПб.,1880; Кун А.Л. Очеркҳои бекигарии Шаҳрисабз// ЗИРГО оид ба шӯъбаи мардумшиносӣ. СПб., 1880, ҷ.6.-с.73-262; Арандаренко Г. Сипоҳи бухорӣ дар соли 1880// Маҷмуаи туркистонӣ.-ҷ.297, с.129; Боз ҳуди ӯ: Қайдҳо дар хусуси обёрӣ дар туманҳои кӯҳии тумани Зарафшон// Ведомостҳои туркистонӣ.-1876.№51; Боз ӯ: Замони фароғатгузаронӣ дар Туркистон: 1874-1889.СПб.-с.666; Лициентал Бекигарии Ҳисор ва Кубодиён// Маҷмуаи маводи чуғрофӣ, топографӣ ва омӯрӣ доир ба Осиёи Марказӣ. Барориши 57.-СПб., 1894.,СПб.,1902-1905; Липский В.И. Бухорои Кӯҳӣ. ҷ.1-111. СПб.,1902-1905; Маев Н.А. Очеркҳои хонигарии Бухоро: мавод барои мақолаҳои кишвари Туркистон.- СПб., 1879.- Барориши 5., с.77-332; Боз ҳуди ӯ: Очеркҳои бекигарии кӯҳии хонигарии Бухоро// Мавод барои мақолаҳои кишвари Туркистон. (МСТК). Солнома.-СПб., 1879.- Барориши 5.-с.212-249; Ҳуди ӯ: Очерки чуғрофии кишвари Ҳисор ва бекигарии Кӯлоб: Ахбороти ҷамъияти императории чуғрофии русӣ. ҷ. 12.- Барориши 4. Шӯъбаи 2 ахбороти чуғрофӣ.- СПб., 1877.- с.349-363; Гаевский П. Бекигарии Қўрғонтеппа//ИРГО.-Пг., 1919-1923.- ҷ.55.- Барориши 2; Литвинов Б. Қаршӣ// Ведомостҳои туркистонӣ.-1910.-;114-116.

¹¹Гаврилов М.Ф. Рисолаи ҳунармандони сорт: таҳқиқи бофандагии сеҳҳои мусалмонӣ.- Тошканд, 1912; Каразин Н. Деҳқонии водии Зарафшон// Нива.—1874.-№30.-с.465-467; Костомаров Н.И. Очерки тичорати давлати Москва дар садаҳои ХУ1-ХУ11//Куллиёт, ҷ.ХХ.- СПб, 1906; Крестовский В.В. Дар меҳмони амираи Бухоро// Паёми русӣ.-1884.-№6.-с.621; Кун А.Л. Оинҳои бухорӣ: қайдҳо дар бобати расми ситонидани хирочи замин// Ведомостҳои туркистонӣ.- 1873.-№32; Боз ӯ: Вақфҳо// Ведомостҳои туркистонӣ.- 1872.-21; Липский В.И. Набототи Осиёи Марказӣ, яъне Туркистони русӣ ва хонигарии Бухоро ва Хива.- ҷ.3.-СПб, 1902-1903; Матвеев. Очерки мухтасари Бухоро соли 1887 штаби генералии Полковник Матвеев// Маҷмуаи маводҳои чуғрофӣ, топографӣ ва омӯрӣ.- 1888.- Барориши 36.-с. 1-8; Ошанин В. Ҳисобот оид ба омӯзиши кирмакпарварӣ// Кишоварзӣ.- 1879.- Интишороти апрелӣ; Петровский Н.Ф. Кирмакдорӣ ва пиллакашӣ дар Осиёи Марказӣ: Ҳисобот ба Вазири молияи агентӣ дар генерал-губернатории Туркистон.- СПб., 1874.-Замима, нақли маҳаллӣ дар ҳақи кирмак; Боз ҳуди ӯ: Петровский Н.Ф. Дар бобати кирмакдорӣ дар Осиёи Марказӣ// Ведомостҳои туркистонӣ.-1872.-№47,48; Петухов Н. Аз гузаштаи Оренбург: асарҳои комиссияи оренбургии бойгонии илмӣ.-Оренбург, 1911, Барориши 23.- с.17-18; Хорошкин А.П. Маҷмуаи мақолати марбут ба кишвари Туркистон.- СПб., 1876.-с.531; Боз ӯ: Қайдҳо дар

Як идда муҳаққиқони тоинқилобӣ, аз қабили С.В.Жуковский, А.Вамбери, Н.Г.Залесов, Н.П.Игнатйев, П.П.Мелгунов, Алихонов, М.Михайлов, Н.Пантусов, В.И. Веселовский, А. Семенов, С. Хрулев, Н. Шавров, А, Шепелев, П.П.Шубинский, М.Л.Юдин, В.И.Янжул, М.В.Грулев ва дигарон¹² муносибатҳои тичоратӣ ва дипломатии хонигарии Бухороро бо Русияи подшоҳӣ инъикос кардаанд, ки дар иншои эшон маълумот дар хусуси муносибатҳои байниҳамдигарии Русия ва Бухоро аз ҳуди давраи Петри I, дар боби алоқаҳои сиёсӣ, афзоиши тичорат, роҳҳои корвонгард, фаъолияти бозаргонон ва сафирон, рақобатҳои русию англисӣ манзур карда мешавад. Ҳарчанд ки дар маълумоти нашрияҳои ҷопӣ масъалаҳои муносибатҳои тичоратӣ ва дипломатӣ дар рӯҳияи сиёсати империявии колониали нигошта шудаанд, барои тадқиқоти илмӣ мо онҳо арзиши баланд хоҳанд дошт.

хусуси зақот дар хонигарии Бухоро: Маҷмуаи мақолоти марбут ба кишвари Туркистони А.П.Хорошхин.- СПб., 1876.

¹²Жуковский С.В. Муносиботи Русия бо Бухоро ва Хива дар сесади соли ахир: асарҳои ҷамъияти ховаршиносони русӣ.- Петроград, 1915.-№2, с.215; Боз ӯ: Оид ба таърихи муносибатҳои Русия бо Бухоро ва Хива дар охири асри XV111. Сафорати тарҷумон Бекчурин ба Бухоро дар соли 1781.// Маҷмуаи шарқӣ.- Пг., 1916. Китоби 2.- с. 273-340; Вамберӣ А. Саёҳат дар Осиёи Марказӣ.- М.: Нашр. Мамонтов.- 1867.- с.369.; Залесов Н. Очерки муносибатҳои дипломатии Русия бо Бухоро, аз с. 1836 то 1843// Маҷмуаи ҳарбӣ.- 1873.-№27.- с.3-46; Боз ӯ: Сафорати полковник Игнатйев ба Хива ва Бухоро дар соли 1858.// Паёми русӣ.- 1871.-№2.-с.421-474; Боз ҳуди ӯ: Очерки муносибатҳои дипломатии Русия бо Бухоро аз соли 1836 то 1843// Маҷмуаи ҳарбӣ.- 1862.-№3. (Маҷмуаи туркистонӣ. ҷ. 382.Тошканд, китобхонаи ба номи Навоӣ); Игнатйев Н.П. Миссияи ба Хива ва Бухоро дар соли 1858 аз ҷониби флигел-адютанти полковник Н. Игнатйев.- СПб., 1897.-с.278; Мелгунов П.П. Очеркҳо оид ба таърихи тичорати русӣ дар асрҳои IX-XV111.- М.: Нашр. мағозаи «Ҳамкори мактабҳо»-и А.К. Залеская, 1905.- с.279; Ободони Марв ва роҳҳои баранда ба он: мураттиб поручики Полки 18-уми драгунии Перяславски Ҷаноби Олӣ Алихонов.- СПб.- 1883.-с.74; МихайловМ. Тичорати осиеминагии мо.// Асари умумичаҳонӣ.-1867.-Феврал.с.235-244; Пантусов Н. Роҳҳои тичоратӣ ва корвонгард дар кишвари Туркистон.- СПб.,1876; Веселовский Н. Иван Данилович Хохлов-сафири рус ба Эрон ва Бухоро дар асри XV11.//Маҷаллаи Ваз.мао. халқ.- 1891.- Китоби 1.- с.42-72; Боз ҳуди ӯ: Сулолаи манғитӣ, ки айни замон дар Бухоро ҳукмронӣ дорад.//Ведомостҳои туркистонӣ.- 1878.- №28; Боз ӯ: Асирони рус дар хонигарии осиемиёнагӣ// Ведомостҳои туркистонӣ.- 1879.-№34; Боз ӯ: Пазирой ва гусели сафирони осиемиёнагӣ дар Русия дар асрҳои XV11-XV111: Тибқи ҳуҷҷатҳои бойгонии асосии Ваз. корҳои хоричӣ.// Маҷаллаи Ваз. мао.халқ. СПб, 1884.-Июл, шӯъбаи 2.-с.68-105; Ёдгориҳои муносиботи дипломатӣ ва тичоратии Руси Москва бо Эрон. ҷ. 3. Нашр таҳти таҳрири Н.И. Веселовский .-СПб.,1898; Семенов А. Омӯзиши маълумоти таърихӣ дар бобати савдои беруна ва саноат дар нимаи асри XV11 то соли 1858. –СПб., 1859, қ.1-3, боби 8, с.375; Хрулев С. Лоихаи Оинномаи рафоқат барои қувват додани тичорат бо Осиё.-СПб, 1863,1865; Шавров Н. Дар бобати роҳҳои тичорати Русия бо Осиё // Асарҳои Ҷамъияти ҳамкориҳои саноат ва тичорати русӣ. Барориши 2-3.-СПб, 1873; Шепелев А. Очерки муносибатҳои ҳарбӣ ва дипломатии Русия бо Осиёи Марказӣ то ибтидои асри XIX// Осиёи Марказӣ: Алманах.- Тошканд, 1895.,с.1-57; Шубинский П.П. Сафоратҳои бухорӣ дар замони ҳукмронии Екатеринаи II// Паёми таърихӣ.- 1897.- №2; Юдин М.Л. Вазъи тичорат бо хонигарии осиемиёнагӣ то ишғоли Туркистон: Асарҳои комиссияи оренбургии бойгонии илмӣ.- Оренбург, 1902, Барориши IX-XI; Янжул В.И. Очерки таърихии тичорати русӣ бо Осиёи Марказӣ// Ахбороти донишгоҳии Москва.- 1863.- №5.-с.339-366; Грулев М.В. Рақобати Русия ва Англия дар Осиёи Марказӣ.- СПб., Наш. Березовский, 1909.-с.380

Муносибати танқидӣ нисбат ба онҳо бароямон имкон фароҳам меоварад, ки бисёр уқдаю муаммоҳои таърихи алоқаҳои тичоратӣ ва сафоратии хонигарии Бухороро бо Русия ва мамлакатҳои ҳамҷавор кушода ва ҳал карда тавонем.

Дар давраи тоинкилобӣ асарҳои дорои хислати библиографӣ ва таърихии Е. Кал, Н.В. Дмитровский ба таъъ расонида шуданд, ки дар онҳо кӯшишоти тариқи танқидӣ таҳлил намудани сарчашмаҳои форсӣ, аз ҷумла манбаъҳои таърихии ба давраи Манғит бахшидашуда ба назар мерасад (20, с.181-252; 26).

Муҳаққиқони рус, аз ҷумла уламои муътабарии асри XIX- мутахассисони муаррих ва ховаршиносон- дар бобати баррасии муаммоҳои бо таърихи инкишофи робитаҳои русию осиймарказӣ саҳми назаррас гузоштанд. Дар миёни чунин корҳо, дар навбати аввал, таҳқиқоти В.В. Григорьевро¹³ қайд кардан вочиб аст, ки муаллифи мазкур таҳлили амиқ ва ҳаматарафаи як идда муаммоҳои таърихи хонигарии Бухоро, масоили муносибатҳои сиёсӣ ва тичоратиро бо Русия бачо овард.

Н.П. Остроумов рӯзгори маданӣ ва этникии мардуми Осийи Марказиро мавриди баррасӣ қарор дода, ба вазъи маориф дар хонигарии Бухоро таваҷҷуҳ зоҳир менамояд (32; 33).

Дар охири асри XIX ва ибтидои асри XX ховаршиносони рус силсилаи асарҳояшонро оид ба таърихи Бухорои давраи асрҳои ХУI-XIX интишор менамоянд. Дар асари ховаршиносии рус Н.И.Веселовский муносибатҳои дипломатии русию бухорӣ баррасӣ карда мешавад¹⁴.

Дар ин солҳо ховаршиносии барҷастаи рус А.А.Семенов асарҳои нахустинашро манзури аҳли назар менамояд. Ӯ ба таҳқиқи ташаккули иҷтимоию иқтисодии Бухоро эътибори хосса медиҳад¹⁵. Таҳқиқоти асосии таърихи Бухорои А.А.Семенов ба солҳои 20-50-уми асри XX рост меоянд¹⁶.

¹³Григорьев В.В. (Мирсолеҳ Бекчурин). Нархи молҳо ва масолеҳ дар Бухоро// Фаъолият.- 1868.-№99; худӣ ӯ (нашр) Хрисанфаи митрополити Новопатрасск дар бобати кишварҳои Осийи Марказӣ, ки соли 1790 ташриф фармудааст, ёддоштҳо// ЧОИДР.-1861.- Китоби 1.- шуъбаи 4; боз худӣ ӯ. Бухорӣён ва пахта. //Мачмуаи тичоратӣ.-1864.-№20; Худӣ ӯ. Дар бораи бархе рӯйдодҳо дар Бухоро, Қўқанд ва Қошғар// Ёддоштҳои Мирзошамси Бухорӣ: тарҷума ва таълиқоти В.В.Григорьев.-Қазон, 1861, с.169; Боз худӣ ӯ. Дар бобати вазъи корҳо доир ба боздошти моли русҳо ва тоҷирони рус дар Бухоро// Мачмуаи тичоратӣ.-1866.-№7; Худӣ ӯ. Таҳқиқи иншои «Очеркҳои савдои Русия бо мамолики Осийи Марказӣ»-и П.Неболсин: Ҳисобот дар бораи муқофотони ХХУ-уми Ҷоизаи Демидов.- СПб., 1856; Худӣ ӯ. Сиёсати русӣ нисбат ба Осийи Марказӣ/ Мачмуаи донишҳои давлатӣ.- СПб.,1874.-Ҷ.1; Боз худӣ ӯ. Корубори осиймарказӣ.- М.,1865; Боз ӯ. Савдо бо Осийи Марказӣ: (Сармақола)//Занбӯри шимолӣ.-1863.- №33.

¹⁴Веселовский Н. Хонадони Манғит, ки айни ҳол дар Бухоро ҳукмронӣ дорад. //Ведомостҳои туркистонӣ.- 1878.-№28; Худӣ ӯ. Ғуломони рус дар хонигарии Бухоро.//Ведомостҳои туркистонӣ.- 1879.-№34; Боз худӣ ӯ. Иван Данилович Хохлов, фиристодаи рус ба Эрон ва Бухоро дар асри ХУI.//ЖМНП.1891. Китоби 1; Худӣ ӯ. Қабул дар Русия ва гусели сафирони Осийи Марказӣ дар асрҳои ХУI-ХУI.//Мачаллаи Вазорати маорифи халқ.- СПб.,1884.- Июл.-Шуъбаи 2.-с.90-102.

¹⁵Семенов А.А. Дар Бухорои шариф. //Ведомостҳои русӣ.- 1899.-№332,351; Худӣ ӯ. Дар худуди Бухоро ва Афғонистон.//ИК.-1902.-№3-4; Боз худӣ ӯ. Очеркҳои этнографии Зарафшон. Шаҳрҳои Қаротегин ва Дарвоз: ҳулосаҳои этнографӣ.-Ҷ.5.-М.,1903; Худӣ ӯ. Осийи Марказӣ.-М.,1911.

¹⁶Семенов А.А. Намунаҳои ҳуҷжатҳои расмӣ тоҷикӣ: Гирдоваранда ва бо лугат таъминкунанда А.А. Семенов.- Тошканд: Нашри донишкадаи ховаршиносии Туркистон, 1923.

Мақоми хосса дар бобати таҳқиқи таърихи мардумони Осиёи Марказӣ ба В.В.Бартолд тааллуқ дорад. Махз Бартолд зарурати омӯзиши таърихи давраи асрҳои ХУ111-Х1Х таърихи Осиёи Марказиро таъкид менамояд: «Таърихи хонигариҳои осиемарказӣ дар асрҳои ХУ111-Х1Х ба зумраи соҳаҳои нисбатан кам баррасишудаи таърихи Шарқ мутааллиқ аст, ки ин ба на аз адами манбаъҳо, балки ба сабаби бепарвоии муҳаққиқон рӯй додаст... Ин тоифа дар таърихи нави мардумони ховарзамин фақат манзараи карахтӣ ва инқирози доимӣ ва чоранопазирро мебинанду бас... Дар аксари маврид тамоми ҳаёти таърихии мардумони ҳозираи осиемарказӣ ғайри қобили тавачҷуҳ қаламдод карда мешуд... Таърихи ин асрҳо то ҳол аз ҳама камтар таҳқиқ шудааст, ҳарчанд ки дар ихтиёри мо манбаъҳои чи аз ҷиҳати миқдор ва чи сифат бисёр дилписанду басанда вучуд доштанд» (5, с.400).

Бартолд дараҷаи омӯзиши таърихи хонигарии Бухоро дар адабиёти ховаршиносӣ муфассал мавриди таҳқиқ қарор медиҳад (7). Ӯ ба асари Н.В.Хаников «Тасвири хонигарии Бухоро» баҳои баланд медиҳад ва онро қомуси ҳақиқии бухорӣ ва бехтарин таҳқиқ дар илми тоинқилобӣ доир ба Бухоро арзёбӣ менамояд. Бартолд ҷанбаҳои сиёсии таърихи хонигарии Бухоро, аз ҷумла тамоюлҳои муборизаи намоёндагони хонадони хонӣ ва аз асри ХУ11 байни хонигариҳо ва бевосита андаруни ҳар хонадонро амиқ таҳқиқ менамояд. Ба ақидаи ӯ, шукуфои иқтисодӣ, баҳусус раванги обёрӣ бо иттиҳоди сиёсии мамлакат иртиботи комил дошт (4, с. 110-111). Бартолд мухтассоти ҳаёти сиёсии Бухорои асрҳои ХУ11-ХУ111-ро дақиқ муқаррар менамояд, ки дар қўшишоти «сарвари ин ё он хонадони қавӣ дар ҷодаи паҳн намудани ҳукми хештан аз болои дигар ўзбекон, барқарор сохтани ягонагии давлат ба манфиати худ, аввал барҳам додани нуфузи хонигарии мавҷуда ва сипас асос ниҳодан ба хонадони худ» равшан ба зухур мерасад (4, с.110). Бартолд ҳамчунин ташкил додани сохтори давлатии хонигарии Бухоро аз даврони пайдоиш мавриди таҳқиқ қарор медиҳад.

Дар асарҳои В.В. Бартолд масъалаҳои бӯҳрони сиёсӣ ва иқтисодиро дар Осиёи Марказӣ дар асри ХУ111 баррасӣ менамояд (6). Дар ҷодаи таҳқиқи ин олими тавоно таърихи этникии мардумони Осиёи Марказӣ мавқеи хосса касб кардааст (3; 8).

Ба ҷанбаҳои мухталифи таърихи муносибатҳои дучонибаи хонигариҳои осиемарказӣ бо Русия дар фосолаи мавриди таҳқиқ қарордодаи мо асарҳои зиёди муаллифони тоинқилобӣ бахшида шудаанд. Омӯзиши ҷиддӣ ва пайгириҳои онҳо ва манбаъҳои сершумори дигари таърихӣ, ки дар айёми соҳибистиклолии кишварамон раванги рӯзафзун пайдо менамояд, дар оянда барои равшан сохтани саҳифаҳои тираи рӯзгори гузашта мусоидат хоҳад кард.

Силсилаи таълимӣ; Худи ӯ. Оид ба таърихи манғитҳои бухорӣ.//Ахбори САГУ, 1924.-№6; Боз худӣ ӯ. Очерки низоми хирочу андози замини хонагарии Бухоро.//Асарҳои САГУ: силсилаи 2.-Барориши 1.-Тошканд, 1929; Боз худӣ ӯ. Рисолаи Бухоро оид ба рутбаю унвонҳо ва дар бобати масъулияти дорандагони эшон дар Бухорои асримиёнагӣ// СВ.-Ҷ.5,-М.-Л.,1948; Худи ӯ. Оид ба таърихи муносибатҳои дипломатии байни Русия ва Бухоро дар ибтидои асри Х1Х.//Ахбороти АУ РСС Ўзбекистон.-1951.-№1; Боз худӣ ӯ. Дар бораи истилоҳи осиемарказии (бухорӣ) «оталиқ»// Маърузаҳои АУ РСС Тоҷикистон, 1952.-Барориши 3; Худи ӯ. Очерки низоми идораи марказии маъмурии хонигарии Бухоро дар замони ахир: Маводҳо оид ба таърихи тоҷикон ва ўзбекони Осиёи Марказӣ.- Душанбе, 1954.-Барориши 2; Боз худӣ ӯ. Очерки низоми идораи марказии маъмурии Бухоро дар замони ахир.// Асарҳои АУ РСС Тоҷикистон, 1954.-Ҷ.25. -Барориши 2.

Пайнавишт:

1. Абдураимов М.А. «Таърихи Абулфайзхон»-и Абдурахмони Давлат ва ахбороти Флорио Беневинӣ ба ҳайси сарчашма оид ба таърихи хонигарии Бухоро дар нимаи аввали асри XVII // Ахбороти АИ РСС Ўзбекистон, СОН.-1958.-№6.-С.57.
2. Арапов Д.Ю. Хонигарии Бухоро дар таърихиносии шарқшиносии русӣ. / –М.: Нашириёти дошишоҳи Москва.- 1981.-С.15
3. Бартолд В.В. Дувоздаҳ маърӯза оид ба таърихи халқиятҳои туркнажоди Осиёи Марказӣ./-Алматы: Жалын,1993.-192 с.
4. Бартолд В.В. Оид ба таърихи обери Туркистон./Мунтахабот, Ҷ. III. М., 1965. -С. 110-111.
5. Бартолд В.В. Рӯйдодҳо пеш аз юриши Хева дар соли 1873 тибқи нақли таърихнигори хевагӣ.// Бартолд В.В. Мунтахабот /Ҷ. II.қ.2.- М., 1964.-С.400.
6. Бартолд В.В. Таърихи Туркистон. Мунтахабот /Ҷ. II.қ.1.- М., 1963.
7. Бартолд В.В. Таърихи омӯзиши Шарқ дар Аврупо ва Русия.// Мунтахабот / Ҷ.IX.- М.,1977
8. Бартолд В.В. Тоҷикон// Мунтахабот / Ҷ. II.қ.1.- М., 1963.
9. Богословский. Руқъае доир ба водии Зарафион. / К. Бутенев. Дар бобати боигариҳои минералии Бухоро, оҳангудозӣ, сикказанӣ ва ҳоказо. // Маҷаллаи «Горный журнал».-1842.- 4.IV.-к. X ва XI; Хаников Н. Тавсифи хонигарии Бухоро.-СПб, 1843.
10. Боқиев О.Б. Инъикоси таърихи тоҷикон ва Тоҷикистон дар асарҳои муҳаққиқони тоиқилюбии рус.-Душанбе: Дониш, 1991,С.53.
11. Борнс А. Саёҳат ба Бухоро: Ҳикоят дар хусуси шино ба дарёи Инд аз баҳр то Лаҳор бо ҳадяҳои шоҳи Британияи Кабир ва ҳисобот оид ба саёҳати Кобул, Тотория ва Эрон, ки тибқи дастуроти ҳукумати олии Ҳиндустон дар солҳои 1831, 1832 ва 1833 ба ҷо оварда шудаанд, иборат аз се қисмат.-М., 1849.
12. Будрин В. Русҳо дар Бухоро дар соли 1820.: (Сафарномаи шоҳид) // Маълумотномаи кишвари Оренбург барои соли 1871.-Оренбург, 1871.
13. Бурнашев Т. Саёҳат аз хоки Сибир то шаҳри Бухоро дар соли 1794 ва бозгашт дар соли 1796.// «Паёми Сибир», наири шаҳрванд Спасский.- СПб, 1818.-қисмҳои 2 ва 3.
14. Бутенев К. Амали зовудӣ дар Бухористон // Маҷаллаи кӯҳӣ.- 1842, қ. 5, китоби 11.
15. Вамберӣ А. Саёҳат дар Осиёи Миёна аз Техрон тавассути биёбони Туркман бо соҳили шарқии Баҳри Каспий ба Хива, Бухоро ва Самарқанд, ки соли 1863 бо мақсади илмӣ бо супориши Академияи Маҷористон дар Пеит аз ҷониби узви он А. Вамберӣ анҷом дода шудааст.-М.,1867;. наири 2.- 1874.
16. Вамберӣ А. Таърихи Бухоро ё Трансоксания. Тарҷ. аз англисӣ.-СПб, 1873, Ҷ. 1,2;
17. Глуховской А.И. Қайд дар бобати аҳамияти хонигарии Бухоро барои Русия. // СПб., 1867. Боз ӯ: Асорат дар Бухоро // Маъюби русӣ.-1868.-№№97-100.
18. Григорьев В.В. Дар бораи баъзе рӯйдодҳо дар Бухоро, Қўқанд ва Қашқар: Қайдҳои Мирзо Шамси Бухорӣ. / - Қазон, 1861.
19. Ғуломов Х.О. Дар бораи сафорати Флорио Беневинӣ ба Бухоро // Фанҳои ҷамъиятӣ дар Ўзбекистон.-1978.-№8.-С.31.
20. Дмитровский Н.В. Феҳристи библиографии нигоришот дар бобати Осиёи Марказӣ, ки дар Русия ба забони русӣ аз соли 1692 то 1870 ба ҷои расидаанд.// Мавод барои мақолаҳои кишвари Туркистон: солнома. СПб, 1874.- Барориши 3.-С.181-252
21. Долинский В. Дар бораи муносибатҳои Русия ва мулкҳои осиемиёнагӣ ва дар бобати сохтори дашти осиемиёнагӣ./ - СПб., 1865.
22. Ефремов Ф. Мусофирати нӯҳсолаи унтер-афсар Ф. Ефремов дар Осиёи Марказӣ: Бо таҳрири Э. Мурзаев./-М.: Географгиз, 1950.

23. Ефремов Ф. *Қаҳонгарди унтер-афсари Русиягӣ Ф. Ефремов.* / -СПб., 1786.
24. Жуковский С.В. *Оид ба таърихи муносибатҳои Русия бо Бухоро ва Хеваи охири асри XVIII / Маҷмуаи шарқӣ, 1916.-Китоби 2.*
25. Залесов Н. *Очерки муносибатҳои дипломати Русия бо Бухоро аз соли 1842 то соли 1843. // Маҷмуаи ҳарбӣ.- 1862.-№9. Боз худи ӯ: Сафорати полковник Н.П.Игнатйев ба Хива ва Бухоро дар соли 1858.// Ахбороти русӣ.-1871.- №2.*
26. Кал Е. (мураттиб) *дастнависҳои форсӣ, арабӣ ва туркии Китобхонаи оммавии Туркистон.- Тошканд, 1889.*
27. Ковалевский Е.П. *Осиёи Марказӣ. Саёҳати Муравёв, Мейендорф, Конноли ва Борнс. Китобхона барои хониш, 1834, Ҷ.6, боби 3. С.122-124.*
28. Маълумот дар бораи Бухоро. *Моҳномаи таърихӣ ва ҷуғрофӣ барои соли 1779./ - СПб, 1779.*
29. Мейендорф Е.К. *Саёҳат аз Оренбург ба Бухоро./ -М., 1975.- С. 120.*
30. Игнатйев Н. *Миссияи флигел-адютант полковник Н. Игнатйев ба Хива ва Бухоро дар соли 1858./ -СПб., 1897.-С.278*
31. Неболсин П.И. *Очеркҳои таҷорати Русия бо Осиёи Марказӣ. // Қайдҳои ҷамъияти ҷуғрофии Русӣ.- СПб, 1856.- Т.Х.*
32. Остроумов Н.П. *Мадрасаҳои дар кишвари Туркистон // Маҷаллаи Вазорати маорифи халқ.- 1907.- Январ.- (Н.С.-Қ.7).*
33. Остроумов Н.П. *Сортҳои маводҳои этнографӣ, наири муаллиф./ - Тошканд.-1890.- Барориши 1.-С.137; 1892.-Барориши 2.-С.175.*
34. Савелйев П. *Бухоро дар соли 1835./ - СПб., 1836; боз худи ӯ. Бухоро: Донишномаи вожаҳои./ -СПб., 1836, Ҷ.7, С.459-464; боз худи ӯ: Бухористон. Дар ҳамамон ҷо. С. 464-465.*
35. *Сафарнома дар бораи хонигарии Бухоро: Ҳисоботи П.И. Демезон ва И.В.Виткевич. / М.: Наука, Сарредаксияи адабиёти шарқӣ.- 1983.- С.143.*
36. Сафарномаи К.Ф.Бутенев: *Бойгонии Русия. Ҷилди XII. -М.: Фонди фарҳанги Русия; Студияи «Тритэ»-и Никита Михалков «Бойгонии Русия», 2003.- С. 371-374.*
37. Семенов А. *Омӯзиши маълумоти таърихӣ дар бобати савдои беруна ва саноати Русия аз нимаи садаи ХУII то соли 1856./ - СПб., 1856. қ. 3.- боби 7.*
38. Хаников Н. *Тасвири хонигарии Бухоро./ - СПб., 1843.*

Reference Literature:

1. Abduraimov M.A. «*Abulfayzkhon's History*» by Abdurahmoni Davlat and the Reports of Florio Benevini as the Sources Concerned with the History of Bukhara Khanate Referring to the first Half of the XVIII-th Century (*Tidings of the Academy of Sciences of the Uzbek SSR, SON. – 1958. - #6. – p. 57.*
2. Arapov D.Yu. *Bukhara Khanate in Russian Historiography of Oriental Studies. – М.: Moscow University Publishing-House, - 1981. – 128 pp.*
3. Bartold V.V. *Twelve Lectures Dealing with the History of the Turkic Peoples of Central Asia. Collection of Compositions. – V.5. – М., 1965.*
4. Bartold V.V. *On the History of Irrigation of Turkistan // Collection of Compositions, - V.3. – М., 1965. – pp. 110 – 111.*
5. Bartold V.V. *The Events before Khiva Battle of 1873 according to the Assertions of Khivian Historians. // Collection of Compositions by V.V. Bartold. – V.2., - part 2. – М., 1964. – p. 400.*
6. Bartold V.V. *The History of Turkistan // Collection of Compositions. – V.2., - part 1. – М., 1963.*

7. Bartold V.V. *The History of the Studies Concerned with East in Europe and Russia. // Collection of Compositions, - V. 9. - M.: Science, 1977.*
8. Bartold V.V. *Tajiks // Collection of Compositions. - V.2. - part. 1.*
9. Bogoslovsky. *The Note about the Zarafshan Valley. Butenev. On Mineral Wealth of Bukhara, Metallurgy, Coins, etc. // Mountain Journal, 1842. - 1.IV. - Books X-XI; Khanikov N. Description of Bukhara Emirate, compiled by N. Khanykov. - SPb., 1843.*
10. Bokiev O.B. *Elucidation of the History of Tajiks and Tajikistan in the Works of Russian pre-Revolutionary Researchers. - Dushanbe: Knowledge, 1991. - 168 pp.*
11. Borns A. *Travelling to Bukhara: The Tale about Sailing over the Ind-River till Logar with the Presents of the Great Britain`s King and Report on the Journey from India to Kabul, Tataria and Persia Undertaken on the Prescription of Higher Government of India in 1831, 1832 and 1833s. In three volumes. - M., 1849. - 502 pp.*
12. Budrin V. *Russians in Bukhara in 1820: (Notes of an Eye-Witness) // Reference Book of Orenburg Region for 1871. - Orenburg, 1871. - pp. 1 - 45.*
13. Burnashev T.S. *Travelling from Sibirsk Line to Bukhara-City in 1794 and in Back-Direction in 1795 // Sibir Bulletin. - SPb., 1818. - p.2. - pp. 247-284; - p.3. - pp. 95-130.*
14. Butenev K. *Factory Business in Bukhara. // Mountainous Journal. - 1842. - V.5. book 11.*
15. Vamberi A. *Travelling to Middle Asia from Tehran through Turkmen Desert along the Coastline of the Eastern Caspian Sea to Khiva, Bukhara and Samarkand Carried out according to the Prescription of Scientific Expedition in 1863 under the Academy of Moriston in Pesht by A. Vamberi. - M., 1867. The second edition. - 1874.*
16. Vamberi G. *The History of Bukhara and Turkestan since the Ancientest Periods up to the Present. - SPb., 1873. - V.V. 1 - 2. - 274/228 pp.*
17. Glukhovsky A.I. *The Note about the Importance of Bukhara Emirate for Russia. - SPb., 1867.: Captivity in Bukhara // Russian Invalid. - 1868. - # 97. - 100 pp.*
18. Grigorev V.V. *On Some Events in Bukhara, Kokand and Kashgar // Notes by Mirzoshams Bukhari / Preface and Notes by V.V. Grigorev. - Kazan, 1861. - 169 pp.*
19. Ghulomov Kh.O. *About Travelling of Florio Benevini to Bukhara // Social Sciences in Uzbekistan. - 1978. - #8. - pp. 31.*
20. Dmitrovsky N.V. *Bibliographic Indicator of Compositions on Central Asia, Published in Russia in the Russian Language from 1692 to 1870. // Materials for Statistics of Turkestan Region: Annual. Issue 3. - SPb., 1874. - pp. 181 - 251.*
21. Dolinsky V. *On Russia`s Attitude to Middle Asian Estates and Arrangement of Middle Asian Steppe. - SPb., 1865. - 577 pp.*
22. Yefremov F. *Nine-Years Old Wandering of Ph. Yefremov Non-Commissioned Officer along Central Asia / Under the editorship of E. Murzaev, - M., Geographgiz, 1952. - 87 pp.*
23. Yefremov F. *Wandering of Philipp Yefremov, Russian Non-Commissioned Officer // Ph. Yefremov. - SPb., 1786.*
24. Zhukovsky S.V. *On the History of Relations of Russia with Bukhara and Khiva Referring to the End of the XVIII-th Century // Oriental Collection. Book 2. - Petrograd, 1916. - pp. 273 - 340.*
25. Zalesov N. *Essay on Diplomatic Relations of Russia with Bukhara from 1836 to 1843. // Military Collection. - 1862. - # 3.; Embassy in Khiva and Bukhara by Colonel N. Ignatyev in 1858 // Russian Bulletin. 1871. - #2.*
26. Kol Ye. *Persian, Arabic and Turkic Manuscripts Kept in Turkish Public Library. - Tashkent, 1889.*

-
27. Kovalevsky Ye.P. (Ye.K.) *Middle Asia: Travellings of Muravev, Myendorf, Konnol and Borns // Library for Reading, 1834. – V.6. Division 3. – pp. 122 – 124.*
 28. *Materials on Bukhara. Historical and Geographical Monthly for 1779. – SPb., 1779.*
 29. Meyendorf Ye.K. *Travelling from Orenburg to Bukhara. – M., 1975. – 120 pp.*
 30. *Mission of Aide-de-Camp, Colonel N. Ignatyev to Khiva and Bukhara in 1858. – SPb., 1897. – 278 pp.*
 31. Nebolsin P.I. *Essays on the Trade of Russia with the Countries of Central Asia) // Notes of Russian Geographical Society. – SPb., 1856. – V. 10. – 375 pp.*
 32. Ostroumov N.P. *Madrasas in Turkestan Region // Journal of the Ministry of National Education. New Series. – V.7. – 1907. January.*
 33. Ostroumov N.P. *Sarts: Ethnographic Materials, edition of the author. – Tashkent, 1890. – Issue 1. – 137pp.; Tashkent, 1892. – Issue 2. – 175 pp.*
 34. Savelyev P. *Bukhara in 1835. – SPB.; Bukhara: Encyclopedic Vocabularies. – SPb., 1836, - V.7. – pp. 459-464.; Bukharistan. – pp. 464-465.*
 35. *Travelling about Bukhara Emirate: (Reported by P.I. Demezov and I.V. Vitkevich). – M.: Science, Central Scientific editorial board of Eastern Literature. – 1983. – 143 pp.*
 36. *Travelling by K.F. Butenev: / Russian Archive. – V. XII. – M.: Fund of the Russian Culture; «Trite» Studio by Nikita Mikhalkov / Russian Archive, 2003. – pp. 371-374.*
 37. Semyonov A. *The Study of Historic Data in Regard to Outward Trade and Industry Since the Middle of the XVII-th Century up to 1856. – SPb., 1856. – part 3.*
 38. Khanykov N. *Description of Bukhara Khanate, compiled by N. Khanykov. – SPb., 1843.*

УДК 78.03 (89)
ББК 85.334.3(5)7-8

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ
ПЕРВОЙ НОТНОЙ ЗАПИСИ
«ШАШМАКОМА» В ТРУДАХ
ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ**

Акратова Санавбар Хайруллоевна,
к. и.н., доцент, старший научный
сотрудник НИИ Таджикского
национального университета
(Таджикистан, Худжанд)

**БАЪЗЕ ҶАБҲАҶОИ ТАЪРИХИ САБТИ
НОТАИ АВВАЛИНИ “ШАШМАҚОМ”
ДАР АСАРҶОИ МУҲАҚҚИҚОН**

Акратова Санавбар Хайруллоевна,
и.и.т., дотсент, ходими пешбари илми
дониикадаи илмӣ-тадқиқотии Донишгоҳи
миллии Тоҷикистон (Тоҷикистон, Хуҷанд)

**SOME ASPECTS OF THE HISTORY
OF «SHASHMAKOM» FIRST MUSICAL
SHEET IN RESEARCHERS` WORKS**

Akratova Sanavbar Khayrulloeyvna,
candidate of historical sciences, Associate
Professor, senior scientific officer of the
Scientific-Research Institute (SRI) under the
Tajik National University
(Tajikistan, Dushanbe)

Ключевые слова: нотная запись, “Шашмаком”, выдающиеся исполнители, искусство-
веды- профессионалы, композитор В.А. Успенский, музыковед В.М. Беляев, Фитрат

Рассмотрена история первой нотной записи таджикского музыкального наследия “Шашмаком” в двадцатые годы прошлого века. Раскрывается вклад русских деятелей музыкального искусства В. Успенского и В. Беляева, производивших нотную запись данного произведения с уст профессиональных таджикских исполнителей. Анализируются самобытность и национальный колорит “Шашмакома”. Отмечено значение первой записи «Шашмакома» (1924 г.) в музыкальной культуре таджиков и других народов Средней Азии. Рассказано о влиянии политических и социальных условий эпохи, идеологических и других установок влиятельных лиц на запись и на её публикацию. Раскрыты исторические условия, повлиявшие на процесс первой записи и издания «Шашмакома» без текстов макамов. Подчёркнуто её историческое значение для дальнейшего развития музыкальной культуры таджиков.

Калидвожаҳо: Тоҷикистон, асри XX, сабти нотавӣ, Шашмақом, нота, мусиқӣ,
санъатишиносон, мутахассисон, мунаққидон, фарҳанги мусиқӣ, халқи тоҷик, оҳанги
тоҷикӣ

Муаллиф дар мақолаи худ мавзӯи таҳқиқи аввалин сабти нотавии “Шашмақом”-ро дар асарҳои муаррихон-санъатишиносон дар солҳои 20-уми асри гузашта мавриди баррасӣ қарор додааст. Муаллиф нақши мутахассисони рус – В.Успенский ва В. Беляевро дар сабти нотавии мусиқӣ аз даҳони навозандагони моҳири тоҷик қайд намудааст. Дар мақола хусусият ва обуранги миллии тоҷикӣ доштани Шашмақом зикру таҳлил мешавад. Таъкид мешавад, ки аввалин сабти нотавии шашмақом (1924) ба ташаққули фарҳанги мусиқии халқи тоҷик нақши муҳим дошта, ба фарҳанги

музиқии халқҳои дигари Осиёи Миёна низ бетаъсир намондааст. Муаллиф дар мақола дар бораи таъсири муҳити сиёсӣ-иҷтимоӣ ҳамон давр, талаботи мақсадҳои идеологии чехраҳои мӯътабар дар қори сабту интишори музиқии тоҷикӣ сухан меронад. Муаллиф қӯшии намудааст, ки таъсири муҳит ва шароити таърихи дар аввалин сабти нотавии шашмаком ба матнҳои мақом нишон диҳад. Муаллиф дар мақола аҳамияти таърихӣ доштан ва таъсири анҷоми ин корро ба ташиқули фарҳанги музиқии халқи тоҷик дар оянда низ хулоса мекунад.

Key words: musical sheet, «Shashmakom», outstanding performers, professional artexperts, composer V.A. Uspensky, musical critic V.M. Belyayev, Fitrat

The article dwells on the history of the first musical sheet of «Shashmakom» belonging to the Tajik musical heritage of the 20-ies of the century passed. The contribution of the Russian votaries of musical art V.Uspensky and V.Belyayev who made notes of this work from the mouths of professional Tajik performers is revealed. The author of the article analyzes national peculiarities and colouring of «Shashmakom». She underscores the importance of «Shashmakom» first musical sheet in the musical culture of Tajiks and other peoples of Middle Asia as well. She retells about the influence of political and social conditions of the epoch, ideological and other directives of persons of consequence upon the sheets and their publication. The historic atmosphere which had a sway over the process of the first musical sheet and publication of «Shashmakom» without makom texts is disclosed in the article. The historic significance of «Shashmakom» having been fixed in the notes for a furtherance of Tajik musical culture is emphasized.

Музыкальное искусство таджикского народа является бесценной сокровищницей духовной культуры Востока. Оно имеет многовековую историю и богатые традиции. Музыкальное искусство таджиков оказало большое влияние и на становление музыкальной культуры соседних народов. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования историков и музыковедов. Но процесс становления и развития музыкального искусства был непрост. Наряду с периодами бурного расцвета и роста он пережил и трудные этапы, связанные с конкретными социально-экономическими и политическими ситуациями. Одним из таких периодов в истории таджикской музыки является начало XX века.

Отсутствие национальной государственности, господство средневекового уклада жизни в Бухарском эмирате, неграмотность широких слоев населения Средней Азии препятствовали дальнейшему развитию культуры таджикского народа. Несмотря на различные научные оценки последствий победы Октябрьской революции, установление Советской власти в Центральной Азии и создание Таджикской Республики открыли новую страницу в истории таджикского народа. После тысячелетнего перерыва таджики получили возможность заложить первые основы своей государственности, преодолеть полную безграмотность, развивать науку и искусство, познакомиться с передовой культурой народов мира.

Уже в первые десятилетия Советской власти в Таджикистане произошли значительные изменения и в сфере музыкального искусства. Наряду с успехами на пути развития музыкальной культуры в политике Советской власти были ошибки, перегибы и трудности, о чем долгое время не имелось возможности говорить. Обретение незави-

симости республиками бывшего Советского Союза даёт возможность учёным по-новому взглянуть на историю своих народов и оценить ее без идеологического принуждения.

В 20-30-е годы XX века таджикская музыка из народного и народно-профессионального искусства преобразовалась в профессиональное, театрално-музыкальное. Именно в это время таджикские певцы и музыканты, несмотря на древние и богатые народные традиции, стали приобщаться к нотной грамоте, знакомясь с традициями музыкального искусства русского и европейских народов. Началась серьезная работа по сбору и нотной записи музыкальной сокровищницы таджикского народа – «Шашмакома».

Деятели таджикского искусства (за исключением – в прежние времена - придворных певцов и музыкантов бухарского эмира) впервые обрели постоянное пристанище в виде клубов и театров. Наряду с поддержкой развития науки, литературы, просвещения и искусства, Советская власть создавала для них и определенные ограничения. Многие народные песни и мелодии были запрещены как религиозные. Такие народные музыкально-литературные произведения, как эпос «Гуругли», можно было услышать только на свадьбах и во время неофициальных праздников.

С обретением суверенитета в национальных республиках открылись новые возможности для всестороннего и объективного исследования истории культурной политики 20-30-х гг. XX в. Наряду с изучением истории культурной жизни Таджикистана исследуемого периода, огромное научное значение имеет исследование истории музыкального искусства. Несмотря на трудности и недостатки, в рассматриваемый период была проведена значительная работа по возрождению и развитию музыкального искусства таджикского народа. Подготовка музыкальных кадров поднялась на новую ступень, так как таджикские мастера музыкального искусства познакомились с нотами и музыкальными традициями народов бывшего СССР и мировой музыкальной культурой. Именно в тот период европейские инструменты органически вошли в таджикское музыкальное искусство. Но и этот процесс сопровождался с рядом проблем и определенными трудностями [1, с. 4-6].

Цель статьи - по мере возможности рассмотреть и оценить имеющиеся публикации, связанные с отражением истории первой нотной записи «Шашмакома» в 20-е годы XX века. Так как музыкальное искусство - это неотъемлемая часть духовной культуры каждой нации, то важнейшим компонентом таджикского этногенеза является и его музыкальное наследие. Общеизвестен и не подвергается сомнению тот факт, что вокально-инструментальное наследие таджиков «Шашмаком» появилось и получило развитие в эпоху существования централизованного национального государства таджиков под управлением Саманидов. Это уникальное духовное наследие первоначально под названием «Дувоздахмаком» гармонично трансформировалось на основе таджикской классической поэзии и преобразовалось в «Шашмаком», то есть в шесть известных макомов.

Великая заслуга таджикских мастеров макома заключается в том, что на протяжении более тысячи лет это сложное произведение передавалась из уст в уста, сохранилось и приумножилось до настоящего времени. Величие и историческая значимость «Шашмакома» заключается в том, что его как свою духовную ценность приняли и соседние народы Востока. В дальнейшем, после появления классической поэзии тюркских народов, на мелодии «Шашмакома» были наложены тексты стихов на тюркских языках. Один из крупных знатоков «Шашмакома», Герой Таджикистана, устод Садриддин Айни так писал об этом великом произведении: «Многочисленные научные и исторические

исследования ставят целью определить, какой народ или какой человек и в каком веке создал «Шашмаком». Но известно, что наш «Шашмаком» связан с «Дувоздахмакомом» Ирана и Индии [2, с. 9-10] («шаш» обозначает шесть, а «дувоздах» – двенадцать. – С.А.). На такую связь указывает общность названий мелодий, которые входят в комплект «Шашмакома» и «Дувоздахмакома». Однако, касаясь терминов и исследования мелодий, трудно определить, что именно и у какого народа больше заимствовано в «Шашмакоме». К истине близко только то, что здесь каждое очередное заимствование дополняло предыдущие. И в этом была взаимная польза: благодаря коллективному труду этих народов «Шашмаком» и «Дувоздахмаком» обрели сегодняшнюю форму.

Благодаря всему этому мы можем смело утверждать, что в Средней Азии «Шашмаком» по форме и по разделам создан соответственно вкусам и запросам ее народов. Но что касается названия основных разделов мелодий, входящих в «Шашмаком», то здесь главная заслуга принадлежит таджикам. Ведь и само это слово – таджикское, обозначающее «Шесть макомов», и названия мелодий, разделов – тоже сугубо таджикские: «Рост», «Ирок», «Бузург», «Ушок», «Савти ушок», «Хусайни», «Дугохи Хусайни», «Зангула», «Наво», «Сарахбори наво», «Дугох», «Сегох», «Чоргох», «Панчгох», «Насруллои», «Наврузи хоро», «Наврузи Ачам», «Савора», «Сабо», «Мискин», «Тарона», «Бебокча» [3]. Однако из этого отнюдь не следует, что «Шашмаком» в его современной форме и содержании создавали только таджики. Хотя их заслуга в этом – главная, в его совершенствовании участвовали и другие народы Средней Азии [4].

В 1922 году по инициативе Фитрата, тогдашнего назира (министра) просвещения Бухарской Народной Республики, «были начаты в Бухаре музыкально-этнографические работы по записям 6-ти классических музыкальных поэм (Рост, Ирок, Дугох, Сегох, Наво и Бузург), составляющих «Шашмаком» [5, с. 32.]. Из-за отсутствия национальных кадров в сфере музыкальной науки, которые были бы знакомы с европейской нотной музыкальной грамотой, к этому делу привлекли русского композитора – этнографа В.А. Успенского, жившего в Ташкенте и занимавшегося изучением музыкального наследия народов Средней Азии. В феврале 1923 года он приезжает в Бухару и начинает запись «Шашмакома» от известного певца Бобо Джалола Насир-заде (1845-1928) и выдающегося исполнителя на танбуре Бобо Гиёса Абдулгани-заде (1858-1927). Кроме записи «Шашмакома», он также собирает исторические сведения о музыке Бухары, подготавливает материал для составления словаря музыкальных терминов и изучает музыкальные инструменты. В течение 1923-24 годов запись «Шашмакома» была завершена и издана. В 1924 году «Шашмаком» был издан в Москве в виде шести тетрадей большого нотного формата.

История первой нотной записи «Шашмакома» изложена в работе Я. Пеккер «Виктор Александрович Успенский» [6]. Автор по этому поводу отмечает, что с 1922 по 1928 год В.А.Успенский посетил многие районы, окружающие Ташкент, Бухару и Самарканд, собрав там большое количество таджикских мелодий [6]. Он широко использовал в творческой деятельности эти мелодии и фрагменты из «Шашмакома», включая их в симфонические произведения, оперы и музыкальные драмы. Народы, жившие в Советском Союзе и за его пределами, познакомились с лучшими образцами таджикской народной музыки благодаря его научной и творческой деятельности. Таким образом, «Шашмаком» впервые в истории музыки (1923-1924 гг.) был записан в европейской нотной системе В.А. Успенским [7], и его научное изучение начинается именно с этого периода. Несмотря на недостатки, связанные с записью без текстов, в истории изучения музыки народов

Средней Азии данная запись имеет историческое и научное значение. Ряд научных статей, посвященных проблемам народной и традиционной профессиональной музыки, в том числе «Классическая музыка узбеков», (1927 г.) был им написан после этой записи, в которой он описывает музыкальные инструменты, называет имена исполнителей-хафизов этой музыки, анализирует состояние классической музыки данного периода. В его статьях также приведено много информации о таджикской классической музыке Бухары.

До настоящего времени первая нотная запись «Шашмакома» не утратила своей значимости для искусствоведов, культурологов и историков. Искусствовед Р.Н. Аминджанов в статье «К истории первой записи Шашмакома» [8, с. 161-166] в основном уделяет внимание музыковедческому аспекту работы В.А. Успенского по сбору и нотной записи «Шашмакома», осуществленной в 1922-1923 гг. в Бухаре. При анализе работы В.А. Успенского исследователь уделяет внимание музыкальным инструментам исполнителей макомов, роли ритма дойры, «усуля» в исполнении макома, вопросам ауджей макомов. Р. Аминджанов приходит к небесспорному выводу о том, что «...несмотря на то, что А. Фитратом не была одобрена запись текста «Шашмакома», инициативу записи «Шашмакома» мы считаем его главной заслугой...» [8, с.165]. Высоко оценивая статью Р. Аминджанова в искусствоведческом плане, историки интересуются и другими аспектами этой истории, такими как политические и культурологические аспекты и предпосылки этой работы В.А. Успенского, его заинтересованность как в духовном, так и в материальном смысле, причины издания рукописей Успенского в том виде, в котором они были опубликованы в 1923 году, то есть без поэтических текстов «Шашмакома».

Отчасти найти ответы на эти вопросы можно в статье А. Джумаева, ташкентского культуролога, независимого исследователя теории и истории культуры Центральной Азии. А. Джумаев в статье «Абдурауф Фитрат и его современники на "музыкальном фронте" Узбекистана (20-30-е годы)» [9] отмечает, что именно назир просвещения Бухарской Народной Советской Республики Абдурауф Абдурахимов, известный под псевдонимом Фитрат, является главным инициатором осуществления нотной записи «Шашмакома». Фитрат - сын крупного таджикского купца из Бухары, получивший хорошее образование, талантливый публицист, учёный, поэт, обладавший широким научным кругозором, учившийся с 1909 по 1912 год в Стамбуле. Он является автором учебника «Қоидаҳои забони тоҷикӣ», книги «Мухтасари таърихи Ислом», а также активным участником движения младобухарцев в предреволюционные и революционные годы. В условиях осуществления культурных преобразований, ужесточения классовой борьбы и направления идеологии в революционное русло он оказался в сложной ситуации. С одной стороны, ему было необходимо осуществлять линию Советской власти в сфере образования и культуры, с другой стороны, как широко образованный интеллигент и знаток духовной культуры своего народа, он должен был сохранить всё ценное из духовного наследия таджикского народа.

С целью осуществления этих планов Фитрат наладил творческое сотрудничество с российскими музыковедами и композиторами. Среди них были и В.А. Успенский – талантливый композитор-фольклорист, живший в Ташкенте, и музыковед В.М. Беляев. А. Джумаев отмечает: «С записи бухарского «Шашмакома» начинается и первый этап взаимоотношений между основными действующими лицами этой истории - Беляевым и Успенским, с одной стороны, и Фитратом и Мироновым, - с другой. Для ее осуществления и для преподавания в Восточной музыкальной школе Фитрат в начале 1923 года официально приглашает в Бухару Успенского. По заключенному соглашению

Успенскому за эту работу выплачивалось, по-видимому, солидное вознаграждение. Композитору Муталю Бурханову (род. в 1916 году в Бухаре), семья которого была в близких отношениях с Фитратом, доводилось слышать о том, что он лично платил Успенскому золотыми бухарскими деньгами за каждую страницу нотной записи. В тяжелые годы жизни для Успенского финансовый вопрос имел острое жизненное значение. Постоянная нехватка денег доводила до отчаяния, а порой - и до нестерпимых пределов (недомогание по причине голода). Вот лишь несколько признаний Беляеву в письмах: сентябрь 1924 г.: "Деньги нужны весьма!"; март 1925 г.: "Живу скверно: трудно, нудно и весьма слякотно!"; январь 1933 г.: "Встреча этого года прошла грустно, вернее его не было, ибо не было денег и продуктов. Жизнь становится невероятно тяжелой..." и т.п. И так продолжалось, по-видимому, вплоть до середины 30-х годов, когда уже государство взяло на себя заботу о заслуженном деятеле музыкальной культуры республики» [9].

В процессе работы над «Шашмакомом» Фитрат, видимо, из соображений экономии средств или из-за меркантильных соображений вовремя не выплачивал договорную сумму гонорара В.М. Беляеву, и доверие было уже утрачено. "Твоему Фитрату я не верю ни на грош и обрабатывать для него ничего не буду, пока он не пришлет мне вперед денег. За редакцию и обработку статьи я хочу получить с него 500 рублей - половину вперед, а половину векселем. /.../ Прости меня за такое резкое и короткое письмо, но, с одной стороны, я возмущен поступками Миронова и Фитрата, а с другой - я сейчас безумно занят", - пишет В.М. Беляев 26 ноября 1924 года [9].

Парадоксально, что: «Некоторое время спустя Беляев узнает, что в издании «Шашмакома» отсутствуют поэтические тексты, а сами вокальные разделы записаны в инструментальной версии. Из разъяснений В.А. Успенского следует, что такова была воля самого Фитрата, фактически в мягкой форме запретившего записывать тексты макомов. "При первой возможности я все данные по «Шашмакому» тебе вышлю, кроме текстов вокальных номеров, которых я не делал, так как Фитрат этого не пожелал, хотя я ему доказывал, что это необходимо" (письмо Беляеву от 4 июня 1927 г.) [9].

Далее события развиваются таким образом: дают ли эти письма ответ на вопрос – кто был инициатором удаления поэтических текстов из публикации «Шашмакома»? По всей вероятности, этим инициатором был именно Фитрат. «Видимо, это обстоятельство стало причиной резких эмоциональных высказываний Успенского: "О макомах забудь, издание такая пакость, о которой противно говорить" (письмо Беляеву от 17 марта 1928 года). Или: "Думаю, что у меня здесь есть враги даже в лице Фитрата, которые могут меня оттереть, тем более, что недавно вышла такая история: прислали мне из Бухары несколько экземпляров знаменитых макомов в ужасающем виде, с обгрызенными листами, когда-то подмоченных, замусоленных, словом, я увидел в этом прямо издевательство и написал дерзкое письмо, на которое пока ответа не получил. Словом, посмотрим, что будет дальше" (письмо Беляеву от 13 апреля 1928 г.) [9].

Как видно из писем, исполнители первой записи «Шашмакома» испытывали серьезные моральные и духовные переживания в результате этого неполного издания. «В декабре 1929 г. В. Беляев заезжает в Бухару по дороге в Ашхабад. Здесь он получает тексты для «Шашмакома», записанные преподавателем "Шарк мусики мактаб" Ниязом Раджабовым от информатора Успенского - исполнителя вокальных разделов, знаменитого бухарского певца Ота Джалола (письмо Успенскому от 17 декабря 1929 г.). Исследовав эти тексты, Беляев понял, по-видимому, истинную причину указаний Фитрата: большинство этих текстов были на персидско-таджикском языке. Фитрат же, все еще находясь в тот

период под сильным влиянием турецкой модели политического и культурного развития, активно проводил в жизнь идею тюркизации культурного, в том числе - художественного и музыкального наследия. Удаление старых персидско-таджикских текстов являлось для него первым шагом в проведении задуманной акции» [9].

По мнению известного культуролога А. Джумаева, для В. Беляева политические мотивы этого поступка Фитрата не имели никакого значения, его угнетало то, что действия Фитрата привели к сознательному искажению художественного памятника. Снизился уровень его научной значимости как музыкально-исторического документа. Фитрат же на это смотрел иначе. С его точки зрения, национальное духовное наследие нуждалось в определенной обработке с учётом конъюнктуры его исторической эпохи. Он считал, что своё наследие необходимо очищать от ненужного и старого для его дальнейшего использования в новых исторических и политических условиях. Такими своими действиями Фитрат способствовал развитию взгляда на национальную культуру с точки зрения великодержавного шовинизма и подхода к ней как к экзотически действующей на воображение европейца прежде всего своими внешними чертами. Данный поступок никак не умаляет значимости исторической деятельности Фитрата как политика, писателя, публициста, знатока культуры и искусства Востока, государственного деятеля и учёного. Это лишь констатация фактов и взглядов современников и нынешних исследователей нашей истории. Конкретные действия и линии жизненного пути, научное творчество, мировосприятие и степень его осуществления, принадлежность к той или иной нации, народу и взаимодействия с властями и участие в политических катаклизмах его эпохи являются его личным осознанным выбором.

Таким образом, первая запись «Шашмакома» (1924 г.) и ее значение в музыкальной культуре таджиков и других народов Средней Азии представляет собой исторический факт. Политические и социальные условия той эпохи, идеологические и другие установки влиятельных лиц и т. п., как показывает анализ процесса первой записи В.А. Успенского и других историков-искусствоведов, не уменьшают его исторического значения для дальнейшего развития музыкальной культуры таджиков. Последующие записи были сделаны на основе этого опыта, достижений и успехов, недоделок и недочетов, которые никоим образом не уменьшают значение первой нотной записи «Шашмакома».

В условиях установления политической и государственной независимости и усиления глобализационных тенденций история духовной культуры, в том числе и музыкального искусства, нуждается в глубоком анализе и с точки зрения искусствоведческой науки, и с позиции истории и историографии.

Исследователям истории развития духовной культуры необходимо изучить различные проблемы с учётом социально-экономических, политических, психологических и морально-нравственных предпосылок исторических событий, каковыми являются история возрождения и дальнейшего развития музыкального наследия таджикского народа «Шашмаком».

Список использованной литературы:

1. Акрамова С.Х. *История и историография музыкального искусства Таджикистана в первой половине XX века.* – Душанбе: ТНУ, 2015. – С.4-6.
2. Айни С. *Шашмаком.* В кн.: *Айни ва мусики («Айни и музыка»).* – Душанбе, 1978. –С.9-10.
3. Айни С. *Назаре ба гузаштаи санъати тоҷик.* («Взгляд на прошлое таджикского искусства») // *Шарки Сурх («Красный Восток»).* – 1941. №3(10).

4. *Наука и просвещение.* –Ташкент, 1922. №2.
5. Успенский В.А. *Классическая музыка узбеков.* / В кн.: Успенский В.А. *Научное наследие. Воспоминания современников* / Под ред. И. Акбарова. –Ташкент: Изд-во лит-ры и искусства, 1980. - 380 с.
6. Пеккер Я.Б. *Виктор Александрович Успенский.* –Ташкент: Гослитиздат УзССР, 1959. – 231 с.
7. Успенский В.А. *Классическая музыка узбеков /Научное наследие. Воспоминания современников. Композиторское твор-во. Письма /Сост. и авт. проф. И.А. Акбаров.* - Ташкент, 1980; *Он же. Ауджи тюрк и его роль в развитии народной песни Бухары: там же.* - С. 39-46; *Он же. Катта ашула: там же.* - С. 48-51.
8. Аминджонов Р.Н. *К истории первой записи «Шашмакома»*// *Известия АН РТ.- № 2.- 2006.* – С.161-166.
9. Джумаев А.Б. *Абдурауф Фитрат и его современники на "музыкальном фронте" Узбекистана (20-30-е годы)*//*Центральная Азия и Кавказ.- №7, 8, 9.-1997.* http://www.ca-c.org/journal/07-1997/st_21_gumaev.shtml.

Reference Literature:

1. Akramova S.Kh. *History and Historiography of Musical Art of Tajikistan in the first Half of the XX-th Century.* - Dushanbe: TNU, 2015. – pp. 4 – 6.
2. Aini S. *Shashmakom. In the book: Aini va Musici («Aini and Music»).* – Dushanbe, 1978. – pp. 9 – 10.
3. Aini S. *Nazare ba Guzashtai San`ati Tojik (The View of the Past of the Tajik Art)* // *Sharkh Surkh (Red Orient)*, 1941, - # 3(10).
4. *Science and Enlightenment.* – Tashkent, 1922, #2.
5. Uspensky V.A. *Classical Music of Uzbeks* // *In the book: Uspensky V.A. Scientific Legacy. Reminiscences of Contemporaries* // *Under the editorship of I.Akbarov.* - Tashkent: Publishing-house of literature and art, 1980. – 380 pp.
6. Pekher Ya.B. *Viktor Alexandrovich Uspensky.* - Tashkent: State Literature Publishing-House of Uzbek SSR, 1959. – 231 pp.
7. Uspensky V.A. *Classical Music of Uzbeks* // *Scientific Legacy. Reminiscences of Contemporaries. Composer's Creation. Letters* // *Compiler and author: Professor I.A. Akbarov.* – Tashkent, 1980; *Ayuji Tiurc and his Role in the Development of Bukhara Folk Song.* – pp. 39 – 46; *Katta Ashula.* – pp. 48 – 51.
8. Aminjonov R.N. *On the History of «Shashmakom» first Musical Sheet* // *Tidings of TR AS*, 2006, - # 2. – pp. 161 – 166.
9. Djumayev A.B. *Abdurauf Fitrat and his Contemporaries on the «Musical Front» of Uzbekistan (the 20-ies – the 30-ies)* // *Central Asia and the Caucasus.* – 1997, - #7.8.9. 1997. http://www.ca-c.org/journal/07-1997/st_21_gumaev.shtml.

09 00 00 ИЛМҶОИ ФАЛСАФА
09 00 00 ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
09 00 00 PHILOSOPHICAL SCIENCES

09 00 11 СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ
09 00 11 SOCIAL PHILOSOPHY

УДК 1/14

ББК 60.028.131 (5Т)

ҶАНБАҶОИ ФАЛСАФИИ
ШУУРИ МИЛЛӢ ВА
ҲУВВИЯТИ МИЛЛӢ ДАР
ҶОМЕАИ МУОСИРИ
ТОҶИКИСТОН

*Солиҷонов Расулҷон, д.и.фал., профессори
кафедраи ҷомеашиносии Дошиҷадаи
иқтисод ва савдои ДДТТ (Тоҷикистон, Хучанд)
Ӯрунова Ҳамида Умарбоевна,
докторанти ишӯбаи фалсафаи Дошиҷадаи
фалсафа, сиёсатиносии ва ҳуқуқи АИ ҶТ
(Тоҷикистон, Душанбе)*

ФИЛОСОФСКИЕ
АСПЕКТЫ
НАЦИОНАЛЬНОГО
СОЗНАНИЯ В
СОВРЕМЕННОМ
ТАДЖИКИСТАНСКОМ
ОБЩЕСТВЕ

*Солидҷонов Расулдҷон, д.филос.наук, профессор
кафедры обществоведения ИЭТ ТГУК
(Таджикистан, Худжанд)
Урунова Хамида Умарбоевна,
докторант отдела социальной философии
Института философии, политологии и права
АН РТ (Таджикистан, Душанбе)*

PHILOSOPHICAL ASPECTS OF
NATIONAL CONSCIOUSNESS
IN CONTEMPORARY SOCIETY
OF TAJIKISTAN

*Solijonov Rasuljon, Dr. of Philosophy, Professor of the
department of sociology of the Institute of Economy and
Trade under the Tajik State University of Commerce
(Tajikistan, Khujand)
Urunova Hamida Umarboevna,
candidate of pedagogical sciences, doctoral student of the
department of social philosophy of the Institute of
Philosophy, politology and law under Tajikistan
Academy of Sciences (Tajikistan, Dushanbe)
E-MAIL: hamidaurunova@yandex.ru*

Калидвожаҳо: шуури миллӣ, шуури таърихӣ, худшиносӣ, худшиносии миллӣ, худогоҳӣ
ҳуввияти миллӣ, тафаккури миллӣ, гояи миллӣ, хотираи таърихӣ, маҳдудияти шуури
таърихӣ, боигарии иҷтимоию фарҳангии ниёгон

Дар мақолаи мазкур ҷанбаҳои фалсафии худшиносӣ ва ҳуввияти миллӣ дар шароити
бунёдқунии давлати соҳибистиклол ва дунявӣ таҳлил карда мешавад. Муаллифони

мақола ҳудудиносии миллӣ ва ҳуввияти миллиро дар шароити табаддулот дар ҷомеаи Тоҷикистон ҳамчун омил асосии давлатдорӣ миллӣ мешуморанд. Ба фикри муаллифон бисёр миллату халқҳо аз сабаби озод набудан аз рафтори бетаҳаммулонаи ҳеҷ ба нестӣ рафтанд. Аз ин рӯ, дар шароити бунёди давлати соҳибистиқлол ба хоштири “ба нестӣ нарафтанд” масъалаи шинохти худии худ ё ба таври дигар ҳудудиносии миллӣ ба яке аз муаммоҳои мубрами рӯз табдил ёфтааст. Коста шудани хоштири таърихӣ, маҳдудияти шуури таърихӣ ва ҳифз карда натавонистани боигарии иҷтимоӣ фарҳангии ниёгон, пояҳои давлат ва истиқлолиятро заиф мегардонад. Бинобар ин муаллифон чунин мешуморанд, ки таҳлили бархурдор будан аз ҳуввияти миллӣ, дарк намудани ҳудудиносии миллӣ ин омил асосии пойдор ва инкишоф додани давлати соҳибистиқлол мебошад.

Ключевые слова: историческое сознание, самопознание, национальное самосознание, национальный менталитет, национальное мышление, национальная идея, ограниченность исторического сознания, социально-культурное наследие

Исследуются философские аспекты национального менталитета в условиях построения суверенного государства. Национальное сознание и менталитет рассматриваются как важнейшие факторы построения и укрепления национальной государственности в трансформирующемся таджикском обществе. Высказано мнение, что многие народы исчезли из –за отсутствия толерантного отношения к другим людям. Именно поэтому сегодня с целью сохранения национальности проблема национального самосознания является актуальной проблемой. Ослабление исторической памяти, ограниченность исторического сознания и неумение защищать социально-культурное наследие ослабляет государственность и суверенитет. Сделан вывод, что умение анализировать и познавать национальный менталитет, осознавать свою идентичность является важнейшим фактором стабильного развития независимого государства.

Key words: self-cognition, national consciousness, national mentality, national thinking, national idea, limitation of historical consciousness, social-cultural heritage

The article dwells on the researched philosophical aspects of national mentality under the conditions of the sovereign state surviving the process of evolution. National consciousness is looked upon as the most important factor of building and strengthening national statehood in the transforming Tajik society. The authors express the opinion that many peoples vanished because of the absence of tolerant attitude to other nations. Therefore, under the conditions of the evolution of the sovereign state the problem of strengthening national consciousness is actual because it deals with retainment of nationality. Weakening of historical memory, limitation of national consciousness and disability of defending the nation's social-cultural legacy slacken statehood and sovereignty. Just due to all this the ability to analyze and cognize national mentality, to realize the national identity of its own are the most important factor of stable development of the independent state.

Ҳаёти ҷамъиятии Тоҷикистон дар давоми солҳои охир аз нигоҳи равандҳои эҳтимолии рушди ҷараёнҳои иҷтимоӣ сиёсӣ мураккабу пуртазод ба назар мерасад. Дар чунин маврид муроҷиату тавачҷуҳи илми ҷомеашиносӣ ба сарчашмаҳои тавзеҳдиҳандаи равандҳои ҳодисаҳои ҷамъиятӣ, аз ҷумла арзи вучуд намудани ғояҳои

гуногун тақозо менамояд, ки онҳо аз нигоҳи илмиву фалсафӣ баррасӣ карда шаванд. Ҳарчанд зуҳуру болоравии диду тафсириҳои ғайриилмӣ наметавонанд ба қонуниятҳои рушди ҷараёни инкишофи объективии ҷамъиятӣ таъсир расонида онро ҳалалдор созанд, вале падидаҳои иҷтимоиро ба раванди нодуруст рағубона намуданашон аз эҳтимол дур нест. Аз ин боис, дар ҳама давру замон, алалхусус дар замони муосир, намояндагони илми ҷомеашиносӣ барои афзудани захираи донишҳо оид ба гузаштаи муосир саъю кӯшиш ба ҳарч медуҳанд. Ин омил барои ҷомеаи муосири Тоҷикистон, ки роҳи бунёди давлати пешрафтаи миллӣ ва таъмини суботи иҷтимоиро интихоб намудааст, хеле муҳим аст.

Дар ин радиф дар пешорӯи илми ҷомеашиносӣ масъалаҳои ба миён омаданд, ки ба инсон, ташаккули шуур ва худшиносии ӯ вобаста мебошанд. Бояд тазаққур дод, ки масъалаи инсон ва худшиносии ӯ ҳамеша дар маркази баҳсу талошҳои фалсафа қарор дошт. Дар замони атиқа файласуфи юнонӣ Сукрот ибораи “Худро бишнос”- ро шиори ҷаҳонбинии фалсафии худ қарор дода буд. Ривояти дигаре ҳаст, ки файласуфи дигари юнонӣ Диоген дар кӯчаҳои офтобрӯи Афина бо фонус мегаштааст. Вақте ки аз ӯ мепурсанд, ки чиро меҷӯяд, ҷавоб мегуфтааст: “Инсонро меҷӯям!”. Файласуфи фаронсавӣ Рене Декарт мегӯяд: “Агар асрори оламро доништан хоҳӣ на ба ситорагон, балки ба олами ботинии худ назар кун”.

Ин ривоятҳо аз он шаҳодат медуҳанд, ки аз умқи таърих то кунун барои инсон шавқовартарин мавзӯи маърифатшинохти худии худ будааст. Аз он замон ҳазорсолаҳо сипари гаштанд, ҳастие, ки дар он инсон зиндагӣ дорад қуллан тағйир ёфт, сарҳадҳои маърифати инсон васеъ гашта, ядрои атом таҷзия гашт, қайҳон фатҳ шуд, технологияҳои муосири компютерӣ бунёд шуд, аммо дар ибтидои асри ХХI донишҳои инсон нисбати шинохти худии худ то ба ҳол маҳдуд мемонанд. Аз ин боис гуфтори ниёгон дар бораи он, ки “Муаммои муаммоҳо барои инсон маърифати худии инсон аст”, ҳикмати аслии хешро гум накардааст.

Эрих Фромм ба саволи «Инсон кист?» ҷавоб гуфта пеш аз ҳама таъкид менамояд, ки инсон чиз нест, балки мавҷудоти зиндаест, ки доимо дар рушду қамолот аст. Ҳаёти ӯ ҷараёнест, ки зерини таъсири омилҳои гуногун қарор дорад. Инсон дорои ақл мебошад, ки тавассути он ӯ ҳақиқатро маърифат менамояд. Баробари ин, мутафаккир таъкид менамояд, ки ашхоси алоҳида ва ҳатто миллатҳои том баъзан бидуни ақл рафтор менамоянд. Бисёр миллату халқҳо аз сабаби озод шуда натавоништан аз рафтори бетаҳаммулонаи хеш ба нестӣ рафтанд. Аз ин рӯ, дар шароити бунёди давлати соҳибистиклол ба хоштири “ба нестӣ нарафтан” масъалаи шинохти худии худ ё ба таври дигар худшиносии миллӣ ба яке аз муаммоҳои муҳими рӯз табдил ёфтааст.

Бояд тазаққур дод, ки дар шароити ҷаҳонишавии ҳаёти иҷтимоиву фарҳангӣ ва суратафзо гаштани инкишофи технологияҳои ҷадиди телекоммуникатсионӣ, худудҳои муоширати иҷтимоии одамон васеъ гашта, масъалаи худшиносии миллӣ бо паҳлуҳои гуногун ба назар мерасад. Худшиносии миллӣ тобишҳои хеле бисёр ва муайянқунандаи умумӣ дорад. Меъёри худшиносии миллӣ ва умуман инкишофи шуури миллӣ-ин натавонанд эҳёи фарҳанги ниёгон, балки андозаи ба арзишҳои умумибашарӣ ворид шудани миллат, муносибати вай ба дигар миллатҳо, яъне шинохтани баробарҳуқуқии дигар халқу миллатҳо, эҳтиром ва шиносӣ бо маънавияти онҳоро низ дар бар мегирад. Дар “назди шуури миллӣ вазифаи асли, пеш аз ҳама рисолати бузургии миллатсозӣ ва ба ҳамин хотир вазифаи худшиносии миллӣ

меистад. Ба таъбири дигар, масъалаҳои гносеологӣ ва онтологӣ шуури миллӣ бояд бо онтологияи объективӣ омили миллӣ пайванди ҳаёти дошта бошад. Дар ин самт мавриди тадқиқоти ҷиддӣ қарор доштани масъалаҳои давлатдорӣ миллӣ, тибқи мантиқи қонуниятҳои ташаккули низоми нави байналмиллалӣ, аз масъалаҳои рӯзмарра маҳсуб меёбад” (1, с.3).

Дар ҳақиқат дар шароити ташаккул ва рушди эҳтимолияти равандҳои сиёсӣ шуури миллӣ бояд дар ҳамбастагӣ бо ояндабинии илмӣ мавриди омӯзиш қарор ёбад, зеро ҳангоми арзи вучуд намудани равандҳои наву мухталифи ҷомеа, куллан тағйир ёфтани низоми нави байналмиллалӣ аз инсон талаб менамояд, ки ӯ ояндаи хешро ба ин ё он раванди сиёсӣ бошуурона бипайвандад. Ҳар як узви ҷомеа бояд дарк намояд, ки мақсади ниҳонӣ ҳар муборизаи мафкуравӣ ин ноил шудан ба даст кашидан аз ҳуввияти миллии хеш ва қабули мафкураи дигар мебошад. Ин роҳест инсонро ба парастии ғояи дигар, таърихи дигар ва фарҳанги дигар равона менамояд. Масалан, барои давлатҳои абарқудрат, ки онҳо дар Тоҷикистон манфиатҳои геополитикии худро доранд муҳим нест, ки дар кишвари мо чи гуна низоми иҷтимоиву сиёсӣ ё фарҳанги барқарор мешавад, муҳим он аст, ки тоҷикон аз решаҳои таърихӣ худ дур гашта ” худӣ худ”-ро фаромӯш созанд. Ва дар ин роҳ онҳо ягон ҷизро, аз ҷумла сарфу харҷи моддӣ, маблағгузорию дареғ намедоранд. Барои чи давлатҳои абарқудрат ба мисли ИМА, Канада ва дигарон бар зидди “Ал-қоида”, “Бародарони ислом”, “Давлати исломӣ” дар Сурия мубориза мекоранд, нисбати фаъолияти ифғогаронаи “Салафия”, “Ансоруллоҳ”, “Ҳаракати исломии Ўзбекистон”, “Ҳизб-ут-таҳрир” “Ҷамоати таблиғ” дар Осиёи Марказӣ, аз ҷумла дар Тоҷикистон бефарқ ҳастанд? Ба фикри мо ин зуҳури моҳияти сиёсати худхоҳонаи абарқудратхост, ки мехоҳанд бо дастии ин гурӯҳҳои иҷтимоию сиёсӣ ҷомеаи моро ноором гардонанд ва ҷараёни худшиносӣ худогоҳии миллати моро ҳалалдор гардонанд.

Эҳтимолияти рушди равандҳои сиёсиро дар ҷомеа таҳлил намуда Президенти Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон борҳо таъкид намудааст, ки “сабақи талхӣ таърихи кишварамон ба ҳар як шахс хушдор медиҳад, ки дигар ҳеҷ гоҳ зиракии сиёсӣ ва хушёрӣ зехнӣро аз даст надиҳад, ватандӯсту ватанпарвар бошад, аз гузаштаи пурғановати ниёгон ифтихор кунад ва ба ин роҳ ваҳдати миллӣ, ягонагии кишвар, марзу буми аҷлодиашро эҳтиёт ва ҳифз намояд” (5, с.2).

Ҷанбаи муҳими ташаккули худшиносии миллӣ ин алоқамандии он ба ҷараёни ташаккули шуури таърихӣ мебошад. Маълум аст, шуури таърихӣ кулӣ хосиятҳои ин ё он миллатро дар худ инъикос менамояд. Аз ин рӯ, таҳлили амиқи ғояи миллӣ мурочиат намуданро ба гузашта ва муайян намудани тамоюлҳои муосири рушди ҷомеаро тақозо менамояд, чунки таҳлили фалсафии ғояи миллӣ мурочиати тадқиқотчиро «ба равандҳои рушди маънавиёт, кӯшишҳо, орзуи ормонҳои ҷомеа, ки тӯли ҳазорсолаҳо ташаккул ёфтаанд, талаб менамояд. Чунин зарурат аз он бармеояд, ки маҳз собиқаи ниёгони мо оид ба инкишоф додану ғани гардонидан ва аз ҳама муҳимаш нигоҳдорӣ он дар хотираи таърихӣ имкон дод, ки дар охири асри XX ва ибтидои асри XXI тоҷикон баҳри бунёди давлати соҳибистиқлол, демократию дунявӣ худ хусни оғоз бахшанд.

Моҳиятан падидаи шуури миллӣ имкониятҳои воқеии рушди миллат ва ормонҳои онро дар роҳи расидан ба қуллаҳои баланди тараққиёт инъикос менамояд. Вале то ба имрӯз тасаввурот дар бораи шуури миллӣ дар рафти ҷараёни таърихӣ ба вучуд омада,

то ба ҳол аз тарафи намояндагони илми ҷомеашиносӣ ба таври бояду шояд таҳқиқ нагаштааст. Шояд ин ба он вобаста бошад, ки шуури миллӣ ҳамчун мақулаи фалсафӣ то даврони соҳибистиклолӣ то як андоза мавзӯи мамнӯъ буд. Дар адабиёти иҷтимоӣ бештар сухан дар бораи ташаккули “Халқи ягонаи шӯравӣ” мерафт, вале дар бораи худшиносии миллии субэтносоҳи ба сохтори Иттиҳоди Ҷомоҳири Сотсиалистии Шӯравӣ дохилшаванда чизе гуфта намешуд. Маҳз аз ҳамин сабаб дар замони соҳибистиклолӣ зарурати тадқиқи шуури миллӣ аз нигоҳи таърихи ташаккули он ба миён омадааст.

Шуури миллии халқи тоҷик дар таърих решаҳои чуқур дорад. Дар давраи ҳукмронии Сомониён шуури миллӣ ба пояи ҳаёти маънавии давлати миллӣ табдил ёфта буд. Маҳз ҳамин падида имконият дод, ки Сомониён ҳаёти иҷтимоӣ иқтисодии худро ривоч дода сиёсати дохилию берунро ба роҳ монанд. Муносибатҳои дӯстонаро бо дигар давлатҳо ва халқҳо мустақкам намуда, руҳи гуманистии халқи тоҷикро ба онҳо муаррифӣ намуданд. Мисоли равшани он эҷодиёти нобиғаҳои адабиёти мо Рӯдакӣ, Фирдавсӣ, Саъдӣ, Хайём, Ҷомӣ ва дигарҳо мебошанд.

Тадқиқотҳои олимони собит месозанд, ки шуури миллии халқи тоҷик дар рафти муборизаҳои сиёсӣ идеологӣ ташаккул меёфт. Баъди шикасти давлати Сомониён тоҷикон зери таъсири давлати Ғазнавиён, Салҷуқиён, Темуриён, Аштархониён ва Манғитҳо қарор доштанд. Вале он арзишҳое, ки дар даврони ҳукмронии Сомониён ташаккул ёфта буданд, аз байн нарафтанд, онҳо дар хотираи таърихии халқи тоҷик маҳфуз дошта мешуд.

Дар замони Иттиҳоди Шӯравӣ бошад, то соли 1929 тоҷикон зери таъсири ғояи миллии туркҳо қарор доштанд. Тавре муҳаққиқон таъкид менамоянд, маҳз вусъат пайдо намудани ҳаракати пантуркистӣ боиси беадолатона суръат гирифтани марзбандии ҷумҳуриҳои Осиёи Миёна ва поймол гардидани арзишҳои иҷтимоиву фарҳангии ҳазорсолаи мардуми тоҷик гардид (2, с.493). Ин ҳаракатҳо ва падидаҳои номатлуб ба ташаккули тафаккури миллӣ таъсири манфӣ расониданд.

Роҳи иҷтимоӣ фарҳангии, ки тоҷикон дар замони соҳибистиклолӣ тай менамоянд, идомаи роҳи онҳо дар таърих мебошад. Мо – тоҷикон таърихи куҳану фарҳанги пурғановат дорем, ки он заминаи бозғатимодӣ ташаккули шуури миллии тоҷиконро дар даврони соҳибистиклолӣ ташкил медиҳад. Баробари ин, бояд тазаккур дод, ки муроҷиат ба гузашта набояд ба хотири парастӣшу муносибати содалавҳона бошад. Тавре Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон таъкид менамояд «мо ба гузаштаи хеш барои тақвияти руҳи созандагӣ, бузургдошти хотираи аҷдодонамон, ки дар дарозии таърих ба ақидаҳои нав камар баста, бадастовардҳои бузургу ғайриоддӣ ноил гаштаанд, рӯй меоварем. Охир як сарчашмаи воқеии худшиносии миллӣ, қабл аз ҳама, бунёди давлати соҳибистиклол, ваҳдати миллӣ, рӯй овардан ба гузаштаи пурифтхор, ҳифзи тамаддуну мероси фарҳангии ниёгон ва поси хотири шахсиятҳои тавонову фарзандони бузурги миллат мебошад» (3, с.57). Чунин масъалагузорӣ маъноӣ чуқур дорад, зеро моҳият андар ин ҷо сухан дар бораи падидаҳои маънавий, кӯшишу ормонҳо, арзишҳое меравад, ки тӯли ҳазорсолаҳо мардуми тоҷикро аз нестшавӣ эмин дошта, имконияти нигоҳдорӣ хотираи таърихиҳо додааст. Баъди ҳазорсолаҳо дар ибтидои қарни XXI эҳёи шуури миллӣ, ки дар ботини тоҷикон нуҳуфта буд бедор гашт ва тоҷикон соҳиби давлати миллӣ шуданд. Маҳз дарки зарурати ғояи миллӣ имконият дод, ки зиддиятҳои иҷтимоиву сиёсии ибтидоӣ

солҳои 90 –ум паси сар шуда, тоҷикон дар атрофи давлати соҳибистиклоли миллӣ муттаҳид гаштанд.

Бо назардошти хусусиятҳои тамоюлҳои муосири рушди иҷтимоӣ фарҳангии ҷомеаи муосири Тоҷикистон шуури миллиро ҳамчун шакли зухурёбии тафаккур ва хуввияти миллӣ, чун тарзи хоси эҳсос, дарк ва фаҳмиши олам аз ҷониби намояндагони миллат, ифодагарӣ худшиносӣ ва баробари ин ҳамчун василаи тавсифи хусусиятҳои фаҳри миллӣ муайян намудан мумкин аст. Аз ин нуқтаи назар шуури миллӣ ҷузъи ҷудонашавандаи ҳаёти маънавии миллат ва шартӣ асосии ташаккули шуури таърихӣ мебошад. Аксар муаллифон бар он ақидаанд, ки шуури миллӣ мақулаи фалсафаи иҷтимоӣ буда, хислати таърихӣ дорад, яъне дар чараёни таърих вобаста ба вижаҳои ҳаёти иҷтимоӣ вуҷуд ёфт, иқтисодӣ фарҳангӣ мазмуну мундариҷаи вай тағйир меёбад». (4, с.337) Ҳамзамон шуури миллӣ ин фақат воситаи дарёфти «худии худ» - и инсон набуда, балки ин падидаест, ки дар он фикру андешаҳо оид ба миллатҳои халқиятҳо, кӯшишу ормонҳои онҳо, умуман тақдирӣ ояндаи инсоният инъикос меёбад. Аз ин лиҳоз, шуури миллӣ ин тарзи маънавии ҷустуҷӯ ва дарёфти ҷойгоҳи миллати хеш дар низомии мураккаби муносибатҳои миллӣ дар миқёси олам мебошад. Аз ин нуқтаи назар мафҳуми «шуури миллӣ» хеле бой аст. Аммо дар як мафҳум гунҷонидани мазмуни ҳамаи паҳлуҳои он ғайри имкон аст. Бинобарин таърифе, ки дар боло овардем, аз камбудӣ ҳолӣ нест ва он пурра қардано талаб мекунад. Мо ақидаи олимони ҷомеашиносро нисбати он, ки таҷқиқи мафҳуми “шуури миллӣ”- ро дар алоқамандӣ бо хуввияти миллӣ омӯхтан зарур аст, ҷонибдорӣ менамоем, зеро мафҳуми «шуури миллӣ» дар замонҳои соҳибистиклолӣ хусусиятҳои хуввияту ҳудуди миллӣро ба таври хоса инъикос менамояд. Хуввияти миллӣ падидаест, ки аз андеша, оӣин ва арзишҳои ба ҳам алоқамандӣ ҷомеа иборат аст. «Хуввият» вожаи арабӣ буда, бо маъноҳои: а) ҷавҳар, бех, бун, асл, моҳият; б) хуввият, шахсият, шахс, симо, фардият; в) шайъ, ҳақиқати мутлақ, моҳияти ҷузъӣ истифода мешавад. Ин мафҳум даъватест ба ягонагии миллӣ, ки барои пайдо намудани фазои худшиносӣ ва ҳисси миллии инсон замина мегузорад (5, с.3).

Аз нигоҳи фалсафаи иҷтимоӣ мазмуни шуури миллӣ бояд дар радифи масъалаҳои тақдирсоз, ки дар ҳар давраи мушаххас дар назди давлату миллат ва фарди бошууру бомаърифати ҷомеа меистаду бояд дар ояндаи наздик ҳалли ҳудуди металабад, баррасӣ гардад. Ба таври дигар шуури миллӣ ҳамчун мақулаи фалсафаи иҷтимоӣ ҳамеша дар рушду такомул буда, дар ҳар даври замон маънои хоса пайдо менамояд ва ба ҳалли масъалаҳои муҳими рӯз нигаронида шудааст. Дар ғояи миллӣ муносибати одамони ба ин ё он шакли тамаддун инъикос меёбад. Аниқтараш ғояи миллӣ роҳ ва фишангҳои дохилшавии миллатро ба ин ё он тамаддун нишон медиҳад.

Агар муҳокимарониҳои мо аз нуқтаи назарии дар боло нигошташуда маншаъ бигирад, пас бояд имрӯз ҷомеаи мо тавассути ҳалли масъалаҳои иҷтимоӣ иқтисодӣ, эҳёи фарҳанги миллӣ, ташаккули мазмуни сифатан нави шуури таърихӣ дар ҷаҳонбинии одамони ғояи оӣӣ - бунёди давлати миллиро бидиҳад. Ба фикри мо қадами аввал дар ин ҷода бояд баррасии он масъалаҳо бошад, ки ба тағйири шуури ҷамъиятӣ ва равонии иҷтимоӣ он нигаронида шуда бошад. Шуури миллӣ, ки тахти роҳбарии тоҷикон тамоми ақаллиятҳои этникиро фаро мегирад, онҳоро дар заминаи забону фарҳанги миллӣ муттаҳид месозад.

Забон заминаи муҳими хуввияти миллӣ аст. Аз ин рӯ, вақте ки мақоми забони тоҷикӣ дар қулӣ қаламрави Тоҷикистон чун забони муоширати ҳамаи қавмҳо ба

таври амиқ дарк мегардад, таъриху фарҳанги миллӣ чун боигарии кулли тоҷикистонӣ ӑтироф гашта, маърифат мешавад, он гоҳ мо дар бораи тоҷику тоҷикистонӣ чун як миллати воҳид сухан ронда метавонем. То он даме, ки мо байни мафҳумҳои тоҷику тоҷикистонӣ фарқ гузорем ва ба ин мафҳумҳо ваҳдат набахшем, парокандагии этникиву маҳаллӣ ҳамавақт боқӣ мемонад. Барои самаранок ташаккул ёфтани тафаккури миллӣ бояд дар ҷомеа сиёсати ягонаи милливу фарҳангӣ пеш гирифта шавад ва онро ҳамаи аҳзобу ҷунбиш ва ақаллиятҳои қавмӣ бечуну чаро бипазиранд. Чунин сиёсати миллию фарҳангӣ ба тафаккури миллӣ таъсир мерасонад ва онро ташаккул медиҳад. Бешак гуфтан мумкин аст, ки имрӯз дар сатҳи баланди давлатӣ чунин ғояи миллӣ ташаккул ёфтааст ва ин ҷараён идома дорад.

Дар замони муосир ҳине, ки сухан аз боби ташаккули тафаккури миллӣ, худшиносии миллӣ меравад, бештар қазовати онҳо дар сатҳи умумимиллӣ сурат мегирад. Аслан ин дуруст аст, зеро тавре дар боло ишора рафт, баъд аз замони Оли Сомон то ба кунун бори аввал мо имконияти дар бораи давлати миллӣ сухан рондан, дар бораи рушду нумӯи фарҳанги миллӣ ғамхорӣ зоҳир намуданро пайдо кардем. Ва боиси хурсандист, ки дар тӯли солҳои соҳибистиклолӣ дар майдони худшиносии миллӣ миллати тоҷик марҳилаеро тай намуд, ки ба садсолаҳо баробар аст.

Баробари ӑтирофи қадамҳои устувори хеш дар ин самт набояд аз қазовати муаммоҳои он рӯй гардонем. Зеро ки дар ҳама ғӯшаю канори мамлакатамон масъалаҳои рушду нумӯи фарҳанги миллӣ, ки заминаи боъътимоди пояи худшиносии миллист, дар як сатҳ нест. Масалан, мушоҳидаҳо собит месозанд, ки дараҷаи худшиносии миллӣ дар шаҳрҳои марказии мамлакатамон ва музофотҳои кишвар ба кулӣ фарқ мекунад. Қазовати сабабҳои мушкilotи ташаккули худшиносии миллӣ дар музофотҳо дар ҳар минтақа баҳсу мунозираҳои доманадорро талаб менамояд. Таҳлилу омӯзишҳо нишон медиҳад, ки номутаносибии сатҳи ташаккули худшиносии миллии мардуми ноҳияҳо ва шаҳрҳои азими кишвар аз як тараф ба омилҳои иҷтимоию иқтисодӣ вобаста бошад, аз тарафи дигар ноҳияҳои музофотӣ, масалан ноҳияҳои наздисарҳадӣ, аксаран гуногунмиллат мебошанд ва аз он то ҷӣ андоза ҳар як қавмият хешро мансуби миллати тоҷик ё тоҷикистонӣ меҳисобад, барои ташаккули шуури миллӣ аҳамияти калонро дорост. Албатта барои коҳиш додани ин номутаносибӣ аз ҷониби давлат ва Ҳукумати Тоҷикистон, азҳобу созмонҳои ҷамъиятӣ тадбирҳо андешида мешаванд. Масалан, дар ноҳияҳои наздисарҳадии вилояти Суғд дар солҳои соҳибистиклолӣ даҳҳо мактабу боғча, дигар объектҳои маърифатӣ фарҳангӣ бунёд ёфтанд, ки онҳо бегуфтугӯ ба вазъи таълиму тарбия ва рушди ҳаёти фарҳангӣ бетаъсир намемонанд. Вале вазъи ташаккули худшиносии миллӣ фақат аз таълиму тарбия вобаста нест. Ба фикри мо дар ин ҷо масъалаи ба мардум дастрас будани арзишҳои фарҳанги миллӣ, сари вақт расонидани иттилоот оид ба ҳаёти сиёсӣ, иҷтимоию иқтисодӣ ва маънавӣ хеле муҳим аст. Сардори давлат Эмомалӣ Раҳмон дар яке аз суханрониҳои хеш маҳсус таъкид карда гуфта буд: «...Аз ин ҷихат (сухан аз боби вазъи инкишофи фарҳанг ва ҳолати иттилоотии ҷомеа меравад. С.Р.,Х.У) хусусан вазъи ноҳияҳои наздисарҳадӣ... ва минтақаҳои кӯхистон ташвишвар аст. Холиғҳои иттилоотиро дар аксари минтақаҳои наздисарҳадӣ паҳши барномаҳои телевизиони кишварҳои хориҷӣ пур мекунанд. Натиҷаву оқибатҳои чунин ҳолат маълум аст: аҳоли аз ҳаёти сиёсиву иҷтимоию фарҳангии мамлакат беҳабар мемонад ва ба сиёсату идеологияи бегона меравад».(5,с.2) Дар ин ҷода низ дар давоми 10-15 соли охир қадамҳои нек гузошта шуданд. Имрӯз имконияти тамошои барномаҳои телевизиони Тоҷикистонро на фақат аҳолии мамлакат, балки берун

аз он ҳам доранд. Заминаҳои амиқи иҷтимоию иқтисодӣ, ҳалли мушкилоти ташаккули тафаккури миллӣ ба таври ҳамешагӣ аз ҷониби роҳбарияти давлат таъкид мегардад.

Болоравии сатҳи иҷтимоӣ барои ҳалли мушкилоти маданияту маърифатӣ, таълиму тарбияи заминаҳои мусоидро фароҳам меоварад. Бе ҷуну чаро ҳалли масъалаҳо дар ин раванд ба худшиносии миллӣ мардуми деҳот таъсири бевосита мерасонад. Ҳамин тариқ, ислоҳоти иқтисодӣ, хоса дар соҳаи кишоварзӣ ба ташаккули тафаккури миллӣ заминаи бозғамӣ фароҳам оварда, худшиносию худгоҳии мардуми деҳотро меафзояд.

Истиқлолияти миллӣ тақозо менамояд, ки хотираи таърихӣ ҳалқамонро эҳё намуда, арзишҳои ахлоқиву фарҳангии худро аз нав барқарор созем ва барои рушду нумӯи забону адабиёт, илму фарҳанг ва мактабу маориф беш аз ҳар вақти дигар кӯшишу ғайрат намоем. Ин амал хело зарур аст, зеро дар ҳақиқат Истиқлолияти давлатӣ ва худшиносии миллӣ бе дарки амиқи манфиатҳои умумимиллӣ ва шиноختи масъулияти таърихӣ афроди ҷомеа пойдор нахоҳад монд.

Муқаддасу бегазанд ва ҳамеша пойдору устувор нигоҳ доштани Истиқлолият, таҳким бахшидани давлатдорӣ миллӣ, ҳамаҷониба густариш бахшидани худшиносӣ худгоҳии миллӣ, ҳисси ватандӯстиву ватандорӣ мардум ва баланд бардоштани маърифати сиёсӣ ҳуқуқии аҳолии кишвар, баҳусус наврасону ҷавонон, муттаҳид намудани ҳамаи гурӯҳҳои кишвар, баҳусус наврасону ҷавонон, муттаҳид намудани ҳамаи гурӯҳҳои кишвар, ваҳдату ризоияти миллӣ ҳадафҳои стратегии давлату ҷомеаи муосири Тоҷикистон маҳсуб меёбанд, ки дар маҷмӯъ моро ба сӯи бунёди ҷомеаи воқеан шаҳравандӣ, пешрафти устувори иқтисодиву иҷтимоӣ ва татбиқи нақшаи ҳадафҳои тақдирсозӣ стратегӣ ҳидоят мекунад.

Пайнавишт:

1. Ятимов С. *Идеология ва манфиати миллӣ*. Ҷумҳурият, 22 апрели соли 2014, № 74 (22 379)
2. *Андашии миллӣ тоҷикон*. Зери назари доктори илмҳои таърих, профессор Каримов О.К. *Нашириёти “Ношир”*, Хуҷанд, 2011, –583 с.;
3. *Паёми Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ба Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 26 апрели соли 2013*. – Душанбе: Шарқи Озод, 2013, - 54 с.
4. Маҳмадов А. *Идеяи миллӣ – роҳбалади зиндагии шоиста*. //Ҷумҳурият. 18 апрели соли 2013, № 55 (22 192)
5. Қудусов Х. *Идеяи миллӣ тақияҳои устувори ҷомеа*. //Садои мардум. 14 май соли 2013 № 57 (3042)
6. *Суханронии Эмомалӣ Раҳмон, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, дар назди устодон ва шогирдон ба муносибати 15 солагии Донишгоҳи давлатии ҳуқуқ, бизнес ва сиёсати Тоҷикистон*. Хуҷанд, 2008, - С. 12.
7. *Проблемы укрепления национальной независимости Республики Таджикистан*. - Душанбе: Дониш, 2006. -255 с.
8. Самиев А.Х. *Историческое сознание как самопознание общества*. –Душанбе: Издательство РТСУ, 2009. -337 с.
9. Солиҷонов Р. *Проблемы и противоречия социокультурной трансформации таджикского общества*. –Душанбе: Дониш, 2012. -167 с.

Reference Literature:

1. *Yatimov S. Ideology and National Interests. Jumhuriyat, April 22. 2014, - # 74 (22379).*
2. *National Meditations of Tajiks. Under the editorship of Dr. of History, Profesov Karimov O.K. - Khujnad: Publisher, 2011, - 583 pp.*
3. *Message of Tajikistan Republic President Emomali Rakhmon to Madjlisi Oli (the Tajik parliament) from April 26. 2013. – Dushanbe: Freedom of the Orient, 2013. – 54 pp.*
4. *Mahmadov A. National Idea – Leader of Worthy Life. Jumhuriyat. April 18, 2013, - # 55 (22 192).*
5. *Qudusov Kh. National Idea as Bulwark of Strengthening Society. Voice of People. May 14, 2013. - # 57 (3042).*
6. *The Speech Held by Tajikistan Republic President Emomali Rakhmon before Professors and Students of the State University of Law, Business and Politics on the Occasion of the 15-th Anniversary. – Khujnad, 2008. – p.12.*
7. *Problems of Strengthening National Independence of Tajikistan Republic. - Dushanbe: Knowledge, 2006. – 255 pp.*
8. *Samiyev A. Kh. Historical Consciousness as self-Consciousness of Society. Dushanbe. Publishing-house of Russian-Tajik Slavonic University. 2009. – 337 pp.*
9. *Solidjonov R. Problems and Contradictions of Sociocultural Transformations of the Tajik Society. - Dushanbe: Knowledge, 2012. – 167 pp.*

УДК 001
ББК 60.022.1

**НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ И
СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД**

*Дехканова Гулчехра Набиджановна,
ст. преп. кафедры политологии и
культурологии ХГУ им. Б. Гафурова
(Таджикистан, Худжанд)*

**ҚАҶОНБИНИИ ИЛМӢ ВА
МУНОСИБАТИ СИСТЕМАВӢ**

*Дехқонова Гулчехра Набичонова,
сармуаллимаи кафедраи сиёсатиносии ва
Фарҳангиносии ДДХ ба номи Б.Гафуров
(Тоҷикистон, Хуҷанд)*

**SCIENTIFIC COGNITION AND
SYSTEMIC APPROACH**

*Dekhkanova Gulchekhra Nabidjanovna,
senior lecturer of the department of politology and
culturology under Khujand State University named
after academician B.Gafurov (Tajikistan, Khujand)
E-MAIL: sameev_51@mail.ru*

Ключевые слова: теория, гипотеза, система, факт, познание, исследование

Считается, что в теоретическом познании ключевую роль играет факт, и разные исследователи предлагают разное видение факта. Однако главной задачей в исследовании факта является выяснение соотношения факта и теории. В таком ракурсе ставится проблема соотношения гипотезы и теории, теории и системы и факта и системы. Отмечаются позиции фактологов и теоретиков в понимании сути соотношения факта и теории, которые превозносят одну из этих сторон, а также обратное соотношение. Однако структурный подход, когда выделяют структурные свойства факта, также имеет свои недостатки. Необходимость понимания факта как системы предполагает использование системного подхода к познанию факта, что позволяет преодолеть недостатки каждого из упомянутых подходов к пониманию факта в научном познании.

Калидвожаҳо: назария, фарзия, низом, далел, маърифат, тадқиқот

Чунин маҳсуб мешавад, ки дар маърифати назарӣ далел нақши калидиро мебозад. Муҳаққиқони мухталиф шарҳҳои гуногуни далелро пешниҳод кардаанд. Дар таҳқиқи далел муайян кардани таносуби далелу назария вазифаи аввалиндараҷа ба ҳисоб меравад. Аз ин дид масъалаи таносуби фарзия ва назария, назария ва низом, далел ва низом ба мадди аввал мебарояд.

Таълимотҳои далелиносон ва назарӣтчиён дар фаҳмиши муносибати мутақобилаи далел бо назария нишон дода шудааст, ки дар он бартарияти яке аз ин тарафҳо ва гоҳо баръакс инъикос мегардад. Аммо муносибати структуравӣ, ки дар он пеш аз ҳама хосиятҳои сохтори далелро ҷудо мекунад, низ аз камбудӣ ҳолӣ нест. Зарурати фаҳмиши далел ҳамчун низом муносибати системанокро ба маърифати далел пешбинӣ мекунад, ки ба рафъи норасоӣҳои ҳар як аз муносибатҳои мазкурро ба фаҳмиши факт дар маърифати илмӣ имкон медиҳад.

Key words: *theory, hypothesis, system, fact, cognition, exploration*

The author considers that it is a fact which plays a key role in theoretical cognition and different researchers propose diverse visions of the fact. However, the principal goal in so far as an exploration of a fact is concerned, is an ascertainment of correlation between fact and theory. The problem of correlation between hypothesis and theory, theory and system, fact and system is moved just in this mode. There are marked the positions of factologists and theoreticians in understanding the essence of correlation between fact and theory; both these and those ones put higher one of the aspects in question; reversed correlation being taken into account too. However, structural approach when structural properties of the fact are singled out also has the drawbacks of its own. The necessity of comprehension of a fact as a system presupposes a use of a systemic approach towards a cognition of a fact that affords to overcome the drawbacks of each of the mentioned approaches aimed at understanding the fact in scientific cognition.

Источник системного познания представляет собой будущее раскрытие и обогащение таких диалектических принципов, как всеобщая связь и взаимодействие, развитие. Подбор общих закономерностей развития систем отображает действие методологии познания и преобразование любых систем. В последнее время в научном мире много внимания уделяется проблеме факта в науке. Одним из таких вопросов является вопрос о месте научного факта в структуре теории. Интерес к нему объясняется имеющейся в современной науке тенденцией к постоянному усилению потенциала теоретического познания, углубления содержания ранее обнаруженных фактов и формирования представлений о новых, ранее не известных фактах. Реализация этой тенденции, обусловленной повышением уровня подготовки исследователей и обогащением используемых ими средств и методов познания, требует постоянного совершенствования философских представлений о факте как важнейшей категории теории познания. Причем эти представления, по мнению философов, до тех пор, пока развивается наука, будут оставаться существенно не завершенными [7, с.179].

На основании вышеизложенного представляется целесообразным проанализировать проблему роли и значения фактов в структуре теории. Следует заметить, что изучение проблемы научного факта имеет давнюю традицию, импульс к развитию которой дали представители позитивизма и неопозитивизма Л. Флек, К. Поппер, Т. Кун, П. Фейерабенд и др. В российской философской литературе наиболее обстоятельно исследование проблемы факта отражено в работах А.И. Ракитова, И.Г. Герасимова, Л. С. Мерзон, В.А. Штоффа, А.Ф. Зотова, С.Ф. Мартыновича, А.Л. Никифорова, А.Н. Кочергина, Г.И. Рузавина, Г.Д. Левина и других. По мнению некоторых исследователей проблемы факта, в философской литературе при истолковании значения фактов наметились две точки зрения, которые они называют «фактуализмом» и «теоретизмом» [10, с. 151; 9, с. 44–45; 15, с. 170–172]. Согласно представителям первой точки зрения, научные факты лежат вне теории и не зависят от нее. Согласно второй точке зрения, научные факты находятся внутри теории и определяют её [10, с.151]. Как отмечает А.Н. Кочергин, «...сторонники фактуализма абсолютизируют автономность факта, резко противопоставляют факт и теорию. Это приводит, в частности, к инвариантности фактов и языка наблюдения по отношению к сменяющимся теориям, а также к примитивному кумулятивизму в понимании научного знания – к представлению о том, что установленные факты не могут исчезнуть или измениться, они могут лишь накапливаться, и что на ценность и смысл фактов не влияет

время их хранения. Это ведет к пренебрежительной оценке роли теории... В фактуалистском истолковании факты поглощают теорию. Фактуализм отводит теории и ученому довольно пассивную роль. В данном случае факты и их комбинации существуют до процесса познания, и задача познающего субъекта заключается в их консервации» [9, с.44]. Что касается представителей теоретизма, к которым относят Т. Куна, П. Фейерабенда, от они в противоположность фактуализму подчеркивают тесную связь фактов с теорией и полагают, что связь и зависимость фактов от теории так велика, что каждая из них создает свои специфические факты. По мнению А.Н. Кочергина, «...это приводит теоретизм к признанию несоизмеримости конкурирующих теорий и к антикумулятивному пониманию научного познания» [9, с. 45].

Можно согласиться с мнением А.Л. Никифорова и А.Н. Кочергина [15, с. 154; 9, с. 46–47] о том, что абсолютизация точек зрения сторонников фактуализма и теоретизма неоправдана и необходимо признать, что, хотя факты могут иметь относительную самостоятельность по отношению к теории, но в то же время именно появление новых фактов, не находящихся в ней пояснения, в состоянии поставить вопрос о необходимости ее совершенствования или замены на новую теорию. Это означает, что факты и строящиеся на их основе теории находятся в тесной связи.

Думается, что дальнейший прогресс представлений об отношениях фактов и теории требует не полного игнорирования точек зрения фактуализма и теоретизма, а использования наиболее ценного в их содержании для образования новых представлений о связи фактов и теории, соответствующих потребностям науки. Размышляя о значении понятия «факт», ученые и философы обращают внимание на его многозначность. Они отмечают, что это понятие обозначает истину, явление, событие, результат отношения к нему, выраженного в истинных суждениях или предположениях [5, с. 304–305; 16, с. 299; 12, с. 139; 17, с. 681; 11, с. 157; 6, с. 255; 15, с.170]. Понятие «научный факт» отличается от понятия «факт» на уровне обыденного сознания тем, что представляет собой научную конструкцию, полученную как следствие деятельности исследователя, опирающегося на определенные методы. Факт отражает нечто, существующее в действительности и познании. А.Ф. Зотов считает, «научный факт есть не что иное, как выявленные с помощью теории и зафиксированные при помощи наблюдения и эксперимента характеристики объективной действительности» [5, с.75]. По утверждению А.Л. Никифорова, «научный факт включает в себя три компонента – лингвистический, перцептивный и материально-практический, каждый из которых в равной степени необходим для существования факта» [15, с.161]. Причем, с его обоснованной точки зрения, «...три компонента теснейшим образом связаны между собой, и их разделение приводит к разрушению факта. Когда методологи выделяют одну из сторон факта, к примеру чувственное восприятие или предложение, и рассматривают ее саму по себе, они разрывают ее связи с другими сторонами факта и, вследствие этого, обедняют и искажают рассматриваемую сторону» [15, с.161]. С.А. Лебедев предлагает рассматривать научный факт как некую эмпирическую реальность, отображенную информационными свойствами, в гносеологической структуре которой можно выделить четыре слоя:

- 1) объективную составляющую (реальные процессы бытия, отношения, свойства и т.п.);
- 2) информационную составляющую, т.е. информационных посредников, обеспечивающих передачу информации от источника к приемнику – средству фиксации фактов;

3) практическую детерминацию факта (обусловленность факта существующими в данную эпоху качественными и количественными возможностями для наблюдения, измерения, эксперимента);

4) когнитивную детерминацию факта (зависимость способа фиксации и интерпретации фактов от системы исходных абстракций теории, теоретических схем, психологических, социокультурных установок и т.п.) [11, с. 255].

Объяснимо, что выделенные слои не могут не находиться во взаимных отношениях и предметное своеобразие этих слоев придает фактам специфический характер. Е.П. Никитин делит факты на индивидуальные и обобщенные. Индивидуальными считаются «такие факты, которые отражают индивидуальные объекты» [14, с.113], а обобщенные факты отображают «некоторую конечную группу индивидуальных объектов» [14, с. 115]. Е.П. Никитин предлагает делить обобщенные факты в зависимости от способа обобщения на две категории – индуктивно обобщенные факты и статистические факты [там же, с. 115]. С его точки зрения, формируя фактологические объяснения, факты можно подразделить на утвердительные отрицательные [там же, с.117]. Научные факты можно также раскладывать по их принадлежности к формам движения материи. В этом плане среди них можно выделить факты механической, физической, химической, биологической и социальной форм движения материи. Факты, совпадающие к каждой из вышеуказанных форм движения материи, дают повод для деления научных дисциплин. Другими словами, факты можно разделить на исследуемые в рамках отдельных наук, изучающих ту или иную форму движения материи. Ученые отмечают существенное различие между фактами естественных наук и историческими фактами. А.Я. Гуревич писал: «Факты истории – нечто совершенно иное, нежели факты естественных наук, ибо исторические факты не наблюдаемы непосредственно, не воспроизводимы с помощью эксперимента, не поддаются проверке» [4, с.74]. Такое отличие между фактами может существовать и в рамках наук, отражающих социальную форму движения материи. К примеру, ученым приходится различать факты экономического, политического, юридического, антропологического, этнографического, психологического, философского, социологического, этического, эстетического и иного характера. Отличительной чертой этих фактов является то, что при их изучении они в особой мере подвержены воздействию методологических, ценностных, идеологических, социально-психологических и этических предпочтений теоретика. Это приводит к тому, что сущность фактов в состоянии деформироваться, подтасовываться, и теоретические конструкции, основывающиеся на них, могут превращаться в далекие от отражаемых реалий. Л.С. Мерзон предлагает различать факты науки в зависимости от специфики отражаемых явлений, от способов их фиксирования (факты наблюдения и экспериментальные факты), от форм описания (качественные и количественные факты, факты-события и факты-ситуации), от характера и степени обобщенности (единичные и общие факты), от степени значимости [13, с.79–83]. Думается, безошибочен её вывод о необходимости учета того, что разные типы фактов характеризуются разным характером их установления и обоснования и что развитие науки означает создание условий для расширения возможностей для их более адекватного установления и использования [13, с. 83–84]. Научные факты можно также рассматривать в онтологическом, гносеологическом и аксиологическом порядке. Рассмотрение научных фактов в онтологическом порядке предоставляет возможность установить, какие объекты, события, процессы, явления бытия в них фиксируются. Гносеологический порядок рассмотрения фактов позволяет раскрыть характер их установления и степень их достоверности. Аксиологический порядок

отношения к фактам предусматривает их оценку с точки зрения экономической науки, политологии, правоведения, этики, эстетики и т.д.

Научное познание опирается на выявление, анализ, накопление фактов. Эти факты выступают идеализациями, замещающими реальные объекты и их отношения. Научные факты выступают как форма отражения предмета, в свою очередь ученые их настойчиво и целенаправленно добывают. Это делается путем анализа и обобщения известных им данных об исследуемой области действительности, воспринятых от других исследователей, изучавших данную область до них. Специфика фактов науки, по мнению исследователей, заключается в следующем:

- а) в них отражаются явления действительности;
- б) они могут быть правильно истолкованы лишь в рамках теоретического познания;
- в) без их анализа и синтеза не могут быть созданы гипотезы, открыты законы и теории;
- г) проверка научных гипотез и теорий основывается на основе установления, сопоставления, изучения и оценки фактов [12, с.108].

По смыслу процесс возникновения научного факта может иметь несколько ступеней. Первую ступень можно связать с появлением научной проблемы на базе познавательного отношения к объекту исследования в рамках определенной предметной области. На этой стадии формируются первичные представления об объекте исследования и формулируются вопросы, ответы на которые важны для исследователя. Второй этап связан с выбором средств, с помощью которых можно получить ответы на поставленные вопросы. Третий этап соответствует периоду поисков ответов на эти вопросы путем наблюдения, дедукции, индукции, экспериментирования, моделирования и т.п. Четвертый этап соответствует процедурам анализа, объяснения и проверки данных, полученных в ходе попыток найти ответы на поставленные вопросы. Пятый этап связан с синтезом сведений, полученных в ходе предметного исследования изучаемого объекта, и их оформлением в определенную систему, выступающую в качестве научного факта.

Существенной особенностью факта является то, что он имеет ситуативный характер, так как, подобно фотографии, фиксирует конкретное состояние объекта. Составление сведений о динамике развития объекта требует осведомленности о множестве фактов, которые в состоянии изменяться во времени как вследствие изменения самого отражаемого в факте объекта, так и в силу изменения его содержания вследствие изменения средств изучения объекта. Иными словами, факты, составляющие последовательную цепь и фиксирующие динамику развития объекта во времени, в состоянии менять свое содержание не только из-за изменения самого объекта во времени, но и по причине углубления предметного изучения вследствие появления новых вопросов, и получения ответов на них, обогащающих предметное видение, а также вследствие создания и применения новых, более эффективных средств изучения объекта.

Специфика возникающих в современной науке фактов заключается в том, что они часто открываются посредством не известных ранее средств и методов. При их установлении используется, например, более сложная и продуктивная экспериментальная аппаратура, более богатое своими возможностями математическое моделирование. Это приводит к тому, что в фактах науки отражаются такие грани изучаемых объектов, о которых ранее не было известно. Научные факты при этом становятся более сложными и по содержанию, и по характеру фиксации и обработки. Они инициируют постановку новых многообещающих проблем, исследование которых приводит к открытию новых

законов, что в состоянии развивать старые теории и вызывать к жизни поиски, иногда венчающиеся созданием новых теорий. Научные факты не только лежат в основе формирования гипотез и теорий, но и играют огромную роль в их проверке, подтверждении или опровержении. Расхождение последних с фактами рассматривается как их весьма важный недостаток, хотя считается, что если они противоречат отдельным фактам, то вполне возможно устранение этого противоречия в ходе развития гипотез и теорий или совершенствования средств их проверки. [16, с. 681]. Нужно отметить, что если с достоверностью устанавливается несоответствие теории фактам, то гипотеза или теория отвергаются.

Система фактов предметной области научной теории как система идеализаций выступает в форме последовательной модели. Поскольку система идеализаций может страдать ограниченностью как вследствие неполноты описания отдельных фактов, так и по причине отсутствия полноты представлений обо всей сумме фактов, постольку и теория, формирующаяся на ее основе, характеризуется неполнотой и, значит, таит в себе возможность для дальнейшего развития по мере обнаружения новых фактов.

Однако не только факты в состоянии влиять на содержание теории, но и теория может влиять на содержание фактов, задавая значение терминов, она может опосредовать смысл фактуальных предложений. Усвоенная субъектом концептуальная схема теории, базирующаяся на синтезе фактов, предлагает ему способы отношения к действительности и опосредует ее восприятие, придавая ему специфику. Это означает, что содержательная загруженность фактов теории определяет характер ее восприятия адресатом. Такая загруженность фактов обуславливается не только результатами исследования некоторой области действительности, но и влиянием значения теории, их включающей, а также опосредуется их погруженностью в контекст теоретизирования, свойственный определенной науке, и в контекст времени и места ее существования. Последнее обстоятельство означает, что теоретическая загруженность фактов и их связь с теорией зависят от стиля научного мышления. На последнее обстоятельство обращал особое внимание один из первых разработчиков проблемы научного факта Л. Флек в книге «Возникновение и развитие научного факта» (1935). Размышляя о формировании фактов, нельзя отрицать значения в их установлении творческих потенций исследователей. Ибо их усилиями формируются представления о фактах, и на их основе создаются теории. Таким образом, научные факты как материал, из которого создается теория, при своем формировании, проверке и использовании испытывают влияние многих детерминантов.

Факты как компоненты теории могут быть теоретически недогруженными и перегруженными, жестко или не жестко упорядоченными, гармонически связанными, альтернативными и даже конфликтующими между собой. В развитии теории факты обладают относительной самостоятельностью. Это обстоятельство дает почву для противопоставления некоторыми философами фактов теории и теории фактам. Противоречие теории и факта говорит о том, что она нуждается в пересмотре. Противоречие же фактов теории, с одной стороны, - сигнал о том, что они нуждаются в дополнительной проверке, а с другой стороны, - признак того, что, возможно, не все благополучно с теорией. Понимая проблему взаимосвязи фактов и теорий, нужно принять во внимание высказывание классика философии науки А.Н. Уайтхеда о том, что «...теории строятся на фактах, и наоборот, сообщения, опирающиеся на факты, работают только благодаря теоретической интерпретации» [19, с. 38].

Ссылаясь на названную выше проблему, нужно учесть вывод Г.Х. фон Вригта, который утверждал: «Построение теории служит двум главным целям. Одна состоит в предсказании событий или в предсказании результатов экспериментов и, таким образом, в предвосхищении новых фактов. Другая заключается в том, чтобы объяснить или сделать понятными уже известные факты» [2, с. 41]. Он также отмечал: «...открытие и описание фактов не всегда концептуально отделимо от теории, которая часто способствует пониманию этих фактов» [там же, с. 411].

Теории базируются, как правило, на строго отобранных старых и новых фактах. Последние бывают простыми и сложными. Сложные факты, представляющие собой их сумму, иногда выражают установленные исследователем законы и теории развития, функционирования и преобразования изучаемого объекта. Между фактами и законами, в том числе и теориями, нет непроходимой грани, потому что в фактах, как и в законах и теориях, выражается нормативный образ отношения исследователя к объекту исследования как субъекта, и нормативно зафиксированные средствами науки характеристики существования и изменения познаваемого объекта.

Рассматривая взаимосвязь фактов и теории, нужно обратить внимание на то, что теория имеет сложную систему, состоящую из разных подсистем фактов. Эти системы представлены следующими подсистемами фактов:

- 1) составляющих эмпирические основания теории;
- 2) представляющих социальную основу теории в виде экономических, социологических, психологических, правовых, исторических, философских (онтологических, гносеологических) знаний, в качестве методологических, социально-философских, этических подходов, иницирующих ее создание и опосредующих пути ее формирования и способы применения;
- 3) выступающих в качестве теоретического базиса теории (главные идеи, принципы, аксиомы, формулы, законы и т.п.);
- 4) составляющих логический аппарат теории (правила определения понятий, правила вывода положений, правила их объяснения и доказательства);
- 5) представленных совокупностью включенных в нее доказанных положений, составляющих ее основу;
- 6) составляющих систему знаний о проверке правильности ее выражения;
- 7) предоставляющих сведения о ее применении;
- 8) заключающих знания о проверке правильности ее применения.

Сложная система фактов, представленная названными системами фактов теории, может быть названа ее фактуальной структурой. Каждая подсистема фактов в рамках предметной области теории вступает в сложное взаимодействие, в ходе которого усилиями ученых формируются и преобразуются теории. В процессе теоретизирования факты концептуально выстраиваются в виде иерархической системы, в которой каждой подсистеме фактов отводится определенная роль. Изучение взаимообусловленности таких ролей, их реализации и взаимодействия выступает актуальной задачей, решение которой требует значительных усилий исследователей. Выгодность такой работы состоит в том, что она помогает более глубоко понять природу теории и позволяет выявить механизмы ее концептуального оформления, представления и реализации. Возможно, что предлагаемый подход к рассмотрению связи фактов и теории ценен в том отношении, что его последовательная реализация в состоянии значительно обогатить наше знание о связи фактов и теории и о назначении фактов и теории в целом.

Думая о взаимосвязи фактов и теории, необходимо иметь в виду еще одно значительное обстоятельство. Оно состоит в том, что каждая из подсистем фактуальной структуры теории обладает специфической нормативной загруженностью. Такая загруженность, будучи выявленной, открывает возможность для представления теории в виде нормативной системы, следование требованиям которой позволяет описывать, объяснять, предсказывать определенные события, а также добиваться желаемых результатов в практической деятельности. Данное обстоятельство означает, что знание о нормативном содержании фактов в структуре теории в состоянии обогатить представления о механизмах ее формирования и практического применения. Так, например, М. Планк отмечал: «Мировоззрение совершенно повиснет в воздухе и легко может быть разрушено, если оно не основано на твердой почве действительности, а поэтому каждый, кто хочет выработать свое научное мировоззрение, должен сначала овладеть данной областью фактов... Необходимо упорнее требовать, чтобы человек, по крайней мере, в одной области, чувствовал себя свободно и имел самостоятельное мнение о вещах» [17, С. 598].

Практическая целесообразность любого начинания, любой работы - один из важнейших методологических принципов, считает А.Н. Аверьянов [1, с. 22]. Французский просветитель Э.Б. де Кондильяк писал: «Всякая система есть не что иное, как расположение различных частей какого-нибудь искусства или науки в известном порядке, в котором они все взаимно поддерживают друг друга и в котором последние части объясняются [8, с. 6]. Относительно этого в работе «Всеобщая естественная история и теория неба» Э. Кант под понятием «система» подразумевает следующее: «Под системой же,- писал он,- я разумею единство многообразных знаний, объединенных одной идеей» [6, т. 3, с. 680]. Эта лаконичная дефиниция на редкость содержательна, ибо включает в себя основные характеристики системы вообще. В определении системы, данном Э.Б. Кондильяком, фиксируются положительные особенности системы (такие как порядок, взаимообусловленность), в дефиниции Э. Канта отражено противоречие, а следовательно, движение и развитие. Это основной момент, раскрывающий диалектическую суть понятия «система» [1, с. 34].

Доскональное диалектическое понимание понятия «система» можно увидеть в объективно - идеалистической философии Г.Ф. Гегеля [3, т. 9, с. 32]. Нужно отметить, что категория «система» не была объектом исследования Гегеля, но всякий предмет исследования выступает у него как саморазвивающаяся система, которая представляет собой только момент в развитии идеи. «Идея,- пишет Гегель, - как конкретная в себе и развивающаяся, есть, таким образом, органическая система, целостность, содержащая в себе множество ступеней и моментов» [там же].

В настоящий момент весь ученый мир рассматривает свою область деятельности как систему и анализирует ее с помощью системных методов. Система, являясь объектом, вещью и знанием, в то же время выступает как нечто сложное, взаимосвязанное, находящееся в самодвижении. В системе отражается противоречивое единство многого и единого. Все системы имеют общие свойства, не зависящие от их природы. Можно прийти к выводу, что система – это отграниченное множество взаимодействующих элементов. В процессе познания первым его этапом является анализ, выделение элементов системы, которые затем уже мысленно воссоединяются, интегрируются в единую систему. Следовательно, рассмотрение диалектики возникновения системы естественно начать с рассмотрения оттапливания, которое представляет собой «саморасщепление «одного» [3, т. 1, с. 242], «порождение (многих) одних» [там же, с. 236].

По мнению Б.М. Кедрова, элементарная система, являющаяся началом, носителем одной формы движения, есть форма движения [7, с. 296]. Например, человек как система – это одновременно и элемент социальной формы движения, и завершающая система биологической формы движения. Нужно отметить, что завершающая система одной формы движения становится элементарной для другой формы движения не сама по себе. Что же происходит с системами, завершающими ту или иную форму движения? Факты говорят о том, что начинается их количественный рост. Поэтому следует отметить, что факт также имеет системную характеристику, и без системного подхода к факту его исследование оказывается односторонним. Основную роль в организации и проведении исследования играет система фактов, которая определяется как целостная совокупность фактов, связанных между собой объективными закономерностями объекта исследования. Система фактов дает объяснение тому или иному явлению, помогает найти решение проблемы и построить научную концепцию.

Список использованной литературы:

1. Аверьянов А.Н. Системное познание мира. 1985.- 263 с.
2. Вригт Г.Х., фон. Логико-философские исследования/Общ. ред. Г.А. Рузавина, В.А. Смирнова. - М.: Прогресс, 1986. – 593 с.
3. Гегель, Г.Ф. Сочинения. - М., 1932, т. 1. 236-242 т.9. С. 32.
4. Гуревич А. Я. Что такое исторический факт?// Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. - М.: Наука, 1969. - С. 59–88.
5. Зотов А.Ф. Структура научного мышления. - М.: Политиздат, 1973. – 182 с.
6. Кант И. Сочинения. В 6-ти т. - М., 1964. т.3.с. 680-682
7. Кедров Б.М. Взаимосвязь форм движения материи и их классификация. – /Пространство, время, движение. - М., 1971. -С. 284-322.
8. Кондильяк, Э.Б. де. Сочинения. В 3-х т.- М., 1982. с. 6-7.
9. Кочергин А.Н. Научное познание: формы, методы, подходы. - М.: Изд-во МГУ, 1991. -79 с.
10. Коэн М., Нагель Э. Введение в логику и научный метод. - Челябинск: Социум, 2010. - 655с.
11. Лебедев С.А. Философия науки. Словарь основных терминов.-М.: Академический проект, 2006. с. 157-255.
12. Мартынович С.Ф. Факт науки и его детерминация (философско-методологический аспект). - Саратов: Изд-во Саратов.ун-та, 1983. с. 108-139.
13. Мерзон Л. С. Проблемы научного факта: Курс лекций. - Л., 1972. с. 79-83.
14. Никитин Е.П. Объяснение – функция науки.- М.: Наука, 1970. с. 113-117
15. Никифоров А.Л. Научный факт и научная теория //Творческая природа научного познания / Отв. ред. Д.П. Горский.- М., 1984.- с.150–172.
16. Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 4. - М.: Мысль, 2010. с.299.
17. Планк. М. Избранные труды. - М., 1975. с.598-681.
18. Ракитов А.И. Курс лекций по логике науки.- М.: ВШ, 1971. – 176 с.
19. Уайтхед А.Н. Приключения идей.- М.: ИФРАН, 2009. – 383 с.

Reference Literature:

1. Averyanov A.N. Systemic Cognition of the World. 1985. – 263 pp.

2. Vriegt G.H., von. *Logico-Philosophical Researches* // General editorship: G.A. Ruzavina, V.A. Smirnova. – M.: Progress, 1986. – 593 pp.
3. Gegel G.F. *Compositions*. – M., 1932, V.1. – pp. 236 – 242; V.9. – p. 32.
4. Gurevich A.Ya. *What Is the Historic Fact?* // *Source Study. Theoretical and Methodical Problems*. – M.: Science, 1969. – pp. 59 – 88.
5. Zotov A.F. *The Structure of Scientific Thinking*. – M.: Politizdat, 1973. – 182 pp.
6. Kant I. *Compositions. In 6 Volumes*. – M., 1964, V.3. – pp. 680 – 682.
7. Kedrov B.M. *Interconnection of Matter Movement Forms and their Classification*. – *Space, Time, Movement*. – M., 1971, - 284 – 322 pp.
8. Condilyak E.B. *de. Compositions. In 3 Volumes*. – M., 1982, - pp. 6 – 7.
9. Kocherghin A.N. *Scientific Cognition: Forms, Methods, Approaches*. – M., MSU publishing-house, 1991. – 79 pp.
10. Koen M., Naghel E. *Introduction into Logic and Scientific Method*. - Chelyanbinsk: Socium, 2010. – 755 pp.
11. Lebedov S.A. *Philosophy of Science. Glossary of Basic Terms*. – M.: Academic Project, 2006. – pp. 157 – 255.
12. Martynovich S.F. *The Fact of Science and its Determination (Philosophic-Methodological Aspect)*. – Saratov. Publishing-house of Saratov University, 1983. – pp. 108 – 139.
13. Merzon L.S. *Problems of Scientific Fact: the Course of Lectures*. L., 1972. – pp. 79 – 83.
14. Nikitin Ye.P. *Explication as a Function of Science*. – M.: Science, 1970. – pp. 113 – 117.
15. Nikiforov A.L. *Scientific Fact and Scientific Theory // Creative Nature of Scientific Cognition* // Editor-in-charge: Gorsky D.P. – M., 1984. – pp. 150 – 172.
16. *The New Philosophic Encyclopedia: in 4 Volumes*. – M.: Thought, 2010. – p.299.
17. Plank M. *Selected Works*. – M., 1975. – pp. 598 – 681.
18. Rakitov A.I. *The Course of Lectures in Logic of Science*. – M.: Higher School, 1971. – 176 pp.
19. Whitehead A.N. *Adventures of Ideas*. – M.: Institute of Philosophy under Russian Academy of Sciences (IPh RAS), 2009, - pp. 38 – 40.

10 00 00 ИЛМҲОИ ФИЛОЛОГИЯ
10 00 00 ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
10 00 00 PHILOLOGICAL SCIENCES

10 01 03 ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ
10 01 03 LITERATURE OF FOREIGN COUNTRIES PEOPLES

УДК 811.21/22
ББК 83(5Т)+63.3

МУРУРЕ БА КУҲАНТАРИН
ТАРҶУМАИ ФОРСИИ
“РАБЕЪ-УЛ-АБРОР”-И
ЗАМАХШАРӢ

Ҳамробоев Насимҷон Абдуллоҷонович,
н.и.филол., докторанти ДДҲ ба номи акад.
Б. Гафуров (Тоҷикистон, Хучанд)

О ДРЕВНЕЙШЕМ ПЕРСИДСКОМ
ПЕРЕВОДЕ КНИГИ «РАБИЪ АЛ-
АБРОР» ЗАМАХШАРИ

Ҳамробоев Насимдҷон Абдуллоҷонович,
к.ф.н., докторант ХГУ им. акад.
Б. Гуфурова (Таджикистан, Худжанд)

**ABOUT THE ANCIENEST PERSIAN
TRANSLATION OF THE BOOK «RABI
AL-ABROR» BY ZAMAKHSHARI**

Hamroboev Nasimjon Abdullojonovich,
candidate of philological sciences, Associate
Professor, doctoral student of KhSU named after
acad. B. Gafurov (Tajikistan, Khudjand)
E-MAIL: knasim@mail.ru

Калидвожаҳо: “Рабеъ-ул-аброр”, Замахшарӣ, тарҷума аз арабӣ ба форсӣ, Сӯфии Самарқандӣ, “Насим-ар-рабеъ”, тарҷумаи таҳтуллафзӣ, нусха ба хати мутарҷим,

Мақола ба таҳқиқи вежагиҳо ва арзишҳои адабии таърихӣ яке аз куҳантарин тарҷумаҳои китоби “Рабеъ-ул-аброр”-и Замахшарӣ, ки дар қарни XIV бо номи “Насим-ар-рабеъ”, аз ҷониби Сӯфии Самарқандӣ тарҷума ва талхис шудааст, бахшида мешавад. Муаллифи мақола аз панҷ нусхаи боқимондаи “Насим-ар-рабеъ”, чор нусхари дарёфт намуда, таҳқиқотиширо беиштар дар асоси куҳантарин нусха, ки мансуб ба хати худи мутарҷим мебошад, аниҷом додааст. Бо хати Сӯфии Самарқандӣ навишта шудани нусхаи мазкур, дар асоси қиёсу муқобалаи хати ду сарчаишмаи ин аҳд ва шираҳои дар матни тарҷума омада, собит ғайтааст. Вежагиҳои забони хусусиятҳои грамматикӣ ва сабқиносиву адабии «Насим-ар-рабеъ»-и Сӯфии Самарқандӣ, аз як сӯ аз арзиши адабии таърихӣ “Рабеъ-ул-аброр” хабар медиҳад ва аз ҷониби дигар, майдони пажӯиширо барои таҳқиқи паҳлӯҳои дигари осори Замахшарӣ ва ҳам Сӯфии Самарқандӣ фарох месозад. “Насим-ар-рабеъ” аз бештарин тарҷумаҳои куҳан ва аз намунаи насри

содаи қарни XIV ба шумор рафта, ахбору ҳикоёт, ақволу ашъор, оёту аҳодис ва масалу мақолҳои он, бозгӯи арзиши адабии тарҷумаи мазкур мебошанд.

Ключевые слова: *«Рабий ал-аброр», Замахшари, перевод с арабского на персидский язык, Суфи Самарканди, «Насим ар-рабий», дословный перевод, рукопись, написанная переводчиком*

Статья посвящена особенностям и литературно-исторической ценности одного из древних переводов «Рабий ал-аброр» Замахшари. Эта работа была переведена Суфи Самарканди в сокращенном виде и издана под названием «Насим ар-рабей». Автор собрал четыре из пяти дошедших до нас рукописей «Насим ар-рабей», а свое исследование проводил на основе самой древней рукописи, которая принадлежит перу самого переводчика. Принадлежность рукописи автору перевода доказана сопоставлением и изучением шрифта двух источников этого периода, а также на основе замечаний и помет переводчика в тексте. Лингвистические и литературные особенности «Насим ар-рабей» Суфи Самарканди указывают, с одной стороны, на историко-филологическое значение «Рабей-ул-аброр» Замахшари, а с другой, открывают широкую возможность для изучения различных сторон творчества Замахшари и Суфи Самарканди. Сделан вывод, что «Насим ар-рабей» является одним из лучших переводов и образцом незатейливой прозы XIV в., а притчи, рассказы, стихи, басни, изречения, поговорки, аяты и хадисы, приведенные в них, являются доказательством литературной ценности данного перевода.

Keywords: *«Rabi al-Abror», Zamakhshari, translation from Persian into Arabic, Persian language Sufi Samarkandi, «Nasim ar-Rabi», word-for-word translation.*

The article dwells on the peculiarities and literary-historic values of one of the ancient translations of «Rabi al-Abror» by Zamakhshari. This work was translated by Sufi Smarkandi in an abridged form and published under the title of «Nasim ar-Rabe». The author collected four out of five extant manuscripts of «Nasim ar-Rabe» and his own research he conducted on the basis of the ancientest manuscript belonging to the pen of the translator himself. The appurtenance of the manuscript to the author of the translation is proved by means of correlation and study of the type face of the two originals belonging to the period in question; hints and notes of the translator found in the text being taken into account as well. The linguistic and literary peculiarities of Sufi Smarkandi's «Nasim ar-Rabe» point, on the one hand, to the historic-philological importance of Zamakhshari's «Rabe`-ul-Abror», and, on the other hand, they open a wide availability for studying diverse aspects of both Zamakhshari's and Sufi Samarkandi's creations. The author comes to the conclusion that «Nasim ar-Rabe» is one of the best translations and paragons of the simple prose of the XIV-th century, and parables, short stories, poems, fables, sayings, ayats and hadiths adduced in them are proofs of literary value of the given translation.

“Рабей-ул-аброр ва нусус-ул-ахёр”-и Чоруллоҳи Замахшарӣ аз зумраи муҳим-тарин асарҳои ахлоқӣ ба забони арабӣ буда, бо арзишҳои адабӣ ва таърихӣ худ дар адабиёти форсу тоҷик ҷойгоҳу мақоми хоса дорад. Арзиш ва аҳамияти “Рабей-ул-аброр”-и Замахшарӣ пеш аз ҳама дар он аст, ки бештари қаҳрамонҳои ҳикоёти ин асар подшоҳону ашхоси эронинаҷод буда, хислатҳои ҳамида ва панду андарзҳои

онон, дар қолаби қиссаву ривоёти таърихӣ, дар матни асар ҷойгир шудаанд. Гузашта аз ин, аксари достону ҳикоёти он сарчашмаи форсӣ дошта, осори гаронқадри форсӣ-тоҷикӣ, аз ҷумла “Худойнома”, “Калила ва Димна”, “Таърихи Табарӣ” ва “Панднома”-ву “Андарзнома”-ҳои шаҳриёру амирони эронитабор аз маохизи асосии “Рабеъ-ул-аброр” шинохта шудаанд. Ҳамзамон китоби «Насим-ар-рабеъ»-и Сӯфии Самарқандӣ чун тарҷумаи “Рабеъ-ул-аброр”-и Замахшарӣ мебошад, аз ин рӯ, вежагиҳои забониву хусусиятҳои грамматикӣ ва сабқшиносиву адабии ин тарҷума, аз як сӯ аз арзиши адабиву таърихии “Рабеъ-ул-аброр” хабар медиҳад ва аз ҷониби дигар, майдони пажӯҳишро барои таҳқиқи паҳлӯҳои дигари осори Ҷоруллоҳи Замахшарӣ ва ҳам Сӯфии Самарқандӣ фароҳ месозад.

Албатта, барои таҳқиқи мӯйшикофонаи тарҷумаи “Рабеъ-ул-аброр” пеш аз ҳама таҳқиқи ҳаёт ва фаъолияти мутарҷим зарур аст, вале мутаассифона роҷеъ ба аҳвол ва осори мутарҷим, аз китобу тазкираҳои мавҷуда, маълумоти кофӣ дастрас карда натавонистем. Аз китобҳои тарҷумаҳолие, ки наздиктар ба ҳамин давр навишта шудааст, китоби “Маҷмаъ-ул-одоб фӣ мӯъҷам-ул-алқоб”-и Ибни Футӣ (723/1323) мебошад. Дар талхиси ин асар, танҳо аз як ҷилди он бо таҳаллус “Сӯфӣ” (1, ҷ.4/3, 28, 36, 44...) исми бист нафар адибону орифон ва шоирону забоншиносон ҷудо гардид, ки ҷаҳордаҳ нафари онҳо, дар воқеъ сӯфӣ буда, ин унвон дар он даврон низ нишонаи марому маслаки аҳли тасаввуф будааст. Инчунин аз муҳаққиқони муосир аввалин бор Саид Нафисӣ дар китоби “Таърихи назму наср дар забони форсӣ” аз Сӯфии Самарқандӣ ёдовар шуда, ўро чунин муаррифӣ мекунад: “Муҳаммад ибни Аҳмад ибни Муҳаммад Сӯфии Самарқандӣ сокини Шероз аз донишмандони қарни ҳаштум буда, аз аҳволаш ҷуз ин иттилое нест, ки китоби маъруфи “Рабеъ-ул-аброр”-и Замахшариро дар Шероз ба номи Шоҳ Шучоъ Оли Музаффар ба форсии фасех тарҷума кардааст” (2, ҷ.1, 197).

Аз ин ҷо, перомуни ҳолномаи Сӯфии Самарқандӣ танҳо соҳиби муқаддимаи «Насим-ар-рабеъ», яъне ҳуди мутарҷим, маълумоти ночизе бар мо боқӣ гузоштааст. Мутарҷим дар ҷор маврид дар матни китоб, яъне дар ду мавзъе қомилан номи худро баён мекунад ва дар ду ҷои дигар бидуни зикри номи ҷаддаш аз худ хабар медиҳад. Дар мавриди аввал чунин ишора мекунад: “Ва мутарҷими китоб – Муҳаммад ибни Аҳмад ас-Самарқандӣ ас-Сӯфӣ, раҳматуллоҳи алайҳ, соле, ки шарафи Каъбаи муаззама ёфта буд, дар ин сурат аз аҳли дил савол кард...” (3, 29).

Дар мавриди дигар, ба тасреҳи ҳуди мутарҷим, асли ӯ аз Самарқанд буда, дар Шероз ба дунё омадааст ва дар муқаддимаи нусхаи Алигарҳи Ҳинд, ки аз ҷониби Некрӯз ибни Хизршоҳ китобат шудааст, ном ва мавлуди мутарҷим чунин зикр гаштааст: “Ин ҳоксори ақалли ибодиллоҳи-л-ғанӣ Муҳаммад ибни Аҳмад ибни Муҳаммад ас-Сӯфӣ ас-Самарқандӣ маҳтидан ва-ш-широзийан мавлидан тобаллоҳу алайҳи ва разақаҳу мо йатаманноҳу...” (4, с.12). Аз ин иқтибос бармеояд, ки дебоҷаҳои нусхаҳои боқимонда дорои тағйиру иловаҳо буда, ба иллати илова шудани муқаддамаҳои қотибон дар нусхаҳои ғайри нусхаи хати мутарҷим, тафовутҳо ба назар мерасанд.

Гумном мондани мутарҷим ва ихтиёр кардани унвони “сӯфӣ” низ аз мақому рӯҳияи сӯфиёнааш, яъне аз шӯҳратгурезию нопадид мондани ӯ дар миёни халқ, хабар медиҳад, ки ин майлу хоҳиши ӯ дар муаррифиномаи фурутанонааш чунин қайд

гаштааст: “Азизи соҳибтамит... ба ин Сӯфии реза, ки ло исма лаху ва ло расма ва ло кадра лаху ва ло кидр ва ло таҳал биводайҳӣ ва ло сидр овард ва гуфт...”(3,3;5,31).

Аз «Насим-ар-рабеъ»-и Сӯфии Самарқандӣ, то имрӯз панҷ нусхаи комил ва ду нусхаи мунтахабу талхисшуда ба даст омадааст. Нусхаи якум соли 781/1379, ки аз ҷониби худи мутарчим, яъне ба хати ӯ китобат шудааст, ин нусха қадимтарин нусха ба шумор рафта, ҳамроҳи маҷмӯи китобҳои Ҳочӣ Салимоғо дар китобхонаи бузурги Сулаймонияи шаҳри Истанбул, таҳти рақами 902 ниғаҳдорӣ мешавад(3). Хушбахтона ин нусха имрӯз дар дасти мо мавҷуд аст ва мавриди тасхех қарор гирифта истодааст, ки умедворем мунтахабе аз он ба наздикӣ ба дасти чоп хоҳад расид.

Ноғуфта намонад, ки “Баёзи Точиддин Аҳмади вазир”(6) санаде мебошад, ки ба хати худи мутарчим китобат шудани нусхаи мазкурро таъйид месозад, Аз қавли Алии Навидӣ, ки вежагиҳои китобати котибони “Баёзи Точиддин Аҳмади вазир”-ро ба қалами таҳқиқ кашидааст, бармеояд, ки худуди солҳои 780-782/1378-1380 дар Шероз Точиддин Аҳмади вазир донишмандони муосири худро ба навиштани матолибе гуногунмавзӯ, бар китоби мустақил ё худ “Баёз” даъват менамояд. Даъвати Точиддини вазирро аксари олимони давр иҷобат карда, зиёда аз 70 нафар донишмандон, бо хати худ матолиберо дар он китобат менамоянд, ки дар натиҷа, он маҷмӯа бо номи “Баёзи Точиддин Аҳмади вазир” шӯҳрат пайдо мекунад (7, с. 361-364). Аз ҷумлаи донишмандоне, ки бо китобати худ дар таълифи “Баёз” саҳм гузоштаанд, мутарчими китоби “Рабеъ-ул-аброр” – Муҳаммад ибни Аҳмади Сӯфии Самарқандӣ мебошад. Тарзи навишти ҳарфҳо, нуқтагузорӣ, умуман тартиби ниғориши ҳур ду асар якнавъ буда, намунаҳои хаттии дар “Баёз” омада ва ҳам “Насим-ар-рабеъ” якхелаанд, ин умумиятҳо гувоҳи онанд, ки ин ду асар бо хатти Сӯфии Самарқандӣ навишта шудааст.

Таърихи китобати нусхаи дуюм соли 868/1463 буда, таҳти рақами 1468, дар китобхонаи Маҷлиси шӯрои исломӣ ниғаҳдорӣ мешавад, ки бахши тасвирии онро Маҷид Мансурӣ, дар Техрон, соли 1387 нашр намудааст(5).

Нусхаи сеюм, дар китобхонаи марказии Истанбул, таҳти рақами 237 ниғаҳдорӣ мешавад, ки мутаассифона аз таърихи китобат ва котиби он маълумоте дар даст нест (6, с.15).

Нусхаи чоруми бидуни таърих, ки эҳтимолан дар қарни нухуми ҳиҷрӣ китобат шудааст, мавсум ба нусхаи Алигарҳи Ҳинд мебошад, ки таҳти рақами 11/89165526 маҳфуз аст (4).

Нусхаи панҷуми тарҷумаи «Насим-ар-рабеъ», ки соли 917/1511 таърихи китобати он доништа шудааст, дар китобхонаи Мадинаи Мунаввара, бахши китобҳои Ориф Ҳикматбек, таҳти рақами 3739 ниғаҳдорӣ мешавад, ки мутаассифона ин нусхаро дастрас карда натавонистем (6, с.15).

Нусхае, ки талхису мунтахаб шудаанд, яке мавсум ба “Хулосаи Насим-ар-рабеъ”, ки Эътиборхон ном шахс талхискунандаи он шинохта шудааст ва ин нусха дар китобхонаи миллии Эрон, таҳти рақами 9643 маҳфуз мебошад (7, с.362).

Нусхаи дигар “Мунтахабе аз тарҷумаи Рабеъ-ул-аброр” унвон дошта, он дар маҷмӯа ё худ баёзи Ибни Хотун, ки он ҳам дар китобхонаи миллии Эрон, таҳти рақами 5138 ҳифозат мешавад (7, с.362).

Аз муқоисаи ду нусхаи аслӣ, яъне нусхаи хати мутарчим ва нусхаи Алигарҳи Ҳинд ва аз қавли муҳаққиқоне, ки бо нусхаҳои мухталифи ин асар саруқор

гирифтаанд бармеояд, нусхаҳо бо ҳамдигар фарқ дошта, тафовути онҳо бештар дар дебоча ва кам андар кам дар матни асар ба назар мерасанд. Маълум аст, ки котибон бар муқаддима ва мӯхтавои асар така намуда, дар дебоча маълумоти зиёдатиरो илова намудаанд. Дебочаи нусхаҳои дуюм ва чорум, ки китобати он ба қалами Некрӯз ибни Хизршоҳ мансуб аст, бо дебочаи нусхаи хати мутарҷим тафовут дошта, инчунин бархе аз ҳикоят низ дар ин нусхаҳо ҳазф шудаанд (8, с.16).

Муҳаммад ибни Аҳмад сабаби тарҷума шудани китоби «Рабеъ-ул-аброр»-ро чунин баён доштааст, ки: “...ба тарафи сахро рафта будем ва аз ҳар навъ латифае гуфта меомад. Иттифоқан аз китоби «Рабеъ-ул-аброр ва мухтор ул-ахёр”, ки аз мусаннафоти устодалмуҳаққикин қудватул мудаққикин алломатулараб, муассиси мабонии улумуладаб баҳрил маонӣ валбаён, аъҷубатиласр ваззамон аш-Шайх Абилқосим Маҳмуд ибни Умар аз-Замахшарӣ тағаммадаҳуллоҳу би ғуфрониҳи ва анъама алайҳи биризвониҳи, чузве дар остини ин мискин буд, нуқтае чанд аз он изҳор кардам ва шаммае аз он ба машоми ёрон расонидам. Мачмӯъ шефтаи самои он гаштанд ва бар ҳифзи он латоиф шааф намуданд ва чун ба лафзи арабӣ буд, чамъе аз идроки маонии он маҳрум мемонданд ва дар тафтиши латоифи он ҷаҳд менамуданд. Азиси соҳибтамизе, ки ишорати ӯ ҳукм буд ва тоати ӯ ғунм, рӯй ба ин Сӯфии реза, ки ло исма лаҳу ва ло расма ва ло қадра лаҳу ва ло қидр ва ло таҳал биводайҳи ва ло сидр, овард ва гуфт: Агар ин китобро тарҷума кунӣ, то аз ин хон чамъи ихвон бо насиб бошанд ва бар ин бом хосу ом бароянд ва аз ин рабеъ, рафеъ ва вазеъ баҳраманд гарданд, чун адли подшоҳи комгору эътидол ҳавои баҳор ҷаҳонгир шавад. Ин заиф бо қиллати бизоат ва адами иститоат баъд аз истихора истимдоди ҳиммат аз даруни аҳлидилон кардам ва рӯй ба ин амали хатир овардам ва ба тавфиқи Аллоҳ ва юмни тайсира, ончи хулосаи китоб ва нуқоваи абвоб буд, дар силки чамъ кашидам ва номаш “Насим-ар-рабеъ” ниҳодам”(3, с.3).

Роҷеъ ба соли таълиф, ё худ тарҷумаи «Рабеъ-ул-аброр» ҳаминро метавон қайд намуд, ки ба чуз аз нусхаи китобхонаи Сулаймония дар ҳеҷ қадом аз нусхаҳо ба таъриҳи тарҷумаи китоб ишорае нашудааст, ҳатто таъриҳи таҳрири нусхаи Алигарҳи Ҳинд низ мушаххас нест. Танҳо дар нусхаи маҳфуз дар китобхонаи Сулаймонияи Истамбул, ки ба хати ҳуди мутарҷим мансуб аст, таъриҳи итмоми тарҷума соли 781/1379 сабт ёфтааст (3, с. 279).

Нуқтае, ки то андозае соли таълифи китобро мушаххас мекунад, ба Шоҳ Шучоъ тақдим шудани тарҷума аст, зеро Шоҳ Шучоъ ба улум, хоса илми панду ахлоқ ва шеърӯ адаб алоқаи фаровон дошта, ҳуди ӯ дар иншои шеър моҳир будааст (9, қ.3/2, 1089). Забеҳуллоҳи Сафо соли ҳукмронии Чалолуддин Шоҳ Шучоъ ибни Муборизуддин Муҳаммад – подшоҳи маъруфи Оли Музаффарро аз 760/1358 то 786/1384 доништааст (9, қ.3/2, 1089). Аз ин ҷо бармеояд, ки «Насим-ар-рабеъ» дар байни бисту шаш сол, яъне аз 760/1358 то 786/1384 тарҷума шудааст. Гузашта аз ин, аз қавли мутарҷим маълум мегардад, ки тарҷума дар солҳои аввали подшоҳии Шоҳ Шучоъ талхис шудааст, зеро мутарҷим мегӯяд: “ва баъд чун ба фарри салтанат ва зеби маъдалати подшоҳи исломпаноҳ... ас-султон алматеъ алмутоъ Абилфаворис Шоҳ Шучоъ, халладаллоҳу мулкаҳу ва султонаҳу, билоди ислом мачмаи амн ва мақоми ором гашта буд ва халоиқ аз сари фароғболу рифоғи ҳол, ҳар як ба таназзуҳе берун мерафтанд ва аз миёни ҷон дуои давлати он ҳазрат мегуфтанд”(3,3). Яъне, мутарҷим замони омадани Шоҳи мавриди тавсифашро, оғози давраи амн ва суруру хотирҷамъӣ

дониста, ба Шоҳ Шучоъ тақдим кардани китобашро чунин хабар медиҳад: “Ва мачмӯъ он дураи шоҳвор ва зарри бо иёр чихати нисори фарқ ...соҳиби соҳибкирон, осафулахд ваззамон, чомеи маҳосинулфазоил ҳасбан ва насабан, ховии мафохирул-авохир арсан ва муктасибан... Музафаруддавла ваддунё ваддин, чалолулислом вал-муслимин – Амир Салғуршоҳ...бар табаки арз ниҳодам... умедвор, ки то баҳору ҳазон бошад ва «Насим-ар-рабеъ» вазон, давлати абадӣ ва саодати сармадӣ мулозими ин остони вазоратошён бошад”(3,4). Матлаби мазкур танҳо дар нусхаи китобхонаи Сулаймония мавҷуд буда, чун дар муқаддима ва интиҳои китоб таърихи итмоми он қайд шудааст, метавон гуфт, ки ин қадимтарин нусхаи тарҷумаи «Насим-ар-рабеъ» аст ва нусхаҳои дигар дар асоси ин нусха рӯикор омадаанд.

Дар иқтибоси фавқуззикр ибораи “остони вазоратошён” то андозае сабаби ихтилофи баъзе аз муҳаққиқон(ниг.:8,18) гаштааст. Аз қавли Эраҷ Афшор бармеояд, ки шояд Сӯфии Самарқандӣ ин китобро ба яке аз вазирон ё вазирзодагони амир Салғуршоҳ ҳада карда бошад (6,23). Ин масъаларо бештар ду сарчашмаи таърихӣ, яке “Мавоҳиби илоҳӣ”(10), дигаре “Таърихи Оли Музаффар”(11), ки хоса муаллифони ин осор дар бораи ҳаёту рӯзгори Салғуршоҳ хабар додаанд, метавонанд равшан созанд. Дар таърихномаҳои мазкур шахсе бо номи “амир Музафаруддини Салғур”, яке аз фарзандони Хоча Рашидуддин Фазлуллоҳи Ҳамадонӣ (718/1318) ёд шудааст, ки метавон ӯро аз “остони вазоратошён” пиндошт, аммо дар насабномаи Хоча Рашидуддин, ки дар чанд сарчашмаҳо, ҳатто дар навиштаҳои муосири худаш омадааст, фарзанде бо ин ном ба назар намерасад. Аз ин ҷо, ба иттифоқи муҳаққиқон шахси ба ин тарҷума тақдиршуда ҳамон “амир Музафаруддини Салғур” мебошад, зеро дар навиштаи Муинуддини Яздӣ аз “дудмони вазоратпаноҳ”(10,ҷ.1,145) будани амир Музафаруддин ишора рафтааст ва Сӯфии Самарқандӣ онро бо таъбири “остони вазоратошён”(3, с.4) иваз намудааст. Ин гуна монандиҳову умумиятҳо, мисли иваз шудани ибораҳои “остони вазоратошён” ва “дудмони вазоратпаноҳ” байни китоби “Насим-ар-рабеъ” ва “Мавоҳиби илоҳӣ” ба нудрат ба мушоҳида мерасанд, ки табдил шудани ин ду таркибро таъйид месозанд.

Гузашта аз ин, бо алқобу тавсифи зерин: “...носири авлиёуллоҳ, қоҳири аъдоиллоҳил муаййид минас самои бид давлатил боҳира ал-мансур алал аъдои бил иззатил қоҳира возеъи маросимал ғадли вал инсофи ҳодим қавоъидил чаври вал ихчофи... Чалолул ҳаққи вад дин ғавсуз зуъафои вал масокин хавнал баройо ачмаъин ас-Султонул матеъул матоъи Абилфаворис Шоҳ Шучоъ, халладаллоҳу мулкаҳу ва султонаҳу...”(3,4). сутуда шудани ӯ, дол(л) бар он аст, ки ин шахсият аз вазирзодагон набуда, ҳамон “амир Музафаруддини Салғур” мебошад. Ба ҳар ҳол, далели қатъӣ дар даст нест, ки “Музафариддин амир Салғуршоҳ”-ро аз фарзандони Хоча Рашидуддин ё ин ҳар ду ро як шахс ҳисобид.

Аз Сӯфии Самарқандӣ ба ғайр аз «Насим-ар-рабеъ» рисолаи дигар бо номи “Мифтоҳ ун-наъим фӣ одоб ат-таълим”то имрӯз боқӣ монда, ки он баъди соли 782/1380 таълиф ёфтааст(12,12). Дар ин китоб матолиб ё худ фасле аз китоби «Насим-ар-рабеъ» айнан оварда шудааст, ки ин амр қидмати «Насим-ар-рабеъ”-ро аз “Мифтоҳ ун-наъим” таъйид месозад.

Мутаассифона, аз таърихи вафоти Сӯфии Самарқандӣ иттилое дар даст нест, аз дуову дуруд ва эҳтиромӣ ӯ ба халифаҳои чаҳоргона маълум мегардад, ки ӯ намояндаи мазҳаби ҳанафӣ будааст.

Рочеъ ба равиш ва шеваи тарҷумаи асар ҳаминро метавон кайд намуд, ки Сӯфии Самарқандӣ дар тарҷумаи “Рабеъ-ул-аброр”-и Замахшарӣ равиши тарҷумаи таҳтуллафзӣ ё худ тарҷумаи дақиқро ихтиёр намуда, ҳатталимкон кӯшиш намудааст, ки тарҷумааш равону ҳамвор барояд. Аммо мутарчим на ҳама вақт ба ин мақсад расидааст, чун шеваи тарҷума дар саросари асар якнавъ набуда, ӯ ғолибан дар тарҷумаи ҳикаму андарзҳои кӯтоҳ бо тарҷумаи баробари матн кифоят намудааст ва гоҳе, ба таносуби ҳолу мақом, бо абёту масал ва оёту аҳодиси мухталиф тарҷумаро зиннат додааст, ки ин равиш камтар ба назар мерасад. Аз ин ҷо маълум мегардад, ки мутарчим пеш аз ҳама барои ниғаҳдории амонати матн кӯшида, танҳо дар интиҳоби қиссаву ҳикоят бартариятро ба хонанда ва мухотаби хеш гузоштааст.

Гузашта аз ин, мутарчим гоҳо баъзе аз қисматҳои ҳикоятро, бидуни тарҷума ворида матн намуда (3,19,22,23), дар тарҷума сабки хосеро эҷод намудааст. Ҳамчунин дар чанд маврид ашъори арабӣ ва бархе бандҳои арабӣ низ дар «Насим-ар-рабеъ» аз қалами тарҷума берун монда, танҳо бо номи ровӣ ва лафзи “қола” ва монанди он, баргардон шудаанд (3,18,19,44).

Аз ҷумла, матлаби зерин дар боби дуюм, гуфтори панҷуми “Рабеъ-ул-аброр”-и Замахшарӣ чунин омадааст,

بطني أخصمت كما جسمك أنحل الحمد لله لذي: فقال الهلال إلى رمضان من وعشرين سبعة في أعراي نظر (13,ҷ.1,83)

Мутарчим матлабро чунин тарҷума кардааст: “Латифа, арабе назар кард дар бисту шашуми моҳи рамазон ва моҳро дид қавӣ заифгашта. Гуфт: алҳамдулиллоҳи-л-лазӣ анҳала қисмука камо ахмасту батнӣ”. (3,7)

Якум, Сӯфии Самарқандӣ тарҷумаи ин матлабро ба иборои “латифа” оғоз намудааст, гарчанд вожаи “латифа” ё “ҳачв” дар матни аслии вучуд надорад ва ин гуна иловаҳоро метавон дар тарҷума бисёр дарёфт намуд. Дуюм, мутарчим дар ин ҷо матлаби асосиро (“Шукру сипос Худоро, ки лоғар кард қисми туро чунонеки “борик сохтӣ” шиками маро”) тарҷума накардааст, вале дар нусхаи хати мутарчим (3) зери калимаи “анҳалла” иборои “лоғар кард” ва дар зери калимаи “ахмасту” иборои “борик сохтӣ” оварда шудааст, ки мутарчим гӯё вожаҳои нисбатан душворро барои худ тавзеҳ намудааст.

Сеюм, дар матни арабӣ “سبعة وعشرين من رمضان”, яъне “бисту ҳафтуми рамазон” омадааст, вале маълум нест, ки аз кадом сабаб Сӯфии Самарқандӣ ин таърихро “бисту шашуми рамазон” тарҷума кардааст. Сабаби ин амр ду чиз шуда метавонад: якум, шояд нусхаи “Рабеъ-ул-аброр”-и мавриди истифодаи мутарчим дигар бошад, ки дар он ривояти мазкур ба ин шакл омада бошад. Дуюм, мутарчим шояд ба иллати камии вақт, дар тарҷума ба саҳву хатоғӣ роҳ дода бошад.

Чорум, вежагиҳои тарҷумаи таҳтуллафзӣ, аз ҷумла, ноҳамворӣ ва баъзан мубҳам мондани маъно, ҳифз гардидани тартиби калимаҳо ва сохти ҷумла, тавачҷӯҳи бештари мутарчим ба муаллиф ва амонати матн нисбат ба хонанда ба мушоҳида мерасанд, ки дар маҷмӯъ метавон бӯи забони мабдаъро аз тарҷума ҳис намуд.

Мутарчим гоҳе панду андарз, ашъору абёт ва ибороти ҷумлаҳоро ба тарҷума илова намудааст, ки сабаби зебо ва дилпазир шудани матлаб гаштааст. Масалан: “Маъмун гӯяд: агар сифати дунё аз дунё пурсанд худро васф накунад, илло ба шеъре, ки Абунувос гуфта:

Изо имтаҳана-д-дунёо лабиби тақиуфат

Лаҳу ған ғадувви фӣ сиёби сиддиқӣ... (3,4)

Мутарчим дар матн сифати бевафо будани дунёро ёдовар шуда, барои тасдиқи фикраш байти Абунувосро ба ҳукми шоҳид овардааст, ки бидуни тарҷума хонанда наметавонад комилан аз ғоидаи матлаб баҳраёб гардад. Мутарчим худ огоҳ мегардад, ки бидуни тарҷумаи байти арабӣ дарки маъно мушкил аст, аз ин рӯ, дар ҳошия бо овардани тарҷумаи шеър, маъзи ҳикматро ба хонанда ба тариқи зайл манзур менамояд: “Тарҷума:

Марди оқил гар қунад дунёи дунро имтиҳон

Душмане ёбад ба зоҳир дар либоси дӯстон.” (3,4)

Аз 97 боби китоби “Рабеъ-ул-аброр”-и Замахшарӣ мутарчим 82 боби онро бо равиши талхис тарҷума карда, ба китоби «Насим-ар-рабеъ» нақл намудааст. Интиҳоби қиссаву ҳикоят маҳз ба саликаи шахсии мутарчим вобаста буда, аз муқоисаи матни арабӣ ва тарҷумаи он бармеояд, ки агар талхиси матолибро ба назар нагирем, тафовути он бештар дар риоя нашудани пайдарҳамии ҳикоят ба чашм мерасад. Аз ин ҷо, Алии Навидӣ сабаби риоя нашудани пайдарҳамии матолибро усули “интиҳоби даврагӣ” донистааст(8,18). Яъне мутарчим дар аввал аз ҳар боб як ҳикоя интиҳоб ва тарҷума намуда, баъди итмоми бобҳои китоб, давраи дуҷуми интиҳобро оғоз намудааст ва ҳамин тавр “интиҳоби даврагӣ”-и матолиби тарҷумаро таҳия сохтааст, ки ин амр ба андешаи Алии Навидӣ сабаби риоя нашудани пайдарҳамии ҳикояҳо дар тарҷума гардидааст. Аммо сабаби риоя нашудани пайдарҳамии ҳикоят, ба фикри мо, интиҳоби даврагӣ нест ва мутарчим бо ин роҳ ҳикоятро интиҳоб ва тарҷума накардааст, зеро 15 боби боқимонда бобҳои пасихамомада ва бобҳои интиҳоб буда, агар мутарчим дар тарҷумаи ҳикоят тариқи “даврагӣ”-ро интиҳоб менамуд, ҳатман аз ин абвоби мафқудгашта низ матолибро тарҷума мекард.

Гузашта аз ин, сабаби тарҷума нашудани 15 боби интиҳобӣ шояд набудани ғурсати кофӣ бошад, зеро аз нимаи дуҷуми тарҷума сар карда, хати мутарчим андаке дигар шудааст, яъне як навъ саросемагӣ дар навиштор, инчунин очилӣ дар тарзи баёни мақсад низ ба мушоҳида мерасад, ки ин амр ба кам будани ғурсат низ гувоҳ шуда метавонад.

Хусусиятҳо ва ҷанбаҳои адабии «Насим-ар-рабеъ»-ро метавон бо ҷанд нуқта тавзеҳ намуд. Яқум, ҳадафи Сӯфии Самарқандӣ аз тарҷумаи «Рабеъ-ул-аброр», пеш аз ҳама сирф тарҷума, яъне тарҷумаи таҳтуллафзӣ ё худ тарҷумаи дақиқ буда, ҷанбаи адабии матн ва ороствагиву тазйини ҷумлаву матолиби он барои вай ҷандон арзиш надоштааст. Аз ин рӯ, унсурҳо ва ҷанбаҳои адабии ин китоб, ба ғайр аз ашъори форсӣ-тоҷикии ба тарҷума иловашуда, то андозае камтар аст. Ҳамчунин муқаддимаи мутарчим низ аз ин вежагӣ истисно аст, зеро дар ин навъи китобҳо ва тарҷумаву таълифоти ин давр аксаран муқаддимаро то андозае мусаччаъву ороства менавиштанд, лекин матни “Насим-ар-рабеъ” аз ин гуна хусусиятҳо ғоқид аст.

Мутарчим аз байни тамоми санъатҳои адабӣ дар ин китоб танҳо дар ҷанд мавқеъ санъати сачъро истифода намудааст, ки бархе аз онҳо низ ба сабаби тарҷумаи ибороти мусаччаъи «Рабеъ-ул-аброр» мебошад. Ба ҳукми мисол метавон аз матлабҳои зерин ёдовар шуд: “Ахраси (гунги-Ҳ.Н) олим беҳ аз мутақаллими ҷоҳил”(3,152), “Ҳақ таоло мадади мо хоҳад дод ба малоикаи ғизоб(ҷамъ.ғазаб – Н.Ҳ.) ба сурати кабутар дар миёни сихоб (абр-Н.Ҳ)”(3,156), “таҳаммули бори сақил осонтар

аст аз таҳаммули ёри сақил” (3,160), “мангар, ки кӣ мегӯяд, бингар, ки чӣ мегӯяд” (3,249), «ва хулқи бад муфсиди амал аст, чунончи сабр муфсиди асал аст” (3,160), “дар тоат овехта буд ва аз маъсият бигрехта” (3,112).

Ҳамзамон дар китоб чо-чо ташбеҳ ё истиора ба назар мерасад, ки он ҳам ба сабаби тарҷума ё дучори дигаргунӣ ва тағйир шуда ё аз байн рафтааст. Инчунин дар чанд маворид, албатта ба чуз аз муқаддима, тарҷумаи маъноӣ бо истифодаи услуби адабӣ мушоҳида мешавад, аз ҷумла “рӯзи чаҳорум абр бигшуд ва офтоби чаҳонтоб аз уфук рӯй намуд»(3,273), вале ин сабқ дар матн камтар ба дида мерасад.

Арзиши адабии асарро бештар тарҷумаи ашъор ва абёти илҳокии форсӣ дар худ инъикос мекунад, зеро ашъори арабии омада, комилан аз китоби «Рабеъ-ул-аброр»-и Замахшарӣ мебошад. Қисми зиёди ашъори форсии ба ҳукми шохид ё наздик ба тарҷума овардаи мутарҷим аз ғазалиёту қасоид, мавъизаву мусалласот ва “Бӯстон”-у “Гулистон”-и Саъдӣ нақл шудааст. Инчунин дар нусхаи Сулаймония байти зерин:

Хуш бувад гар маҳаки таҷриба ояд ба миён,

То сияҳрӯй шавад, ҳар кӣ дурӯғаш бошад. (3,198;14)

аз Ҳоҷа Ҳофизи Шерозӣ илова шудааст, мавҷудияти ин байт арзиши тарҷумаро як навъ боло мегардонад, зеро китоби “Насим-ар-рабеъ” бо таърихи таълифи худ аз қадимтарин маъхазе ба шумор меравад, ки шеърӣ Ҳоҷа Ҳофиз дар он нақл шудааст.

Алоқамандии Сӯфии Самарқандиро метавон беш аз ҳама ба ашъори Саъдӣ мушоҳида намуд, ҳатто мутарҷим айнӣ ибороти Саъдиро баъзан ба орият гирифта дар баёни фикри худ истифода менамояд. Масалан, Сӯфии Самарқандӣ дар боби чилу дуюми «Насим-ар-рабеъ» мегӯяд: “...Ногоҳ румӣ биёмад ва қассоб биёвард ва хинзирро бихобонид ва корд бар ҳалқаш бимолид ва хун равона гашт...”(3,165) матлаби “корд бар ҳалқаш бимолид”-ро мутарҷим аз абёти “Гулистон”-и Саъдӣ гирифтааст, ки Шайх мегӯяд:

Шунидам гӯсфандеро бузурге,

Раҳонид аз даҳону дастӣ гурге.

Шабонгаҳ корд бар ҳалқаш бимолид,

Равони гӯсфанд аз вай бинолид. (15)

Дар боби бисту чоруми “Насим-ар-рабеъ” мутарҷим бо тағйири чанд калима, сурати нозебо ва қареҳи мухотабашро мазаммат намуда, дар бехтарин сурат мақсади хешро дар қолаби шеърӣ, чунин баён медорад:

Ту аз ҳар дар, ки боз оӣ, бад-ин зиштиву расвоӣ,

Даре бошад, ки аз дӯзах ба рӯйи халқ бикшоӣ. (3,99)

Ин байт низ аз ашъори Шайх Саъдӣ гирифта шуда, дар он бархе иборот, мувофиқи мақсад аз ҷониби мутарҷим иваз шудааст. Шайх Саъдӣ дар матлаи яке аз ғазалҳояш мегӯяд:

Ту аз ҳар дар, ки боз оӣ, бад-ин хубию зебоӣ,

Даре бошад, ки аз ҷаннат ба рӯйи халқ бикшоӣ. (16)

Ҳамчунин дар “Насим-ар-рабеъ” чанд байт аз Анварӣ ва Низомиву Убайди Зоқонӣ, як рубой аз Абӯсаиди Абулхайр, як рубой аз Хайём ва ашъоре аз ҳуди мутарҷими китоб ва чанд абёти дигари лоадрӣ илова шудааст, ки манобеъи онҳоро наёфтем.

Ҷои қайд аст, ки соҳиби абёти ношинохта шояд ҳуди мутарҷим бошад, зеро бештари ин абёт дар ҳошияи саҳифа бо изофаи калимаи “тарҷума” оварда шудааст,

ки ҳатто тавассути барномаҳои электроники имрӯз, ки дорои ҷустуҷӯи пахновар мебошанд, манбаъ ва ғундаи он маълум карда нашуд.

Мутарҷим дар саҳифаи 230-231-и “нусхаи хати мутарҷим” як маснавии ҳудаширо ба матн илова намудааст, ки он дорои бисту як байт буда, аз шоирони мутавассит будани мутарҷим ва аз маҳорати шоирӣ ва дараҷаи шеърғӯйии ӯ иттилоъ медиҳад. Дар оғоз аз ашъори худӣ ӯ будани маснавиरो мутарҷим бо ибораи “ли матарҷим” таъйид месозад ва ин маснавиरो ҳамчун фоида ва шарҳи матлаб ба тарҷума илова мекунад:

*Магард эй писар гирди бозори шиқ,
Мақун ҷону дил дар сару кори шиқ
Чу некӯ бидони саранҷоми шиқ,
Дигар кай барӣ ҷони ман, номи шиқ?
Ки шиқ ар мусаллат шавад бар дилат,
Кунад дар завоёи ғам манзилат.
Қади ҳамчу тират камонӣ кунад,
Рухи аргувонӣ заъфаронӣ кунад.
Бувад наргисат доим аз ғам пуроб,
Зи наргис чакон бар рухи гул гулоб.
На дар чаим хобу на дар дил қарор,
Лаб аз ғусса хушқу тан аз ғам низор.
В-гар ногаҳ аз шиқ ошиқ шавӣ,
Чунон шав, ки дар шиқ Вомиқ шавӣ.
Ҳавои муҳаббат ҳавои хуш аст,
Ғами ошиқӣ андӯҳи дилкаш аст.
На дар ҳар мизоҷе бувад ҷойи шиқ,
На ҳар табъ донад мудовои шиқ.
Ба ақл аст моро ҳама ҷусту ҷӯй,
Чу шиқ омад аз ақл, дигар мағӯй.
Раҳи шиқ ҷуз печ бар печ нест,
Ба ҷуз ошиқӣ дар ҷаҳон ҳеч нест.
Талаб кун рафиқи хушқу дилфурӯз,
Ки шаб гардӣ аз акси рӯяш чу рӯз.
Қадаш сарвинозу руҳаш барги гул,
Ҳаташ сабзозору лабааш ҷоми мул.
Сари зулфаш аз Чин хироч оварад,
Чу андомаш аз Оҷ боҷ оварад.
Даҳонаш ба писта занад (р)шиҳанд,
Шакар пеши нутқаш гудозад чу қанд.
Ду чаимаш ба мастӣ чунон дилфиреб,
Ки ҳукме барад ақлу сабру нишеб.
Ҳазорон дил аз меҳри рӯяш кабоб,
Ҳазорон тан аз чаими масташ хароб.
Ба зулфаш гузоре сабо гар кунад,
Ба як дам ҷаҳоне муаттар кунад.
Ба дастат гар афтад чунин нозуке,
Латифе, зарифе, хуше, чобуке*

*Бар овар дари хона бар рӯи гайр,
Ки дар гайр ҳаргиз набудааст хайр.
Раҳи айиш бо ӯ ба хилват сунор,
Насиҳат ба ҷон бишнавад ҳушиёр (3, с. 202-203).*

Ноғуфта намонад, ки Сӯфии Самарқандӣ дар охири маснавии мазкур ҷумлаи “астағфируллоҳа миммо чаро қаламиро” (3,203) илова намудааст, ки бо ин матлаб ӯ аввалан аз саҳву хатоҳои дар ашъору тарҷумаҳояш роҳёфта, аз Худо омӯрзиш металабад. Сониян ин матлаб аз афқору руҳонияти диниву мазҳабии Сӯфии Самарқандӣ хабар медиҳад ва ниҳоятан ҳадафи мутарҷим бо таъкиди ин ҷумла он аст, ки ӯ ҳунари шоириро боло аз маҳорати ҳеш медонистааст.

Хулоса, “Рабеъ-ул-ахбор”-и Замахшарӣ яке аз чаззобтарин осори мансури қарни XII буда, гулчину гузидаҳои он аз ҷониби мутарҷимон ба забонҳои мухталифи ҷаҳон тарҷума мешаванд. Мунтахабу тарҷумаи профессор Фаҳриддин Насриддинов, хушбахтона, аз зумраи ин гузидаҳо мебошад, ки аз забони арабӣ ба забони тоҷикӣ бо номи “Баҳори некон” имрӯзҳо тарҷума гардида, дар шумораҳои фаслномаи илмӣ-адабии “Қамоли Хуҷандӣ” пайваста ҷоп мешавад (17).

“Насим-ар-рабеъ”-и Сӯфии Самарқандӣ аз қадимтарин тарҷумаҳои “Рабеъ-ул-ахбор”-и Замахшарӣ, аз беҳтарин тарҷумаҳои ҳарф ба ҳарфи куҳан ва аз намунаи насри соддаи қарни XIV ба шумор рафта, ахбору ҳикоят, ақволу ашъор, оёту аҳодис ва масалу мақолҳои он, бозгӯи арзиши адабии тарҷумаи мазкур мебошанд.

Пайнавишт:

1. *Ибни Футӣ, Абдураззоқ ибни Аҳмад. Талҳиси маҷмаъ-ул-одоб фӣ муъҷам-ул-алқоб. Таҳқиқи Мустафо Ҷавод. – Бейрут: Визорат-ус-сиқофа ва-л-иршод-ул-қавмӣ, ҷ.4/3, 1965. - 625с.*
2. *Нафисӣ, Саид. Таърихи назму наср дар забони форсӣ. Ҷ.1-2. – Техрон: Фурӯғӣ, 1363, ҷ.1. -725с.*
3. *Сӯфии Самарқандӣ. Насим-ар-рабеъ. Нусхаи китобхонаи Сулаймонияи Туркия, таҳти № 902, нусха бо хати мутарҷим. – 279с.*
4. *Сӯфии Самарқандӣ. Насим-ар-рабеъ. Нусхаи китобхонаи Алигарҳ, таҳти 11/89165526. – 302 с.*
5. *Сӯфии Самарқандӣ. Насим-ар-рабеъ. Ҷопи факсимелии нусхаи китобхонаи Маҷлиси ишрои исломӣ, таҳти № 1468, ба кӯшиши Маҷид Мансурӣ. - Техрон, соли 1387. – 310с.*
6. *Баёзи Тоҷиддин Аҳмади вазир. Ҷопи факсимелӣ, зери назари Эраҷ Афшиор ва Муртазо Темурӣ. – Исфаҳон: интишороти Дошироғӯи Исфаҳон, 1353. -970 с.*
7. *Малотӣ, Алӣ Навидӣ. Шиносои яке аз котибони “Баёзи Тоҷиддин Аҳмади вазир” // Номаи Баҳористон. – Техрон, 1388, с.361-364.*
8. *Малотӣ, Алӣ Навидӣ. Насим-ар-рабеъ//Номаи Баҳористон. – Техрон, 1389, с.16.*
9. *Сафо, Забехуллоҳ. Таърихи адабиёт дар Эрон. - Техрон: Интишороти Фирдавсӣ, 1369, ҷ.3/2. – 1395 с.*
10. *Муаллими Яздӣ, Мушӯддин. Мавоҳиби илоҳӣ дар таърихи Оли Музаффар. Бо тасҳеҳ ва муқаддимаи Саид Нафисӣ. Техрон: Иқбол, 1326, ҷ.1.-264с.*
11. *Кутубӣ, Маҳмуд. Таърихи Оли Музаффар. Ба кӯшиши Абдулҳусайн Навоӣ. – Техрон: Амири қабир, 1364, ҷ.2. –197с.*

12. Алӣ Навидӣ. Дар бораи Сӯфи Самарқандӣ муаллифи “Мифтоҳ ун-на’им фӣ одоб ут-та’лим”// Гузориши мерос, давраи дуҷум, соли сеюм, №27-28, 1387.-с.9-10.
13. аз-Замакшарӣ, Ҷорulloҳ. Рабеъ-ул-аброр ва нусус-ул-акҳр. –Байрут: муассисат ал-илмӣ, 1412, ҷ.1. – 477 с.
14. Ганҷури рӯимизӣ. (Нармафзори ройгон ва бо мурури матни ашъори форсӣ). Вироиши 2.72.// Хофиз. Ҷазалиёт. Ҷазали шумораи 159.
15. Ганҷури рӯимизӣ. (Нармафзори ройгон ва бо мурури матни ашъори форсӣ). Вироиши 2.72.// Саъдӣ. Гулистон. Боби дуҷум дар ахлоқи дарвешон. Ҳикояти 31.
16. Ганҷури рӯимизӣ. (Нармафзори ройгон ва бо мурури матни ашъори форсӣ). Вироиши 2.72.// Саъдӣ. Девони ашъор. Ҷазали шумораи 501.
17. Маҳмуд ибни Умарӣ Замакшарӣ. Баҳори хубон. Тарҷума ва мунтахаби Фаҳриддин Насриддинов / Ҷазномаи илмӣ-адабии “Камолӣ Хуҷандӣ”. №1(5),2016.Хуҷанд.-Саҳ. 92-97.

Reference literature:

1. Ibni Futi, Abdurazzoq ibni Ahmad. A Sketch of «Majma`ul-odob fi mu`jam-ul-alqob». Under the editorship of Mustafo Javod. – Beirut: Ministry of Education, - V.4/3, 1965. – 625 pp.
2. Nafaisi, Said. The History of Prose and Verse in the Persian Language. – V. 1-2. - Tehran: Furughu, 1363hijra, - V.1. – 725 pp.
3. . Sufii Samarqandi. Nasim-ar-rabe`. The Copy of the Library of Sulaymoniya in Turkey, - # 902, the copy is written by the author. – 279 pp.
4. . Sufii Samarqandi. Nasim-ar-rabe`. The Copy of the Library of Aligarh, under the number of 11/89165526. – 302 pp.
5. Sufii Samarqandi. Nasim-ar-rabe`. Fax edition of the copy of the library of Meeting of Islamic Council, - # 1468, under the editorship of Majid Mansuri. – Tehran, 1387hijra. – 310 pp.
6. Bayozi Tojiddin Ahamdi vazir . Fax edition, under the editorship of Eraj Afshor and Murtazo Temuri. – Isfahan: Isfahan University publishing-house, 1353hijra. – 970 pp.
7. Малотӣ, Алӣ Навидӣ. Acquaintance of one of the Cribers of «Bayozi Tojiddin Ahmadi vazir» // Notes of Bahoriston. – Tehran, 1388hijra. – pp. 361 - 364.
8. Maloti, Ali Navidi. Nasim-ar-rabe`// Notes of Bahoriston. – Tehran, 1389hijra. – pp. 16.
9. Safo, Zabeulloh. History of Literature in Iran. - Tehran: Firdawsi, 1369hijra, - V.3/2. – 1395 pp.
10. Muallimi Yazdi, Muinuddin. God Ambition in the History of Oli Muzaffar. Introduction and revision of Said Nafisi. - Tehran: Iqbol, 1326, - V.1. – 264 pp.
11. Kutubi, Mahmud. History of Oli Muzaffar. Under the editorship of Abdulhusayn Navoi. - Tehran: Great Amir, 1364hijra, - V.2. – 197 pp.
12. Ali Navidi. On Sufidd Samarqandi the Author of «Miftoh un-na`im fi odob ut-ta`lim» (Blessing Key Aimed at Upbringing Manner) // **Commentary of Legacy, issue 2, the third year, - # 27-28, 1387hijra. – pp. 9 – 10.**
13. Az-Zamakhshari, Jorulloh. Rabe-ul-abror va nususs-ul-akhyor. – Beirut: Scientific publishing-house, 1412hijra, - V.1. – 477 pp.
14. CD disk (free disk and Persian Poetry). Vision 2.72. // Hafiz. Collection of lyrics. Gazel of 159.
15. CD disk (free disk and Persian Poetry). Vision 2.72. // Sa`di. Guliston. The second chapter on morals of Darveshs. Story 31.
16. CD disk (free disk and Persian Poetry). Vision 2.72. // Sa`di. Collection of poems. Gazal of 501.
17. Mahmud ibni Umari Zamakhshari. Bahori Khubon. Translation and selection of Fakhriddin Nasriddinov / Scientific-Literary Quarterly of «Kamoli Khujandi». - #1(5), 2016. – Khujnad. – pp. 92 – 97.

УДК 82. -1
ББК 84. -5 (5Т)

**ЗАМИНАҲОИ ТАШАККУЛИ
ФАЪОЛИЯТИ ЭҶОДИИ ГУЛРУХСОР
САФИЕВА**

*Абдурашидова Умеда Раҳимҷонова,
н.и.ф., дотсенти кафедраи методикаи
таълими забон ва адабиёти тоҷики ДДХ
ба номи акад. Б.Гафуров
(Тоҷикистон, Хучанд)*

**ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ
ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ
ГУЛРУХСОР САФИЕВОЙ**

*Абдурашидова Умеда Раҳимҷонова,
к.ф.н., доцент кафедры методики
преподавания таджикского языка и
литературы ХГУ им. акад.Б.Гафурова
(Таджикистан, Худжанд)*

**FOUNDATIONS OF THE DEVELOPMENT OF
CREATIVE ACTIVITIES OF
GULRUHXSOR SAFIYEVA**

*Abdurashidova Umeda Rahimjohnovna,
candidate of philological sciences, Associate
Professor of the department of methods of
teaching of the Tajik language and literature
under Khujand State University named after
academician B. Gafurov (Tajikistan Republic,
Khujand) E-MAIL: shahnoz_78@mail.ru*

Калидвожаҳо: шеъри муосири тоҷик, раванди кори эҷодӣ, тарбияи насли ҷавон, парвариши завқи эҷодӣ, истеъдоди шоирӣ, ҳамкориҳои эҷодӣ

Дар мақола нақши шоири шинохтаи тоҷик Мирзо Турсунзода дар тарбия ва ташаккули эҷодии шоиру нависандагони ҷавони солҳои 60-80-уми асри XX, аз ҷумла дар тарбия ва роҳнамоии шоираи халқии Тоҷикистон Гулрухсор Сафиева нишон дода шудааст, ки шеъраш дар фазои давлатҳои пасошӯравӣ ҳамчун омил асосии ташаккули худшиносии миллӣ эътироф шуда буд. Ҳамчунин хизмати чунин як чеҳраи шинохта ва мӯътабари адабиёти муосири тоҷик Мирзо Турсунзода дар ташаккули раванди эҷодӣ ва камолоти ҳунари шеърнависии шоира таъкид мешавад. Сабаб, заминаи ташаккули ҷаҳонбинӣ ва таҳаввулоти фикрии Гулрухсор Сафиеваро омӯхта муаллиф хизмати Мирзо Турсунзодаро дар ташаккули ҷаҳонбинии Гулрухсор ва адибони ҳамнасли ӯ, ки дар давраи сифатан нав ва замони ислоҳоти адабиёту фарҳанг ба майдони адабиёт ворид шудаанд, зикр кардааст.

Ключевые слова: современная таджикская поэзия, процесс творческой работы, воспитание нового поколения, воспитание эстетического вкуса, поэтическое мастерство, творческое сотрудничество

В статье рассматривается роль известного таджикского поэта Мирзо Турсун-заде в воспитании и творческом становлении молодых поэтов и писателей в 60-80 годы XX века, в частности народной поэтессы Таджикистана Гулрухсор Сафиевой, поэзия которой на постсоветском пространстве была признана основным фактором развития национального самопознания. Подчеркивается значимость такого маститого представителя

современной таджикской литературы, как Мирзо Турсун-заде, в художественном становлении поэтессы и совершенствовании ее поэтического мастерства. Исследуя факторы и предпосылки формирования и эволюции поэтических воззрений Гулрухсор Сафиевой, автор подчёркивает влияние Мирзо Турсун-заде на становление мировоззренческих тенденций Гулрухсор и литераторов её поколения, вступивших на литературное поприще в период качественных и структурных преобразований в литературе и культуре.

Keywords: *modern Tajik poetry, process of creative work, upbringing of new generation, upbringing of aesthetical taste, poetical mastership, creative collaboration*

In her article the author considers the role of the outstanding Tajik poet Mirzo Tursun-zoda in upbringing and creative formation of young poets and writers in the 60-80-ies of the XX-th century, in particular, the people's poetess of Tajikistan Gulrukhsor Safiyeva, whose poetry was acknowledged as the basic factor of the development of national self-cognition in the post-Soviet space. The author underscores the significance of such venerable poets and writers of modern Tajik literature, as Mirzo Tursun-zoda in regard to artistic formation of the poetess and perfection of her poetical mastership. Considering the factors and prerequisites aimed at a formation and evolution of Gulrukhsor Safiyeva's poetical views the author stresses the sway of Mirzo Tursun-zoda over the formation of outlook tendencies of the poetess and the men-of-letters of her generation who entered the literary field in the period of qualitative and structural transformations in both literature and culture.

Солҳои 60-80-уми асри ХХ адабиёти тоҷик ба марҳалаи нав дохил гардид, ки ағлаби муҳаккикон онро замони комёбиҳои сохторию сифатӣ номидаанд. Барои ифодаи вежагиҳои адабии ин замон бештар мафҳумҳои «адабиёти навҷӯёна», «шеъри қолабшикан», «шеъри раҳкушо», «шеъри худшиканӣ» ва ғайраро ба қор гирифтани мумкин аст. Дар радифи аввали адабиёти ин давра нависандагону шоирони баркамоле чун Мирзо Турсунзода, Чалол Иқромӣ, Раҳим Чалил, Фазлиддин Муҳаммадиев, Мӯъмин Қаноат, Фаффор Мирзо, Қутбӣ Киром, Лоиқ Шералӣ қарор доранд. Аз ҷумла, аз шоирони ин замон Мӯъмин Қаноат дар ҳамосағӯӣ, Фаффор Мирзо дар сурудани шеъри иҷтимоӣ, Аминҷон Шукӯҳӣ дар сароидани ашъори ошқона шӯҳрат пайдо карда, як зумра шоирони ҷавон дар пайравии онҳо шеърҳо сурудаанд.

Аз охири солҳои 60-уми садаи моқабл Гулназар, Саидали Маъмур, Бозор Собир ва Гулрухсор барин шоирони навҷӯю навоар ба майдон омада, ҳар қадам бо пайраҳои хеш қадам зада ва ба шеъри тоҷик дороиву тозагӣ афзуданд.

Гулрухсор Сафиева дар сафи он шоирони навпардозе ҷой гирифтааст, ки хидматшон дар роҳи рушди шеъри муосири тоҷик камназир буд. Шеъри Гулрухсор дар баробари ашъори шоироне амсоли Мӯъмин Қаноат, Бозор Собир, Лоиқ Шералӣ ва дигарон дар ҷомеаи шӯравии тоҷик (солҳои 70-80-ум) ҳамчун омили аслии худшиносии миллӣ шинохта гардид. Ӯ чун дигар намояндагони маъруфи адабиёти тоҷик барои тағйироти сифатии сохтори шеър пайваста кӯшида бо эҷодиёти рангину пурмоҷаи хеш ба рушди ҳудогоҳии адабии насли ин солҳо зиёда мусоидат кард.

Аз нимаи дууми солҳои 80-уми асри ХХ вобаста ба фаро расидани бозсозӣ ва ошқорбаёнӣ дар ҳаёти сиёсии собиқ Иттиҳоди Шӯравӣ марҳалаи нави фаъолияти иҷтимоиву адабии шоира оғоз ёфт. Гулрухсор дар ин давра ба сангари муборизаҳои сиёсӣ кашида шуда, шеъри ӯ дар хидмати сиёсат ва муҳити иҷтимоӣ қарор гирифт. Идомаи ин муборизаҳо ба фаро расидани давраи истиқлолият дар ҷамоҳири собиқи

шӯравӣ, муноқишаҳои дохилӣ, ҷанги бародаркушӣ, ҳамзамон фарорасии фазои ором, осоиштагӣ, истиқрори сулҳ, таҳкими фазои ваҳдат ва ҳамдигарфаҳмии миллӣ пайванд гардид. Шеъри Гулрухсорро дар ин давра намунаи хуби шеъри муқовимат дар адабиёти муосири тоҷик шинохтан мумкин аст, ки тақрибан тамоми равандҳои сиёсӣ иҷтимоиро дар худ таҷассум мекунад.

*Сард гашта хуни эҳсон,
Дар рағу пайванди кайҳон.
Абрҳо ях баста,
андар тарқиши исёни тӯфон.
Обҳо дар варзиши варзобҳо
яx бастаанд,
Ашкҳо дар гавҳари бехобҳо
яx бастаанд... (9. С. 231).*

Гулрухсор дар шеъраш кӯшиш ба харҷ додааст, ки ба ниҳонхонаи қалби инсон ва табиати мураккаби вай сар фуру барад ва асрори одамиро дарку кашф намояд. Моҳияти шеъри ӯ азизу мӯътабар доштани инсонии офаридгор ва заҳматкаш буда, мушоҳидаҳои шоир оид ба бузургдошти инсон, вақту замон, зиндагӣ ва моҳияти он асосан дар сурати хулосаву сабақи рӯзгор, ба таври панду ҳикмат ифода ёфта, рангу бори фалсафӣ гирифтанд:

*Аз сари қулла гул бубояд чид,
Аз бари қулла зиндагӣ бояд.
Қуллаҳоро бирав, зиёрат кун,
Кӯҳ бар назди ту намеояд (9, с. 46).*

Яке аз вазифаҳои шуароӣ тоҷик дар ин давра идома додану ба ҳадди камол расонидани анъанаҳои эҷодии устодони адабиёт ва падида овардани таҳаввули ҷиддӣ ва сифати тоза дар мазмун ва шакли шеъри муосири тоҷик будааст. Дар ашъори онҳо заминаҳои ҳаётӣ ва иҷтимоӣ шеър, анвои гуногуни лирика – лирикаӣ ишқию манзарапардозӣ, иҷтимоӣ шаҳрвандӣ ва фалсафӣ ба ҳам омехтанд, ки дар ин роҳ саҳму дастовардҳои Гулрухсор Сафиева низ хеле назаррас аст.

Дар иртибот ба эҷодиёти ин шоира омӯзишу таҳлили ду ҷиҳати масъала барои муайян кардани мақоми Гулрухсор дар адабиёти муосири тоҷик ва таҳаввули афкори адабии ӯ муҳим мебошанд:

1. Заминаҳои ривочи фаъолият ва такмили ҳудогоҳии адабӣ;

2. Рушди роҳи эҷодӣ ва таҳаввули афкори адабӣ дар иртибот бо фаъолияти шоира дар риштаҳои мухталифи адабиёт.

Бояд гуфт, ки рӯзгору осор ва мақоми адабии Гулрухсор дар мақолаҳои ҷудогона, сарсухану охирсухани маҷмӯа ва кутуби шеър, қомусҳои адабӣ ва ғайра баррасӣ шудаанд. Барои дарки қомилтари паҳлӯҳои рӯзгор ва вежагиҳои осори Гулрухсор ба таври муфассал китоби Х. Асосода «Адабиёти тоҷик дар садаи XX» (12) ва рисолаи М. Мирзоюнус «Ҳамзоди тӯфон» (13) хидмат менамоянд. Хусусан, асари дувум маводи зиёде зиндагӣ ва роҳи таҳаввули эҷодии адибаро дар бар гирифтааст.

Шоира аз заминаҳои ташаккули фаъолияти эҷодии худ харф зада, иқрор мекунад, ки «пешро хӯрдан ба санги кӯҳсор» - и Яхч ғайрат, қудрат ва устухони пояшро саҳт карда, саҳтию устуворӣ ва матонати иродаи ӯ аз саҳтии «санги кӯҳсор» мебошад. Манбаи аввалини ҷӯш задани илҳами шоир «оби шӯҳи чашмасор» буда, вай шевоӣву ширинии нағмаву овозро аз «кабки кӯҳӣ» ва сӯзу сози шоиронаро аз «булбули шабзиндадор» - и Яхч омӯхтааст. Яхчи шоир ҳамеша манбаи барору камол, нуктаи

авчи парвоз ба сӯи бахту иқбол, сарчашмаи оби чонбахш ва нони ҳалол буд. Ин аст, ки ҳар гоҳ ҳаёли шоира «дар раҳу пайроҳаи Яхч» қарор дошт ва аз ҳамин пайроҳа ҳамеша бӯи баҳор ба машоми ӯ мерасид.

Таҳсилоти Гулрухсор дар мактаби деҳа («мактаби лоин») бо тамоми ҷузъиёт – бо ҷузвдони латтагӣ ва як пораи нони чавин дар миёни дафтар дунёи ҳаёлотӣ шоираро рангин кардаанд.

Таҳсил дар факултаи таъриху филологияи тоҷики Донишгоҳи давлатии Тоҷикистон (1963-1968) рӯйдоди муҳими рӯзгори шоира аст. Баҳрагирӣ аз мазҳари хираду заковати донишмандони шинохта ва соҳибномаи забону адабиёти тоҷик профессорон Ш. Хусейнзода, С. Табаров, Д. Тоҷиев, В. Асрорӣ ва дигарон дари ганҷинаи сухану шеърӣ оламгири форсу тоҷикро ба рӯи вай боз карданд.

Гулрухсор дар таҳсил пешқадам буд, дар роҳи дарки моҳияти ҳастӣ ва илмомӯзӣ кунҷковии бештар зоҳир мекард. Майли фаро гирифтаи нозукии сухан, мутолиаи пайваستاи китоби шеър, баҳсу мунозира ва андешаи шеър дар байни ҳамдарсон (ба ин маънӣ онҳо низ аз аввалин мунаққидони шеърӣ ӯ буданд), алоқамандӣ ва робитаи устувор бо Иттифоқи нависандагон, ҳамнишинӣ бо устодон Б. Раҳимзодаву М. Қаноат ва бардошт аз тафаккури адабии онон, чопи шеър дар нашрияҳо ормонҳои асосии адабии ӯ дар ин давра ба шумор мерафтанд.

Нуктаи дигар дар мавриди шаклгирии заминаҳои ғоявии шеърӣ шоир баҳрамандӣ аз адабиёти пурбори классикӣ мебошад. Вай дар гуфтугӯ бо хабарнигори маҷаллаи эронии «Кайҳони фарҳангӣ» таъсиру баҳрагирӣ аз шеърӣ ниёгон, ба хусус мактаби адабии Саъдӣ ва Мирзо Бедилро дар шеърӣ худ ба таври равшан таъкид кардааст.

Профессор Х. Асода афзун бар ин сарчашмаи асил нақши омилҳои дигаре муҳити адабӣ ва адабиёти шӯравии рус, ашъори шоирони насли солҳои 60–уми асри XX Муъмин Қаноат, Лоик Шералӣ, Бозор Собир ва шеърӣ шоирони Шарқ – Муҳаммад Иқбол, Нимо Юшич, Парвини Ӯтисомӣ, Фурӯғи Фаррухзод, Маҳдӣ Ахавони Солис, Аҳмади Шомлу, Халилуллоҳи Халилӣ, Восифи Бохтарӣ ва дигар чехраҳои мондагори адабиёти муосири Эрону Афғонистонро ёдоварӣ кардааст.

Муаллифи рисолаи «Ҳамзоди тӯфон» ба таври муфассал ва бо далелҳои қотеъ оид ба истиқболи Гулрухсор аз ашъори шуарои гузаштаву муосири тоҷик Фирдавсӣ, Мавлавӣ, Мирзо Бедил ва Лоик сухан меронад.

Маҷмӯаи аввали Гулрухсор «Бунафша» (1970) дар ҳаёти шоир нақш пайдо кард, ки бо фотехаву нияти неки Б. Раҳимзода нашр гардид. Ба бовари ӯ «шоира дар оянда роҳи мулки дури сухан ва ба воситаи сухан роҳи дилҳоро меёбад, зеро мурод аз шоирӣ ба дилҳо роҳ ёфтани, ба халқ хизмат кардани аст» (1, с. 3).

Маҷмӯаи аввал барои ҳамвор шудани роҳи минбаъдаи эҷодии шоираи чавон ва расидани ба комёбиҳои рӯзафзуни эҷодӣ мусоидат кард ва эътибори шоирӣ ӯро афзуд. Барои дарки доираи миқёси вазну эътибори Гулрухсор дар кишвари шӯравии солҳои 70 шояд зикри ин нукта кофӣ бошад, ки пас аз як соли нашри маҷмӯаи мазкур тарҷумаи ашъори ӯ ба забони русӣ бо номи «Фиалка» ба забони русӣ дастраси алоқамандон гардид.

Ҳамин тариқ, баъди хатми таҳсил марҳалаи тоза дар раванди зиндагии Гулрухсор оғоз ёфт. Вай акнун ба чараёни адабии давр омезиш ёфт ва пеш бурдани кори эҷодӣ масъулияти баланди ӯ гардид. Вазифаҳои мухталифи анҷомдодаи шоира – ходими адабии рӯзномаи «Комсомоли Тоҷикистон», ки маркази муҳими тарбияи завқу салиқаи адабии чавонон маҳсуб меёфт, роҳбарии шӯъбаи матбуоти Кумитаи марказии комсомоли ҷумҳурӣ (1968-1969), сарварии ду нашрияи маъруфи эҷодии

наврасони кишвар – «Машғал» ва «Пионери Тоҷикистон» (1970-1981) барои сайқал ёфтани маҳорат ва вусъати ҳудогоҳии адабии Гулрухсор заминаҳои муайян фароҳам овард.

Сафарҳои пайваста ба шаҳрҳои Маскав, Санкт-Петербург, кишварҳои Арманистон, Алҷазоир, Олмон ва ғайра дар солҳои 70-уми асри ХХ дараҷаи андешаву афкор, мӯхтавои шеър ва нигоҳи ҳоси шоиронаи ӯро дигар кард. Соли 1988 Гулрухсор дар як ҳайъати бонуфузи адибон аз кишвари шӯравӣ С. Михалков, Д. Кугултинов, В. Чалмаев, Ю. Антропов, ношир Н. Литвинетс 15 рӯз меҳмони рӯҳониёни католики Италия буд. Дастоварди сафари шоира дар сафарномаи «Пастиву баландиҳои роҳ» таҷассум ёфтааст, ки аз ҷаҳонбинии васеи ӯ дарак медиҳад.

Дар таҳаввули эҷодии шоира Гулрухсор пайванду ҳамфикрӣ бо адибони маъруфи ҷаҳон ва собиқ шӯравӣ низ таъсири ҳосе дошт. Аз ҷумла, робита бо адибони маъруфи ҷаҳон Чингиз Айтматов, Расул Ғамзатов, Давид Кугултинов, Георгий Абашидзе, Файз Аҳмади Файз, Маҳдӣ Аҳавони Солис ва даҳҳо дигарон дар вусъату густариши назари Гулрухсор ба зиндагӣ ва шеър аҳамияти бузург пайдо кард.

Дӯстиву ҳамкориҳои Гулрухсор бо Ч. Айтматов ба такомули эҷодии шоира, ки ба нимаи солҳои 70-уми асри ХХ рост меояд, таъсири ҳос гузошт. Ихлосу иродати шоири тоҷик ба адиби қирғиз аввалан тавассути шеъре бо номи «Кайҳони дил» (1976) баён шудааст, ки яке аз намунаҳои аввалини офаридани образи бадеии ин абармард – яке аз кӯшишҳои нахустини шинохти падидаи Чингиз («ҳокими болонишину хоксор») дар шеъри муосири тоҷик, офаридани чехраи камназир, истеъдоду қобилият ва завқи кийснопазири вай дар адабиёти тоҷик аст. Ин шеър бори аввал дар маҷмӯаи «Дунёи дил» (1977) ва сипас таҳриру такмили он дар маҷмӯаҳои «Ихлос», «Рӯҳи Бохтар», «Қасидаи кӯхистон» ва «Девон» ҷой гирифтааст.

Аз тарафи дигар, арзёбӣ ва баҳои баланди Ч. Айтматов ба Гулрухсор ва эҷодиёти ӯ дар пешгуфтор ба маҷмӯаи «Зеркало дня» нақш ёфтааст, ки он низ ҳосили ҳамнишинии ду адиби гуногунзабон ва эътибору эътирофи як нафар аҳли адаби тоҷик дар назди як тан аз нобиғағони адабиёти ҷаҳон мебошад. Ин пешгуфтор пас аз даҳ сол ба маҷмӯаи тоҷикии «Зодрузи дард», сипас ба тарҷумаи русии «День рождения боли» чун охирсухан ва бо ҳамин ном дар нашри Бишкек низ ворид гардидааст.

Муҳаббати баланд ва ихлосу муҳаббати Ч. Айтматов пеш аз ҳама ба тоҷикон ва адабиёту фарҳанги онон дар ин пешгуфтор хеле ҷолиб ба назар мерасад. Вай менависад, ки «таҳти шоирӣ дар сарзамини тоҷикон аз замони қадим баланд буда, хоҳишмандони бар ин таҳт нишастан низ кам набуданд. Ва, аммо, дарёдилоне ҳастанд, дарёдилоне, ки орзуи расидан ба таҳти баланди шоирӣ шоистаи ному нишон ва истеъдодашон аст. Инҳо шоирони асил ва офаридағони сарнавиштанд. Вале чунин шоирон ҳам пеш аз он ки дар адабиёт бо суннатҳои ҷаҳонӣ арзиш дошта бошанд, бояд аз мактаби саҳт мушқилписанди озмоиши ҳамоҳангии сухан ва андеша бигзаранд» (3, с.3).

Ба назари Ч. Айтматов Гулрухсор аз доираи ҳамон нафарон, «хоҳишмандони бар ин таҳт нишаста»-е аст, «бо вучуди ин ҳама душвориҳои шоистагии онро ба даст овардааст, ки дар боғи шоистагии миллати тоҷик, ки сарнавишт онҳоро офаридааст, сухансаро бошад...» (3, с.4).

Нависандаи машҳури доғистонӣ Расул Ғамзатов дар муҳити адабии шӯравии собиқ майлу рағбат ба сурудаҳои Гулрухсор дошт ва ормонҳои эҷодии ӯро дар микёси умумииттифоқ дастгирӣ мекард. Дар тасвири нодир ва баланди Р. Ғамзатов

«оне ки Гулрухсорро дида ва шунидааст, наметавонад дар банди шодмонӣ ва шигифтӣ набошад» .

Гулрухсор дар давраи раиси Иттифоқи адабони Тоҷикистон будани Муъмин Қаноат муддате (1981-1985) котиби ин муассисаи эҷодӣ интихоб гардид. Дар ин муддат вай барои рушду такомули адабиёт, дар сатҳи баланди ғоявӣ нашр шудани осори адабӣ, тарбияи завқу истеъдоди адабони ҷавон, равобити пайвастаи адабиёти тоҷик бо адабиёти халқҳои собиқ шӯравӣ ва ҷаҳон хидмати муҳим анҷом дод.

Аз нимаи дувуми солҳои 80-уми асри ХХ, ҳоса аз соли 1985 дар қаламрави шӯравӣ давраи навини шинохти арзишҳои миллӣ, ватанӣ ва иҷтимоӣ оғоз ёфт. Дар натиҷа, як зумра қувваҳои тозаи демократии озодихоҳ ва истиқлолталаб ба сангари фаъолият омада, ба аҳли ҷомеа бедории фарҳангиро тарғиб карданд. Мавзӯоте, аз қабили ормонҳои миллӣ, худшиносӣ, асолати милливу қавмӣ ва таърихӣ дар ҷомеа аз мавзӯҳои муҳим ва муассир дар ин давра шинохта шуданд.

Дар ҳамин давра зумрае аз аҳли илму ҳунару адаб, аз ҷумла шоири маъруфи тоҷик устод Лоиқ Шералӣ, олими машҳури зилзилашинос Собит Неъматуллоев, ҳунарманди мардумӣ Давлат Худоназар номзадиашонро ба намояндагии парлумони шӯравӣ пешбарӣ карда, ҳуқуқи иштирок дар ҳаллу фасли масоили мубрами рӯзгори шӯравиро дар органи олии қонунбарори кишвар ёфтанд. Дар байни онҳо Гулрухсор ҳам қарор гирифт. Ӯ бо таъсири дигаргуниҳои сиёсӣ иҷтимоӣ ва фарҳангии ҷомеа ба таври васеъ ба олами муборизаи сиёсӣ ворид шуд ва табиист, ки доираи фаъолияташ назар ба давраи гузашта вусъат ёфт.

Аз ҷумла, соли 1987 муассисае бо номи Ҳазинаи маданияти Тоҷикистон таъсис ёфта, сипас ба Бунёди фарҳанги Тоҷикистон мубаддал шуд. Гулрухсор чанд сол ҳамчун раиси ин муассисаи фарҳангӣ барои ташаққули афкори адабӣ ва иҷтимоии ҳамзамонон хидмат кардааст. Дар атрофи ӯ қувваҳои фаъоли адабӣ ва фарҳангии кишвар ҷамъ омада, осори беназире ба хонандаи замон пешниҳод карданд.

Маҳсули фаъолияти зиёда аз 40 солаи адиб дар арсаи эҷодӣ наشري 48 китоб, аз ҷумла 25 китоби шеър ба забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва хати форсӣ дар Тоҷикистон, Русия, Эрон, Люксембург, Қирғизистон мебошад: «Бунафша» (1970), «Хонаи падар» (1973), «Шабдарав» (1975), «Афсонаи кӯҳ» (1975), «Дунёи дил» (1977), «Ихлос» (1981), «Оташи Суғд» (1981), «Гаҳвораи сабз» (1983, ба хати форсӣ), «Оинаи рӯз» (1984), «Шабнам» (1986), «Рӯҳи Бохтар» (1987), «Қасидаи кӯҳистон» (1988), «Сипар» (1991, ба хати форсӣ), «Тахти сангин» (1992), «Ояти ишк» (1992, ба хати форсӣ), «Гулчине аз ашъори Гулрухсор» (1994), «Зодрӯзи дард» (1994, нашрҳои Маскав ва Техрон), «Дар паноҳи сояи худ» (1998), «Паймонаи ғазал» (2000), «Ашки тӯфон» (2000), «Биҳишти хобҳо» (2004), «Девон» (2004), «Шӯъла дар санг» (2011), «Сад охи як нафас» (2012).

Тарҷумаи осораи ба забони русӣ бо номҳои «Фиалка» (1971), «Песня родника» (1975), «Радужный цветок» (1978), «Зеленая колыбель» (1981), «Навруз» (1982), «Куропатки в гостях» (1983), «Откровение в полдень» (1983), «Ради тебя» (1984), «Зеркало дня» (1984), «За солнцем вслед» (1984), «Пульс моей любви» (1988), «Огнепоклонница» (1991), «Женщины Сабзбахора» (1992), «День рождения боли» (1995, наشري Маскав ва Бишкек), «День рождения боли» (1995), «Солнце без Моне» (1997) дар замонаш аз кутуби сертеъдод дар микёси умумииттифоқ ба шумор мерафтанд.

Аҳамияти байналхалқии сурудаҳои Гулрухсор Сафиева аз ҳисоби тарҷумаи шеър ба забонҳои мухталифи дунё – англисӣ, олмонӣ, фаронсавӣ, испанӣ, финӣ, руминӣ, чехӣ, полякӣ, булғорӣ, русӣ, дар баробари ин наشري китобҳои шеър дар Эрон, Люксембург, Олмон, Русия, Арманистон, таҳияи наворҳои шеър дар мамолики

Аврупо – Англия ва Фаронса, баргузории шабҳои шеъри ин шоира берун аз ватан вусъат ёфтааст. Камтар шоире аз чунин пешомади кори тарҷумаи осори худ бархурдор мебошад. Дар ин роҳ шоира тавфиқи бештаре ёфтааст. Ношири «Зодрузи дард» хабар дода буд, ки соли 1994 шабҳои шеъри Гулрухсор, ки бо нашри девони шеъраш дар Люксембург ва Франкфурт пайваст буданд, дар чанд мамлакати Аврупо, аз ҷумла дар Англия (Шотландия), Фаронса, Голандия, Белгия, Люксембург, Олмон баргузор гардиданд. Ин ҳама ба вусъати нигоҳу назари шоира мусоидат карданд.

Самараи ин шабҳои фаромӯшнашуданӣ ба вучуд омадани ду навори шеър – ду қуллиёти гӯёи шеъри Гулрухсор буд, ки дар Англия ва Фаронса бо номи «Хиёбони зани танҳо» ва «Ашки тӯфон» таҳия шуданд. Дар онҳо шоири тоҷик аввалин бор бо ҳамқаламони форсизабон – Маҳдӣ Ахавони Солис, Аҳмади Шомлу, ҳунармандони беҳамтои Эрон Муҳаммадризои Шачариён, Дориюш, Гугуш, Симо Бино, Ҳумайро, Шаҳроми Нозирӣ ва дигарон дар як навор ҳунарнамоӣ намудааст. Навори «Ашки тӯфон» бо шеърҳои Ахавони Солис оғоз шуда, бо шеъри ӯ бахшида ба шоири тоҷик анҷом меёбад (6, 120).

Гулрухсор истеъдодашро дар офаридани насри бадеӣ низ санҷида, дар ин замина чанд китоб таълиф ва нашр кардааст: «Марзи номус» (роман дар маҷаллаи «Садои Шарк», 1988, №1-2), «Занони Сабзбахор» (роман, 1990), «Ривоятҳои ноғуфта» (1369), «Рӯзнамаи берӯз» (Китоби аввал, 2000), «Зан ва ҷанг» (2001, 2004), «Сакарот» (роман, 2009).

Умуман, мақоми шоира дар наср низ қобили таваҷҷӯҳ буда, таҳқиқи ҷудогонаи он дар роҳи дарки густурдаи ҷойгоҳи ӯ дар равнақи насри муосир арзиши назаррасе дорад. Истеъдоди Гулрухсор дар офаридани осори сахнавӣ низ дар маҷмӯи фаъолияти эҷодии адиб ҷойгоҳи муайян дошта, паҳлӯҳои муҳими зиндагӣ ва муҳити иҷтимоиро дар бар мегирад. Аз ҷумла, «Ғори ачинаҳо» – асари сахнавӣ барои наврасон ханӯз дар аввалҳои эҷодиёташ (1972) офарида шуда, намоиши он дар сахнаи театри ҷавонони ба номи М. Воҳидов сазовори баҳои баланди тамошобинон гашта буд (аз рӯи хабари ношири китоби «Зодрузи дард» ин асар зиёда аз ҳафтсад маротиба рӯи сахна омадааст.

Дар баробари ин, истеъдоди қаламкашии мавсуф дар таълифи асарҳои сахнавӣ «Зилзила», «Ба мо бовар кунед!» ва «Озода» низ хонандаро аз паҳлӯҳои гуногун ва хусусиятҳои эҷодиёти ӯ ошно месозад. Аз байни намоишномаҳои сахнавӣ Гулрухсор асари «Ҳамсоия нав» дар конкурси песаҳо (1980) ҷоизаи Иттифоқи нависандагон ва Вазорати маданияти Тоҷикистонро соҳиб гардида буд.

Тарҷума низ дар фаъолияти эҷодии Гулрухсор мақоми муайян дорад. Вай дар солҳои 70-80 ба баргاردони як қатор асарҳои адабӣ аз забони русӣ машғул гардида, аз ҷумла, тарҷумаи асари «Ишқи зиндагӣ»- и О. Бергголтс (1977), намунаҳои ашъори занони суханвари шӯравӣ «Гулистони гӯё» («Поющий цветник», 1978), ашъори М. Лермонтов, Г. Мистрал, А. Камю, Файз Аҳмади Файз, Й. Милев, Л. Украинка, Т. Кузовлева, С. Капутикян ба забони тоҷикӣ аз намунаҳои беҳтарин дар ин замина маҳсуб мешаванд.

Соли 1977 бо ташаббуси М. Турсунзода тарҷумаи таҳтуллафзии маҷмӯаи шоири маъруфи Покистон Файз Аҳмади Файз аз забони урду ба тоҷикӣ нашр гардид, ки «Рӯи озод» ном дорад. Баргاردони қисмате аз ашъори ин шоири пурдара дар ҳамкориҳои Гулрухсор бо мутарҷимони дигар Қ. Киrom, М. Шералӣ, Ш. Ёдгорӣ ва Ҳ. Шанбезода сурат гирифтааст.

Гулрухсор ҳамзамон дар қатори шоирони маъруфе, амсоли Ҳ. Юсуфӣ, Б. Раҳимзода, М. Фарҳат, М. Шералӣ, Қ. Киrom, Гулназар, Б. Фирӯз, М. Ҳотам, А. Адҳам мутарҷими ашъори шоири машҳури рус Михаил Лермонтов ба забони тоҷикӣ мебошад, ки тарҷумаи даҳ шеър аз ӯ дар маҷмӯаи «Шеърҳо ва достонҳо» (Душанбе: Маориф, 1981) ҷой гирифтааст.

Тадқиқу муайян кардани вежагиҳои тарҷумаҳои Гулрухсор низ дар роҳи дарки яқлухти эътибори суҳанварии ӯ дар замони мо мусоидат мекунад.

Намунаи дигар тарҷума, китоби ашъори Татьяна Кузовлева «Сояи себ» (1984) мебошад, ки Гулрухсор онро бо С. Маъмур, Н. Раҳматуллоев ва М. Ҳотам ном тарҷумонон анҷом додааст. Тарҷумаҳои Гулрухсор аз русӣ ба тоҷикӣ чехраи хунарии ӯро дар ин соҳа бозгӯӣ мекунад. Вай ба тарҷума хеле амиқ сар дароварда, аз худ намунае барои пеш бурдани завқи адабии хонандагони ҳамзамон боқӣ гузоштааст.

Гулрухсор дар тарҷумаи осори саҳнавӣ низ қудрату қобилияти эҷодӣ дорад. Аз ҷумла, тарҷумаи песаҳои Г. Лорк «Арӯсии хунин» («Кровавая свадьба»), «Ҷерма», намоишномаи адаби қирғиз Мар Байчиев «Старая дева выходит замуж» (1979) ба қалами ӯ анҷом ёфтааст.

Ҳамаи хидматҳои шоира дар вақташ кадрдонӣ шуда, ӯ дар замони шӯравӣ ба дарёфти Ҷоизаҳои комсомоли ленинии Тоҷикистон (1976) ва умумиттифоқ (1978), медали «Барои меҳнати шӯчоатнок» (1970) ноил гардидааст.

Ҳамин тавр, Гулрухсор Сафиева аз аввали ворид шуданаш ба дунёи рангини эҷодӣ ҳиссиёти баланд, таъби латифу зариф ва афкори ҷаззоб, дониши расои суҳанварӣ нишон дода, шеърӣ ӯ хонандаро ба фикри амиқ ва ҳаёли пуршӯр водор кард ва дар дилаш меҳру муҳаббати хос нисбат ба суҳани баланд парвариш ёфт. Ҳар мавзӯи адабие, ки Гулрухсор ба он таваҷҷӯҳ кардааст, басо амиқу дақиқ мавриди таҳқиқи бадеӣ қарор гирифта, ин ҳама боиси ном ёфтани мавсуф дар адабиёти муосири тоҷик ва арсаи шеърӣ ҷаҳонӣ гардидааст.

Пайнавишт:

1. *Гулрухсор. Бунафша.*—Душанбе: Ирфон, 1970.—48 с.
2. *Гулрухсор. День рождения боли: Новые стихи. Поэма. /Пер. с тадж. Т. Бек / После сл. Ч. Айтматова.*—М.: Semetey, 1995.—128 с.
3. *Гулрухсор. День рождения боли: Стихотворения и поэма / Пред. Ч. Айтматова; Пер. Т. Бек.*—Бишкек: Кыргызстан, 1995.—128 с.
4. *Гулрухсор. За солнцем вслед: Стихи./ Пер. с тадж. / Предис. Р. Гамзатова.*—М.: Дет. лит., 1984.—96 с.
5. *Гулрухсор. Зеркало дня: Стихотворения; Поэмы. /Пер. с тадж. / Предис. Ч. Айтматова.*—М.: Худ. лит., 1984.—272 с.
6. *Гулрухсор. Зодрӯзи дард: Шеърҳои нав. Манзума.*—М.: Наширети "Semetey", 1994.—128 с.
7. *Гулрухсор. Фиалка. Пер. с тадж.*—М.: Молодая гвардия, 1971.
8. *Гулрухсор. Пастиву баландиҳои роҳ: Аз дафтари Италия / Тоҷикистони советӣ.*—1988.—13 феврал.—с. 3.
9. *Гулрухсор. Девон (Девони Аишу Ханда).* — Душанбе, 2004. — 960 с.
10. *Забони форсӣ, забони шеър: Гуфтугӯ бо хонум Сафия Гулрухсор — шоири муосири тоҷик // Кайҳони фарҳангӣ.—Обонмоҳи 1372 / 1994.—Соли даҳум.—Шумораи 8.—с. 6-8.*
11. *Номаи Гулрухсор ба музокироти сулҳи миёни тоҷикон / Садои мардум.—1996.—8 феврал.—№7(833).—с. 4.*

-
12. Асозода Х. Адабиёти тоҷик дар садаи XX.–Душанбе: Маориф, 1999.–448 с.
13. Мирзоюнус М. Ҳамзоди тӯфон (Нигоҳе ба рӯзгор ва осори Гулрухсор).–Душанбе: Адиб, 2007.–262 с.

Reference Literature:

1. Gulrukhsor, Bunafsha. - Dushanbe: Cognition, 1970. – 48 pp.
2. Gulrukhsor. *Anguish Birthday: New Poems. Translation from Tajik by T. Bek / Introduction by Ch. Aytmatov.* – Moscow: Semetey, 1995.–128 pp.
3. Gulrukhsor. *Anguish Birthday: Poems and Prose. Translation from Tajik by T. Bek / Postface by Ch. Aytmatov.* – Kyrgyzstan, 1995. – 128 pp.
4. Gulrukhsor. *Following the Sun: Poems. Translation from Tajik / Introduction by R. Gamzatov.* - Moscow: Literature, 1984. – 96 pp.
5. Gulrukhsor. *Mirror of the Day: Poems; Prose. Translation from Tajik / Introduction by Ch. Aytmatov.* – M.: Artistic Literature, 1984. – 272 pp.
6. Gulrukhsor. *Anguish Birthday: New Poems. Prose.–M.: Semetey, 1995.–128 pp.*
7. Gulrukhsor. *Violet. Translation from Tajik.* – M.: Young Guard, 1971.
8. Gulrukhsor. *Ups and Downs of Road: from Italian Notes / Soviet Tajikistan.* – 1988. February 13. – p.3.
9. Gulrukhsor. *Collection of Poems (Devon). Tears and Laughter.* – Dushanbe, 2004. – 960 pp.
10. *Persian Language Being that one of Poets: Interview with Safiya Gulrukhsor-Khonum – Modern Tajik Poetess// Cultural Space. 1372hijra/1994. The second year. – Issue 8. – pp. 6–8.*
11. *Gulrukhsor`s Message to Negotiations of Peace among Tajiks / Voice of People.* – 1996. – February 8. - # 7(833). – p. 4.
12. Asozoda Kh. *Tajik Literature Referring to the Period of the XX-th Century.* - Dushanbe: Education, 1999. – 448 pp.
13. *Mirzoyunus M. Tufun Twin (some views about the biography and life of Gulrukhsor).* - Dushanbe: Man-of-Letters, 2007. – 262 pp.

10 01 08 ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ
10 01 08 THEORY OF LITERATURE. TEXTOLOGY

УДК: 891.550.092
ББК 82.3 (5Т)

**ТАЪСИРИ ТАРЗИ ЭҶОДИ
ҲОФИЗ БА МАЗМУН ВА
ШАКЛИ АШЪОРИ
САИДҶАЪФАР** *Охониёзов Абдурахмон Дустович,
унвонҷӯйи шуъбаи фолклор ва адабиёти
Бадахшони Институти илмҳои
гуманитарии ба номи Б. Искандарови
АИ ҶТ*

**ВЛИЯНИЕ ТВОРЧЕСКОГО СТИЛЯ
ХАФИЗА НА СТРУКТУРУ И
СОДЕРЖАНИЯ ПОЭЗИИ
САИДДЖАФАРА** *Охониёзов Абдурахмон Дустович,
соискатель отдела фольклора и
литературы Бадахшана Института
гуманитарных наук им. Б. Искандарова АН
РТ (Таджикистан, Душанбе)*

**THE INFLUENCE OF HOFIZ'S
CREATIVE STYLE ON
THE STRUCTURE AND
CONTENT OF SAID DJAFAR'S POETRY** *Okhoniyozov Abdurakhmon Dustovich,
claimant for candidate degree of the
department of folklore and literature of
Badakhshon Institute of humanitarian sciences
under the Academy of Sciences of Tajikistan
Republic named after B. Iskandarov.
E-MAIL: oabdurakhmon@gmail.com*

Ключевые слова: Саидджафар, Бадахшанский регион, творческий стиль, влияние поэзии Хафиза, жанр газели, поэтическая структура, методы литературоведения.

Статья является одной из первых попыток анализа преемственности творчества поэтов Бадахшанского региона с наследием Хафиза на примере поэзии бадахшанского поэта XIX века Саидджафара. Саидджафар принадлежит к числу поэтов Бадахшана, которые составили собственные сборники стихов – диваны, и в основном творил в жанре газели. Вначале излагаются причины популярности творчества Хафиза у населения Горного Бадахшана и дан анализ непосредственного влияния его творчества на структуру (форму) и содержание газелей Саидджафара. Рассматривается вопрос о преемственности поэтической структуры – рифмы, ритма, редифов, музыкальности – и смысла и содержания поэзии Хафиза в произведениях Саидджафара. Такой подход к исследованию творчества бадахшанского поэта способствует определению творческого стиля отдельных поэтов литературных кругов Бадахшана, что в свою очередь предоставляет солидный материал по истории и теории таджикской литературы. При анализе основного вопроса использованы два основных метода литературоведения: метод сопоставительного анализа и метод поэтического анализа. Целью исследования является углубленное изучение особенностей влияния стиля знаменитых поэтов

персидско-таджикской литературы на творчество поэтов бадахшанского литературного круга.

Калидвожаҳо: сабки эҷод, пайравии анъанаҳо, таъсири эҷод, газал, вазн, қофия, радиф, тазмин, шакл ва мазмуни шеър, Ҳофизӣ Шерозӣ, Саидҷаъфар, доираи адабии Бадахшон, Бадахшони Тоҷикистон

Мақола яке аз аввалин таҳлилҳо роҷеъ ба пайравии шоирони Бадахшон аз эҷодиёти Ҳофизӣ Шерозӣ дар эҷодиёташон аст. Мисоли равшани он эҷодиёти яке шоирони асри 19 Бадахшон Саидҷаъфар мебошад. Саидҷаъфар асосан дар жанри газал эҷод намуда, ба шоирони соҳибдевони Бадахшон тааллуқ дорад. Сараввал муаллиф дар бораи сабабҳои маъруфият ва оммавӣ будани эҷодиёти Ҳофиз баъди аҳолии Бадахшони Кӯҳӣ суҳан ронда, сониян ба таҳлили таъсири тарзи эҷоди Ҳофиз ба мазмун ва шакли ашъори Саидҷаъфар мепардозад. Бояд қайд намуд, ки дар мақола масъалаи пайравии Саидҷаъфар на танҳо аз рӯи талаботи эҷоди осори манзум ва санъатҳои бадеӣ – вазн, қофия, радиф, балки пайравии ӯ аз рӯи шакл ва мазмун низ нишон дода шудааст. Ин гуна нуқтаи назар ва чунин роҳу равиши таҳлил барои муайян намудани сабки эҷоди шоирони алоҳидаи доираи адабии Бадахшон тақон мешавад, ки дар навбати худ маводи пуррае барои омӯзиши таърих ва назарияи адабиёти тоҷикӣ ба ҳисоб меравад.

Муаллиф дар мақола аз рӯи ду намуд усули асосии таҳлили осори адабӣ – усули таҳлили муқоисавӣ ва усули таҳқиқи осори манзум истифода бурдааст.

Муаллиф дар мақола масъалаи таъсирпазирии шоирони ҳавзаҳои форсисарои Бадахшон аз Ҳофизӣ Шерозиро васеъ нишон дода, таъсири дигар намоёндагони адабиёти форсӣ-тоҷикиро ба доираи адабии Бадахшон ва эҷодиёти шоирони алоҳида низ таҳлил намудааст.

Key words: Said Djafar, Badakhshon area, creative style, influence of Hafiz's poetry, gazel genre, poetical structure, methods of literary criticism

The article is one of the first endeavours of analyzing a succession of the creations of Badakhshon area poets with Hafiz's legacy; the poetry of Said Djafar who lived in the XIX-th century being taken as an example. Said Djafar appertains to the number of Badakhshon poets who composed the collections of their own poems called divans, they resorted mainly to the genre with gazel. First, the author expounds why the population of Kuhistoni Badakhshon are enamored of Hafiz's creation, then he analyzes how Hafiz affected the structure and content of Djafar's gazels. The poetical structure embracing rhymes, rhythms, redifs, musical sonority inherent in Hafiz's poetry had a great sway over Said Djafar demonstrating creative succession. Such an approach towards the exploration of Said Djafar's poetical productions promotes a determination of a creative style of separate poets who belonged to the literary circles of Badakhshon, thus a rich material is presented for the history and theory of Tajik literature. Two principal methods of literary criticism are used, those of correlative and poetical analysis. The objective of the research is targeted at a profound study of the peculiarities concerned with an influence of famous poets' styles over the creation of the poets appertaining to the Badakhshon literary circle.

Дар доираҳои адабии хиттаи Бадахшон, дар асри 19-ум шоири соҳибдевоне ҳаёт ба сар бурдааст, ки бо таҳаллуҳои “Ҷаъфар” ва “Ҷаъфарӣ” шеър месурудааст. Бо вучуди дастрас будани баъзе маълумот, ин шоир ханӯз барои чомеаи адабӣ ва

фарҳангии тоҷик ба пуррагӣ ошно нест. Маълум аст, ки исми ӯ Саидчаъфар будааст ва маълумоти ибтидоиро дар хусуси ҳаёту эҷодиёташ адабиётшиносон М.Бақоев ва А.Ҳабибов чамъоварӣ намудаанд [1; 3]. Аз шоир Саидчаъфар ду нусхаи девон ба мерос монданд, ки яке бо дасти худ ва дигаре бо дасти наберааш Шоҳи Олам китобат гардидаанд. Девоне, ки бо дасти набераи шоир бознависӣ шудааст ва нусхаи он дар Пажӯхишгоҳи илмҳои инсонии ба номи Б.Искандарови АИ ҶТ маҳфуз аст, иборат аз 246 ғазал, 41 рубоӣ, 2 мухаммас, 2 муноҷот, 1 офокнома ва 1 моддаи таърих мебошад. Албатта, ду ғазале, ки шомили ин девон ҳастанд, моли шоир Чаъфар набуда, балки яке ғазали Насимӣ ном шоир ва дигаре ғазали Калим мебошанд. Девоне, ки ба дасти худи шоир китобат шудааст ва нусхаи он дар ҳазинаи дастхатҳои Институти забон, адабиёт, шарқшиносӣ ва мероси хаттии ба номи Рӯдакӣ ниғаҳдорӣ мешавад, шомили 244 ғазал, 45 рубоӣ, 2 муноҷот, 2 мухаммас, 1 китбаи таърих ва 1 офокнома мебошад.

Баъзе таҳлилҳои алоҳидаи муаллифи ин сатрҳо нишон доданд, ки ашъори қайдшудаи Саидчаъфар дар ҷойи хушкӯ холӣ ба вучуд наомада, сарчашмаҳои пайдоишу таҳаввули худро доро будааст. Яке аз заминаҳои асосӣ ва муҳимтарин, ки пас аз тарбияи истеъдоди шоир дар муҳити хонаводагӣ ҷойи намоёнро дар ташаккули эҷодиёташ ишғол мекунад, адабиёти классикии форсии тоҷикӣ мебошад. Бояд қайд кард, ки шиносони пурраи Саидчаъфар бо ашъори намоёнтарин симоҳои ин адабиёт ба ӯ имкон дода, ки мавқеи худро дар майдони эҷоди осори бадеӣ, хосса сароидани ғазал пайдо намояд. Дар ин мақола, сабъи шуд, то чанд ҷанбаи таъсирпазирии ашъори шоирро аз шоири “лисонулғайб” – Ҳоҷа Ҳофизӣ Шерозӣ дида бароем.

Таъсирпазирии шоирони ҳавзаҳои форсисарои Бадахшон аз Ҳоҷа Ҳофизӣ Шерозӣ як амри маъмул буда, хоси танҳо Чаъфар нест, балки анқариб тамоми шоирони Бадахшон дар гузашта ҳамеша тахти таъсири ашъори ин шоир қарор доштаанд. Яке аз сабабҳои асосии таъсирпазирии шоирони хиттаи Бадахшон аз ғазалиёти Ҳофизӣ ин аст, ки девони Ҳофизӣ дар миёни мардуми ин сарзамин аз аҳамият ва ҷойгоҳи вижае бархӯрдор буда, ба он дар радифи китобҳои муқаддаси диниву адабӣ амсоли Куръон, “Чаҳор китоб”, “Вачҳи Дин”, “Маснавии Маънавӣ” арҷ мегузоштанд ва онро ҳифз мекарданд. Илова бар ин, ашъори шоирони мазкур, ки хеле ашъори раван ва шево аст, аз қарнҳои пеш дар Бадахшон аз тарафи мутрибон ва ҳофизону хонандагон дар маросимҳои мухталиф сароида мешудаанд [7, с.56-57; 11, с. 118]. Шояд аз ин ҷиҳат бошад, ки шоирони гузаштаи ин минтақа аксаран талош мекарданд аз шуарои барҷастаи классикии форсии тоҷикӣ пайравӣ намоянд ва ашъори нисбатан равану шево, ки бо мусиқӣ ё дафу рубоб ҳамроҳанг бошад, эҷод намоянд. Бо дарназардошти махсусиятҳои умумии эҷод дар Бадахшон, пайравии Саидчаъфар аз Ҳофизӣ Шерозиро дар ду самт мушоҳида кардан мумкин аст: дар шакл ва дар мазмун.

Бисёре аз ғазалҳои шоир билкулл дар вазн, қофия ва ҳатто радифи ғазалҳои алоҳидаи Ҳофизӣ эҷод шудаанд. Масалан, ғазале бо матлаи зерин айнан дар пайравии нахустин ғазали девони Ҳофизӣ сароида шудааст, ки вазн, қофия ва ҳатто калимаҳои онро дар худ ҷо додааст:

*Илоҳо ҳал кун аз лутфи сунъ (ат) ҷумла мушиқилҳо (?),
Кушойӣ иқди мифтоҳи калиди раҳмати дилҳо [5, с.7-8].*

Матлаи ғазали машҳури Ҳофизӣ ин аст:

*Ало ё аййухассоқӣ, адир каъсан ва новилҳо,
Ки шиқ осон намуд аввал, вале афтод мушиқилҳо [4, с.5].*

Худи Ҷаъфар низ, дар асоси мустафод аз исми шоир бо тавсифи «булбули Шероз» ва санъати тазмин тавассути мисраи аввали ғазали Ҳофиз пайравии пурраашро аз ӯ эътироф мекунад:

*Аё Ҷаъфар шунав савти навои булбули Шероз,
«Ало ё аййухассоқӣ адир каъсан ва новилҳо» [5, с.7-8].*

Мусаллам аст, ки мисраи тазминшуда моли пурраи Ҳофиз нест, аммо мақоми шоир дар назари аҳли эҷод чунон боло будааст, ки онҳо ба асли он сару коре нагирифтаанд.

Пайравӣ ба нахустбайти Ҳофиз танҳо дар шакл ба назар мерасад, зеро агар мухотаби Ҳофиз соқии косагардон бошад, мухотаби Ҷаъфар Аллоҳ аст. Аммо назари жарфтар дар хитоби Ҷаъфар андешаеро ба бор меорад, ки гӯё ӯ маҳз бо таъя бар натиҷагириҳои Ҳофиз аз «мушкилиҳои дар назар осони ишк» ба Аллоҳ муроҷиати кушодани ин мушкилотро мекунад. Дар ин ҳол, метавон гуфт ки мазмунан низ суханони Ҷаъфар аз гуфтаи Ҳофиз сарчашма гирифтаанд. Тазмини мисраи аввали байти Ҳофиз дар мақтаи ғазали Ҷаъфар исботи ин фикр аст. Бо вучуди ин, байти матлаи Ҷаъфар дар шакли баён ва истифодаи саноати бадеӣ аз байти Ҳофиз заиф ба назар мерасад ва чунин ҳам бояд бошад, чун Ҳофиз “бузургтарин гӯяндаи ғазал дар тамоми давру замонҳо ва пеши ҳама милал ва ақвом” будааст [8, 50].

Ҳофизи Шерозӣ ғазале дорад, ки дар баҳри музореъи мусаммани аҳраби макфуфи маҳзӯф (*Мафъӯлу фоилоту мафъӯилу фоилу*) бо қофиябандӣ тавассути садоноки «о» ва радифи «чӣ ҳоҷат аст» сароида шудааст. Байти аввали ин ғазал чунин аст:

*Хилватгузидаро ба тамошо чӣ ҳоҷат аст.
Чун кӯйи дӯст ҳаст, ба саҳро чӣ ҳоҷат аст [4, с.24].*

Билкул дар ҳамин шакл, вазн, қофиябандӣ ва радиф Саидҷаъфар ғазали худро сароидаст, ки намунае аз абёти онро меорем:

*Ҳасраткашидаро ғами дунё чӣ ҳоҷат аст,
Ғамдидаро баҳори тамошо чӣ ҳоҷат аст.
Эй ҷон, фидой бо руҳи ҷонон чӣ мешавӣ,
Дар будани ҳаёт ба гавго чӣ ҳоҷат аст.
Дар зери чарх ҳайрати қораи чӣ мондаӣ?
Аз рӯйи нафс коҳиши бечо чӣ ҳоҷат аст [6, с. 24 а].*

Ғазалҳои мутазаккира тафрикаи мазмунӣ доранд. Ғазали Ҳофиз вазъу муҳити оноро тасвир карда, ки аз молу манולי дунё хилват ва дар кӯйи дӯст маскан гузидааст. Аниқтараш, қаҳрамони лирикии шоир, ки худи ӯст, дар вазъи муътадил ва ороми зоҳирӣ, вале пурғулғулаи ботинӣ аст. Аммо қаҳрамони лирикии Ҷаъфар ҳанӯз аз гирудори дунявӣ халос нашудааст ва побанди нафс аст. Қойи зикр аст, ки матлаи ғазали Ҷаъфар дар баёни мавзӯъ ва ифодаи фикр ва бадеияти андеша қобили таҳсин аст. Масалан, дар мисраи «*Ҳасраткашидаро ғами дунё чӣ ҳоҷат аст*» мо бо баёни андешаи шоирона рӯ ба рӯ ҳастем, ки сухане тоза ва шоирона дорад. Яъне, шахсе, ки ҳасрати саҳт кашидааст, дигар ҳоҷат ба ғами дунё надорад, чун ғами дунё, ки зоҳир аст, дар пеши ҳасрати ӯ, ки ботин аст, арзише надорад. Баёни мисраи дуюми байти аввал низ чолиб аст, зеро шоир ибораи маъмули «*тамошои баҳор*»-ро баръакс истифода намудааст, ки ҳам мувофиқ ба мазмуни байт ва ҳам таъбири шоирона мебошад. «*Баҳори тамошо*» гуфта, шоир зебогӣ ва рангорангии табиатро дар назар дорад, ки ғамдида майли онро надорад.

Ғазали дигаре дар девони Ҳофиз пайдост, ки дар ситоиши дарвешон ва давлати онҳо гуфта шудааст. Албатта, ин ғазал назари орифонаи шоирро ифода намудааст,

ки мувофиқи он дарвешон аз дунёву чон гузаштагони роҳи Худо ҳастанд ва пайвастан ба онҳо орзуи ҳар як шахси худро чўянда мебошад. Ғазал ин аст:

*Равзаи хулди барин хилвати дарвешон аст,
Мояи мўхташамӣ хидмати дарвешон аст [4, с.33].*

Ғазали Саидчаъфар низ ҳамин маъною мазмунро дорад ва ҳамонро бо ибораҳои ғазали Ҳофиз оғоз мегардад:

*Махзани ганҷи ниҳон хилвати дарвешон аст,
Ҳосили кавну макон нусрати дарвешон аст.
Кимӣест зару файз, аҷоибҳо нест,
Шаммае аз асарӣ ҳиммати дарвешон аст [5, с.31].*

Давоми ғазал дар фотокопия ба таври комил омадааст ва дар яке аз мисраъҳои он образи Пайғомбари Ислому (с), ки мазмуни духӯра дорад, ба ин тарз омадааст:

*Маҳрами гулишани қудсанд азизони Худо,
Ки Расули арабӣ иззати дарвешон аст [6, с.246-25a].*

Ба назар мерасад, шоир комилан таҳти таъсири ашъори Ҳофиз қарор доштааст, зеро агар дар бархе аз ғазалҳояш аз мазмуну ибороти ӯ истифода карда бошад, дар қисмати дигари ашъор куллан вазн, қофия, радиф ва ҳатто мавзӯву мухтавои ғазалҳои Хоҷа Ҳофизро ба қор гирифтааст. Ғазали Чаъфар, ки дар зер меояд ин ақидаро бештар тақвият медиҳад:

*Ба дил дорам ҳавои рӯйи фаррух,
Ки бошам чокаре дар кӯйи фаррух.
Биё соқӣ, маро масти тараб кун,
Шудам девонае бар бӯйи фаррух.
Ба рӯйи зарди рангин зан гулобе,
Шавам мадҳуши анбармӯйи фаррух.
Зи доми холи мухлис ошиқӣ нест,
Асири бандаи гесӯйи фаррух.
Аҷаб шӯху аҷоиб дилрабоӣ,
Аҷаб ноз(ук)қаде дилчӯйи фаррух...
Худоро банда ҳастӣ Чаъфарӣ, рав,
Агар чўяндаи ҳиндӯйи фаррух [5, с. 38].*

Хоҷа Ҳофиз дар ҳамин вазн ва дар ҳамин қофия дар 9 байт ғазале дорад, ки матлааш чунин аст:

*Дили ман дар ҳавои рӯйи фаррух,
Бувад ошуфта ҳамчун мӯйи фаррух [4, с. 61].*

Ва агар ба матлаи ғазали Чаъфар тавачҷуҳ кунем, мебинем, ки вай ҳатто матлаи ғазали хешро на танҳо бо радиф ва қофияи ғазали Хоҷа, балки бо мазмун ва мухтавои он оғоз кардааст. Ё Ҳофиз дар чойи дигари ғазали худ мегӯяд:

*Бидеҳ соқӣ шароби аргувонӣ,
Ба ёди наргиси қодуи фаррух [4, с. 61].*

Чаъфар мегӯяд:

*Биё соқӣ маро масти тараб кун,
Шудам девонае бар бӯйи фаррух [5, с.38].*

Бад-ин тариқ, агар ин ду ғазалро, ки бо фосилаи ҳудуди 500 сол яке дар Шерози Эрон ва дигаре дар Шугнони Бадахшон эҷод шудаанд, муқоиса кунем, пайравии Чаъфар аз эҷодиёти Ҳофиз на танҳо ба сурати возеҳ ва рушан машхӯд аст, балки Саидчаъфар ашъори Хоҷаро барои худ комилан як улғу қарор додааст. Шоири

шугнонӣ ҳатто байти мақтаи ғазали худро, ки ҳамон байти тахаллус мебошад, низ комилан дар мазмуну мундариҷаи Ҳоҷа Ҳофиз гуфтааст. Мақтаи ғазали Ҳофиз чунин аст:

Ғуломи Ҳиммати онам, ки бошад,

Чу Ҳофиз бандаву ҳиндуӣ фаррух [4, с. 61].

Шоир Чаъфар ғазали худро бо чунин мақтаъ ба поён мебарад:

Худоро банда ҳастӣ Чаъфарӣ, рав,

Агар чӯяндаи ҳиндуӣ фаррух [5, с. 38].

Дар ин ҷо комилан маълум аст, ки шоир талош кардааст байти гуфтаи ӯ низ то андозае ифодагари мазмуни байти мақтаи Ҳофиз бошад. Масалан, чанд андеша дар мавриди калимаи «ҳинду», ки Ҳофиз дар ғазали худ истифода кардааст.

Худи калимаи «ҳинду» дар луғатҳо ва фарҳангҳо ба чанд маънӣ далолат мекунад. Дар «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ» ин калима ба маънои «аҳли Ҳиндустон, ҳинду», «пайрави дини ҳиндувон», «посбон, ғулом, банда, зархарид», «сиёҳ» омадааст [10, с. 506]. Дар «Фарҳанги Муин» низ калимаи «ҳинду» ё «ҳиндук» ба сурати асли ва маҷозӣ ба маъноҳои «аз аҳли Ҳинд, ҳиндувон», «ғулом, навкар», «посбон, ниғаҳбон», «сиёҳ», «холи рухсори маъшук», «дузд», «кофир» омадааст [9, с. 1217].

Ҳамон тавре ки дар боло зикр гардид, Ҳофиз дар ғазале, ки дар радифи «фаррух» иншо кардааст, калимаи «ҳинду»-ро дар ду ҷо ва ба ду маъно мавриди истифода қарор додааст. Дар байти дуҷуми ғазал Ҳофиз ин калимаро ин гуна истифода кардааст:

Ба ҷуз ҳиндуи зулфаш ҳеч кас нест,

Ки бархӯрдор шуд аз рӯи фаррух [4, с. 61].

Дар ин байти Ҳофиз калимаи «ҳинду» ба маънои «сиёҳ» омадааст ва мурод аз «ҳиндуи зулф» - «зулфи сиёҳ» аст. Аммо Ҳофиз калимаи «ҳинду»-ро дар мақтаи ғазали хеш ба дигар маъно ба қор бурдааст, чунончи:

Ғуломи Ҳиммати онам, ки бошад,

Чу Ҳофиз бандаву ҳиндуи фаррух [4, с. 61].

Дар ин байт Ҳоҷа калимаи «ҳинду»-ро ба маънои «ғулом, чокар, навкар» истифода бурдааст.

Чаъфар, агарчи дар мақтаи ғазали худ калимаи «ҳинду»-ро ба қор бурда ва инчунин, бо пайравӣ аз Ҳофиз, онро дар байти тахаллуси худ қарор додааст, аммо шоир ин калимаро ба ҷи маъно мавриди истифода қарор додааст, ҷойи андеша қардан дорад. Шоир мегӯяд:

Худоро банда ҳастӣ Чаъфарӣ, рав,

Агар чӯяндаи ҳиндуӣ фаррух [5, с. 38].

Дар ин ҷо ба эҳтимоли зиёд шоир калимаи «ҳинду»-ро на ба маънои аслиаш ва на ба маънои маҷозии он истифода кардааст, балки ҳадафи мавриди истифода қарор додани ин калима аз тарафи шоир чизи дигар аст. Саидчаъфар, ки комилан бо мазмун ва мундариҷаи ғазалиёти Ҳоҷа Ҳофиз ва аз ҷумла, ғазали мавриди баҳс ошно будааст, дар зери мафҳуми калимаи «ҳинду» Ҳоҷа Ҳофизро, ки бидуни шубҳа устод ва улғуи худ медонистааст, дар назар дорад. Ҳофиз худро «бандаву ҳиндуи фаррух» меномад ва Чаъфар худро чӯяндаи «ҳиндуи фаррух», ки мурод ҳамон Ҳофиз мебошад, медонад. Ба ибораи дигар, дар ин байт шоир муҳаббат ва тавачҷуҳи беандозаи хешро нисбат ба Ҳофиз ва ашъори ӯ нишон медиҳад. Агарчи Чаъфар дар бисёре аз ғазалҳои худ калимаи «ҳинду»-ро ба қор мебарад, аммо дар ғазали боло, ҳамон тавре ки гуфта шуд, манзураш Ҳофиз буда, худро чӯяндаи ашъор ва шефтаи гуфтори ӯ медонад.

Боз чанд ғазали дигар, амсоли «ал-ғиёс», «коғаз»-ро низ Чаъфар дар заминаи ашъори Ҳофиз эҷод намудааст, ки асосан шакл ва баъзан мазмуни абёти ғазалҳои шоири донандаи лисонулғайбро пайравӣ намудааст.

Боиси қайд аст, ки дар вазн ва радифи ғазали “Ал-ғиёс” дар девони Чаъфар ду шеър мавҷуданд [5, 34а-б 38, 34б-35а], ки дуомаш дар шакли кофиябандӣ аз ғазали Ҳофиз тафовут дорад. Ғазали бо радифи *коғаз* эҷодшуда бошад, танҳо аз чихати кофия ба ғазали Ҳофиз шабоҳат дорад, вале вазну мазмуни он дигар аст. Дар ҳар сурат, таъсири ашъори Ҳофиз ба андешаву ашъори Саидчаъфар ва сабабу натиҷаҳои он таҳлили нисбатан густурдатарро талаб мекунад ва ин масъала барои баррасии оянда ҳавола мегардад.

Пайнавишт:

1. Абибов, А. *Аз таърихи адабиёти тоҷик дар Бадахшон* | А.Абибов. - Душанбе: Дониш, 1971. – 196 с.
2. Бакоев, М. *В поисках восточных рукописей* | М.Бакоев // *Народы Азии и Африки*, №3, 1962. – С. 237-238.
3. Бертельс, А., Бакоев М. *Алфавитный каталог рукописей, обнаруженных в ГБАО экспедицией 1959-1963 гг.* | А.Бертельс, М.Бакоев. -М.: Наука, 1967. – 195 с.
4. *Куллиёти Шамсиддин Муҳаммад Ҳофизӣ Шерозӣ. Таҳти назари Муҳаммад Борӣ.* - Техрон, 1379. – 356 с.
5. *Нусхаи фотокопияи Девони Саидчаъфар. Фонди дастхатҳои Институти забон, адабиёт, шарқишиносӣ ва мероси хаттии ба номи Рӯдакии АИ ҚТ, таҳти шумораи 3336.*
6. *Нусхаи Девони Саидчаъфар. Фонди забонҳои бадахшонӣ ва дастнависҳои Пажӯҳишгоҳи илмҳои инсонии ба номи Б.Искандарови АИ ҚТ.*
7. *Охониёзов, В.Д. Пайдоиши ва ташаккули шеъри муаллифӣ ба забонҳои помирӣ (дар мисоли гурӯҳи забонҳои шугнонӣ-рӯшонӣ)* | В.Д.Охониёзов. *Рисолаи номзадӣ дар шакли дастхат*, Душанбе, 1997. – 154 С.
8. *Сатторзода, А. Қӯҳна ва нав*, Душанбе, 1384. – 254 с.
9. *Фарҳанги Муин. Таълифи доктор Муҳаммад Муин, ҷони 8.* - Техрон, 1385. – 1339 с.
10. *Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ.* -Душанбе, қисми 2, 2008. – 944 с.
11. *Шакармамадов Н. Назми халқи Бадахшон.* -Душанбе: Ирфон, 1975. – 126 с.

Reference literature:

1. *Abibov A. From the History of Tajik Literature in Badakhshon [Text]* // *Abibov Amirbek.* - Dushanbe: Knowledge, 1971. – 196 pp.
2. *Bakoyev M. Searches of Oriental Manuscripts* // *Bakoyev Mamadvafo* // *Peoples of Asia and Africa.* – 1962, - # 3, - pp. 237 – 238.
3. *Bertels A., Bakoyev M. Alphabetic Catalogue of Manuscripts Discovered in Kuhistoni Badakhshon Autonomous Oblast by the Expedition of 1959-1963 [Tex].* // *Alexey Bertels, Mamadvafo Bakoyev.* – М.: Science, 1967. – 195 pp.
4. *Collection of Poems by Shamsiddin Muhammad Hafiz Shirazi [Text]* // *Hafizi Shirazi. Under the editorship of Muhammad Bori.* – Tehran, 1379hijra. – 356 pp.
5. *Replica of Divan by Said Djafar*|| *Said Djafar* // *The Fund of Manuscripts of the Institute of Language, Literature, Oriental Studies and Manuscripts named after Rudaki under TR Academy of Sciences,* - 3336 pp.

6. *Replica of Divan by Said Djafar*|| Said Djafar // *The Fund of Pamirs Languages and Manuscripts of the Institute of the Humanities named after academician Yu. Iskandarov under TR Academy of Sciences*
7. *Okhoniyozov V.D. Appearance and Formation of Authors` Poetry in Pamirs Languages (on the examples of Shugnan-Rushan Group of Languages). Monograph on the basis of candidate dissertation – 10.01.03* // *Okhoniyozov Varka Dustovich. – Dushanbe, 1997. – 154 pp.*
8. *Sattorzoda A. The Old and the New*|| *Abdunabi Sattorzoda. – Dushanbe, 1984. – 254 pp.*
9. *Muin, Muhammad. Muin`s Dictionary* // *Muhammad Muin. – Tehran, the 8-th issue, 1385hijra. – 1339 pp.*
10. *Interpretation Dictionary of the Tajik Language*||. – *Dushanbe, part 2, 2008. – 944 pp.*
11. *Shakarmamadov N. Folk Poetry of Badakhshon*||. *Nisormamad Shakarmamadov. - Dushanbe: Cognition, 1975. – 126 pp.*

**10 02 22 ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ,
АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ**

**10 02 22 LANGUAGES OF FOREIGN COUNTRIES PEOPLES OF EUROPE, ASIA,
AFRICA, NATIVES OF AMERICA AND AUSTRALIA**

УДК 811.21/22

ББК 63.3(5Т)+81

**РОҶЕЪ БА ТАЪЛИФИ
КИТОБҲОИ ТАЪРИХИ ЗАБОНИ
ФОРСӢ-ТОҶИКӢ
ДАР ЭРОН**

*Исмоилов Олимхоҷа Бурҳонхоҷаевич,
сармуаллими кафедраи забон ва адабиёти
форсии ДДХ ба номи академик Б.Ғафуров
(Тоҷикистон, Хучанд)*

**К ВОПРОСУ ОБ ИЗДАНИИ
ТРУДОВ ПО ИСТОРИИ
ПЕРСИДСКО-
ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА В ИРАНЕ**

*Исмаилов Олимходжа Бурханхољаевич,
старший преподаватель кафедры
персидского языка и литературы ХГУ им.
акад. Б. Гафурова (Таджикистан, Худжанд)*

**ON THE ISSUE OF EDITION OF
THE WORKS ON THE
HISTORY OF PERSIAN-TAJIK
OF IRAN LANGUAGE**

*Ismoilov Olimkhoja Burhonkhojaevich,
senior lecturer of the department of the Persian
language and literature under KhSU named after
acad. B. Gafurov (Tajikistan, Khujand)
E-MAIL: bion_86@mail.ru*

Калидвожаҳо: забони форсӣ - тоҷикӣ, даврабандии таърихӣ, забонишиносии таърихӣ,
таърихи забони форсӣ – тоҷикӣ, равияи таърихӣ ва тавсифӣ, муқоисаи забонҳо

Мақолаи мавриди назар роҷеъ ба таълифи китобҳои таърихи забони форсӣ-тоҷикӣ дар Эрон аст. Дар асоси як қатор осори мӯътамад, минҷумла «Таърихи забони форсӣ»-и Парвиз Нотили Хонларӣ, «Раҳнамои забонҳои бостониҳои Эрон» -и Муҳсин Абулқосимӣ, рисолаи Ҳасан Ризоии Бозбедӣ таҳти унвони «Таърихи забонҳои эронӣ» ва таълифоти арзишманди доктор Тақии Арронӣ «Тақомул ва тағйири забони форсӣ» арзишҳои илми таълифот ва қовишҳои муаллифони осори фавқуззикр собит карда шудааст. Аҳамияти мақола дар он зоҳир мешавад, ки заҳмати устодони ин соҳа муфассал таҳлил мешавад. Зеро аксари ин таълифот дар Тоҷикистон дастрас нестанд ва ё доираи хурди мутахассисон аз он бохабаранд. Ҳамчунин, муаллиф кӯшиши ба харҷ додааст, ки аз нигоҳи илми забонишиносии имрӯза марҳалаҳои инкишофи таърихи забони форсӣ - тоҷикиро мавриди арзёбӣ қарор диҳад. Дар натиҷаи таҳлил муаллиф ба чунин хулоса меояд, ки асарҳои тарҷумаҳои омӯхташудаи як зумра аз забонишиносон яке аз бахшҳои бунёдии илми лингвистикаи таърихиву муосир маҳсуб меёбанд.

Ключевые слова: персидско-таджикский язык, историческая периодизация, историческое языкознание, история персидско-таджикского языка, исторический и описательный метод, сравнение языков

Исследуются труды, связанные с изучением истории персидско-таджикского языка в Иране. Затронут целый ряд надежных источников, в том числе «История персидского языка» Парвиза Нотила Хонлари, «Путеводитель по древним языкам Ирана» Мухсина Абулкосима, диссертация Хасана Ризои Богбеди «История иранских языков» и исследование доктора Такии Аррония «Совершенствование и изменение персидского языка», обоснована научная ценность произведений упомянутых авторов. Подробно анализируются труды названных ученых, так как многие из этих произведений в Таджикистане доступны только узкому кругу специалистов. Также сделана попытка дать оценку этапам развития истории персидско-таджикского языка с точки зрения современного языкознания. В результате анализа сделан вывод, что изученные языковедческие труды представляют собой один из разделов современной исторической лингвистики.

Key words: Persian-Tajik language, historical periodization, historic linguistics, history of the Persian-Tajik language, historical and descriptive method, comparison of languages

The scientific productions connected with the exploration of the history of the Persian-Tajik language in Iran are considered in the article. Touching upon a number of available sources, including «The History of Persian Language» by Parviz Notili Khonlari, «Guiding in Regard to Ancient Languages in Iran» by Muhsin Abdulqosimi, dissertation of Hasan Rizoi Bohgbedi entitled «History of the Iranian Language» and the research belonging to Dr. Taki Arroni under the title of «Evolution and Alteration of the Persian Language», the author substantiates scientific values of the works of the above-mentioned authors. He analyzes in details the compositions of the outstanding scholars as most of the formers are available only for a narrow range of specialists in Tajikistan. Into the bargain, the author makes an endeavor to assess the stages of the history of the Persian-Tajik language development from the viewpoint of contemporary linguistics. Adducing the results of the analysis the author of the article comes to the conclusion that the studied linguistic works present one of the branches of modern historical linguistics.

Дар садаи бистум, ки садаи таҳаввул ва ташаккули комилан нави илми забоншиносӣ дар ҷаҳон маҳсуб меёбад, асосан ду равияи бузург дар ин илм буруз кард, ки яке таърихӣ ва дигаре тавсифӣ ё татбиқист, ки ҳар кадом боз ба гурӯҳҳои мухталиф тақсим мешаванд. Таърихи забони форсӣ-тоҷикӣ, ки дар дарозии мавҷудияти худ мароҳили гуногунро аз сар гузаронидааст, тавачҷӯҳи олимони чи хоричӣ ва чи сохибони ин забонро ба худ бисёр ҷалб намудааст. Дар баробари он ки донишмандон ва олимони зиёде, монанди Маликушшуаро Баҳор (5;6), Забехуллоҳи Сафо (16), Сируси Шамисо (17;18), Саид Нафисӣ (13) ва ғ. зимни осори ҷудоғонаи худ дар мавриди таърихи забон ё ягон давраи мушаххаси он баҳсҳои кардаанд, таҳқиқоти хирфаии ҷудоғона ҳам дар заминаи мазкур рӯи кор омадааст, ки ҷанбаҳои мухталифи таърихи забонро дар худ таҷассум кардааст. Азбаски соҳоти ҷунин таҳқиқот ҳам як андоза берун аз мавзӯи мо хоҳад буд, танҳо бо таҳқиқоте, ки дар сарзамини Эрони кунунӣ дар ин ҷода анҷом пазируфтааст, иктифо хоҳем кард.

Бегумон дар чараёни ба пажӯҳиши таърихи забон гароидани олимони ва донишмандони эронӣ саҳми Парвиз Нотили Хонларӣ, ки яке аз асосгузори ин мактаб будо аз аввалинҳо шуда ба масъалаҳои таърихи забон муфассалан ва бо умқи ҳирфай рӯҷӯ кард, назаррас аст. Таъсири Хонларӣ ба ҳаде маҳсус аст, ки имрӯз ҳам дар таълифоти олимони забоншинос, ки олимони тоҷик ҳам аз ин шумор берун нестанд, масъалаҳои дар илми забоншиносӣ бардоштаи ӯ мавриди таҳлилу баррасианд. Пеш аз он ки ба баррасии китобҳои дар ин масъала иншошуда пардозем, таъкид менамоем, ки таҳқиқоти дар ин замина рӯи кор омада асосан бар се поянд. Яке, кутуби таърихи забон, ки маълумоти иҷмолий дар бораи даврабандӣ, забонҳои мухталифи роиҷи эронӣ, ҳиссаҳои нутқ ва хасоиси дигари забонҳо медиҳанд ва дигаре, китобҳои, ки дар мавриди ягон давраи мушаххас, таҳаввули ягон ҳиссаи ҷудогонаи нутқ дар давраҳои мухталиф бо қаринабандиву муқоисасозӣ бо адвори дигар ва ҳамчунин масъалаҳо баррасӣ мешаванд. Савум, китобҳои дар ин замина таълифнамудаи мустаҳрикони, ки дар Эрон имрӯз тарҷума шудаанд.

Парвиз Нотили Хонларӣ аз пешгомтарин олимоне маҳсуб мешавад, ки дар ҷодаи таълифи кутуби таърихи забони форсӣ қадам бардошта ва китоби “Таърихи забони форсӣ”-и ӯ дар муҷалладоти мухталиф дар Эрон борҳо нашр шудааст. Азбаски муаллифи мазкур дар таълифи китоб, ки маводи онро даста-даста ба нашр расонидаасту таъҷиле ҳам дар ин ҷода доштааст, ҷилди аввали китоби мазкур ҳафт маротиба рӯйи нашрро дидааст. Охириин наشري китоби мавриди назар ба дасти ҳуди устод Хонларӣ соли 1365 дар се муҷаллад аст, ки маводи асосии қори мо ҳам маъхуз аз ҳамин нашр мебошад ва то он ҷо, ки ҳуди муаллиф ҳам дар пешгуфтори китоб ишора намуда, наشري комилтарини китоби “Таърихи забони форсӣ” ҳамин мебошад. Таҳқиқоти Нотили Хонларӣ бар се пояи муҳим ниҳода шудааст: маълумот, мавод (и забонҳои гузашта) ва баҳси муфассал сари қалима (ё ягон ҳиссаи нутқ).

Дар китоби мавриди таҳқиқи мо масоили мубрами таърихи забони форсӣ, таҳаввулу инкишофи он аз замони қадим, шарҳи баъзе истилоҳоти забоншиносӣ, равандҳои ҷудошавии забонҳои эронӣ аз ориёӣ, мавқеи забонҳои эронӣ пеш аз вуруди арабҳо, мабоҳиси ғӯишҳо ва забонҳои эроние, ки пас аз ислом дар қаламрави эронзамин арзи вучуд кардаанд, вижагиҳои нахвию луғавӣ ва фонетикаи забони форсии дарӣ баъди истилои муғул баъзе масъалаҳои забони форсии муосир, таҳаввулу дигаргуниҳои он, забони форсӣ дар кишварҳои ҳамзавону ҳамсоя, монанди Тоҷикистон, Афғонистон, Шибҳи Қора таҳқиқу баррасӣ шудааст. Муаллифи «Таърихи забони форсӣ» кӯшида, то масъалаи таърихи забонро аз оғози он баррасӣ кунад, яъне аввал истилоҳоти аввалиндараҷаи умуми забоншиносиро шарҳу тавзеҳ медиҳад, ки мафҳумҳои бунёдии забон бар он асос ёфтааст. Зимни чунин шарҳу тавзеҳ муҳаққиқ баъзе нуқотро бо далелҳои мантиқӣ, таърихӣ ва қиёсӣ собит мекунад. Масалан, барои муайян кардани таърихи пайдоиш ва инкишофи хат Парвиз Нотили Хонларӣ ба мактуби сарвари яке аз қabilaҳои сурхпӯстони Амрико ба президенти Амрико истидлол намуда, бо таҳлилу маънидоди номаи мазкур нишон медиҳад, ки тафаккури инсоният ҷӣ гуна зина ба зина хатҳои гуногунро кашф кард ва имрӯз мавқеи хат барои ифодаи маъно то қадом дараҷа зарур аст (15, ҷ.1, с. 6-9). Аз дигар сӯ, он ҷӣ ки шеваи таҳқиқи Хонлариро имтиёз мебахшад, фаҳмати омӯзиш ва далоили ӯ зимни баъни андешаҳои гуногун аст. Масалан, муҳаққиқ пеш аз шурӯъ кардан ба қовишҳои таърихи забон, ба баррасии мушаххаси баҳши фонетикаи забони форсӣ пардохта (15, ҷ.1, с. 10-60) муҳимтарин масоили савтиётро ба риштаи таҳқиқ мекашад ё ин ки дар баробари ҳар забон ба мавҷудияти лаҳҷаву шеваҳои мухталиф

ишора кардани \bar{u} (15,ч.1,с.70-72) ва рафта-рафта ба забонҳои мухталифи мустақил мубаддал шудани он шеваву лаҳҷаҳо, ки бо далели мафҳуми «пракрит», ки дар баробари вожаи «санскрит» мавҷуд буда, маъноӣ забони омиёна доштааст (15,ч.1,с.135-36) дар баробари садҳо мисолҳои дигар оварда мешавад.

Дигар масъалае, ки ин ҷо бояд матраҳ шавад, маводоварии Хонларӣ дар китоби “Таърихи забони форсӣ” аст. Муҳаққиқ кӯшидааст, ки китобро бо фарогирии ҳар ҷи бештари маводи таърихӣ фароҳам оварад. Масалан, агар танҳо забони форсии бостонро гирем, метавон бо дилпурӣ гуфт, ки тамоми осори боқимонда аз забони порсии бостон дар китоби мавриди назари мо ҷамъ омада ва ба дастаҳо ҷудо шудааст. Дастаҳои бузург осори марбут ба шоҳон мебошад, ки дар ин радиф номи Дороюши аввал, Хашоёршо, Ардашери аввал, Дороюши дувум, Ардашери дувум ва Ардашери савум сабт гардидааст. Сипас дастаҳо ба зердастаҳо тақсим мешаванд. Дар зердастаҳо асмой макони ёфтгардидаи осори марбут ба шоҳон таҷассум шудаанд. Масалан, аз Дороюши аввал катибаҳо дар чунин амокин пайдо гаштаанд: Дар Бесутун (Кирмоншоҳ), Тахти Ҷамшед, Нақши Рустам, Шуш, Суз, кӯҳи Алванд ва дар Ҷамадон. Муаллиф дар бораи ҳама осор мекушад маълумоти дақиқ диҳад. Чунонки дар мавриди катибаи Дороюши аввал, ки аз Шуш ёфт шудааст, мегӯяд: «Навиштаҳои Дороюши аввал дар Шуш, ки рӯи сангҳо ва сутунҳо, ё қитаъоти мрамор, ё лавҳаҳои гилии пухта ва сафоли луобдода манқуш аст, бештари онҳо ба ҳама се забон аст (яъне порсӣ, элаӣ, аккадӣ – И.О.). Аммо баъзе ба порсиву аккадӣ ва баъзе низ танҳо ба порсӣ аст. Аз баъзе навиштаҳо низ чанд нусха ба даст омадааст» (15,ч.1,с.167). Дар дигар маворид пажӯҳишгар на танҳо макони ҷойгиршавии осори бозмондари дақиқ мекунад, яъне танҳо бо овардани макони он, мисол кӯҳи Алванд, иктифо накарда, балки мавқеи ҷуғрофӣ катиба ва ҷиғунагии ҳолати онро муайян менамояд:

«Дар кӯҳи Алванд сангнавиштае ба се забон, ҳар кадом дар 20 сатр. Рӯи тоқча-монанде, ки бар баданаи кӯҳи Алванд дар ҷануби шарқии Ҷамадон тарошидаанд» (15,ч.1, с.168).

Аммо ҷолибтарин нуктаи пажӯҳишоти Хонларӣ дар баҳсҳои \bar{u} ст, ки пиромони вожаҳои алоҳида оварда мешавад. Маҳз дар ҳама баҳсҳои анбӯҳи маълумот ва омӯхтаҳои муаллифи китоб пешорӯи хонанда боз мешавад ва ҷи андоза диди илмӣ доштан, масъаларо аз ҳар дид баррасӣ кардан ва бархӯрди \bar{u} бо маводи мавҷудаи таърихи забон равшан мегардад. Чунончи, дар баҳси ҳуруфи истифҳом, ки, фикр мекунам, аз мухтасартарин баҳсҳои китоб аст, ин нукта возеҳ мешавад (15,ч.3, с. 272-280). Дар он муаллиф вожаи “оё”-ро оварда, бо забонҳои гуногуни ҳиндуаврупоӣ киё мекунад ва қаринаҳои онро аз забонҳои мазкур меорад, сипас ҷойгоҳи онро дар сохтмони ҷумлаи форсӣ баён намуда, ба баҳсу қовишҳои таърихӣ он рӯ меоварад (15,ч.3, с.272-273). Хонларӣ нигоштааст, ки “дар забонҳои эронӣ бостон ва забонҳои эронӣ миёна монанди бисёре аз забонҳои ҳиндуаврупоӣ қайди пурсиши ҷумла бо қалимаи ҳосе баён намешуда” ва аз ин рӯ вожаи “оё” ва дигар ҳуруфи истифҳом дар забонҳои гузашта қарина надоранд (15,ч.3, с. 273). Ё ин ки дар мавриди феъл қовишҳои Хонларӣ шоистаи таҳсину офаринанд. Чунончи дар баҳши “Таҳавули таърихӣ сохтмони феъл” ҳиссаи мазкури нутқро дар зовияи забонҳои мухталифи қадима мегузорад ва сайре дар ташаккули он менамояд. Чунончи, дар мавриди истифодаи феъл дар забони паҳлавӣ чунин андеша дорад, ки сохтмони феъл дар он асосан ба ду равиш буда, ки яке “ба охири исм ҷузъи “-ин” афзуда мешавад ва он гоҳ ҷузъи сарфӣ сифаҳои мухталиф меояд. Монанди:

Озор – озорин – озоринидан = вайрон кардан

Офарин – офаринин – офарининидан = дуо кардан

Огоҳ – огоҳин – огоҳининидан = огоҳ кардан...” (15,ч.2, с. 182).

Ва дигаре он аст, ки “чузъи сарфӣ бе воситаи чузъи дигар ба охири исм мепайвандад ва феъл месозад. Монанди:

Аёс – аёсидан = ба ёд овардан

Кин – кинидан = кин доштан” (15,ч.2, с. 183).

Дар се нуктаи асосие, ки мутаваҷҷеҳ шудем, мисолҳои фаровоне дар китоби Хонларӣ мавҷуд ҳастанд, ки барои тӯл нақшидани баҳс аз овардан ва баррасии онҳо худдорӣ намудем. Ба таври хулоса метавон гуфт, ки Хонларӣ ба умдатарин масоили таърихи забон, аз қабилӣ забонҳои эронӣ бостон, фарқи паҳлавӣ ва порсӣ, инкишофу таҳаввули забони дарӣ ва ғайраҳо бо услуби муқоисавӣ–таърихӣ даст зада, комёб шудааст, то ин масъалаҳо ва бархе масоили дигарро амиқану дақиқан ва бо услуби хосса шарҳу тавзеҳ диҳад. Ба гуфтаи Шафеи Кадканӣ «он чиро Маликушшуаро Баҳор «Сабкшиносии наср» номида буд, ба дида илмитар ва услуби равишмандтар Хонларӣ бо номи «Таърихи забони форсӣ» фароҳам овард, ки ояндагон чуз такмили он илоҷе нахоҳанд дошт, зеро бунёди корро устувортар аз он бардоштааст, ки битавон кори ӯро ҳатто сад соли дигар номида гирифт ва ин тавфиқи андаке нест...» (8, с. 91). Аз ин боис ҷои шакку тардиде буда наметавонад агар дар китобҳои оянда таъсири вофири устод Хонларӣ баррасӣ шаванд.

Чунонки мо иттилоъ пайдо кардем, пас аз нашри китоби “Таърихи забони форсӣ”-и Парвиз Нотили Хонларӣ устод Муҳсин Абулқосимӣ ҳам китоби мухтасаре бо ҳамин ном ба нашр расонидааст (2). Мухтасар будани китоби мазкур агар аз як ҷиҳат аз сабаби он буда, ки муаллиф дар китоби “Раҳнамои забонҳои бостонии Эрон” матнҳои аз забонҳои гуногун барҷоймондари нашр намуда ва зарурати такрори онҳоро (ҳамчун устод Хонларӣ) дар зимни китоб зарур намешумурда, аз сӯйи дигар, ба баҳсҳои муфассал напардохтани Абулқосимӣ ин нуктаро равшан мекунад. Чунончи, ҳини маълумот роҷеъ ба ин ё он забонҳои бостон ӯ ба мухтасарбаёнӣ бисёр тақия меорад ва зимнан намехоҳад, ки маълумоти Хонларӣ ва дигаронро такрор наояд. Китоби мазкури Абулқосимӣ, ки пештар дар шакли мақолоти алоҳида дар маҷаллаи илмӣ “Ошно” (шумораҳои 11, 12 ва 13 соли 1372) ба нашр расида буд, нуктаеро муҳаққақан собит месозад, ки ӯ дар иншои китоби мазкур бар таълифи Нотили Хонларӣ назарҳое доштааст ва услуби пешгирифтаи ӯ ҳам як андоза ба услуби Хонларӣ қаробат дорад. Чунончи, дар даврандиги забонҳо ва дастабандии онҳо, хусусиятҳои забонҳои ҷудогона, ҷадвалкашии сомитҳо ва мусаввитҳо ва амсоли ин масоил, ки якандоза масоили баҳснок ҳам ҳастанд, муаллифи мавриди назар куллан бо Хонларӣ ҳамакида аст ва инро дар навиштаҳои худ ҳам инъикос кардааст (3, шумораи 11, с. 24-27). Чунонки ишора рафт, муаллиф ба таври мунтахаб маводеро сабт мекунад, вале ҳангоми тавзеҳи маводи сабтшуда ба баҳсҳои муфассал мепардозад. Ӯ зимни шарҳ аз ҳар воситаи мавҷуди замони имрӯз дар тавзеҳи мавод мекӯшад ва кори худро муназзам ва бо раҳбарии зинавӣ анҷом медиҳад, ки кори пажӯҳишгарро осон мекунад. Масалан, ӯ аввал маводро иқтибос мекунад, сипас алифбои онро меорад, сомиту мусаввитро ҷудо менаояд, сохтмони забонии маводро муайян месозад, вожаҳоро дар алоҳидагӣ шарҳ медиҳад ва пас он тарҷумаи матро зикр месозад (3, шумораи 11, с. 26-33). Аз дигар муҳассаноти кори Абулқосимӣ он аст, ки муаллифи номбурда дар поёни китоби худ ба решашиносии вожагони форсӣ пардохта, қаринаҳои онро аз забонҳои форсии бостон ва форсии миёна ҷустуҷӯ кардааст (3, шумораи 11, с. 14-18).

Китоби “Таърихи забони форсӣ” - навиштаи Меҳрии Боқирӣ аз ҷумлаи китобхоест, ки дар Эрони имрӯз ба масъалаи таърихи забон баҳси муфассал мекунад (8). Ин китоб бар ду бахш тақсим шуда, бахши аввал ба таҳаввули забон, сабабҳои таҳаввулу ташаккули забон ва дигаргуниҳои забонӣ, давраҳои таърихии таҳаввули забонҳо ва амсоли ин масъалаҳо ихтисос дорад. Бахши дувуми китоб ба баррасии иҷмолии дигаргуниҳои оғозӣ, сарфӣ ва наҳвии забони форсӣ дар давраҳои бостон, миёна ва ҷадид баҳшида шудааст. Аз ҳамин банду басти китоб ва тарзи матраҳ кардани масъала ҳам ба содагӣ метавон пай бурд, ки муҳаққиқ бар кори анҷомдодаи Хонларӣ ва пешинагони худ назар дошта, ба сабаби он ки риштаи забоншиносии таърихӣ аз зумраи риштаҳои ҷадидтари ин илм маҳсуб мешавад, бар он даст задааст. Ҷунончи, худи ӯ навишта: “Таърихи забон дониши навинест, ки дар миёни улуми адиди инсонӣ муваффақияти хос ва қобили таваҷҷуҳ ёфтааст... Таҳқиқ ва татаббуъ дар бораи пешинаи забонҳо, суратҳои мухталифи ҳар забон дар замонҳои мухталиф, шинохти тағйироту таҳаввулоту забонҳо ва ёфтани қавоиду қавонини ҳоким бар ин таҳаввулот дар маҳдудаи кори забоншиносии таърихӣ қарор дорад” (8, с. 5).

Муҳаққиқи дигаре, ки дар раванди гузариши забоншиносии таърихӣ саҳми басазо дорад, Ҳасан Ризоии Боғбедӣ мебошад, ки ахиран хидматҳои мухталифи худро, ки пештар дар шакли мақолаҳои тарҷумаҳои осори марбут ба ин шохаи илми забоншиносӣ буд, бо навиштани китоби “Таърихи забонҳои эронӣ” (7) як андоза ҷамъбаст намуд. Китоби ӯ аз муқаддима ва 7 бахш иборат буда, дар бахшҳои китоб муаллиф роҷеъ ба забонҳои ҳиндуаврупой, забонҳои ориёӣ, забонҳои оғозини форсӣ, забонҳои бостони эронӣ, забонҳои эронии миёнаи шарқӣ, забонҳои эронии миёнаи ғарбӣ ва забонҳои эронии нав маълумот медиҳад. Муаллиф тибқи анъана дар бахши аввали китоб дар бораи кашфи робитаи байни забонҳои ҳиндуаврупой суҳбат карда, дар поёни қисмати мазкур ҷанд забони қадимаи мутааллиқ ба ин оилаи забонҳоро зикр месозад (7, с. 7). Дар бахши ду ва се дар мавриди қавмҳои ориёнаҷод ва таърихи кӯчбандии онҳо ва забонҳои “оғозини ҳинду эронӣ” (7, с. 12) ва сохти “оғозини забонҳои эронии бостон” (7, с. 19) кӯшиш ба анҷом расидааст. Он чи, ки кори Ҳасани Ризоиро аз дигарон имтиёз мебахшад дар он аст, ки ӯ ба бахшҳои муфассали сарфиву наҳвии забонҳои эронии бостон, сақӣ, модӣ, авастӣ ва забонҳои эронии давраи миёна пардохта, онҳоро аз лиҳози сохту таркиби ҷумлаҳо ба ҳам мавриди қарор додааст. Бахшҳои чоруму панҷум ва қисмати аз бахши шашуми китоби ӯ ба ҳамин баҳсу ангезаҳо ихтисос дорад ва як андоза қимати китоби ӯ ҳам дар ҳамин мавридҳо бештар мегардад. Ӯ мисли Абулқосимӣ ва Боқирӣ ба такрори ҷадвалҳои тартибдодаи Хонларӣ напардохта, қорҳои муҳими дигареро дар ин сомон рӯи қор овардааст. Бо ин ҳама, дар бисёр маврид обишхури аслии ӯ китобу пажӯҳишҳои Хонларӣ ҳам будааст, ки дар зимни маълумоту баҳсҳои даврандагии забонҳо ва ҳатто бархе мавриди баҳси мустақилонаи ӯ роҷеъ ба сарфу наҳви ҷумалот ва қиёси онҳо дар давраҳои мухталиф майлоне ба андешаҳои Хонларӣ мекунад (7, с. 150).

Ба ғайр аз ин китобҳо, ки ном бурда шуд, бисёр пажӯҳишҳои ҳастанд, ки хоси як давраи забон ё як ҳиссаи онанд, аммо зимнан мабҳаси таърихӣ доранд ва аз ин лиҳоз зикри баъзе аз онон ин ҷо аз аҳамият ҳолӣ нест. Ба қалами доктор Тақии Арронӣ китоби арзишманди “Тақомул ва тағйири забони форсӣ” иншо шудааст (4), ки бахшҳои фалсафӣ ва дидҳои ҷомеашиносии ӯро роҷеъ ба адвори мушаххаси забони форсӣ таҷассум мекунад. Ҳамчунин, китобҳои “Раҳнамое бар забонҳои бостонии эронӣ”-и Мӯҳсин Абулқосимӣ (1), “Радашиносии забонҳои эронӣ”-и Муҳаммади

Дабирмакдам (9), “Даромаде бар гӯишшиносӣ”-и Алиакбари Шерӣ (19) ва мақолаҳои “Мулоҳизоте чанд дар бораи вачҳи иштиқоқи номи Авасто” (Меҳрии Боқирӣ), “Муаррифии забонҳо ва гӯишҳои Эрон (Ҳасан Ризоӣ), “Забони дарӣ” (Баҳор), “Татаввуроти забони форсӣ дар зимни 29 қарн” (Баҳор), “Хостгоҳи забони форсии дарӣ Форс ё Хуросон?” (Тақӣ Ваҳидиёни Комёр), (Алиашрафи Содикӣ), “Забони форсӣ ва гӯишҳо” (Аҳмади Тамимдорӣ) ва “Нигоҳе ба гӯишномаҳои Эрон” “Таквини забони форсӣ” (Алиашрафи Содикӣ), “Баррасии низоми вожабастии замири дар таърихи забони форсӣ ва илали таҳаввули он” (Абулфазли Музайянонӣ ва Шахло Шарифӣ) ва амсоли ин қобили зикр ва мулоҳиза мебошанд. Дар ҳар як аз ин мақолаву китобҳо бахшҳои аз таърихи забон ё умуман бахшҳои аз забон дар маърази забоншиносии таърихӣ таҳқиқ шудаанд. Шоиистаи зикр аст, ки агар муаллифи ин сатрҳо тамоми мақолоте, ки дар ин чода ба қалами донишмандону донишмардони эронзамин таълиф шудаанд, биёварад, сухан ба тафсил мекашад ва аз ин рӯ ба зикри муҳимтарини инҳо, ки ба таърихи забон ва ё ягон шоҳаи мушаххаси он алоқаманданд, иктифо намуд.

Дар баробари ин, авомили дигаре ҳам мавҷуд буда, ки саҳми назарраси худро дар пешрафти ин шоҳаи илми забоншиносӣ дар Эрон дорад. Пеш аз ҳама бояд мутазаққир шавем, ки шоҳаи забоншиносии таърихӣ дар Аврупо пайдо шуда ва пеш аз манотиқи Шарқ дар он ҷо рушд кардааст. Ин омил бегумон вуруди ин шоҳаро аз аврупоиён бар забоншиносии эронӣ тасдиқ мекунад. Аз ин боис, метавон зикр намуд, ки яке аз сабабҳои дар Эронии имрӯз рушду таҳаввул намудани шоҳаи забоншиносии таърихӣ ҳам маҳз дар тарҷумаи онон аз осори илмии дар ин росто таълифкардаи аврупоиён аст. Масалан, профессор Никола Раст китоби “Пайдоиши замоири форсӣ”-ро таълиф карда, ки он ҳанӯз соли 1955 ба форсӣ тарҷума шуда буд (14). Дар он муаллиф роҷеъ ба ҷонишинҳои забони форсӣ ва таърихи пайдоишу таҳаввулу татаввури онон дар лаҳҷаҳои гуногуни таърихии забони форсӣ ва бахше аз забонҳои ҳиндуаврупоӣ маълумот медиҳад. Чунончи, ӯ дар бораи танҳо замири фоилии “ман” 6 саҳифа маълумот дарҷ мекунад (14, с. 6-12), ки зимни он сайри таърихии “ман” дар забонҳои эронӣ, дар шеваҳои имрӯзаи роиҷи эронӣ ва қиёси он бо бархе забонҳои ҳиндуаврупоӣ, амсоли туркӣ, курдӣ ва ғайра сурат гирифтааст. Ногуфта намонад, ки муҳаққик калимаҳое, ки бо замири мазкур дар соири забонҳои дунё сохта шудаанд, ба риштаи таҳқиқ кашида, наздикию робитаи забонҳои мухталифро бо усули қиёси чунин калимаҳо ба хонанда пешниҳод мекунад (13, с.8). Ҳамчунин, китобҳои Лазар Жилбер “Шаклгирии забони форсӣ” (12), Кристафер Брунар “Наҳви забонҳои эронии миёнаи ғарбӣ” (11), Ҳарн Пол “Асоси иштиқоқи форсӣ” (20) ва пажӯҳишоти И.М. Оранский, Виллям Гемвел, Дресден Марк, В.С. Расторгуева, Р.М.Гиршман ва дигарон дар ин бахш таъкид карданианд.

Хулоса дар Эронии имрӯз илми забоншиносӣ ва, махсусан, шоҳаи забоншиносии таърихӣ бисёр рушд карда, аз ҳар ҷиҳат имрӯз тавсия ёфта истодааст, ки дар ин чода саҳми яке аз забоншиносони номии ин диёр Парвиз Нотили Хонларӣ бисёр маҳсус аст. Ногуфта намонад, ки маҳз тавасути китоби “Таърихи забони форсӣ”-и ин муаллиф ва бархе авомили дигар, ки ин ҷо мухтасар ҳар яке ном бурда ва тавзеҳ дода шуд, ин шоҳаи илм ба зинаҳои нави мустақилият ва комёбиҳо расид. Чунонки зикр карда омад, тамоми олимоне, ки пас аз Нотили Хонларӣ ба иншои кутуби илмӣ дар шоҳаи забоншиносии таърихӣ пардохтаанд, кам ё беш ба китобу таълифоти ин олими тавоно назар доштаанд.

Пайнавишт:

1. Абулқосимӣ, Мӯҳсин. Раҳнамое бар забонҳои бостони эронӣ. –Техрон: Интишороти Ҷамолулҳақ, 1375. – 270с.
2. Абулқосимӣ, Мӯҳсин. Таърихи забони форсӣ. – Техрон: Интишороти Асотир, 1380. – 350с.
3. Абулқосимӣ, Мӯҳсин. Таърихи забони форсӣ . //Ошно. - №11 (хурдод-тир) - 1372. – с.22-30.
4. Арронӣ, Тақӣ. Тақомул ва тағйири забони форсӣ. – Техрон: Амири Кабир, 1330. – 370с.
5. Баҳор, Муҳаммадтақӣ. Забони дарӣ //Ҳаждаҳ мақола. -Хучанд: Нури маърифат, 2008. - С. 8-13.
6. Баҳор, Муҳаммадтақӣ. Сабкиносии Ҷ.1. - Техрон: Амири Кабир, 1391. – 467с.
7. Богбедӣ, Ҳасан Ризоӣ. Таърихи забонҳои эронӣ. –Техрон: Маркази доиратулмаорифи бузурги исломӣ, 1388. – 239 с.
8. Боқирӣ, Меҳрӣ. Таърихи забони форсӣ. –Техрон: Қатра, 1373. – 207 с.
9. Дабирмақдам, Муҳаммад. Радаиҳои забонҳои эронӣ. – Техрон: Интишороти Созмони мутолиа ва тадвини кутуби улуми инсонии донишгоҳҳо, 1392. – 668с.
10. Иттиҳод, Ҳушанг. Пажӯҳишигарони муосири Эрон. – Техрон: Фарҳанги муосир, 1378. -518 с.
- 11.Кристафер Брунар. Наҳви забонҳои эронии миёнаи гарбӣ. /Тарҷумаи Саид Урён. – Техрон: Фирдавс, 1376. – 286с.
- 12.Лазар, Жилбер. Шаклгирии забони форсӣ /Тарҷумаи Маҳастии Баҳрайнӣ.-Техрон: Пажӯҳишигоҳи улуми инсонӣ ва мутолиоти фарҳангӣ, 1384. – 245с.
- 13.Нафисӣ, Саид. Таърихи назму наср дар Эрон ва дар забони форсӣ. Ҷ.1. - Техрон: Интишороти Фуруғӣ, 1363. – 1172 с.
14. Раст Никола. Пайдоиши замонҳои форсӣ. – Техрон: Интишороти Донишгоҳи Маишад, 1333. – 162с.
15. Хонларӣ, Парвиз Нотили. Таърихи забони форсӣ. Ҷ.1-3. - Техрон: Фирдавс, 1377.
- 16.Сафо, Забехуллоҳ. Таърихи адабиёт дар Эрон (ва дар қаламрави забони порсӣ. аз оғози садаи даҳум то миёнаи садаи дувоздаҳуми ҳиҷрӣ). Ҷ. 5, баҳии 2. – Техрон: Амири Кабир, 1373ҳ. – 636-1420с.
- 17.Шамисо, Сирус. Куллиёти сабкиносии. –Техрон: Андеша, 1374.
- 18.Шамисо, Сирус. Сабкиносии шеър. - Техрон: Интишороти Фирдавс, 1374. – 430с.
19. Шерӣ Алияқбар. Даромаде бар гӯишиносии. – Техрон: Интишороти Мозёр, 1386. – 176с.
- 20.Ҳарн Пол. Асоси шитиқоқи форсӣ /Тарҷумаи Ҷалол Холиқии Мутлақ. –Техрон: 1356. – 190с.

Reference Literature:

1. Abulqosimi, Muhsin. Guiding in Regard to Ancient Languages in Iran. – Tehran, 1375hijra. – 270 pp.
2. Abulqosimi, Muhsin. History of the Persian Language. - Tehran: Asotir publishing-house, 1380hijra. – 350 pp.
3. Abulqosimi, Muhsin. History of the Persian Language //Oshno. - # 11. 1372hijra. – pp. 22 – 30.

4. Arroni, Taki. *Evolution and Alteration of the Persian Language*. - Tehran: Asotir publishing-house, 1330hijra. – 370 pp.
5. Bahor, Muhammadtaqi. *Dari Language // Eighteen Articles*. - Khujand: Light of Enlightenment, 2008. – pp. 8 – 13.
6. Bahor, Muhammadtaqi. *Stylistics. – V.1*. - Tehran: Great Amir, 1391hijra. – 467 pp.
7. Boghbedi, Hasan Rizoi. *History of Iranian Languages*. - Tehran: Centre of Great Islamic Encyclopedia, 1388hijra. – 239 pp.
8. Boqiri, Mehri. *History of the Persian Language*. - Tehran: Drop, 1373hijra. – 207 pp.
9. Dabirmaqdam, Muhammad. *Classification of Iranian Languages*. - Tehran: Islamic Sciences Publishing-house, 1392hijra. – 668 pp.
10. Ittihod, Hushang. *Modern Researchers of Iran*. - Tehran: Modern Culture, 1378hijra. – 518 pp.
11. Kristopher Bruner. *Grammar of Middle Western Iranian Language / Translated by Said Uryon*. - Tehran: Firdaws, 1376hijra. – 286 pp.
12. Lazar, Zhilber. *Formation of the Persian Language / Translated by Mahastii Bahrayani*. - Tehran: Institute of Islamic Sciences and Cultural Conversations, 1384hijra. – 245 pp.
13. Nafisi, Said. *History of Prose and Verse in Iran and in Persian Language. – V.1*. - Tehran: Furughi publishing-house, 1363hijra. – 1172 pp.
14. Rast Nikola. *Rise of Persian Pronouns*. - Tehran: Mashhad University publishing-house, 1333hijra. – 162 pp.
15. Khonlari, Parviz Notili. *History of the Persian Language. – V.V. 1-3*. - Tehran: Firdaws, 1377hijra.
16. Safo, Zabeulloh. *The History of Literature in Iran (Referring to Persian Language State. From the Beginning of the X-th up to the Middle of the XII-th Hijra Centuries). – V.5. – P.2*. - Tehran: Great Amir, 1373hijra. – 636 – 1420 pp.
17. Shamiso, Surus. *Collection on Stylistics*. - Tehran: Idea, 1374hijra.
18. Shamiso, Surus. *Poetic Stylistics*. - Tehran: Firdaws publishing-house, 1374hijra. – 430 pp.
19. Shei, Aliakbar. *Some Views Concerned with Dialectics*. - Tehran: Mozyor publishing-house, 1386hijra. – 176 pp.
20. Harn Pol. *Grounds of Persian Word Formation / Translated by Jalol Kholiqii Mutlaq*. – Tehran, 1356hijra. – 190 pp.

ТАҚРИЗ ВА КИТОБИЁТ ОБЗОР И РЕЦЕНЗИИ SURVEYS AND REVIEWS

УДК 374.8
ББК 92

АВВАЛИН ЛУҒАТНОМАИ ШОҲИДДОР (Тақриз ба китоби Асади Тӯсӣ. Лугати фурс. Муқаддима, таҳия, таълиқот, ҳошия ва феҳристи Нурулло Ғиёсов. –Хуҷанд:Нури маърифат, 2015. – 492 с.) *Зиёев Хуршедҷон Махшулович, д. и. фал., профессор, Сардори раёсати илм ва инноватсияи Вазорати маориф ва илми Ҷумҳурии Тоҷикистон*

ПЕРВЫЙ СОХРАНИВШИЙСЯ ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ С ПРИМЕРАМИ (Рецензия на книгу Асад-и Туси. Лугат-и фурс. Введение, перевод, комментарии, примечания и приложения Н. Гиясова. – Худжанд: Нури маърифат, 2015. – 492с.) *Зияев Хуршедҷон Махшулович, д.филол.н., профессор, начальник Управления науки и инноваций АН Республики Таджикистан*

THE FIRST PRESERVED INTERPRETATION DICTIONARY WITH EXAMPLES (review on the book entitled «Lughati Furs» done by Asad-i Tusi. Introduction, translation, commentaries, revision and appendices by N. Giyasov. - Khujand: Light of education, 2015. – 492 pp.) *Ziyayev Khurshedjohn Makhshulovich, Dr. of Philosophy, Professor, chief of science and innovation management under the Academy of Sciences of Tajikistan Republic*

Калидвожаҳо: таърихи фарҳангшиносии форсӣ-тоҷикӣ, Лугати фурс, Асади Тӯсӣ, асри XI, аввалин лугатномаи шоҳиддор, фонди лугавии забон

Дар мақола падидаи муҳими фарҳангӣ будани наири «Лугати фурс» бо хати кириллӣ зикр шудааст. Муаллиф таъкид мекунад, ки китоби Асади Тӯсӣ «Лугати фурс» сеюмин таълифот дар фарҳангшиносии тоҷику форс, аввалин лугатномаи шоҳиддори то замони мо расида маҳсуб ёфта, қадимтарин махзани калимаву ибороти забони тоҷикӣ аст. Муаллиф дар баробари таъкиди аҳамияти бузурги фарҳангии чопи ин асар масъалаи эҳёи истифодаи баъзе калимаю ибораҳои лугатномаи Тӯсиро дар якҷанд минтақаҳои Тоҷикистони муосир зикр мекунад. Бо овардани мисолҳои фаровон аз фарҳанги Асади Тӯсӣ кӯшиши шудааст, ки таърихи пайдоиши (этимология) баъзе калимаҳои лаҳҷаҳои ҷанубии забони тоҷикӣ муайян карда шавад.

Ключевые слова: история таджикско-персидской лексикографии, Лугати фурс, Асади Туси, XI век, первый толковый словарь, стихотворные подтвердительные цитаты, словарный фонд языка

В статье отмечается, что издание «Лугати фурс» («Толкового словаря персидского языка») на кириллице является значительным культурным событием. Подчёркивается, что книга Асади Туси «Лугати фурс» считается третьим словарём в истории таджикско-персидской лексикографии и при этом первым дошедшим до нас лексикографическим трудом со стихотворными подтвердительными цитатами и, вследствие этого, - сокровищницей исконной таджикской лексики. Особо отмечается факт функционирования ряда слов, зафиксированных в словаре Туси, в современных южных диалектах таджикского языка. На основании данных из труда Асади Туси сделана попытка установления этимологии некоторых слов из южных диалектов таджикского языка.

Key words: history of Tajik-Persian lexicography, Lughati Furs (Furs` Dictionary), Asad-i Tusi, the XI-th century, the first interpretation dictionary, versified illustrative citations, vocabulary stock of language

In his article the author underscores that the edition of «Lughati Furs» («Persian-Tajik Interpretation Dictionary») in Cyrillic type is considered as a significant cultural event. The author lays an emphasis upon the assertion that Asad-i Tusi's production is the third dictionary in the history of the Tajik-Persian lexicography; hereby, it is the first extant lexicographical work with versified illustrative citations which preserved up to nowadays, designing on the premise of the result of the conducted research one can assert that this dictionary is looked upon as a treasury of primordial Tajik vocabulary. The author underscores the fact that the functioning of a number of words fixed in Tusi's dictionary has preserved in modern Southern vernaculars of the Tajik language. Proceeding from the data out of Asad-i Tusi's work the author of the article makes an endeavour to establish the etymology of some words found in Southern vernaculars of the Tajik language.

Фарҳангу луғатномаҳо воситаи муҳимтарини ҳифзи забони ҳар як миллат ва унсурҳои дохилии ин воситаи муҳими муошират аст. Аз ин ҷост, ки рӯ овардан ба луғатномаҳо барои ҳар як муҳаққику омӯзанда чун сайри таърихӣ ба решаи асолати фарҳангӣ маҳсуб мешавад. Вобаста ба ин моро зарур аст, ки бо мақсади такмили забони муосири ҳеш тамоми фарҳангу луғатномаҳои қадимиву навро барои истифода ҳамеша дар даст дошта бошем.

Аз нуқтаи назари дар боло зикршуда нашри «Луғати фурс»-ро, ки бо эҳтимоми устод Нурулло Ғиёсов дар соли 2015 дар нашрияти «Нури маърифат» дар ҳаҷми 492 саҳифа сурат гирифтааст, метавон як падидаи хеле муҳими фарҳангӣ арзёбӣ намуд. Луғатномаи мазкур, ки муаллифи он Асадии Тусӣ (1005/10-1073) аст, сеюмин таълифот дар таърихи фарҳангшиносии тоҷикӣ форс ва аввалин луғатномаи шоҳиддор буда, маҳзани ҳуби калимаи ибороти қадимаи забони мост.

«Луғати фурс» аҳамияти бузургу гуногунпаҳлуи фарҳангӣ дорад, вале ин ҷо меҳостем, ки дар асоси он чанд масъалаҳои вобаста ба эҳёи баъзе калимоти ибороте, ки дар ин луғатнома омадаанд ва дар баъзе минтақаҳои Тоҷикистони

муосир истифода мегарданд, инчунин оид ба сайри таърихии баъзе калимаҳои тоҷикӣ баррасӣ созем.

Қабл аз овардани мисолҳо аз луғатномаи мазкур мехостем таъкид намоем, ки устод Садриддин Айнӣ гуфта буданд, ки «Барои оммафаҳм кардани забони тоҷик тафтиш кардан ва донишони лаҳҷаҳои кӯҳистон низ зарур аст...»¹. Оид ба лаҳҷаҳои кӯҳистон бошад, нуқтаи назари устод С. Айнӣ чунин буд: «... моро лозим аст, ки дар китобҳои мактабии тоҷикон забони кӯҳистони тоҷикро қабул кунем. Забони кӯҳистони тоҷик забони форсии сода, аз такаллуфоти эронӣ холӣ, ба луғатҳои арабии ношунида ҳалт наёфта ва ба сарфу нахви форсӣ мувофиқ аст... Ин гуна забон аз Фалғар-Масҷох гирифта то Қаротегин ва Дарвоз маъмул ва ҳамафаҳм аст»².

Ба ибораи дигар, истифода аз захираи луғавии шеваю лаҳҷаҳои кӯҳистон ва дигар мавзёҳои тоҷикнишин метавонад, ки барои ғанӣ гардонидани забони адабӣ мусоидат намояд. Дар ин замина овардани якчанд мисолро аз «Луғати фурс»-и Асадии Тусӣ зарур мешуморем.

Калимаҳои «шеб» ва «шам» дар фарҳанги Тусӣ чун «ошуфтани» (с. 66) ва «рамадан» (с.332) шарҳ дода шудаанд. Ин калимаҳо дар баъзе мавзёҳои кӯҳистон то ҳол дар шакли «шем» мавриди истифода қарор доранд: «Кӯдакро шем макун» (яъне, кӯдакро ошуфта ва ноумед макун).

Асадии Тусӣ меоварад: «ғужб - донаи ангур» (с. 65.), «ғужм - сурраи ангур» (с. 334.). Дар кӯҳистон мегӯянд, ки як ғучм ангур бидеҳ ва дар ин маврид якчанд донаи ангурро дар назар доранд.

«Ғулба» дар луғати мазкур чун калогпеса шарҳ ёфтааст (с. 69). Ин калима дар кӯҳистон дар шакли «ғулбак» маънии аккаро дорад.

Дар «Луғати фурс» мехонем: «Чах - чахидан бошад чун кӯшидан» (с.144). Аксарияти мардум аз истифодаи калимаи «чахидан» дар кӯҳистон ба маънии «ёзида баромадан» хабардоранд. Ҳамзамон, дар таълифоти Асадии Тусӣ чунин шарҳҳо дармеёбем: «ғунд - гирдомада» (с. 137), «кож – аҳвал» (с. 171), «ғеша - гиёҳе, ки бувад монанди гиёҳи ҳасир, битобанд ва ҳувули қаҳқашон кунанд» (с.205). Калимаҳои мазкур ҳам дар шакли «ғунд кардан» (чамъ овардан), «қоч» ё «қич» (олус) ва «ғеш» ё «ғеша» (решаи алаф) то ҳол дар кӯҳистон дар истифодаанд.

Калимаи «раш»-ро Асадии Тусӣ дар ибораи «канд ва раш» чун «замини фароз ва нишеб» (с.205) тафсир додааст. Тоҷикони кӯҳистон «ружд» ва «руждӣ» гуфта, ҳамвор ва ҳамвориро мефаҳманд.

«Тӯғ», ки дар «Луғати фурс» чун «ҳезуми кӯҳии саҳт» (с.221.) омадааст, имрӯз дар кӯҳистон чун номи дараҳти кӯҳии мевадор истифода мегардад. Калимаи «ҷак» (ҳамажакад - с.246-247) низ дар шакли «ҷакидан» (бисёру беҳуда гуфтан) то кунун дар кӯҳистон зинда аст.

Мардуми кӯҳистон оху ё бузи кӯҳиро «нахчир» мегӯянд. Дар «Шоҳнома»-и Фирдавсӣ ва луғати Асадии Тусӣ (с.292) ҳам калимаи мазкур ба ҳамин шакл омадааст.

Барои ифодаи «бахшидан», хусусан аз ҷониби пиронсолон насли ҷавонро, дар кӯҳистони тоҷик феъли «пихил кардан»-ро истифода мебаранд. Дар «Луғати фурс» калимаи «бил - яъне биҳил» (с.303) ба ҳамин маънӣ шарҳ ёфтааст.

¹ Айнӣ С. Аҳгари инкилоб. -Душанбе: Ирфон, 1974.- С.108.

² Ҳамон ҷо. - С.70.

Шеваю лаҳчаҳои кӯхистон калимаҳоеро низ ҳифз кардааст, ки дар забони муосири адабии тоҷик муродифи онҳо вучуд надорад. Масалан, барои моҳигирӣ мардуми кӯхистон аз «нашпул» истифода мекунанд. Ин калимаро Асадии Тӯсӣ дар шакли «нашпил - оҳанпорае бошад, ки сари мӯи асп банданд ва бад-он моҳӣ гиранд» (с.307) овардааст.

Дар луғатномаи баррасишаванда «бонгу дамдамаи гиристан дар гулӯ» чун «ғаран» (с. 376) омадааст. Мардуми кӯхистон «чӣ ғарак дорӣ?» гуфта ҳамин маънӣ ё илтиҷои амики шахсеро, ки гирия гулӯгираш кардааст, дар назар доранд.

Аз омӯзиши «Луғати фурс» бармеояд, ки калимаи «лунба - мардуми фарбеҳи бузург» (с.380), ки ҳоло дар шакли «лумб» серистифода аст, инчунин «метин - каланди чоҳканон» (с.386) баромади асл аз забони адабӣ доранд.

Дар кӯхистони Дарвоз хишома карданро «хав кардан» мегӯянд. Асадии Тӯсӣ дар луғати худ «хав»-ро чун гиёҳе шарҳ додааст, ки ба «дарахт дарпечад» (с. 402). Ҳамчунин, мардуми ин минтақа калимаи «яктирева»-ро ба маънии қач, яктарафа истифода мекунанд. Дар луғати муаллифи мазкур «тирева - роҳе бувад пушта-пушта» (с. 407) омадааст.

Чанд мисоле, ки овардем, шаҳодат аз он медиҳанд, ки калимаҳои зиёди лаҳҷавию шевагӣ асли баромад аз забони адабӣ доранд ва гулчин аз чунин калимаҳо метавонад, ки дастагули забони шеваи тоҷикиро боз ҳам зеботар кунад. Ин маънӣ ақидаи устод С. Айниро дар бораи «қабули забони кӯхистони тоҷик» чун як пояи забони адабӣ тақвият медиҳад.

Бо така ба «Луғати фурс»-и Асадии Тӯсӣ метавон оид ба сайри таърихии баъзе калимаҳои тоҷикӣ ба забонҳои туркӣ ва бозгашти онҳо ба асл (ба қавле, «калимаҳои саргардон») якҷанд фарзияву тахминеро тақвият бахшид.

Чунонки маълум аст, дар забони тоҷикӣ замини сангистон ё сангзорро баъзан «санглох» мегӯянд. Аз ин калима пайдост, ки «лох» вазифаи калимасозиро иҷро мекунад ва намунаҳои онро дар забони кӯхистонӣ тоҷик мушоҳида мекунем. Аз ҷумла, як калимае бо номи «девлох» дар минтақаи Дарвоз ва ҳамсоғии он истифода мегардад, ки ба маънии бошишгоҳи саҳроӣ ё тобистонаи чорво дар баландкӯҳӣ аст. Дар «Луғати фурс» калимаи «девлох» чун «сардсер» (с.112), яъне минтақаи хунук ва дур аз ободонӣ тафсир ёфтааст.

Ҳамчунин, ба назар мерасад, ки суффикси калимасозии «лох» ба забонҳои туркӣ гузашта, шакли «лок»-ро гирифтааст. Аз ҷумла, дар калимаи «айлок», ки ҳамон маънии девлохро дорад. Аз ин ҷост, ки тахминҳо дар бораи асли тоҷикӣ, на туркӣ доштани калимаҳои «қишлоқ» ва «ботлоқ» низ беасос нестанд. Қишлоқ дар шакли «қиштлох» ба маънии қиштзор ва ботлоқ дар шакли «ботлох» ба маънии замини сернаму пурлой буда, шарҳи комилтари онҳоро ба мутахассисони соҳа ҳавола мекунем.

Чанд мисоле, ки дар боло овардем, хамагӣ гувоҳи онанд, ки «Луғати фурс»-и Асадии Тӯсӣ яке аз кӯхнатарин маҳзанҳои забони тоҷикию форсӣ аст, ки метавонад барои ғанисозии забони адабии муосири тоҷик сарчашмаи хубе бошад. Аз ин рӯ, эҳтимоми устои Донишгоҳи давлатии ҳуқуқ, бизнес ва сиёсати Тоҷикистон дар шаҳри Хучанд, номзади илми филология, дотсент Нурулло Ғиёсов, ки барои нашри ин китоби нодир заҳматҳои зиёде кашидаанд, боиси таҳсину қадрдонист.

МУНДАРИЧА СОДЕРЖАНИЕ

07 00 00 ИЛМҲОИ ТАЪРИХ ВА АРХЕОЛОГИЯ 07 00 00 ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

07 00 02 Отечественная история	5
<i>Разаков Р.Ч. О природе социализма в России.....</i>	5
<i>Бокоев К.С. К вопросу о присоединении кыргызов Центрального Тянь-Шаня к России.....</i>	12
<i>Шаринов М.М., Тоатов Ҳ.С. Аз таърихи таъсиси давлати тоҷикони Ғур дар Хуросон (1152-1206).....</i>	19
07 00 07 Этнография, этнология и антропология	27
<i>Аюбов А.Р. Особенности эволюции согдо-тюркских взаимоотношений в раннем средневековье.....</i>	27
<i>Холов М.Ш. Таджикские линейные меры длины конца XVIII – начала XX веков.....</i>	36
<i>Бободжанова Н.И. Некоторые аспекты историко-культурного развития народной одежды таджиков (традиции и инновации).....</i>	51
<i>Маҳкамов С.С. Шарҳу тафсири топоними «Истаравишан» дар сарчашмаҳои асримиёнагӣ ва осори олимон</i>	61
07 00 09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования.....	72
<i>Ҷўразода Ҷ.Ҳ. Манбаъҳои таърихӣ– оинаи рӯзгори ниёгон.....</i>	72
<i>Акрамова С.Х. Некоторые аспекты истории первой нотной записи «Шашмакома» в трудах исследователей.....</i>	88

09 00 00 ИЛМҲОИ ФАЛСАФА 09 00 00 ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

09 00 11 Социальная философия.....	96
<i>Солиҷонов Р., Ўрунова Ҳ.У. Чанбаҳои фалсафии шуури миллӣ ва ҳувияти миллӣ дар ҷомеаи муосири Тоҷикистон.....</i>	96
<i>Дехканова Г.Н. Научное познание и системный подход</i>	105

10 00 00 ИЛМҲОИ ФИЛОЛОГИЯ 10 00 00 ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

10 01 03 Литература народов стран зарубежья	115
<i>Ҳамробоев Н.А. Муруре ба куҳантарин тарҷумаи форсии “Рабеъ-ул-аброр”-и Замахишарӣ</i>	115
<i>Абдурашидова У.Р. Заминаҳои ташаккули фаъолияти эҷодии Гулрухсор Сафиева.....</i>	127
10.01.08 Теория литературы. текстология	136
<i>Охониёзов А.Д. Таъсири тарзи эҷодии Ҳофиз ба мазмун ва шакли ашъори Саидҷаъфар.....</i>	136
10 02 22 Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, Аборигенов Америки и Австралии.....	144
<i>Исмоилов О.Б. Роҷеъ ба таълифи китобҳои таърихи забони форсӣ-тоҷикӣ дар Эрон.....</i>	144

ТАҚРИЗ ВА КИТОБИЁТ ОБЗОР И РЕЦЕНЗИИ

<i>Зиёев Х.М. Аввалин лугатномаи шоҳиддор</i>	153
---	-----

CONTENTS

07 00 00 HISTORICAL SCIENCES and ARCHEOLOGY

07 00 02 Home History	5
<i>Razakov R.Ch. Some Issues Concerned with Socialism Nature in Russia</i>	5
<i>Bokoyev K.S. On the Issue of Central Tyan-Shan Kyrgyzes Joining to Russia</i>	12
<i>Sharipov M.M., Toatov H.S. From the History of Gurids` State Conformation in Khorasan (1152 - 1206)</i>	19
07 00 07 Ethnography, Ethnology and Anthropology	27
<i>Ayubov A.R. Peculiarities of Evolution of Sughdian-Turkic Interrelation in Early Middle Ages</i>	27
<i>Kholov M.Sh. Tajik Linear Measures of Length Referring to the End of the XVIII-th - the Beginning of the XX-th Centuries</i>	36
<i>Bobojanova N.I. Some Aspects Beset with the Development of Modern Clothes of Tajiks (traditions and innovations)</i>	51
<i>Makhkamov S.S. Interpretation of the Toponym «Istaravshan» in Mediaeval Sources and Home Scientists` Works</i>	61
07 00 09 Historiography, Historic Sources, Methods of Historical Research	72
<i>Djurazade Dj.Kh. Historic Sources as a Mirror of Ancestors` Life</i>	72
<i>Akramova S.Kh. Some Aspects of the History of «Shashmakom» first Musical Sheet in Researchers` Works</i>	88

09 00 00 PHILOSOPHICAL SCIENCES

09 00 11 Social Philosophy	96
<i>Solijonov R., Urunova H.U. Philosophical Aspects of National Consciousness in Contemporary Society of Tajikistan</i>	96
<i>Dekhkanova G.N. Scientific Cognition and Systemic Approach</i>	105

10 00 00 PHILOLOGICAL SCIENCES

10 01 03 Literature of Foreign Countries Peoples	115
<i>Hamroboev N.A. About the Ancientest Persian Translation of the Book «Rabi Al-Abror» by Zamakhshari</i>	115
<i>Abdurashidova U.R. Grounds of the Development of Creative Activities of Gulrukhsor Safiyeva</i>	127
10 01 08 Theory of Literature. Textology	136
<i>Okhoniyozov A.D. The Influence of Hofiz`s Creative Style on the Structure and Content of Said Djafar`s Poetry</i>	136
10 02 22 languages of Foreign Countries Peoples of Europe, Asia, Africa, Natives of America and Australia	144
<i>Ismoilov O.B. On the Issue of Edition of the Works on the History of Persian-Tajik Language in Iran</i>	144

SURVEYS AND REVIEWS

<i>Ziyayev Kh.M. The first Preserved Interpretation Dictionary with Examples</i>	153
--	-----

БАРОИ ИТТИЛОЪ:

Маҷаллаи «Ахбори ДДХБСТ» нашрияи илмӣ-назариявии Донишгоҳи давлатии ҳуқуқ, бизнес ва сиёсати Тоҷикистон буда, аз силсилаи илмҳои ҷомеашиносӣ ва гуманитарӣ иборат мебошад ва тибқи «Қонун дар бораи матбуот ва воситаҳои ахбори умум» ба нашр омода мешавад.

Аҳдофи маҷаллаи илмӣ тақризшавандаи «Ахбори ДДХБСТ. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ»

- инъикоси саривақтии натиҷаҳои фаъолияти тадқиқотии олимони ҶТ, ҳамчунин олимони мамолики хориҷаи наздику дур тибқи соҳаҳои зерини илм: улуми таърихшиносӣ, улуми фалсафа, улуми филология;
- инкишофи ҳамкориҳои байналхалқӣ дар соҳаи таърихшиносӣ, фалсафа ва филология;
- ба муҳаққикон фароҳам сохтани имкони наشري натиҷаҳои ҷустуҷӯҳои илмӣ;
- инъикоси масоили мубрам ва самтҳои ояндадори улуми таърихшиносӣ, фалсафа ва филология;
- ҷустуҷӯи донишҳои нав барои рушди иҷтимоию иқтисодии ҶТ умуман ва минтақаҳои он;
- тарғиби дастовардҳои фаъолияти илмӣ тадқиқотии олимони ДДХБСТ, ҳамчунин олимони донишгоҳҳои дигар ва муассисаҳои маорифу илми ҶТ.

Шартҳои наشري мақола дар маҷаллаи «Ахбори ДДХБСТ. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ»

- ҳайъати таҳрири маҷалла мақолаҳои илмӣ (ҳаҷми миёна 15 саҳфа), тақризҳо, обзорҳои илмӣ (то 25 саҳфа) қаблан дар нашрияҳои ҷопию электронӣ нашрнашударо барои баррасию нашр қабул мекунад, ки ғояҳои илмӣ, натиҷаҳои дастовардҳои тадқиқоти бунёдии назарӣ амалиро оид ба соҳаҳои дониш дар улуми таърихшиносӣ, фалсафа ва филология дарбар гиранд;
- қарор дар бораи нашр ё радди нашр дар асоси муҳимият, навоарӣ ва аҳамияти илмӣ маводи пешниҳодгардида қабул карда мешавад;
- муаллифон (ҳаммуаллифон) масъулияти саҳеҳии иттилооти илмӣ пешниҳодгардида ва ҳамаи додаҳои, ки мақола, обзорҳо ва тақризҳо дар бар мегиранд, ба зимма доранд;
- ҳамаи маводи ба идораи маҷалла омада ҳатман дар сомонаи antiplagiat.ru мавриди тафтиш қарор мегиранд, сипас ҳайати таҳрир муаллифон (ҳаммуаллифон)-ро дар бораи натиҷаи арзёбии дастнавис ва ба тақризи минбаъда қабул шудани мавод ё радди пешниҳоди он ба тақриз огоҳ мекунад;
- мақола, обзор ва тақризҳои ба идора омада дар сурати ҷавоби мусбат баъди тафтиш дар сомонаи antiplagiat.ru ба мақсади арзёбии онҳо аз ҷониби мутахассисони пешбари соҳаҳои дахлдори илм ба тақризи дохилӣ ирсол мегарданд;
- мақолаҳои ба тақризи дохилӣ пешкашшуда бояд пурра тибқи талаботе, ки дар сомонаи маҷалла: www.vestnik.tj зикр гардидаанд, таҳия карда шаванд;
- агар дар тақриз оид ба ислоҳу тақмили мақола тавсияҳо пешниҳод шуда бошанд, ба муаллиф эроду мулоҳизаҳои муқарриз (бе сабти ному насаби ӯ) барои тақмили ислоҳи мавод ирсол мешавад;
- муаллиф маводи тақмилидодаро ба идораи маҷалла мефиристад ва идора онро яқоя бо ҷавоби муаллиф тибқи ҳар моддаи эродҳо ба тақризи тақрорӣ мефиристад.
- ҳайати таҳрир ба таҳрири мақола бидуни тағйир додани мӯҳтавои илмӣ он ҳақ дорад. Ҳамаҳои имлоию услубиро мусаҳҳеҳ бидуни мувофиқа бо муаллиф (ҳаммуаллифон) ислоҳ мекунад. Дар мавридҳои зарурӣ ислоҳҳо бо муаллиф (ҳаммуаллифон) мувофиқа карда мешавад;
- варианти барои тақмил ба муаллиф (ҳаммуаллифон) фиристора бояд дар мӯҳлати муқарраргардида, баъди ворид сохтани ислоҳу тағйирот дар намудҳои электронӣ ва ҷопӣ ба идора баргардонда шавад;
- мақолаҳое, ки ба ҷоп қабул нашудаанд, ба муаллиф (ҳаммуаллифон) баргардонда намешаванд. Дар мавриди радди ҷопи мавод идораи маҷалла ба муаллиф (ҳаммуаллифон) раддияи мудаллал ирсол мекунад;
- тибқи дархости шӯроҳои коршиносии КОА ВМИФР идораи маҷалла ба онҳо тақризхоро пешниҳод мекунад.

Талабот ба таҳияи мақолаҳо (обзорҳо, тақризҳо), ки ба маҷаллаи илмӣ назариявии «Ахбори Донишгоҳи давлатии ҳуқуқ, бизнес ва сиёсати Тоҷикистон. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ» барои чоп ирсол мегарданд

1. Барои чойгир кардан дар маҷалла мақола, тақриз ва обзорҳои илмӣ тибқи ихтисосҳои илмӣ **07 00 00 – илмҳои таърих ва археология; 09 00 00 илмҳои фалсафа; 10 00 00 илмҳои филология**, ки қаблан дар ҳеч чой чоп нашудаанд, қабул мегарданд.

2. Муаллифон ба идораи маҷалла ҳатман бояд ҳуҷҷатҳои зеринро пешниҳод кунанд:

- матни мақола ба забонҳои русӣ ва англисӣ (ҳатталимкон бо тарҷумаи русӣ) ё забони тоҷикӣ, ки дар гунаи чопии он муаллиф (ҳаммуаллифон) имзо гузоштаанд;

- тақризи доктор ё номзади илм, ки ба он шӯъбаи кадрҳои чои кори муқарриз мӯҳр гузоштааст;

- маълумотнома аз чои таҳсил (барои аспирантҳою магистрантҳо)

- гунаи чопии ҳуҷҷатҳо ба идора ба суроғаи зерин ирсол мешавад: 735700, ҚТ, вилояти Суғд, ш. Хучанд, микроноҳияи 17, бинои 1, ДДХБСТ, бинои асосӣ, утоқи 307

Гунаи электронии мақола ба почтаи электронии info@vestnik.tj; vestnik-tsulbp@mail.ru ирсол мешавад. Телефон барои маълумот: 8 (3422) 2-05-63; суроғаи сомона www.vestnik.tj

Тибқи талаботи ҚОА ВМИ ФР мақола бояд унсурҳои зеринро дарбар гирад:

- индекси УДК (дар аввали мақола дар шакли сатри алоҳида, дар тарафи чап гузошта мешавад);

- индекси ББК (дар аввали мақола дар шакли сатри алоҳида, дар тарафи чап гузошта мешавад);

- ному насаби пурраи муаллиф (ҳаммуаллифон) ба забонҳои русию англисӣ ё тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ;

- унвони илмӣ, дараҷаи илмӣ муаллиф (ҳаммуаллифон), ном ва рамзи ихтисоси илмӣ (тибқи номгӯӣ), ки тадқиқот тибқи он сурат мегирад, ба забонҳои русию англисӣ ё тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ;

- аспирантон унвонҷӯён, муаллифон, докторантҳо номи кафедра ва муассисаи илмиро (магистрантҳо – самти тайёриро) ба забонҳои русию англисӣ ё тоҷикию русию англисӣ зикр мекунанд;

- зикри мансаб, чои кор, шахру мамлакат ба забонҳои русию англисӣ ё тоҷикию русию англисӣ;

- e-mail;

- номи мақола ба забонҳои русию англисӣ, ё тоҷикию русию англисӣ (бо ҳарфҳои калон, ҳуруфи Times New Roman 14 ё Times New Roman TJ 14, тароз дар марказ);

- чакида ба забонҳои русию англисӣ (ҳуруфи Times New Roman), аз 100 то 250 вожа бо сабти мақсаду вазифаи таҳқиқ, баёни мухтасари кор ва хулосаҳои асосие, ки навовариҳои илмӣ корро дар бар мегирад;

- вожаҳои калидӣ ба забонҳои русию англисӣ оварда мешаванд (5-7 калима ё ибора, ки ду ё се вожаро дарбар мегирад; ҳуруфи Times New Roman 14, тарҳаш – курсив, тароз дар бар, вожаҳои ё ибораҳои калидӣ бо вергул аз ҳам ҷудо карда мешаванд);

- ба мақола ҳатман номгӯи маохизи мавриди истифода бо зикри танҳо сарчашмаҳои иқтибосгардида замима мешавад; Рӯйхати адабиёт дар охири мақола бо назардошти саҳифаи умумии сарчашмаи истифодашуда навишта мешавад. Ҳангоми навиштани рӯйхати мазкур тартиби ҳуруфи алифбо ва талаботи ГОСТ бояд риоя шавад;

- иқтибосҳо дар қавсӣ бо қайди рақами адабиёт аз рӯи рӯйхати сарчашмаҳо ва саҳифаи он бояд ишора шаванд;

- матни мақолаи пешниҳодшаванда нусхаи ниҳой маҳсуб шуда, бояд пурра аз назари таҳрир гузаронида шавад ва аз ғалат тоза бошад.

Мақолаҳое, ки ба идораи маҷалла бо нақзи талаботи мазкур ирсол мегарданд, мавриди баррасӣ қарор намегиранд.

Масъулияти салоҳият, боэътимодии аснод ва мӯҳтавои мақолот бар дӯши муаллифон ва муқарризон мебошад.

Идораи маҷалла

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

«Вестник ТГУПБП» - научно-теоретический журнал Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики, публикующий материалы серии общественных и гуманитарных наук, издаётся согласно закону Республики Таджикистан «О печати и средствах массовой информации».

Целями научного рецензированного журнала «Вестник ТГУПБП. Серия гуманитарных наук» являются:

- оперативное освещение результатов исследовательской деятельности учёных Республики Таджикистан, а также учёных стран ближнего и дальнего зарубежья по следующим отраслям науки: филологические науки, исторические науки и археология, философские науки;
- развитие международного сотрудничества в сфере языкознания, литературоведения, истории и археологии, философии;
- предоставление возможности исследователям публиковать результаты научных изысканий;
- освещение актуальных проблем и перспективных направлений филологических, исторических и философских наук;
- поиск новых знаний для духовного и социального развития населения Республики Таджикистан в целом и её регионов;
- пропаганда достижений научно-исследовательской деятельности учёных Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики, а также исследователей других вузов и учреждений образования и науки Республики Таджикистан.

Условия публикации статей в журнале «Вестник ТГУПБП. Серия гуманитарных наук»:

- редакционная коллегия журнала принимает для рассмотрения и публикации ранее не опубликованные в печатных и электронных изданиях научные статьи (средний объем 13-15 стр), рецензии, научные обзоры (до 25 стр), отзывы, содержащие научные идеи, результаты и достижения фундаментальных теоретических и прикладных исследований по следующим отраслям знания: филологические науки, исторические науки и археология, философские науки;
- решение о публикации или об отказе в публикации принимается на основе актуальности, новизны и научной значимости представленных материалов;
- авторы (соавторы) несут всю полноту ответственности за достоверность представляемой научной информации и всех данных, содержащихся в статьях, отзывах, обзорах и рецензиях;
- все представленные в редакцию журнала материалы в обязательном порядке проходят проверку на сайте antiplagiat.ru, после чего редколлегия извещает авторов (соавторов) о результатах оценки рукописи и сообщает о приёме материала к дальнейшему рецензированию или об отказе от рецензирования;
- поступившие в редакцию статьи, отзывы, обзоры и рецензии в случае положительного ответа после проверки на сайте antiplagiat.ru направляются на внутреннее рецензирование с целью их экспертной оценки ведущими специалистами в соответствующей отрасли науки;
- статьи, допущенные к внутреннему рецензированию, должны быть оформлены в полном соответствии с требованиями, предъявляемыми к публикациям, которые размещены на сайте журнала: www.vestnik.tj;
- если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению или доработке статьи, автору направляются замечания и предложения рецензента (без указания сведений о нём) для доработки и исправления материала;
- доработанный материал представляется автором в редакцию журнала и направляется на повторное рецензирование вместе с ответом автора по каждому пункту замечаний;
- Редколлегия имеет право на редактирование статей без изменения её научного содержания. Орфографические и стилистические ошибки исправляются корректором без согласования с автором (авторами). При необходимости правка согласуется с автором (авторами);
- вариант статьи, направленный автору (авторам) на доработку, должен быть возвращён в редакцию в оговоренный срок с внесёнными исправлениями и изменениями в электронном и распечатанном виде;
- статьи, не принятые к опубликованию, автору (авторам) не возвращаются. В случае отказа от публикации материала редакция направляет автору (авторам) мотивированный отказ;
- редакция предоставляет рецензии по запросу экспертным советам ВАК МОН РФ.

Требования к оформлению статей (обзоров, отзывов, рецензий), присылаемых для публикации в научно-теоретический журнал «Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук»

1. Для размещения в журнале принимаются ранее нигде не опубликованные научные статьи, обзоры, рецензии, отзывы, соответствующие научным специальностям: **07 00 00 – Исторические науки и археология; 09 00 00 – Философские науки; 10 00 00 – Филологические науки.**

2. Авторы в обязательном порядке предоставляют в редакцию следующие документы:

- текст статьи на русском или английском (по возможности с переводом на русский язык), или таджикском языке с обязательной подписью автора (авторов) на печатном варианте статьи;
- рецензию доктора или кандидата наук, заверенную в отделе кадров по месту его работы;
- справку с места учёбы (для аспирантов и магистрантов).

Печатные варианты документов направляются в редакцию по адресу: 735700, Республика Таджикистан, Согдийская обл., г. Худжанд, 17 мкр-н, д.1, ТГУПБП, главный корпус, каб. 307. Электронные версии – по адресу электронной почты: info@vestnik.tj; vestnik-tsulbp@mail.ru. Телефон для справок: 8 (3422) 2-05-63; адрес сайта: www.vestnik.tj

В соответствии с требованиями ВАК МОН РФ, статья должна содержать:

- индекс УДК (размещается в начале статьи отдельной строкой слева);
- индекс ББК (размещается в начале статьи отдельной строкой слева);
- фамилию, имя, отчество автора (авторов) полностью на русском и английском или таджикском, русском и английском языках;
- учёную степень, учёное звание автора (авторов), наименование и шифр научной специальности (согласно номенклатуре), по которой ведётся исследование, на русском и английском или таджикском, русском и английском языках;
- аспиранты, соискатели, преподаватели, докторанты указывают кафедру и учебное заведение (магистранты – направление подготовки) на русском и английском или на таджикском, русском и английском языках;
- указание на должность, место работы, город, страну на русском и английском или на таджикском, русском и английском языках;
- e-mail;
- название статьи на русском и английском или на таджикском, русском и английском языках (заглавными буквами, шрифт Times New Roman 14 или Times New Roman tj 14, выравнивание по центру);
- аннотация на русском и английском языках (шрифт TNR 14, начертание – курсив, выравнивание по ширине, от 100 до 250 слов с указанием цели и задач исследования, краткого хода работы и основных выводов, содержащих научную новизну);
- ключевые слова на русском и английском языках (5-7 слов или словосочетаний из двух или трёх слов, через запятую, шрифт TNR 14, начертание – курсив, выравнивание по ширине);
- статья в обязательном порядке должна содержать список использованной литературы с указанием только цитируемых работ. Список литературы приводится в конце статьи с общим объемом страниц источника. Список использованной литературы оформляется в алфавитном порядке в соответствии с ГОСТ.

- ссылки даются в скобках, в которых указывается номер использованного источника согласно списку использованной литературы, а затем цитируемая страница.

Статьи принимаются в течение года. Редакция оставляет за собой право отбора материала, а также право сокращения публикуемой статьи.

Текст присылаемой рукописи является окончательным и должен быть тщательно выверен и исправлен. Статьи, направляемые в редакцию с нарушением вышеперечисленных требований, к рассмотрению не принимаются.

За компетентность и содержание публикуемых материалов несут полную ответственность авторы и рецензенты.

Редакция журнала

TO THE NOTICE OF THE AUTHORS

“**Bulletin of TSULBP**” is a scientifico-theoretical journal of the Tajik State University of Law, Business and Politics which publishes the materials referring to the series of the humanities is it edited in pursuance with the law of Tajikistan Republic “On Press and Mass-Media”.

The Objective of the Scientific Reviewed Journal « Bulletin of TSULBP, Series of Humanitarians Sciences» are:

- operative elucidation of the results related to the research activities of the scholars living both in Tajikistan Republic and in the countries of far and near abroad on the following branches of sciences: philological sciences, historical sciences and archeology, philosophical sciences;
- development of international collaboration in the spheres of linguistics, literary criticism and archeology, philosophy;
- providing researchers with availabilities of publishing the results of scientific explorations;
- elucidation of actual problems and prospective trends in philological, historical and philosophical sciences;
- quest of new knowledge for spiritual and social development of the population of Tajikistan Republic upon the whole and its separate areas in particular;
- propaganda of the achievements of scientific-research activities obtained by the scholars of the Tajik State University of Law, Business and Politics and also by those ones working in other higher schools and institutes of education and science of Tajikistan Republic.

Terms and Conditions of Publication of Articles in the Journal “Bulletin of TSULBP, Series of Humanitarians Sciences”

- the journal editorial board accepts for consideration and publication scientific articles, reviews, scientific surveys, comments reflecting scientific opinions, results and achievements of fundamental theoretical and applied researches on the following branches of knowledge: linguistics, literary criticism and archeology, philosophy:
- solution on publication or on refuse in it is adopted according to the character of the materials submitted: their actualness, novelty and scientific significance;
- an author (authors) bears (bear) all the completeness of responsibility for authenticity of the presented scientific information and all the data contained in articles, commentaries, surveys and reviews;
- all the materials submitted to the editorial board are subjected to compulsory monitoring on **antiplagiat.ru** site after what the editorial board notifies authors (co-authors) about the results of a manuscript assessment and informs about an acceptance of materials for further review or about refuse in it;
- articles, commentaries, surveys and reviews in case of a positive answer after the monitoring in question are referred to internal review with the aim of their expertise assessment by leading specialists in a respective branch of knowledge;
- articles admitted to internal review should be framed in full correspondence with the requirements for the publications allocated on the journal site: www.vestnik.tj;
- If a review contains recommendation on corrections or improvement remarks and suggestions of a reviewer (without information about him\ her) it is sent to the author (authors);
- an improved material is submitted to the editorial board and referred to the second review together with the author`s answer on every item of remarks;
- the editorial board has a right for recension of articles without changing its scientific contents. Spelling and stylistic mistakes are corrected by a proof-reader without coordination with an author (authors);
- a variant of the article sent to author (authors) for improvement should be returned to the editorial board in a stipulated term with amendments and alterations in the terms of a hard copy and e.mail.ru;
- articles non-accepted for publication are not returned to the author (authors). In case of refusal in publication the the editorial board sends a motivated rejection to the author (authors);
- the editorial board gives reviews to RF ESM HAC (Higher Attestation Commission under Education and Science Ministry of Russian Rederation) expert councils if requested.

Requirement for Framing Articed (Surveys, Commentaries, Reviews) Sent for Publication into the Scientific-Theoretical Journal (Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics, series of Humanitarians Sciences

1. For allocation the journal accepts scientific articles (surveys, commentaries, reviews) on respective scientific specialities never published anywhere before: **07 00 00 – Historical sciences and archeology; 09 00 00 – Philosophical sciences; 10 00 00 – philological sciences.**

The following papers ought to be submitted by authors to the editorial board compulsorily:

- the text of the article (in Russian and English, with Russian translation) or in Tajik with an obligatory author s (authors`) signature (-s) on a hard copy of the article;
- a review of Dr. or Candidate of sciences certified in a staff registration office under the establishment of a reviewer`s place of work;
- certificate from the place of studies (for post-graduates and master`s degree students).

Hard copies of documents are sent to the editorial board according to the address: 785700, Tajikistan Republic, Sughd viloyat, Khujand, microdistrict 17, building 1, TSULBP, main building, office 367. Electronic versions – e-mail address: info@vestnik.tj; vestnik-tsulbp@mail.ru. Telephone for reference, 8 (3422) 2-05-63 , site address, www.vestnik.tj.

In accordance with RF ECM HAC requirements the article should contain:

- UDC index (to be located at the beginning of the article by a separate line from the left);
- LBC index (to be located ibidem);
- author`s last name, first name, patronymic, nomination and code of scientific speciality (according to the range) the research is conducted - in Russian, English or Tajik, Russian and English;
- post-graduates, claimants for Candidate and Doctoral`s degrees, teachers specify a department and an educational establishment (master`s degree students specify speciality of learning) in English or Tajik, Russian and English;
- position, place of work, city, country should be presented in Russian and English, or in Tajik, Russian and English;
- E-mail.ru;
- the title of the article in Russian and English or in Tajik, Russian and English (in capital letters, **print Times New Roman 14** or **Times New Roman Tj 14**, center alignment);
- abstract in Russian and English (**print TNR 14**), italics alignment, width alignment in the range of 100-250 words with indication of goals and objectives of research, brief course of work and major conclusions containing scientific novelty;
- key words in Russian and English (5-7 words or word-combinations of two or three words, through a comma, **print TNR 14**, italics alignment, width alignment);
- the article should compulsorily contain a list of reference literature with indication of cited works only.
- The list of literature is adduced at the end of the article with a general amount of pages of the original source. The bibliographical list of the literature used is framed in alphabetical order in concordance with **GOST** (State Standart).
- references are given in brackets where you should indicate the number of the used original source according to the literature list followed by a cited page.

Articles are accepted throughout a year. The editorial board is entitled to the right of selection in reference to materials and of reduction in regard to the article bound to being published.

The text of the manuscript sent is to be a final one, it must have been verified and corrected thoroughly. Articles sent to the editorial board with violation of the above-mentioned requirements are not accepted for consideration.

Full responsibility for competence and contents of the materials published rests on authors and reviewers.

Editorial-board of the journal

ЗИ-02.1.099ТJ

ИНДЕКС: 77746

Ахбори ДДХБСТ.
Силсилаи илмҳои гуманитарӣ
2017, №1 (70) 164 с.
Мухаррирон: Шамурадова
О.Б. (мухаррири русӣ),
Балтина С.П.
(мухаррири англисӣ)
Мухаррири техникӣ:
Ҳакимхоҷаева М.К.

Вестник ТГУПБП.
Серия гуманитарных наук
2017, №1 (70) 164 с.
Редакторы: Шамурадова О.Б.
(редактор материалов на
русском языке)
Балтина С.П.
(редактор-переводчик)
Технический редактор:
Хакимходжаева М.К.

Bulletin of TSULBP.
Series of Humanitarian Sciences
2017, №1 (70) 164 с.
Editors:
Shamuradova O.B.
(Russian texts)
Baltina S.P.
(English texts)
Technical editor:
Khakimkhojayeva M.K.

Суроғаи маҷалла: 735700, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Хучанд, микроноҳияи 17, бинои 1, ДДХБСТ.
Тел. сармуҳаррир: 8(3422)2-38-11, тел. идора: 8(3422) 2-05-63;
e-mail: info@vestnik.tj; vestnik-tsulbp@mail.ru

Гунаи электронии маҷалла дар сомонаи www.vestnik.tj ҷойгир аст.

Адрес редакции: 735700, Республика Таджикистан, г. Худжанд, 17 мкр, дом 1, ТГУПБП.
Тел. гл.редактора: 8(3422)2-38-11, тел. редакции: 8(3422) 2-05-63;
e-mail: info@vestnik.tj; vestnik-tsulbp@mail.ru

Электронная версия журнала размещена на сайте www.vestnik.tj

Address of the editorial-board: 735700, Tajikistan Republic, Khujand, microdistrict 17, building 1, TSULBP.
Editor-in-chief's telephone: 8 (3422) 2-38-11, editorial board's telephone: 8 (3422) 2-05-63
e-mail: info@vestnik.tj; vestnik-tsulbp@mail.ru

Full textual version of the journal is placed on site www.vestnik.tj

Ба чопаш 20.03.17 имзо шуд. Андоза 84x108/16. Коғази офсет. Чопи офсет. 15 ҷшч.
Тъёдои нашр 420 адад. Супориши № 152. Нарҳаш шартномавӣ.

Нашриёти «Дабир»-и ДДХБСТ, 735700, ш. Хучанд, микроноҳияи 17, бинои 1

Парки технологияи ДДХБСТ

Подписано в печать 20.03.17. Формат 84x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. 15 улл.
Тираж 420 шт. Заказ № 152 Цена договорная.

Издательство «Дабир» ТГУПБП, 735700, г. Худжанд, 17 мкр, дом 1

Технологический парк ТГУПБП

Signed for printing 20.03.17. Format 84x108/16. Paper offset, offset print. Circulation 420 copies.
Order #152. Price on contractual agreement

The publishing house "Dabir" under TSULBP, 735700, Khujand, mico-district 17, building 1

The technological park under TSULBP

Напечатано согласно предоставленному редакции оригиналу-макету